

Чалдоны – покорители Сибири и защитники России!
 Автобиографическая повесть
 300 лет с Кузбассом!

« Определи свое изначальное,
 И ты поймешь, что ты есть
 И кто ты есть»
 1922 г. Анна Ахматова

Давно у меня было желание написать эту книгу, потому что память человеческая несовершенна, со временем многое теряется и забывается. К сожалению, я это понял, когда стал совершенно взрослым человеком, когда в моей памяти остались совсем скудные сведения о жизни предков, и чтобы сохранить эти совсем небольшие знания я и пишу эту книгу.

Я думаю, вам будет интересна их прежняя простая жизнь, прежде всего своей бытовой стороной.

Каждому человеку судьба дана от рождения, говорят, что у людей она написана на лбу, что Господь даст, то и будет, чему быть, того не миновать! Трудная судьба была у наших предков. Счастливую судьбу, которую им дал бог, сломали страшные репрессии, имевшие место в нашей стране в тридцатые годы двадцатого столетия. Они, хотя не все, выжили, наперекор тем, кто организовал эти репрессии, и были красивы в своей жизни. Они познали холод, голод, злобу людскую и доброту, смерть и разлуку. Эта тяжелая жизнь, в том числе и суровый климат Сибири, были их школой, а вера в Господа Иисуса Христа, который в заповедях своих дал человечеству эталон жизни: не убий, не укради, несмотря ни на какие жизненные трудности, не дала им озлобиться, а наоборот, закалила и воспитала, научила быть стойкими и справедливыми, честными и порядочными, добрыми и отзывчивыми.

Чалдоны, то есть старожильческое население Сибири, в основной массе коренные сибиряки, в том числе и наши предки, были безграмотными или малограмотными; школ в таежных деревнях не было. Воспитателями и наставниками вместе с родителями были труд и суровые условия жизни, а главное, пример поведения предков – родителей и дедов в трудных и опасных жизненных условиях и в обычной жизни. О философах и их учениях они не только ничего не знали, но даже и не слышали, но, несмотря на это, жили согласно их учениям:

«Работа, это лучший способ наслаждения жизнью»

Эммануил Кант.

«Труд избавляет от трех бед: нищеты, скуки и одиночества»

Вольтер.

Согласно учениям этих великих мыслителей наши предки всю жизнь не скучали и наслаждались жизнью. Всю жизнь они не просто работали, а вкалывали – были жадными до работы. Сначала, чтобы выжить, затем, чтобы жить, а потом, чтобы жить хорошо. Для этого надо было трудиться. Жизнь заставляла наших предков не просто трудиться, а вкалывать, рвать жилы, не жалея здоровья. Поэтому главной заповедью наших предков был труд. Трудись – и все в жизни будет, при этом не переступай совесть. Вера в господа бога заставляла быть честными – совестливыми. Для наших предков и для нас и наших детей совесть, честь и Бог тождественны, и пока люди верят в Господа Бога Иисуса Христа, у людей будет совесть, и люди будут жить честно.

Время – лучший судья прошедшей жизни людей, оно все расставило на свои места, незаконно репрессированные – раскулаченные и осужденные – официально реабилитированы, правда, после смерти, что очень печально. Но она, то есть прожитая и прошедшая жизнь предков, показала, что такие честные и трудолюбивые люди, как наши предки, являются главной опорой и драгоценностью любимой нашей Родины – России. Мы же стараемся быть похожими на них. Самоотверженно любим Родину. Живем честно и справедливо. Работаем от души, а не отбываем рабочее время, отдыхаем также от души – кто хорошо работает, тот и хорошо отдыхает.

Многие сетуют, что жизнь пробежала быстро, что года быстро пролетели, а дни вообще промелькнули: только что были детьми, молодыми юношами и девушками, не успели насладиться жизнью, а уже старость в окно стучится. Я, в отличие от этих многих, на жизнь не сетую, поскольку все в нашей жизни происходит по воле божьей, стартовые условия Господь дает всем одинаковые, а как жизнь получится, зависит не только от бога, но и от самого человека, от его трудолюбия, старания, терпения, то есть того, что также дал нам Господь. Бери, что Господь дает, бери и не теряй, действуй, но некоторые не берут в силу своей гордыни, нежелания и лени, а те, у кого в руках талант, не ценят его, раскидывают и, в конце концов, теряют.

Мне в жизни повезло: особых талантов за собой я не замечал, но от предков мне достались трудолюбие, терпение и старание, а служба в пограничных войсках КГБ СССР, а затем работа помощником машиниста электровоза, электропоезда и машинистом электровоза в локомотивном

депо Министерства путей сообщения СССР закалили меня, выработали организованность и дисциплину, что помогло во всей моей дальнейшей жизни. Поэтому, несмотря на порой встречающиеся в жизни неприятности и неудачи, я себя считаю счастливым человеком, у которого все с помощью божьей в этой жизни сложилось успешно, хорошо и даже красиво.

Семья по-русски это семь я, то есть с одной стороны: я, отец, дед и прадед, а с другой стороны: сын (дочь), внуки, правнуки, К большому сожалению, имею лишь куцые знания о своем деде и прадеде и других предках. В отличие от большинства окружающих меня друзей и знакомых, своих родных дедов, давших мне жизнь через мать и отца, я знаю только по рассказам своих родителей и других родственников, потому что я никогда их не видел. Отец отца (мой дед Мухарев Гаврила Михайлович) и отец матери (мой дед Федоров Иван Федорович) погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Мухарев Гаврила Михайлович пропал без вести в 1942 году под Ленинградом (архивная справка). Федоров Иван Федорович в 1941 году был призван в трудовую армию из-за преклонного возраста, в 1942 году был направлен в Сталинград, где шли ожесточенные бои, заболел тифом и умер в госпитале. Поэтому о дедах я знаю только понаслышке, оба были хорошие, порядочные, честные, трудолюбивые люди, а дед Гаврила – еще и очень смелый и авторитетный человек среди окружающих его людей, где бы он ни находился.

Целью этой книги является передача потомкам тех небольших, практически утерянных знаний о наших предках, род которых мы продолжаем.

Со слов отца я знаю, что мы по отцовской линии чалдоны, то есть коренные сибиряки – старожильское население Сибири, потомки тех смелых и отчаянных и трудолюбивых людей, которые вместе с Ермаком или вслед за ним прибыли, некоторые добровольно, а абсолютное большинство – по принуждению, были высланы из центра России и южных окраин России на службу в Сибирь.

«В 1604 году в центре обширной Сибирской страны на правой стороне реки Томи при впадении в нее речки Ушайки трудом и энергией завоевателей Сибири основалось новое русское поселение, названное сначала Томским острогом, а затем вскоре переименованное в Томский город. Образовался чрезвычайно важный стратегический пункт, под прикрытием которого должно было, по крайней мере, на первых порах совершаться заселение русскими насельниками огромного Томского края.

Прежде всего, этот пункт дал от себя разветвления в виде других военно-укрепленных мест, рассеянных по рекам Томи и Оби. В 1617 г.

томские служилые люди при содействии своих братьев из Тобольска, Тюмени и Верхотурья построили на Томи же реке при впадении в нее Кондомы Кузнецкий острог, в свою очередь переименованный также в Кузнецкий город» (Первые русские крестьяне – насельники Томского края и разные особенности в условиях их жизни быта. Общий очерк за 17 и 18 столетия проф. Д.Н. Беликова), предназначенный защищать границы России от набегов кочевников, собирать налоги, осваивать и обживать Сибирь-матушку! Историк Миллер, путешествовавший по Сибири в 1734 году, так описывает нынешний город Новокузнецк (Миллер Г.Ф. Описание Кузнецкого уезда Тобольской Провинции в Сибири в нынешнем его состоянии, в сентябре 1734 г.): «...сбор с этих татарских народов ясака был вначале единственным намерением русской стороны в этих местах. По этой причине ...нынешний город Кузнецк был вначале построен лишь как маленький острог, в котором посланные ясачные сборщики могли быть в безопасности от любого нападения. Позже, однако, когда увидели, как удобен этот край и для поселения русских жителей, то были основаны также со временем деревни и села, и маленький острог превратился в довольно большой город....

Строительство города или, скорее, первого острога Кузнецка произошло в 1617 г. от Рождества Христова, или в 7125 г. по старому русскому летосчислению от сотворения мира, в царствование светлейшего царя Михаила Федоровича, заслуги которого в расширении и освоении Сибирского царства также небызывестны....

Как острог вышеуказанным образом вначале был основан лишь из-за сбора ясака с татар, так он продолжительное время не имел иных жителей, кроме приказчиков и казаков. Также сомнительно, чтобы позже сюда самостоятельно переселялись колонии торговцев, поскольку и сейчас здесь почти не заметны следы коммерции. А последующее заселение следует приписать, главным образом, многим высланным сюда в немилости людям...

Момент, когда острог по высочайшему указу царского величества был возвышен и провозглашен городом, падает на 1689 г. от Рождества Христова. Острог, однако, от этого не исчез, (л. 12), а и сейчас еще находится в центре города. К тому же вне его для большей защиты от вражеских нападений кыргызов и калмыков в 1717 г. на самом верху берега Томи, севернее острога, была заложена еще одна цитадель, связанная с городом посредством деревянной стены со стороны, противоположной реке...

Из числа служилых, получающих жалованье, и здешней (л. 13 об.) ландмилиции в штате Кузнецка приводятся: 5 дворян, 25 детей боярских, 300 конных и 200 пеших казаков, (написано на полях: среди которых 1 калмыцкий и 1 татарский толмач). К чему еще добавляются 20 абинских татар, которые также получают жалованье и служат подобно казакам. Нынешней осенью 1734 г. указанная ландмилиция по распоряжению губернской канцелярии была усилена для более безопасной охраны границ ротой регулярной пешей милиции Якутского гарнизонного полка»

Семейная повесть

Чалдоны!

Наши предки - служилые люди!

Итак, мы, предки наши, я, дети и внуки мои – чалдоны-старожилы, то есть коренные сибиряки, потомки тех, кто прибыл на службу в 17 веке в Кузнецкий острог и в Кузнецкий уезд. «Старожилы, не помня европейского прошлого своих предков, считают себя «исконно живущими на этой земле и называют себя «чалдонами». Они православного вероисповедания в отличие от старожилов-старообрядцев, известных как «кержаки». (И.Ю. Усков. Формирование крестьянского населения среднего Притомья в 17 – первой половине 18 в. Кемерово, 2005 г., стр. 50.) – далее И. Усков.

Первое упоминание о нашем роде на земле Кузнецкой я обнаружил в ревизских сказках, а также в книге историографа Ускова, который изучил историю заселения земли Кузнецкой. Согласно ревизским сказкам, то есть ревизским переписям, перепись населения Кузнецкого уезда проводилась в 1719, 1747, 1763, 1782, 1795, 1811, 1834, 1850, 1858 годах. В переписной книге Кузнецкого уезда 1719 года в этом уезде в деревне Тихановой – окрестность Кузнецкого острога проживал отставной казак Семен Мухарев 70 лет – дети: Иван 30 лет, в п. службе, Федор 27 лет, Яков 24 лет, Федор 17 лет, племянник, Степан 18 лет, в откормление Иван 8 лет.

(И.Ю. Усков, «Ревизские сказки волостей Кемеровской области; Кемерово, Азия, 2001год).

«Служилые люди играли ведущую роль в колонизации Сибири. За службу служилые люди получали государственное довольствие, из которого полагалось три вида жалования – деньги, хлеб, соль. Часть служилых людей переводилась на частичную или полную замену хлебного жалования земельными участками, с которых они несли свою службу» (И. Усков. С. 41). Некоторым служилым людям за службу платили жалованье, а

некоторым давали земельные наделы. Семен тяготел к земле, поэтому выбрал себе жалованье за службу в виде земельного надела.

Последний опустошительный набег кочевников на Кузнецк состоялся в 1700 году. « Многие деревни исчезли... Исследователи объясняют их исчезновение опустошительным набегом в 1700 г. кочевников на Кузнецк »(И. Усков. Формирование крестьянского населения среднего Притомья в 17 – первой половине 18 в. С. 38.) Семен, верно и честно отслужив царю-батюшке и государству Российскому, ушел в отставку и осел на земле. Дети отставного казака Семена Мухорева росли, становились взрослыми, создавали свои семьи, отделяли свои хозяйства и разъезжались на постоянное место в другие деревни Кузнецкого уезда. Приписным крестьянам в пределах Кузнецкого уезда разрешалось свободно перемещаться по Кузнецкому уезду и выбирать любое понравившееся им место жительства. В истории Сибири «приписное крестьянство рассматривается как разновидность государственных крестьян... прикрепление крестьян к земле носило ограниченный характер. Внутри же этого района крестьяне могли перемещаться по собственной инициативе, заводить хозяйство на новом месте». (Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982 г. С. 271).

Согласно переписям 1763 года представители рода нашего уже жили в деревне Коновалово, но я считаю, что в этой деревне Мухаревы жили еще и ранее, поскольку перепись жителей этой деревне проводилась и в 1747 году, но пофамильного списка жителей этой деревне не сохранилось, т. е. до 1747 года. В ревизских сказках за 1763 год Мухаревы жили в деревнях Котино, Верх-Чумышская, Артыштинская, Салаирская Бочатской волости, а в ревизских сказках за 1782 год – в деревне Сарапкина. В ревизских сказках за 1834 год Мухаревы уже указаны как основная фамилия деревни Иганино на реке Верх-Чумыш, родной нашей деревне, где родились наши деды и прадеды. Первая ревизская перепись в деревне Иганино проводилась в году, но пофамильного учета по данной переписи в настоящее время не сохранилось. Деревня была небольшая. Это является фактом, подтверждающим существование деревни Иганино Бочатской волости на 1811 год.

Численность приписных крестьян деревень Среднего Притомья (д.м.п.)¹

№	Населенный пункт	1720	1747	176	178	179	1811	183	185	185	Примечание
				3	2	5	1	4	0	8	

Стр.107

№	Населенный пункт	172	174	176	178	179	1811	183	185	1858	Примечание
---	------------------	-----	-----	-----	-----	-----	------	-----	-----	------	------------

	пункт	0	7	3	2	5		4	0		
	Бачатская во- лость										
286.	Артыштинская			25	56	76		137	149	146	
287.	Афоница		+	45	72	73		115	142	145	1782-1795 гг. в Ильинской в.
288.	С. Бачатское			179	254	276		373	424	428	
289.	Белова			26	35	45		79	102	125	
290.	Ведениктова						+	31	36	28	
291.	Верх- Чумышская	+	+	33	46	69		77	93	93	
292.	Игоцица							53	55	57	
293	Иичиикова			52	57	70		149	176	180	
294	Карагайлииска			62	71	83		78	98	89	
	Ильииска волость										
318	Игоцица		-	10	28	26		43	40	47	

(Усков, стр.,107.)

В селе Игоцица Прокопьевского района живет представитель нашего рода Лидия Николаевна Белова, в девичестве Мухарева, отец которой говорил, что селу Игоцица около 300 лет. С Лидией Николаевной я познакомился во время написания этой книги и восстановил родственные отношения. Она сделала запрос в Томский государственный архив по дате образования деревни Игоцица и получила вот такой ответ: «По Вашему запросу мы просмотрели ряд монографий профессора А.Г. Жеравиной, несколько томов Полного собрания законов Российской империи за 1747, 1759, 1761 годы, работу Беликова Д.Н. «Первые русские крестьяне-населенники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта. – Томск, 1898, Справочник населенных мест Томской губернии за 1858 год». В результате проведенной работы установили, что деревня Игоцица являлась заводской, то есть принадлежала к ведомству Колывано-Воскресенских горных заводов, в свою очередь являвшихся Кабинетской (личной императорской семьи) собственностью. Создавать в районе реки Чумыш населенные пункты для обеспечения заводов рабочей силой было решено в 1747 году. В книге Беликова имеется список населенных мест Колыванской области за 1782 год, где в составе Кузнецкого ведомства проходит деревня Игоцица на Чумыше. Таким образом, можно предположить, что деревня была создана в промежуток 1747–1782 годы».

Со слов отца Лидии Николаевны известно, что наши предки прибыли в Иганино на реке Чумыш из одноименного села Иганино Ильинской волости, ныне близлежащая деревня к Новокузнецку. Об этом ей известно из рассказов ее деда Абрама.

В ревизских сказках переписи населения и населенных пунктов данная деревня уже значилась за 1747 год, но переписи населения за этот год по данной деревне не сохранилось. Со слов старожилов этого населенного пункта известно, что испокон веков в ней жили представители фамилии Мухоревых.

Со слов моего отца мне известно, что он знал до седьмого колена своих дедов, проживавших в деревне Иганино. Он – Иван Гаврилович, его отец – Гаврила Михайлович, его дед – Михаил Ануфриевич, его прадед – Ануфрий Афанасьевич, его прапрадед – Афанасий Петрович (или Кириллович), отец прапрадеда Петр Кириллович или Кирилл Петрович, но перед ними в этом Иганино жили и другие наши предки. К сожалению, у отца не сохранились в памяти имена предков, родившихся и проживавших в деревне Иганино, поэтому я перечисли только семь колен. Если мой прадед Мухарев Михаил Ануфриевич родился примерно в 1860 году, при этом я исхожу из того, что его жена моя прабабушка Мария Капитоновна Мухарева (в девичестве Скударнова), родилась в 1861 году, а прадед был на два или три года старше ее, то его отец Ануфрий Афанасьевич родился, по приблизительным подсчетам, давая каждому поколению по двадцать-тридцать лет, примерно в 1840 году. Его отец – Афанасий Петрович родился в 1820 году, а Петр Кириллович – примерно в 1800 году, но это только шесть поколений, а если прибавить еще два поколения, то будет примерно 1760 год или как раз 1747 год. Примерно в 1747 году, а может, и немножко ранее или позднее, и поселился на берегах Верх-Чумыша первый житель будущей деревни Иганино Гаврила (Гавриил, Ганька) Мухарев, который в поисках лучшего места для жизни прибыл сюда из деревни Иганино Ильинской волости.

Согласно ревизским сказкам и вышеуказанной книге историографа И.Ю. Ускова наши предки были служивыми людьми.

Стр.111.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ФАМИЛЬНЫЙ СОСТАВ ПРИПИСНЫХ КРЕСТЬЯН СРЕДНЕГО ПРИТОМЬЯ (по материалам УШ ревизской переписи 1834 г.)

материалам УШ ревизской переписи 1834 г.)1

Фамилия	Сословие	Место вы- хода11	1747 г.	1763 г.	1834 г.

Абрамов	служилый			313,317,326, 332,333	317,323,326,332,333
Авров	служилый	Устюг -1		330,344	330
Агеев	кр-н			256,312,330, 338,345,353, 363	256,257,277,291,31 г 338,342,344,351,361 363
Азовцев	служилый		24		44
Айкин	посадский	зырянин 7	13		97,126,131
Акинин				35*—	191
Акинфиев				г	146,151,260
Акирков					89
Аксенов	служилый	Тобольск -1		286,288,317, 330,353	256,259,286,288,310 317,333
Алабугин	кр-н		1		43,298
Ананьин	служилый	Кострома - 1		210,304,307, 354,364	200,205,210,273,337 342,351
Анисимов	служилый, кр-н		55,61	256,294,330	55,218,253,256,276, 311,330
Анкудинов	кр-н		2,45		2,91,115,120,154, 183, 260,270
Анофриев	служилый			288,324	284,288,295
Антипин	служилый	Устюг -5			51,288
Антонов					219,220,227,235,254 ,
	служилый, кр-н			195,219,254, 287,288	287,288,309,317,320 , 330
Антропов					176,177
Аньков	посадский			20,54	14
Арапов					114
Аредаков	служилый			153	277,311
Аринуев					86
Артамонов	служилый			353	225,288
Арчунов					39
Арыков	служилый			291,325,353	303,309,328,333
Асанов	служилый	Литва - 4	4		4,8,63,111
Астафьев	служилый	Сольвыче- годск - 3		196,245,318, 334	318,329,330,331,334 360,363

Астраханцев	служилый	Вологде, Астрахань		288	286 %
Атаманов	служилый		24	330	119
Атучин	служилый			200,239,353	200,221,328,332,333 , 344
Ашпин	служилый			348	348
Ащеулов	служилый	северорус-3		195,230,250, 258,269,306	191,201,220,239,241 ,247, 250, 259, 261, 262

Стр.120

	посадский				
Маметев	служилый		29		123
Мамонтов	служилый			288,307,317, 350	245,295,307,317
Манаков	служилый		55		94
Марамыгин					74,75,85,88,147
Мартынов	служилый			239,334	239,292,334
Мартюшев	кр-н				103
Марьин					326
Махлиисков	служилый		29		29
Медыкин	кр-н		45		89,127,147,166,170
Мельников	служилый	Москва - 5	60		3,27,60,255
Меркульев	служилый			329,335,343, 350,353	288,299,306,329,343 , 357
Мещарин		Мещера - 5			174
Милков	служилый		62		38,109,123
Миронов	служилый		57		46,57
Митрофанов	служилый			330	20,330
Митюков	служилый		105		113,194,199,207
Михайлов	служилый		55	258	100,225,258,345
Миюров					78,81
Мокеев	служилый			364	364
Молодцев (Молодое)	служилый			250,269,364	144,247,250,253,271
Морков				353	147,183

Морозов	служилый, кр-н		46,62,177		91,100,157,168,177, 178
Морхинин				350,357	341,357
Москалев					147,159,259
Моховиков					74,77,78,181
Мурасов	служилый		45,61		111
Муратов	служилый			351,353,359	351,359
Муромцев					124
Мусохранов	служилый			195,286,353	244,286,294,305,310 , 322
Мухорев	служилый			258,271,291, 320	258,286,292,305,320
Мухин	служилый		105		114
Мченский		Мценск - 2		153	135
Мылев					105,117

На Кузнецкую землю они попали, скорее всего, не по собственной воле. В 1617–1618 годах был построен Кузнецкий острог, и заселение Кузнецкого острога началось «главным образом высланными сюда в немилость людьми». (стр. 13, Усков), «сосланными в Сибирь на службу» (стр.19. Усков). Предок наш вместе с другими казаками насильно, помимо собственной воли, уехал покорять невиданную Сибирь по уже проложенной туда Ермаком с товарищами тропе. Их и их потомков, в том числе и нас, как я уже писал, в покоренной и обжитой ими Сибири стали называть «чалдонами» – человек с Дона. Это первое понятие слова «чалдон». Казакам, чтобы добраться до Сибири, надо было часть пути передвигаться по рекам. Для этого они использовали небольшие лодки, струги – челны. Это второе понятие слова «чалдоны»- люди с Дона, передвигавшиеся или прибывшие в Сибирь на челнах. Третье понятие название «чалдон» образуется от названия двух рек – Чал или Чалка и Дон, то есть переселенцы с Чала (Чалки) и Дона. После длительного изнуряющего путешествия прибыли с Дона наши предки из станицы Медведицкая, где наша фамилия, как и в станице донского казачества Новочеркасске – Ростове на Дону, сохранилась и живет до настоящего времени, а другие – из других станиц, а также из Запорожской Сечи в Кузнецкий острог. Доподлинно неизвестно, был ли Семен Мухорев первым представителем нашего рода на земле Кузнецкой, или он родился на земле Кузнецкой в 1649 году от представителя нашего рода, прибывшего раньше него в Кузнецкий

острог сразу после его строительства, мне неизвестно, так как перепись 1719 года была первой.

Иганино Родина наших предков

Почему Гаврила Мухарев выбрал место далеко от всех, в 50 километрах от Кузнецкого острога, и поселился в глухой, дремучей тайге на берегах в то время полноводной сибирской реки Верх-Чумыш, я не знаю, наверное, потому, что место это было дикое и необычайно красивое. Выбор места проживания оправдал его ожидание. В реке было бесчисленное множество разнообразной рыбы: громадных тайменей, вкуснейших хариусов, судаков, налимов, щук, окуней, плотвы и других. Таежная река не просто текла, а жила – рыба в ней выпрыгивала и кувыркалась, поблескивая жирными телами, шумела и брызгалась, поэтому в то время она ловилась без особого труда. В тайге было множество зверя, как пушного: ласок, норки, выдры, бобров, ондатры, хорьков, белок, бурундуков, так и хищного – опасных для людей медведей, волков, рысей. В Сибири мясо не надо было выращивать – стаи косуль и стада громадных лосей были не особенно пугливы. Их легко было добывать, когда они подходили к Чумышу на водопой, зайцы прыгали тут и там. Тайга кишела рябчиками, тетеревами, глухарями. Корма для таежной птицы было много, рядом с хвойными деревьями росли рябина, черемуха, калина, боярышник и другие деревья и кустарники. Звери и птица были непугаными.

На первый взгляд суровая тайга на самом деле была доброй, приветливой, хлебосольной и гостеприимной для людей. Благословно принимала и кормила и людей, и зверей, и птицу. Чернозем же был нетронутый, жирный и черный. Гаврила с детских лет умел хорошо стрелять и бесшумно передвигаться, поэтому здесь, в будущей деревне Иганино, охота стала частью его обычной жизни. Очень приглянулось Гавриле место в глухой тайге на берегу Верх-Чумыша в 50 километрах от Кузнецкого острога. По берегу реки тут и там росли кряжистые кедры с могучими стволами, толстыми и широкими ветками, с длинной мягкой хвоей и большими шишками. Лучше этого места Ганька, как ни старался, найти не смог; он сначала построил шалаш на берегу реки среди зарослей кислицы, черной смородины, шиповника, рядом с полянами клубники и земляники на берегу реки. Когда он просыпался, казалось, что вода пела, а на некоторых зорьках клокотала от рыбы, птицы пели и посвистывали, радуясь солнечным лучам и солнечному теплу, а белки, нисколечко не боясь

его, цокали, сидя на ветках кедра и грызли кедровые орешки. Бурундуки, так же, как и белки, не обращая на него внимания, прыгали рядом по веткам сосен и кедров, пихт, пробуя орешки со всех деревьев подряд. Пощелкав кедровые орешки из шишки, выроненной из лапок белки, вместо завтрака, Гаврила утолил голод, он знал, что и аборигены и чалдоны считают кедр бесценным деревом, которому цены нет, и что от него вся жизнь в тайге. Сытными, вкусными орешками из кедровых шишек питается вся живность в тайге – птицы и звери, начиная от белок и бурундуков и кончая медведями, которые с удовольствием поедали их. Чалдоны понявшие, что кедр – это жизнь таежного зверья и птиц, бережно относились к кедру, считали его святым деревом, оберегали его и рубили только в крайнем случае. Грозно кричали молодые лосиные быки, переполненные страстью, от которой у них будоражило кровь. Этот любовный стон проходил через таежные заросли и поляны до другого конца тайги и достигал слуха старого быка, владельца гарема лосих. И он в ответ с другого конца тайги отвечал ему так же грозно, что означало: « Вызов принят, попробуй, завладей хоть одной из моих самок, я тебя уничтожу, я тебе покажу!»

Когда Гаврила первый раз недалеко от себя увидел лося, то залюбовался его мощью и красотой: горбоносая голова с двумя костяными сохами, с черными блестящими глазами и похожими на коровьи ушами, чутко улавливающими звуки со всех сторон, его восхитила и впечатлила. Он понял, что мало найдется в тайге зверей, кто может победить его – ни человеку, ни зверю несдобровать, попади он под эти рога и копыта лося. И таких зверей в этом месте было много.

Стояла осень, пора брачного сезона лосей и косуль, заселяющих местную тайгу. Ветер уже носил по земле и над рекой упавшие и сорванные им желтые и красные листья березы, рябины, калины, боярки, черемухи, шиповника, смородины, кислицы, тальника, вербы и других таежных деревьев и кустарников, растущих в сибирской тайге. Гаврила после изнурительного поиска нового места жительства по глухой тайге (чалдонам разрешалось свободно передвигаться по Кузнецкому уезду и строить жильё там, где они хотят.) несколько дней отдыхал – ловил рыбу, варил уху и хлебал наваристый бульон из жирной рыбы, отсыпался после дальней дороге на лежанке, которую соорудил невысоко от земли, на развилке толстых веток могучего кедра, наложив мягкого пихтового лапника. Сил копать землянку после длительного поиска не было, да и спать на развилке кедра над землей было безопасно и тепло – от земли не холодно, и сверху дождь не капает, густые верхние ветки спасут от дождя, на такой подстилке в любую погоду мягко и сухо. В первый день, как он разыскал это место,

спать он хотел так сильно, что «спасу не было». Спать никто не мешал – ни белки, ни бурундуки, шастающие по веткам и таскающие шишки, ни кедровки, скачущие по вершинам кедра, также промышляющие кедровыми орешками. Веки его будто налились свинцом и сомкнулись сами собой. Глубокой ночью тайга замирала: ничего и никого не слышно, даже природного шума, ни тихого шага ночных зверей, не пения птиц, могли шевелиться от ветра только ветки деревьев и небольшие волны на блестящей под луной реке. Тайга в это время отдыхала. По ночам на небе зажигались яркие красивые звезды, свет которых проникал ему в душу, и все для него на земле становилось понятным, добрым и прекрасным; он был счастлив, что нашел место, где человек может жить свободно и счастливо, без командиров и начальников, где земля такая черная и жирная, как будто намазана маслом, и такая плодородная, что любое зерно и любой овощ будут расти на ней практически без ухода. «Лучше места не видал я и отсюда не уйду. Зачем идти куда-то дальше, будет ли лучше там? Остаюсь здесь», решил он. «Здесь настоящее таежное царство, богатая тайга, полная зверья и реки с кишасей рыбой, спокойно и хорошо. Не только населенных пунктов, но и людей рядом нет. В подтверждение его мыслей белка прыгнула с ветки на ветку кедра, под которым он стоял, и уронила прямо ему на голову кедровую шишку. Он был один, но ночью спал спокойно, даже не опасаясь хищных зверей, которых здесь было множество. Он выбрал удивительное место: богатырская тайга полная различного зверья и лесной птицы, небольшая с глубокими ямами река, в которых водились таймени и другая разнообразная рыба. О таком месте он мечтал всю жизнь. Никто не будет мешать жить свободно и хорошо, лучше места вряд ли найдется. И он остался жить в этом месте в тайге рядом с рекой. Отныне это был его дом навечно! Затем вырыл землянку на высоком берегу Верх-Чумыша, а после с помощью братьев, которые по его зову прибыли из Иганино Ильинской волости, начал строить дом. В 1763 году в этом Иганино жило десять душ мужского пола – женский пол в то время не переписывался. В строительстве дома принимали активное участие и другие родственники из деревень Бочатской волости. Его братьям место понравилось, один из них построил свой дом рядом с Ганькой, а второй – на берегу Верх-Чумыша. Весной река разлилась и затопила дом этого брата, и ему после потопа пришлось перенести свой дом с берега реки на возвышенность. Гаврила давно лежит в сибирской земле, но в память о нем, как о первооснователе, эта сибирская деревня стала называться Иганино – именье Ганино, то есть место Ганино или Ганькино. Ручей, текущий посередине деревни Иганино, братья называли Братихой, потому что возле

этого ручья они встречались каждый день, выгоняя скот для пастьбы, и закрепили это название за ручьем навсегда. Сначала в этой деревне жили одни Мухаревы. Многодетность была обычным делом. Молодежь женилась и выходила замуж, создавала новые семьи. Поэтому рядом с новыми родственниками – женами, мужьями разрешали селиться и их родне. Так в Иганино появились и новые фамилии: Игнатьевы, Мартыновы, Тузовкины, а впоследствии и другие. Так было и в других деревнях, в каждой деревне своя фамилия.

В деревнях избы никогда не запирали на замки, в пробой для замка вставляли только палочки, чтобы соседи знали, что в доме никого нет. По словам Лидии Николаевны, заселение берегов Чумыша местным властям было выгодно потому, что в Сибири был построен Томский железоделательный завод. Иганинцы и жители других деревень, расположенных по реке Чумыш, стали по требованию властей выжигать древесный (березовый) уголь и возить его на этот завод по Чумышу: летом водным путем и по проложенной вдоль Чумыша дороге, а зимой – на санях по льду, других дорог в то время не было. Реки и зимой и летом были фактически единственной дорогой, приспособленной самой природой для практического использования. Уголь возили и в волостной центр Бочаты. Население деревень, расположенных на Чумыше, также гнало деготь, а когда строили новые цитадели Кузнецкой крепости, то по реке Чумыш возили в Кузнецк в коробах камень для строительства. Сначала по Чумышу доплывали до Костенково, а затем сворачивали на Кузнецк. Остатки этой дороги проглядываются даже в настоящее время. Но Верх-Чумыш был самой удобной дорогой, пригодной для использования и зимой и летом. Такие поездки длились более недели.

Сначала деревня Иганино относилась к Верх-Чумышскому церковному приходу, а с 1850 г., после постройки Афонинской церкви, перешла к Афонинскому приходу. В самом Иганино была часовня. В церквях венчались, а в часовне крестили детей и проводили отпевание покойных. Со слов Лидии Николаевны, ее дед и отец говорили, что в конце 19 века в Иганино жило много богатых людей. Среди них выделялся купец Кривошеков, занимавшийся скупкой молодых бычков, их откормом и последующей продажей в губернский центр, город Томск, на мясо. В Иганино было много и других богатых людей. У прадеда Лидии Николаевны Беловой в индивидуальном крестьянском хозяйстве было девять дойных коров, пять рабочих лошадей, по четыре-пять свиноматок ежегодно и много овец, которых не считали. Такое хозяйство в деревне считалось средним. У других иганинцев были стада мелкого и крупного

рогатого скота и торговые лавки. Деревенские Мухаревы не относились к самым богатым людям в деревне, но все равно крепко стояли на своих ногах, жили зажиточно.

У нашего прадеда Михаила Ануфриевича в его крестьянском хозяйстве было две лошади – одна рабочая, другая парадно-выездная, два жеребенка – один двухгодовалый, а второй – годовалый, пять коров, двадцать-тридцать овец, одна свиноматка, гуси, утки, куры и пасека на пятьдесят колодок.

В деревне была и мельница. Хозяин мельницы своим деревенским молот зерно бесплатно, а жителям других деревень – за определенную плату.

У многих деревенских были пасеки. Кроме выращивания зерновых культур, овощей, животноводства, птицеводства, пчеловодства, жители выделывали овечьи шкуры, занимались пимокатным и бондарным делом. По тем временам деревня Иганино была развитым поселением.

Предки Лидии Николаевны были пимокатами, они катали валенки. Желаящие скатать новые валенки приносили к ним овечью шерсть, и они на шерстобитке били шерсть, превращая ее в пух. Работа была трудоемкой, но зато валенки получались легкими и теплыми.

Со слов отца Лидия Николаевна рассказала и об интересных случаях из жизни деревни. Один раз деревенские жители подрались. Это увидел местный полицейский и стал разнимать их. Один из жителей, не разобравшись, ударил полицейского, за это ему присудили наказание в виде лишения свободы. В деревне жили ссыльные, они помогли написать жалобу царю на несправедливое решение суда. Пока жалоба дошла до царя, прошло полгода. Царь удовлетворил жалобу, иганинца освободили из мест лишения свободы. Освобожденный ходил по деревне, показывал бумагу с резолюцией царя и хвалился, что справедливый царь-батюшка освободил его.

Другой интересный случай произошел сразу с несколькими иганинцами. Батюшка Верх-Чумышского прихода, нарушая церковные правила, стал ухаживать за прихожанкой из Иганино. Узнав об этом, муж этой женщины подговорил друзей побить батюшку. Все вместе подкараулили его и избили, и довольно сильно, отчего батюшка преставился. Муж с одним из друзей испугались и убежали в тайгу. Третий же друг не испугался – напился, взял с собой бутылку самогона, пришел к полицейскому участку и всю ночь пил и пел песни рядом с ним, зарабатывая себе алиби. Утром полицейские прогнали домой хитрого мужика. Убежавших в тайгу иганинцев поймали и осудили, а хитрый мужик остался на свободе.

Как я уже сказал, что семья по-русски означает семья-я, то есть я, отец, дед и прадед, с одной стороны, а с другой я, дети, внуки и правнуки. Вот про предков с одной стороны до «Я» постараюсь и рассказать.

Наша фамилия

« Не фамилия красит человека, а человек фамилию».

Есть у меня знакомый Алексей Устюжанин, трудолюбивый, физически развитый, начитанный, интеллигентный, имеющий высшее образование и прекрасные гены сорокапятiletний мужчина. Его дед – Герой Советского Союза. Это высокое звание он получил в годы Великой Отечественной войны. Отец его – ветеран труда, пользуется заслуженным авторитетом в шахтерском коллективе, где он работал. Я с ним знаком через его тестя Николая Ивановича Моногошева – бывшего руководителя одного из автотранспортных предприятий в городе Кемерово, очень уважаемого в Кемеровской области человека, В основном я общался с тестем, а с Алексеем –поверхностно и очень редко.

В 2010 году я приобрел снегоход « Арктик-кит» – Снежный барс. Для управления снегоходом мне необходимо было получить удостоверение тракториста-машиниста, такое же удостоверение необходимо было и Алексею, и он быстро и оперативно организовал сдачу экзаменов на право управления снегоходом мне и себе в Госгортехнадзоре, проявив при этом смелость, находчивость и ловкость. Во время общения в тот день он сказал мне, что если бы у него была фамилия Мухарев, то есть моя фамилия, то он многого бы мог достичь в этой жизни. Может быть, он имел в виду, если бы он был моим родственником...Человек с красивейшей сибирской фамилией Устюжанин если не мечтал, то, по крайней мере, хотел или был бы не против быть Мухаревым, чтобы получить что-то недоступное в своей жизни. Это, конечно, объясняется тем, что я, по его мнению, в то время имел определенное положение во властных структурах области и был знаком со многими первыми руководителями федеральных структур области и другими влиятельными людьми региона, в котором мы жили, а два представителя нашего рода из села Шарап Прокопьевского района, родные братья Мухаревы – Федор и Александр – Герои Социалистического труда, комбайнеры.

Итак, начнем с фамилии « МУХАРЕВ».

В соответствии со словарем Даля, слово « МУХАРЕВ» означает «Ему принадлежащий». Корни нашей фамилии заложены в историческом названии старинного украинского села «Мухарив», что означает, в

соответствии со словарем Даля, «Ему свойственный». У современных жителей этого села я интересовался происхождением его названия, но никто ничего не смог мне ответить. От них я узнал, что это очень старинное украинское поселение, и оно имело это название еще со времен Речи Посполитой (старинное название Польши).

Но наша фамилия называется не Мухарив, а Мухарев. Так на Дону стали называть отчаянных, смелых, отважных людей, сбегавших от панского гнета во времена Речи Посполитой на Дон, в район станицы «Усть-Медведицкая», ныне город Серафимович, из украинского села Мухарив. Там, на Дону, стали их на русский лад называть Мухаревы, то есть пришедшие из села Мухарив. То, что в ревизских сказках указана наша фамилия, через «О» объясняется тем, что отставной казак Семен Мухорев был человеком неграмотным, как и большинство людей, его окружающих, да и люди, ведущие, тонкой словесностью не изъяснялись, как сказал Семен, как слышали они, так и записали. Во всяком случае, фамилии Мухоревы и Мухаревы в Кузнецком уезде носят люди, принадлежащие к одному роду. В книге Ускова перечислены населенные пункты, в которых проживали чалдоны с фамилией Мухорев, в том числе и деревня Иганина – в книге эта деревня указана, как Игонино. Но в этой деревне со дня ее основания никогда не жили Мухоревы, а всегда жили Мухаревы, что подтверждается метрическими записями моих предков; а в деревне Иганина Ильинской волости, откуда пришли в новое Иганино наши предки – Мухоревы. Кстати, у моего прадеда, прапрадеда, деда отца, его брата Михаила в документах указана фамилия Мухарев, а вот у моей тетушки, родной сестры отца, которая родилась в 1938 году, значится фамилия Мухорева, так на слух ее записали работники загса. В связи с этим я считаю, что фамилии Мухарев и Мухорев на земле Кузнецкой однозначны и принадлежат одному роду. Кстати, и обе деревни Иганино в ревизских сказках записаны через «О» – Игонино, а в двадцатом веке обе одноименные, вышеуказанные деревни назывались и называются Иганино – через «А».

Мой прадед и прабабушка.

Михаил и Марьюшка

Начнем с прадеда Михаила Ануфриевича, его отца Ануфрия Афанасьевича и прабабушки Мухаревой (Скударновой) Марии Капитоновны.

Михаил Ануфриевич родился, как все предыдущие Мухаревы, включая моего отца, в деревне Иганино Прокопьевского (ранее –

Киселевского) района приблизительно в 1857–1858 гг., так как его жена Мухарева Мария Капитоновна, уроженка деревни Черепаново ныне Прокопьевского района, родилась в 1861г., а он был на два-три года старше нее. Михаил Ануфриевич в Иганино жил одной семьей вместе со своим отцом Ануфрием Афанасьевичем и мамой Елизаветой, у которых он был единственным сыном. Его жена, моя прабабушка Мария Капитоновна, была дочерью многодетного Капитона Скударнова. К глубокому сожалению, его потомки не знают его отчества, то есть имени его отца, а также имени его жены – матери нашей прабабушки.

Род Скударновых, к которому относится моя бабушка, обосновался в деревне Черепаново. Капитон Скударнов был трудолюбивым крестьянином и рачительным хозяином, имеющим крепкое хозяйство. Он, как и мои предки, по отцовской линии являлся также чалдоном. Согласно переписной книге Кузнецкого уезда за 1719 г.; в этом уезде жил казацкий сын Михайло Скударнов 70 лет, имевший детей: Андрея 30 лет, Ивана 19 лет, Петра 27 лет, Тихона 20 лет, Андрея 15 лет, внука Михайла в возрасте одного года. Отец Марии Капитоновны – Капитон был многодетным отцом, имел от брака детей: Александру, Марию, Арсения, Петра, Андрея, Александра, Агафью, Наталью. Все родились в деревне Черепаново.

Впервые будущую свою жену Марьюшку мой прадед увидел после окончания осенней страды, когда был убран весь урожай. Вечером его отец батька Нафрей – Ануфрий Афанасьевич сказал:

– Сынок, урожай собрали мы хороший, время освободилось. Скоро зима, надо мне, мамке и тебе к зиме новые полушубки сварганить, батьку оставляем на хозяйстве, а сами к Скударновым, в село Черепаново поедем, женщины у них мастерицы, на всю нашу округу славятся – шубы и полушубки хорошо шьют, красивые, крепкие, добротные.

На следующее утро, как всегда рано проснувшись, встали, умылись, помолились и сели завтракать за длинный стол, стоящий посреди горницы, на скамьи по обе стороны стола. Елизавета поставила на стол большую крынку молока, крынку поменьше со сметаной, чашку с медом, чашку с домашним сливочным маслом, миски, наполненные вареной бараниной и курятиной. В Сибири мясо было на столе круглый год, за исключением постов, потому что работали много. Блины Елизавета подавала на стол с пылу, с жару. На столе лежал и каравай свежееиспеченного душистого хлеба, нарезанный большими ломтями, в большой берестяной тарелке. Тарелки под сухую еду – хлеб, пироги, зелень и солонки были из бересты или лыка. Пучки укропа, лука также присутствовали на столе. Утром самовар не разогревали. Кто хотел пить, вставал и пил родниковую воду из ведра,

стоящего на табурете. Но такой завтрак был в этот день, в другие дни утром часто варили различные каши из проса, гречихи, пшеницы, а в обед на стол обязательно подавали горячие мясные щи или супы. Зимой же на стол ставили пельмени из смешанного мяса говядины, свинины и косуль, а если везло, и во время охоты добывали лося, то и лосиного мяса.

Деревня Иганино была глухая, вокруг нее стояла тайга, а в ней водилось много зверей. Когда батька Нафрей был молодым, он ежегодно добывал и лосей, которые ходили табунами, но в старости на лося уже не ходил, так как это довольно опасная охота. Лось бывает опасным не только для человека, но и для хищников, так как он очень крупный зверь. Ноги у него очень сильные, а копыта острые. Ударом ноги он может перебить дерево толщиной 8 см и убить охотничью собаку и даже волка. Чувствуя, что на него охотятся, лось начинает защищаться и становится опасным для охотника, собак и хищников.

Практически постоянно на столе присутствовала и различная дичь, мясо косуль и зайцев, которых Нафрей ловил в силки-петли. Как известно, зайцы передвигаются с целью маскировки от лисиц и волков кругами. Нафрей, найдя заячий след, ставил на след силки. Заяц, делая новый круг по старому следу, обеими лапами или головой попадал в силки. Нафрей из силков, если заяц попадал ногами, доставал его здорового и невредимого и садил пойманного в клетку. Каждый год несколько десятков зайцев сидели у него в клетках, как кролики. При желании отведать зайчатины дед Нафрей доставал зайца и забивал его. Кроме этого, зайцами питались и собаки, которые их ловили сами. Нафрей из-за возраста по хозяйству работал меньше, а поэтому занимался охотой и рыбалкой. Он знал рыбные места, рыба в доме была зимой и летом. Рыбу ловил «мордами» – мордушками, которые ставили в ямах, где стояла рыба. Сетей в деревни ни у кого не было, поскольку пойманной мордами рыбы хватало с избытком, с сетями надо было возиться, а у крестьян времени лишнего не было, надо было с хозяйством управляться.

Зимой Нафрей ставил морды под лед. Рыбы в реке было много, и «морды» в реку он ставил большие и поменьше. Нафрей вытаскивал из-под льда «морду», набитую рыбой, вытряхивал ее на лед. Выброшенная на лед рыба, задыхаясь, разевала рот и глотала воздух. Среди рыбной мелочи попадались и сравнительно небольшие, на килограмм, зеленые, пятнистые, с черными головами, зубастые с желтыми глазами красивые щуки, которые извивались, норовя опять нырнуть в лунку, из которой их доставал батька Нафрей. Тот отпинаывал их подальше от лунки. Затем опускал «морды» снова в яму под лед, собирал рыбу и шел домой с уловом. Мелкую рыбу

Нафрей оставлял на льду для пропитания водных зверьков: норок, ондатр, наблюдавших издали за его рыбалкой.

После сытного завтрака все дружно вставали и шли работать. Крестьянский труд многообразный и тяжелый. Современные люди, поработав у себя на даче или на приусадебном участке, после работы охают и ахают: как тяжело, и удивляются, как современные рабочие сельхозпредприятий работают целые дни в поле, используя технику, за очень скромную зарплату. В то время у каждого трудолюбивого крестьянина были лошади, коровы, овцы, гуси, утки, куры. Семья наших предков жила зажиточно, но не богато. Жили своим трудом, обрабатывали свою семью сами, никогда никаких батраков в семье не было. Хозяйство у нашего прадеда по сравнению с другими жителями деревни было небольшое, но на жизнь хватало и даже оставались излишки.

Коровы давали молока мало, по три литра каждая, то есть чуть больше современных коз, поэтому их было пять. Такие надои были во всем Кузнецком уезде. Этого молока для семьи хватало. Из молока делали сметану, а из сметаны – масло. Свиной держали для мяса и жира, который топили из свиного сала. Свиноматку оставляли для потомства, ее случали с хряком зимой. Через три месяца, три недели и три дня свинья поросилась и приносила по пять-шесть поросят. По нынешним временам это мало, а по тем временам – вполне был приличный приплод. Их весной кормили, а летом отпускали в тайгу, где все лето свиноматка со своим выводком паслись, иногда свиноматка приводила выводок домой, и хозяева их подкармливали, а осенью свиноматка возвращалась домой со всем выводком. Были случаи, что свиньи поросились прямо в тайге, а затем с приплодом возвращалась домой. Осенью поросят домой могло прийти меньше, но спор о количестве вернувшихся, выловленных и забитых осенью поросят между деревенскими никогда не было. Необходимости держать больше скота не было, этого количества вполне хватало на пропитание для семьи. К тому же без особого труда добывалась дичь в виде рябчиков, тетеревов, глухарей, которыми кишела тайга вплоть до пятидесятых годов двадцатого века. Приходя с охоты, батя Нафрей обычно улыбался и говорил, снимая с пояса нескольких рябчиков и тетеревов и вытаскивая из мешка зайцев:

– Не очень удачно сегодня поохотился, но немножко добыл...

А его жена Елизавета, хвастаясь перед соседями, нарочито ворча, говорила:

– Мой-то Нафреюшка опять с охоты кучу дичи притащил: и рябчиков, и тетеревов, и зайцев, когда я совсем с этим управлюсь?

Но все-таки питались в основном с подсобного хозяйства, в котором держали, кроме скотины, также кур, уток и гусей. Мария Капитоновна любила гусей. Гусей было немного, от 20 до 25 штук. От гусей использовали не только вкусное мясо, но и пух, перья, сало. Все шло в дело, ничего не выбрасывалось. Примерно столько же было кур и уток, у которых также использовали мясо, пух и перья. На зиму оставляли по три гусыни и утки и по одному селезню. В семье была и пасека в 50 колодок (ульев), которая требовала ежедневного внимания и ухода, и огород и поле, где необходим был уход за растениями: пшеницей, рожью, ячменем, овсом, льном, коноплей, картофелем, свеклой, морковью, капустой, горохом, репой. Много садили свеклы, из которой делали сладкую патоку. Каждый год Михаил Ануфриевич из свеклы делал две двенадцативедровых бочки патоки. Много времени и сил отнимала и заготовка сена: сначала косьба, затем просушивание, в дождливое лето усиленная просушка несколько раз требовала немислимых усилий, затем метание в стога и скирды, привозка сена на свое подворье. Так что наработывались все члены семьи досыта, до горла, и надо бы еще поработать, да больше не могут и времени не хватает, уже на улице темно, ночью спать ложиться пора, отдохнуть надо, а с утра заново работать в поле, да на хозяйстве.

Михаил Ануфриевич и батька Нафрей очень любили пчел. Жизнь на пасеке кипела: тайга была рядом, она была настоящим раем для пчел: согры и лога, поляны, практически вся территория тайги была покрыта с ранней весны до поздней осени разнообразными цветущими растениями. Медосбор был богатым, мед был тяжелым, насыщенным. С утра до позднего вечера на пасеке стоял сплошной гул. Уход за пчелами также был не из легких. Люди едят мед, а многие не знают, что труд пчеловода довольно тяжелый, много знаний и сил надо затратить, чтобы пчелы собирали много меда. Пасека Мухаревых стояла сразу за огородами, в начинающейся за ними тайге. Пчел было много, и на подходе к пасеке было слышно их жужжание. С апреля по конец сентября пчелы занимались медосбором, но самый сильный медосбор – в июне и июле. В это время все травы в тайге цветут, на улице жарко, и крылышки пчел быстро высыхают, даже если идет теплый летний дождь. Все Мухаревы любили ходить на пасеку, а батька Нафрей – больше всех.

– Хорошо-то как здесь! – говорил он. Ему хотелось, чтобы лето было длиннее, и медовый запах держался дольше. Пасеки в деревне были у многих Мухаревых. Таежный мед был плотный, темно-золотистый. Мед использовали вместо сахара в еду и при производстве различной домашней стряпни: булочек, пряников, пирогов, ели с чаем ложечками и намазывали на хлеб и различные лепешки, он служил и лекарством при простудных

заболеваниях. Мед при простуде не только ели, но и мазались им в банной парилке. Мед был настолько ароматный, что кусочки намазанной им сдобы с большим аппетитом отправлялись в рот. Из меда ставили и варили медовуху. Батяка Нафрей, показывая на пчел, говорил:

– Смотрите, как трудятся пчелы, они собирают с цветков нектар по капельке, превращая его в мед для людей, чтобы мы его ели и лечились. Мы благодаря им получаем не только еду и лекарство, но и приличный доход.

Для того чтобы толк был от пчел, надо было хорошо потрудиться: содержать ульи в чистоте, иначе пчелы болеют и умирают, содержать в исправном состоянии дымари, ульи и рамки также должны быть чистыми и исправными, приготовить заранее роялки и расставить их в нужных местах, чтобы новые рои не улетали. Довольно часто были дни, когда пчелы роились по несколько роев в день, надо было суметь их поймать и рассадить по ульям. Батяку Нафрея почему-то пчелы не трогали, он практически не надевал защитную сетку на голову и не брал в руки дымарь. Когда его спрашивали:

– Нафрей, как ты не боишься пчел? – он отвечал: – Пчелы знают меня, а поэтому не трогают.

Он был главным пчеловодом в семье и смотрел за тем, чтобы рои не улетали. Ходил по пасеке между ульями и наблюдал, как ведут себя пчелы. По гулу пчел в улье он определял, в каком улье роятся пчелы. Кроме расстановки раяло, у него всегда было готово ведро с водой, веник и решето, куда он сметал молодые рои пчел, собирающиеся улетать, и сыпал рои в новые ульи. Иганинские ребяташки, а после переезда в Черепаново – и черепановские, любили приходить в гости к батяке Нафрею на пасеку. Он садил детей на траву и говорил им, чтобы они сидели спокойно и не баловались, а тех, кто будет баловаться, пчелы будут кусать. Ребяташки слушались его и сидели тихонечко на траве. Батяка Нафрей брал свежую и полную медом рамку, нарезал из нее куски сотового меда в большую чашку и угощал детей медом, прося их после угощения возвращать ему кусочки воска, оставшиеся от сот. А когда наступала поздняя осень, часть ульев переносили в омшаник – большой добротный погреб, вырытый прямо в тайге, рядом с пасекой, чтобы пчелы не замерзли. Ставили свободно, не тесно, чтобы пчелы не сопрели. В каждом улье пчелам для еды оставляли достаточное количество меда, чтобы хватило на всю зиму до следующей весны, когда пчелы сами начинали собирать мед. Из сильных ульев брали лишние соты и ставили в слабые. Другую часть ульев оставляли на улице для закалки и сохранения пчелиного рода. Пчелы выживали хорошо. В ход шел помор пчел и прополис. Женщины делали из них настойки и

использовали для лечения членов семьи и населения Черепаново, Иганино, Пчелки, Старо-Сергеевки и других деревень, расположенных рядом с Черепаново. Наши деды каждый год наполняли пятнадцать двенадцативедровых бочек меда и две таких же бочки свекольной патоки. Часть меда и патоки Михаил Ануфриевич сразу после заготовки отдавал в церковь. Когда мед и патока в церкви кончались, батюшка приезжал к Михаилу Ануфриевичу с просьбой снова выделить мед и патоку в церковь, и прадед не жадничал, всегда давал и мед, и патоку, и все необходимое для нужд церкви, в которой ежедневно кормили нищих, убогих и всех нуждающихся и обращающихся за помощью.

Все Мухаревы были пчеловодами, плотниками, столярами, землепашцами, охотниками и рыбаками. Все члены семьи работали от зари до зари, как часы. Были жадные до работы. Со слов Лилии Николаевны, в деревне был Мухарев, который во время косьбы сена перепрыгивал с одной ноги на другую – вперед-назад, вперед-назад, чтобы побольше захватить прогон – полосу для косьбы. Мужики-то ладно, а как женщина после такой работы могла быть еще и любящей и ласковой. Несмотря на тяжелый труд, успевали слушать соловьев по утрам, в полной тишине, и любить друг друга.

Крестьянский труд был тяжелый, но работников не держали, свое обрабатывали сами. Приходили иногда нищие, им подавали, а когда нищие просили взять к себе в работники, отказывали, говоря, что «работники не нужны, сами управляемся». Совместный тяжелый труд крепко спланивал супругов и делал любовь взаимной, хотя многие создавали семьи не по любви, а по желанию родителей. В ходе совместной жизни влюблялись друг в друга и жили вместе до последнего вздоха. Блуда или, по-современному, разврата в сибирских деревнях не было, все были заняты делом. Любили жизнь и любили жить весело и дружно. Во все работы – когда пахали, сеяли, косили, метали сено, ухаживали за растениями, убирали урожай, содержали скот, птицу, пасеку и делали другие многочисленные работы по хозяйству, в том числе охотились и рыбачили, Мухаревы вкладывали свою душу. Такой труд от зари до зари, с утра до утра приносил и немалый доход для семьи. Природных катаклизмов не было, поэтому урожаи каждый год были хорошие. Сеяли разнообразные зерновые: пшеницу, рожь, овес, гречку. Рожь по сравнению с пшеницей давала лучший урожай, поэтому ее сеяли больше. Батяка Нафрей говорил:

– Матушка-рожь накормит всех, поэтому ее сеять больше надо.

Михаил Ануфриевич, соглашаясь с ним, говорил:

– Мне тоже черный хлеб нравится.

Оба деда, когда были в поле, слушая жаворонков, говорили:

– Красиво поют, чувят, что поле хлебом пахнет.

Если во время работы в поле шел дождь, то чтобы не терять время, сушились у костра. Проблем с разжиганием костра не было, сушняк всегда рядом было много. Суша одежду, грелись и отдыхали.

От того, что всей семьей дружно трудились и жили зажиточно, никакого обмана и хитрости между чалдонами не было. Все жили с открытыми душами и добрыми сердцами. Я только в возрасте понял, какие чудесные ангелы были у наших предков.

Ну, а в тот день после завтрака Нафрей положил в бричку на резиновом ходу выделанные шкуры и, благословясь, отправились в Черепаново, находящееся в 20 км от Иганино. В округе, где жили Мухаревы, было разделение труда. В Иганино жители выделывали шкуры, в Черепаново шили шубы. На Пчелке в основном занимались земледелием. Пчелка находилась в большом логу, зимой там не было метелей и вьюг. Они бушевали выше на равнине, а ниже, где располагалась Пчелка, была тишь и божья благодать – сыпал только снежок. Летом в этом логу условия для ведения земледелия были лучше, чем выше, на равнине. На Пчелке в тридцатые годы двадцатого века было только шестнадцать домов, в которых жили: Скударновы, Тихановы, Черепановы и Пушкаревы. Все были родственниками.

Когда приехали в Черепаново и въехали во двор большого добротного деревянного дома Скударновых, на задворках дома залаяли собаки. Две лайки кружились на протянутом между соснами тросе, это были спаренные охотничьи собаки. В Сибири на охоту ходили не с одной собакой, а с двумя или тремя, и эти собаки – две или три назывались парюю. Собак всегда содержали вместе, чтобы они были дружные и на охоте понимали команды хозяина и друг друга. Навстречу гостям вышел хозяин дома Капитон с топором в руках, он колот дрова. Он прикрикнул на собак. Повинуясь его голосу, умные лайки перестали лаять, виляя хвостами и преданно глядя ему в глаза.

– Умницы, – похвалил собак хозяин и погладил обоих по серым, волчьей окраски спинам, потрепал за шеи. Псы ткнулись ему в ноги своими носами. Капитон подошел к гостям, радушно пожал руку Нафрею, обнял его, затем помог выйти жене Нафрея Елизавете и только после подал руку Михаилу, коротко сказав: «Капитон». Тот в ответ представился: «Михаил».

– Здесь мы живем, прошу в дом, дорогие гости», – сказал Капитон, пропуская вперед себя уважаемых гостей. – Иногда в гости в тайгу хожу,

для этого и собаки, – пояснил он гостям, махнув головой и рукой в сторону лаек.

Охота для Капитона была не забавой, а настоящим подспорьем для семьи. Семья была большая, ее необходимо было хорошо кормить. Капитон был настоящий охотник, много уделял внимания обитателям тайги. Следил за кормовой базой для животных. Сам покупал соль и развозил ее по солонцам, косил в тайге траву и рядом с солонцами делал небольшие стожки сена, чтобы зимой подкормить таежных красавцев – лосей и косуль. Животные приходили на солонцылизать соль и поесть сена из поставленных стожков. Такая помощь диким животным помогала легче пережить суровые сибирские зимы и была полезна для охоты. Капитон знал места, куда часто приходят на питание парнокопытные, и был удачлив в охоте на них. Для себя он вел примерный учет лосей и косуль в тайге, чтобы знать, есть ли в районе, где он охотится, дикие животные или нет. Капитон охотился и на таежную птицу: рябчиков, тетеревов, глухарей и уток.

В то время больших лесных пожаров не было, но сельчане палили траву, чтобы сенокосы были хорошие. Палы травы для всех обитателей тайги большая беда. Вся птица, которая гнездится на земле, а также утки и тетерева погибают от этих палов. Потому, когда птица сидит на гнезде и выпаривает птенцов, она с гнезда никогда не полетит из-за материнского инстинкта, природа заставляет взрослых птиц защищать свое потомство. Так и получается, что взрослые птицы сгорают вместе с птенцами и яйцами в огне. Пожар в тайге – непоправимая беда для всего живого. Капитон, чтобы предотвратить возможную беду, запрягал свою рабочую лошадь в плуг и опахивал близлежащие болота. А когда он летом выходил на болота вокруг Черепаново, то радовался, видя, как на воду болотцев и озерков с плеском опускаются дикие птицы. Улыбку на лице и радость в душе вызывали пляшущие и курлыкающие журавли, утки, плавающие с выводками утят. Сердце обливалось бальзамом, когда он, шагая, продираясь через высокие камыши, а из-под его ног выскакивали кряквы, чирки и другие утки с выводками желтых пушистых утят. Мамы-утки, не понимая, что идет их спаситель и защитник, хрипло и беспокойно крякали, страшась за своих малышей, а утята невпопад отвечали им – здесь мы, куда бежать, а затем, увидев мать, счастливо часто-часто хлопали маленькими крылышками и послушно юркали за ней в камыши.

Капитон, проявляя заботу о птицах и животных, в то же время оставался заядлым охотником. Осенью, зимой и весной до гнездования птиц охотился с удовольствием, когда расчехлял ружье, то по его телу пробегала приятная дрожь в предчувствии удачной охоты.

Хозяйка накрыла стол чистой скатертью. Быстро согрела самовар березовой щепой. Привечая гостей, поставила на стол шанежки и пироги с различной начинкой и конфеты. Капитон, проявляя особое расположение к гостям, сел с ними за стол и, повернувшись к жене, которая хлопотала с самоваром, сказал:

– Авдотья, подай к столу то, что у нас для знатных гостей имеется.

Авдотья, поставив самовар на стол, кинулась в кладовую и принесла что-то большое, завернутое в льняную материю.

«Жена не капризная, исполнительная, слушается мужа с полуслова, такую бы моему Михаилу», – подумал батька Нафрей.

Капитон раскрутил льняную тряпку и по комнате расплылся вкусный запах свежесоленого тайменя. Таймень был большой, килограммов на 12. Капитон взял острый нож и разрезал тайменя посередине. Тонкий дух короля сибирских рек – таежного тайменя вкусно защекотал у всех в ноздрях.

– Выбирай, Ануфрий Афанасьевич, любая половина твоя. Бери, не отказывайся, сегодня я тебя угощаю, завтра – ты меня. Кстати, этого тайменя недалеко от вас в яме на Верх-Чумыше взял.

В отличие от Мухаревых Капитон для ловли рыбы использовал рыбацкие сети. Капитон знал, где на Верх-Чумыше находятся ямы – глубокие места. В этих ямах на большой глубине, в зеленом сумраке речных водорослей затаивались на охоте таймени в ожидании более мелкой рыбы. Капитон изловчился в этих ямах ставить крупноячеистую сеть, и удача часто улыбалась ему: нет-нет, да и попадались иногда в сети таймешки, то поболее, то помене. Бывало и пудовых тайменей притаскивал домой. Его жена Авдотья искусно готовила уху и жарила в сковороде рыбу, а он тайменей и другую более крупную рыбу в летнее время солил, чтобы она не испортилась. Рыба получалась очень вкусной.

Несмотря на возражения Михаила Ануфриевича, взял половину тайменя с головой, завернул ее в льняную тряпку и положил на край большого обеденного стола:

– Возьмешь вот эту половину, не забудь и не смей отказываться, не обижай меня.

После этого от своей половины тайменя нарезал острым ножом нетолстые серебристые куски. Положил их в тарелку и подвинул гостям:

– Угощайтесь, гости дорогие.

Спиртное на стол Капитон ставить не стал, знал, что батька Нафрей уважения к спиртному не испытывает.

Авдотья, жена Капитона, выказывая свое расположение к гостям, поставила самовар на стол и сама наливала каждому гостю чай. Михаил смущенно краснел и отпивал чай из красивой чашки маленькими глотками, остерегаясь, что если он выпьет весь чай, то хозяйка снова будет наливать ему. Видя, что Михаил стесняется, не пьет чай и ничего не берет, Авдотья, глядя на Михаила, сказала:

– Угощайтесь, молодой человек, не стесняйтесь.

Услышав приглашение, Михаил осмелел, подумав: с удовольствием. Тайменя я и дома поем, но почему бы не взять конфету, таких конфет я еще никогда не ел. Какая замечательная женщина, эта хозяйка дома... – и протянул руку к вазочке, где лежали конфеты. Но хозяйка, глядя на него, произнесла:

– Без церемоний, молодой человек, без церемоний!

Михаил отдернул руку от вазочки. И засмутился. Видя это, хозяйка опять, глядя ему в глаза, повторила:

– Не стесняйтесь, молодой человек, будьте смелее, угощайтесь.

Михаил, понимая, что хозяйка приглашает именно его что-нибудь взять со стола, вновь протянул руку к вазочке с конфетами, пытаясь взять одну конфету, но вновь услышал от хозяйки:

– Без церемоний, молодой человек, без церемоний.

Михаил снова отдернул руку и стал пить чай без ничего. Хозяйка в это время отошла от стола. Видя, что родители стали есть рыбу, а потом взяли по пирогу и едят их, припивая чаем, Михаил взял, как и родители, пирог и стал его есть.

Чаевничали недолго, так как приехали по делу. За небольшим застольем и чаепитием была объяснена причина неожиданного прибытия Мухаревых в гостеприимный дом Скударновых. Жена Капитона Авдотья была деловой женщиной, жила по русской пословице «делу время, а потехе час», поняв причины приезда Мухаревых, сразу после застолья деловито приступила к исполнению желания гостей-заказчиков, сказав им:

– Несите шкуры, посмотрим, годятся ли они для скорняцкого дела.

Пока Михаил ходил за шкурами, кликнула в горницу доченьку:

– Машенька, доченька, иди к нам, заказчики приехали, работать будем.

В горницу зашла статная, аккуратненькая, как куколка, молодая девушка, на руках у нее сидел живой хорь и своими глазами-бусинками внимательно смотрел на гостей.

– Здравствуйте, гости дорогие, – проворковала она.

– Здравствуй, красавица, – поприветствовали Машеньку гости и переглянулись между собой, чувствовалось, что гостям она приглянулась.

– Какая славная скромная девушка – ваша дочь, – похвалила девушку Елизавета.

– Баловница и озорница! – ответила хозяйка. – Хлебом не корми, дай побаловаться. Это она при вас тихая.

В это время в дом с мешком выделанных шкур зашел Михаил.

– Познакомься, Машенька, это наш сын Михаил.

– Маша.

– Миша.

Представились друг другу молодые. Миша глядит ей прямо в глаза, а Маша поднимет ресницы, глянет на Мишу и опустит глаза, снова поднимет ресницы, глянет на Мишу и опять опустит глаза. Маша засмушалась, а Михаил от удовольствия, что Маша такая скромная, аккуратная, красивая и ладная, засиял, как солнце. Маша была в повседневном платье с карманами, которое сшила сама. Поверх платья была надета кофта из овечьей шерсти, связанная ей самой. Мишу поразили прекрасные зеленые глаза Маши, которыми хотелось бесконечно долго любоваться и от которых невозможно было оторваться.

Маша, показывая своего любимца хоря Михаилу, сказала гостю:

– Познакомься, мой любимчик, назвала я его Ласкуном, очень ласковый он и очень любит рыбку. Дам ему несколько рыбешек, он затащит их под лавку, ест, своими глазками-бусинками на всех поглядывает, причмокивает и ест рыбку за рыбкой.

Михаил погладил Ласкуна по спине. Тот нисколько не испугался его. Маша отпустила хоря, который юркнул в подполье, и мать с дочерью взялись осматривать добротные выделанные шкуры и снимать поочередно с каждого гостя мерки-размеры. Нафрей и Елизавета удивлялись, как дружно работали мать с дочерью, осматривая шкуры и делая необходимые им для шитья шуб замеры.

После отъезда Мухаревых Марьюшка прижалась лбом к стеклу.

– Неужели он не приедет больше? – подумала она. – Может быть, с опасения расстаться навсегда и начинается любовь?

– Любовь... – тихонько произнесла она и, стесняясь сама себя, что произнесла это затаенное душевное слово вслух, залилась краской, боясь, что ее мог кто-нибудь услышать. С этого дня у нее появилась сердечная тайна и надежда. Надежда светила ей ярко и ободряюще. Марьюшка захмелела от радости и на каждое слово, на каждое ее движение с этого момента наложилась эта тайна. Сердце подсказывало, что она не ошиблась в

Михаиле. Подумав с опаской, что Михаил может не приехать, она не обманулась ожиданием, Михаил оправдал ее надежды.

Солнце стояло в зените, когда Мухаревы возвращались из Черепаново домой в Иганино, настроение было хорошим. Всем понравился радушный прием, устроенный хозяевами дома. Понравился и дом, и содержащаяся в порядке усадьба, и хозяйева, душевно, радушно и хлебосольно встретившие гостей, и многочисленная детвора Скударновых, а особенно вторая дочь Скударновых – Машенька. Старшая дочь Александра была уже замужем. Всем все понравилось. Растроганный радушным приемом батя Нафрей говорил:

– Хороший друг Капитон, хороший человек, от души встретил нас, как родных.

Михаил ехал домой, вдыхая всей грудью свежий таежный воздух, и улыбался, вспоминая приятные минуты короткого общения с Марьюшкой, и сказал:

– Жалко только, что черемонинку не попробовал, хозяйка не разрешила.

– Чего тебе не разрешили попробовать, какую черемонинку? – переспросил Нафрей.

– Какую-какую, простую, – ответил Михаил, – конфету в вазочке. Я хотел взять, а хозяйка говорит:

– Без церемоний, без церемоний. Зачем же их на стол поставили?

Отец с матерью прыснули от смеха.

– Она тебе не запрещала, а наоборот, предлагала смелее брать конфеты, не стесняться. Ты ее не понял, сынок.

Этот конфуз, произошедший с Михаилом Ануфриевичем в первое знакомство со Скударновыми, до настоящего времени помнят все его потомки.

– Ну, а Машенька тебе понравилась? – спросила мать у сына.

Услышав вопрос, Михаил выпрямился, даже складки на его лице расправились.

– Очень понравилась, – ответил Михаил.

– Мне кажется, она добрая, ловкая, как наша мама.

– Да, хлопотная девушка по дому, это мы с отцом заметили.

– А мы еще приедем к Скударновым? – спросил Михаил у родителей.

– Обязательно, – ответил отец, а потом добавил: – Взрослый ты уже стал, женить тебя надо.

– Зачем, мне и с вами хорошо.

– Без женщины нельзя. Мы с матерью решили, что поедem сватать Марьюшку. Ты не возражаешь?

– Не возражаю, батя, она мне очень понравилась!

С первого раза, с первого взгляда у Михаила и Марьюшки сразу сложилось тайное родственное влечение душ и взаимная симпатия. С того делового знакомства и началась взаимная любовь моего прадеда и прабабушки. Они просыпались с мыслью друг о друге, мечтая о встрече, где бы они ни были и что бы ни делали, мысленно встречаясь и гуляя друг с другом.

Было Михаилу тогда двадцать два года – самая пора жениться.

Свадьба

Через неделю Машенька была сосватана, а на Покров сыграли свадьбу. Обряду проведения свадьбы уделяли особое внимание, старались сделать ее красивой и памятной, ведь рождалась новая семья. Свадьба была первой ступенькой совместной жизни молодых. В этот день жизнь и судьба каждого соединяются и вливаются друг в друга. После свадьбы начиналась общая жизнь. Жилища жениха и невесты украшались, жених и невеста, их родственники и друзья – все надевали праздничные одежды. Марьюшка была в белом венчалном, длинном, до земли, платье. Михаил был модным женихом. На свадьбу он надел красивый черный костюм и сапоги «с музыкой», которые при ходьбе задорно скрипели. Для того чтобы сапоги скрипели, друзья жениха втачивали ему в подметки головки бересты, ходить и плясать в них было весело. Это было очень модно. Для веселья на свадьбу приглашался лучший в округе гармонист. Жених с гармонистом, друзьями и близкими родственниками ехали выкупать невесту. После выкупа поехали в церковь на венчание. Церковь была полна празднично наряженных парней и девушек, как родственников со стороны жениха и невесты, так и просто друзей, живущих в Иганино и Черепаново. Но таких было мало, в основном были родственники, так как просто чужаков в старых чалдонских деревнях не было, они там не жили. Афонинская церковь давно не видала столько много молодежи. Вся родня, присутствующая на венчании, стояла в церкви тихо, со светлыми лицами, выражающими строгое воодушевление, свидетельствующими об их присутствии на важном для всех обряде святого таинства. В Афонинской церкви батюшка благословил Михаила и Марьюшку на долгую совместную жизнь. Молодые люди обменялись золотыми обручальными кольцами, чтобы любовь была крепче и на всю жизнь.

Во время венчания Михаил и Марьюшка поняли, что в их жизни в этот момент произошло самое важное – жизнь каждого соединилась в одну общую, и они стали единой семьей. В душе каждого поселилось ожидание первой встречи с любовью во время первой брачной ночи с радостным стоном и болью невесты, становившейся женщиной.

Господи, как радостно, светло, хорошо было на душе у обоих. Черный цвет костюма и подобный легкому белому облаку цвет платья подчеркивали торжественность момента. Жених был взволнован и восхищен красотой невесты – стройной, среднего роста, с красивым лицом с нежной загорелой кожей, с большими зелеными глазами, черными длинными ресницами, небольшим аккуратным носиком и небольшим ртом с пухлыми – бантиком – губками. Черные волосы в контрасте с белой фатой и белым венчальным платьем делали ее сногшибательной. Из церкви молодые во главе свадебного кортежа отправились на тройке в дом к жениху. На улице снег побелил все окрестности. Вдоль саней побежала покрытая снегом земля. Перед ними открылись дали убранных заснеженных полей и зеленой нескончаемой тайги. Сзади на своих упряжках так же бойко ехали друзья, гармонист и многочисленные родственники молодых, но так, чтобы не обогнать их, но и не отстать. О том, что едет «свадьба», говорили не только звенящие на дугах колокольчики, но и праздничные трели играющей гармони. Гремит свадьба, летят кони, а впереди катится, как белое облако, как цветущая черемуха, молодая невеста с женихом, и сердца обоих переполнены нежностью друг к другу.

Батяка Нафрей заботился о сыне, он у него был единственный, даже на свадьбе оберегал его, как мог, никому не доверил управление праздничной, с бубенцами на дуге, с лентами, вплетенными в гривы лошадей, тройкой, которая везла молодых. Кони были накормленные, подкованные, шкуры у них лоснились от подкожного жира. Лихо, поямщицки, правил он этой тройкой. Бричка, в которой сидели молодые, была на рессорах и на резиновом ходу. Батяка Нафрей, чтобы молодые не замерзли, положил на сидушки овечьи шкуры и закутал ноги жениха и невесты теплым пологом. Везя молодых из Афонинской церкви домой в Иганино, Нафрей крепко держал вожжи в руках. Пришпоривая лошадей, кричал Марьюшке:

– Не боишься, невестушка?

– Нет! – радостно смеясь, отвечала невеста.

Батяка Нафрей разгонял лошадей, заставляя бежать их быстро, скорость показывал, вот, мол, какие у нас кони резвые. За ними мчалось еще несколько украшенных цветами и праздничными лентами бричек, также

запряженных конями, в гривы которых были вплетены красивые яркие ленты. Вокруг был широкий простор слегка заснеженных, уже давно убранных полей, синева раскинувшегося над ними необъятного неба, нескончаемая зелень обступающей поля тайги, зимний, свежий, пьянящий воздух, гонимый небольшим ветерком от родной тайги. Невыразимая земная красота всего этого радовала и поднимала и без того праздничное настроение молодых, родных и близких им людей.

– Едут! Едут! – закричали мальчишки, бегающие по краю деревни в ожидании молодых, увидев издалека свадебный кортеж и услышав приближающийся к деревне Иганино звон колокольчиков, подвязанных к дугам праздничных бричек над головами лошадей. Другие мальчишки и девчонки, крутящиеся во дворе дома Нафреевича, забежали в дом и радостно сообщили:

– Тетка Елизавета, свадьба показалась. Нафреевич молодых везет, уже к деревне подъезжают!

Всех гостей как будто ветром вынесло из дома на улицу, во двор дома встречать молодых. Около дома вместе с приезжими собралось так много народу, что среди них было трудно протиснуться. Деревенские бабы, даже те, кто не был приглашен на свадьбу, достали из своих сундуков красивые цветастые шали, нарядились и подошли к избе Мухаревых для встречи молодых, стояли, всех разглядывали и обсуждали. Для Иганино это было событием года, все веселились. Теперь местным сударушкам до лета хватит разговоров об этом событии, если вдруг не сыграют новую свадьбу или, не дай бог, кто-нибудь не помрет в этой деревне. Даже собаки вместе с хозяевами со всей деревни сбежались к дому, где играли свадьбу, не грызлись, а жались к ногам своих нарядных хозяек и махали хвостами, будто понимая, что происходит. Веселые приезжие знакомились с радушными хозяевами и по команде дружки жениха все – и гости, и приезжие, и соседи выстроились в «коридор» от ворот ограды до крыльца дома, на котором стояла мать Михаила Елизавета с иконой Крестителя в руках. Рядом с ней держала хлеб с солью на полотенце с петухами, как и положено по русскому обычаю, одна из близких родственниц Мухаревых.

Михаил орлом выскочил из брички и, подав Марьюшке руку, помог выйти во двор дома, где ей предстояло теперь жить. Многочисленные родственники стали осыпать молодых, идущих по созданному коридору к крыльцу дома, зернами пшеницы. Подходя к крыльцу, молодые замедлили шаг, а подойдя к крыльцу, на котором стояли родители жениха, поклонились им. Батка Нафрей успел обогнать молодых и встать рядом с женой Елизаветой на крыльце дома для встречи молодых и взять икону из

рук жены. А Елизавета взяла в руки хлеб с солью. Отец жениха благословил молодых иконой и дал ее поцеловать. После этого молодым было предложено откусать свежее испеченного каравая. При этом свое проворство показала молодая, откусив своим маленьким на первый взгляд ротиком кусок каравая поболее, чем откусил жених. Все, особенно родня невесты – Скударновы, радостно и одобрительно закричали, захлопали в ладоши. Михаил был крепким молодым человеком. Он поднял невесту на руки, ощущая тепло, идущее от ее тела, взошел с ней на крыльцо и внес на руках в дом, где опустил на пол со словами:

– Живи счастливо в нашем доме, Марьюшка!

Марьюшка прижалась к нему. Вслед за ними в дом вошли родители жениха и невесты и все гости. В доме их уже ждали накрытые белыми скатертями с кисточками и заставленные разнообразными праздничными блюдами столы.

– Рассаживайтесь, гости дорогие, кто где желает, – радушно приглашала за столы хозяйка дома Елизавета. Ей хотелось хорошо угостить гостей, чтобы все ели и пили досыта и веселились. Ведь это их свадьба. Их единственный сын сегодня женился. Вообще сибиряки были очень гостеприимны, даже в простые праздники угощали гостей самой лучшей едой, которая была в доме, если в доме был гость, то это считалось праздником, а здесь – свадьба. Жених с невестой и их родители, а также торжественный и благообразный, счастливый от того, что дожил до свадьбы внука, дед Афанасий Петрович сидели во главе стола, где им и положено сидеть, и радушно приглашали всех к застолью. Дед Афанасий был, как икона, в дополнение к тем, что стояли в красном углу избы, чувства его переполняли, и от этого он сиял, как начищенное золото.

Изба Мухаревых была полна гостей, все перемешались: Мухаревы, Скударновы, Тихоновы, Черепановы, Игнатьевы, Мартыновы, Тузовкины. В Сибири было принято радушно принимать, вкусно и сытно кормить и поить гостей. Мой отец всегда говорил: если к тебе пришли в гости, то вы с женой должны на стол выставить все самое лучшее, что есть в доме. Я что +

его наказ, и всегда мы с женой гостей встречаем так, как наказывал отец.

Стол были заставлены бутылками с медовухой, вином, запотевшими бутылками с водкой, самогоном, квасом из березового сока, различными компотами из таежных ягод и тарелками с холодцом, кусками говядины, свинины, лосятины, зайчатины и разнообразной птицей дикой и домашней – рябчиков, тетеревов, уток, гусей, кур и всякой другой домашней снеди. Чалдоны любили, чтобы столы ломились от обилия еды и питья. Заранее

практически ничего не готовили, чтобы все было свежим. Загодя готовили только холодец, домашние колбасы из разнообразного мяса и стряпню: булочки, пироги, расстегаи, хворост. Стояли соленья из овощей: помидоры, огурцы, капуста и грибы, которые заготовили не к свадьбе, а осенью на всю зиму до следующего года к обычному столу. Все остальное готовилось с вечера предыдущего дня.

На стол подавалось все с пылу с жару, все было свежеприготовленным. Часть пищи готовилась и в соседних домах многочисленной родни Мухаревых, помогали каждый кто чем может. В этих домах жарили, парили и варили, все готовили для свадьбы. Из этих домов к дому жениха сновали нарядные веселые женщины – таскали в дом то одно кушанье, то другое. Возле столов и у печи сустились женщины – родня жениха, а руководила ими мать жениха Елизавета. В доме было тепло, уютно и весело, царило праздничное настроение. Лица женщин были красными и потными от жара рядом стоящих печей. Они готовили, подавали и приносили кушанья, чистые тарелки, вилки, ложки, ножи и небольшие полотенчики для вытирания лица и рук. Работы этим женщинам было немало, так как гостей был полон дом. И каждого гостя надо было как следует принять, уделить ему внимание и угостить. Они беспрерывно сновали от печи к кладовой, от кладовой к столам и обратно. Начиная застолье батяка Нафрей. Увидев, что гости расселись, рюмки наполнены, вилки и ножи разложены, он встал. Вместе с ним поднялась и Елизавета, а он произнес:

– У наших детей сегодня самый большой в их жизни праздник. Бог свел их, они полюбили друг друга, они получили в церкви благословение господне на совместную жизнь. Мы с матерью желаем им радовать нас сыновьями и дочками и прожить всю совместную жизнь в любви и согласии! Прошу меня поддержать и выпить за молодых!

– За молодых! За молодых! За молодых! – вторили гости.

Все встали и стоя выпили за первый тост. В доме стало еще шумней и веселей, после первой рюмки гости ожили и заговорили. Все пили и ели, разговаривали и кричали, обнимались и, братаясь, целовались, веселились кто как умел и кто как мог. Воздух дрожал от гула голосов, звона рюмок, стаканов, тарелок, вилок, ножей. Хозяева подливали спиртное в рюмки гостей и угощали их всякими разносолами.

Жених не сводил глаз от невесты. Все поздравляли молодых, чокались, выпивали, закусывали, хвалили еду, родителей жениха и невесты, родню с обеих сторон, а особенно молодых.

– За жениха и невесту мы всегда выпьем, – говорили гости.

– Правильно, соглашалась с ними родня жениха. – Пьем за молодых!

Хозяева всех на свадьбе угощали, поили, а сами много не пили – за порядком кому-то надо было следить. Опустошали бокалы и поднимали тосты за родню невесты, за ее родителей и так до бесконечности. Когда гости закричали молодым:

– Горько, горько, горько!

– Михаил крепко целовал Марьюшку в мягкие пухлые губы, нежно обнимал и тихонько прижимал к себе, боясь повредить ей ребра, так как был очень сильным. Всем было весело. В натопленной горнице стало еще теплее от запаха спиртного и человеческой испарины. В доме стоял смех и праздничный гвалт. Между ног у взрослых сновали ребяташки. Сват Капитон Скударнов обнимал батьку Нафрей и говорил ему на ухо, что он, сват, батька Нафрей – хороший человек, свадьба организована хорошо, всем весело, угощение хорошее и, что он, Капитон, рад, что он породнился с Мухаревыми. Рад тому, что его любимая дочь Машенька уходит в хорошую семью. Праздничный восторг царил в доме. Гулянье продолжалось, свадьба гремела. Чувствительно стало ощущаться присутствие Бахуса, но главным среди веселящихся, был не Бахус, а Бог веселья.

Мухаревы редко употребляли спиртное, а если употребляли, то предпочитали легкую медовуху. Это было в дни церковных праздников: Рождество Христово, Пасху, первопрестольный праздник Афонинской церкви – Святых Первоверховных апостолов Петра и Павла, Покров Пресвятой Богородицы. Другие православные праздники также отмечали, но более скромно. Последний праздник Покров Пресвятой Богородицы праздновался и потому, что уборка урожая закончилась, начинались морозы, забивали скотину, и начинался мясоед. В эти дни вся семья садилась за праздничный стол и ради гостей на стол подавалась медовуха. В будние дни спиртное на стол не ставилось, и его никто из домашних не пил. Батька Нафрей был строгим, выпивку не приветствовал, поскольку она отвлекала от работы по ведению домашнего хозяйства. Но на столах для гостей в праздничные дни было все, на любой вкус – и крепкое, и сладкое, и кислое.

В доме необыкновенно вкусно пахло едой. Вокруг столов – все многочисленные родственники Мухаревых и Скударновых. В то время пришедших в Иганино, на Пчелки и в Черепаново было совсем мало, так что гуляла вся деревня Иганино и гости с Пчелки и Черепаново. После нескольких тостов гармонист извлек свою трехрядную гармонию и развернул меха. Голосистые переборы гармони наполнили весь дом. Гости встали, но

еще не плясали, а захватывающая душу плясовая мелодия уже билась у их ног и подмывала на пляску всех независимо от возраста.

Михаил вывел невесту из-за стола, подав ей руку. Марьюшка вошла в круг, поправила платок на плечах и пошла по кругу.

Ай, боже, как пошла, не пошла, а поплыла, как по воде лебедушка, поводя плечами и скользя по полу ножками. Михаил также заскользил первый круг за ней. Хороша, молода, стройна невеста, глаз не оторвать. Михаил был влюблен в нее, и ему казалось, что от нее исходит особая энергия, включающая тепло и свет, проникающий в его душу, отчего он становился бодрее, энергичней, радостней и веселей. Ее улыбка, блестящие зеленые глаза на загорелом, покрытом румянцем лице завораживали его. Следуя в танце за ней, он не сводил с нее влюбленных глаз и не просто смотрел на нее, а любовался ею. Глядя на невесту, вся родня жениха сразу влюбилась в нее, а сторона Скударновых загордилась ей. Пройдя первый круг, невеста развернулась к жениху лицом и стала выстукивать дробь на каблуках. Щеки ее разрумянились, а черная коса летала по воздуху позади ее спины. Жених, также отбивая дробь каблуками сапог, отвечал ей, одновременно стуча ладонями рук по груди, ногам и голенищам сапог, со страстью и с молодым задором, поднимая у всех присутствующих настроение для русской пляски и приглашая всех гостей в круг. Жених не плясал, а летал за невестой по кругу, созданному гостями. Молодые ходили друг перед другом задорно, выбивая дробь каблуками до блеска начищенных сапог и ботиночек, надетых на крепкие крестьянские ноги, глядя любовно в глаза друг другу, а гости, стоящие в кругу, хлопали ладоши. Невеста в центре ходила по кругу, а жених – вокруг нее вприсядку.

Она была не только хороша, но и по-настоящему красива: розовые щечки, пухленькие губки бантиком, длинные черные ресницы, белоснежная гладкая длинная лебяжья шея, стройная и гибкая, как березка. Михаил с момента, когда увидел свою Марьюшку в подвенечном платье во время выкупа в доме Скударновых, не мог оторвать от нее влюбленного взгляда. А во время танца ничего не видел, кроме лица и белого венчального платья невесты, и чувствовал только мягкое и доброе тепло, исходящее от ее тела. У него даже останавливалось дыхание при мысли, что эта красота могла достаться не ему, а кому-нибудь другому. И озорно и лихо отплясывая, он с нетерпением ждал позднего вечера, когда он сможет дотронуться до мягкой теплоты двигающихся перед ним бедер. Теперь это тепло принадлежит ему, ему и только ему! А она своим поведением и своими глазами подтверждала это ему: принадлежу только тебе, тебе, единственному и неповторимому! Отплясав, невеста вышла из круга и прошла за стол, сказав:

– Ох, и упарилась я!

От танца невеста раззадорилась и стала еще красивей. Ее зеленые глазищи блестели и сверкали. Влюбленный жених, прекратив пляску, выскочил за ней из круга и сел за стол вслед за своей любимой. Батка Нафрей, видя, что молодым жарко, открыл форточку и впустил в комнату свежий воздух, восторженно сказав:

– Ну вы и даете, чуть пол не проломили! Я так уже не смогу.

Невестушка с благодарностью посмотрела на него. Михаилу хотелось быть рядом с Марьюшкой и идти за ней, сколько угодно и куда угодно, хоть до конца земли, хоть на край света. Раззадоренные женихом и невестой гости бросились в пляс вслед за ними. У девушек и женщин на плечи упали платки, открыв их нежные и длинные шейки. У всех мужчин и женщин, уже подогретых спиртным, задорно заблестели глаза, и все стали выстукивать каблуками...

– Топ-топ, топ-топ-топ, топ-топ!

Дом наполнился весельем, никто не сидел, все плясали. Пол в доме ходил ходуном. Стаканы, рюмки, графины и лежащие ножи и вилки, подпрыгивая от дрожащих столов, также плясали, словно радуясь общему веселью. Разлетались в разные стороны от лихих плясок длинные плотные косы чернявых и светло-русых чалдонок, специально задевая по разгоряченным лицам веселых кавалеров, которые с удовольствием прижимались к полногрудым и худощавым барышням. Веселый гармонист сидел на табурете и жарил на гармонии изо всех сил. Ему то и дело подносили выпить и закусить, от чего он не оказывался. Пальцы гармониста летали по черно-белым клавишам, отчего гармонь плакала, смеялась и стонала, беря души русских сибирских мужиков, мало отдыхающих, но много работающих. Плясовые мелодии – подгорная, барыня и другие, придуманные и мастерски исполненные самим гармонистом, заставляли гостей вновь и вновь плясать до упада, выражать свою душу в пении и плясках. Гости пели, плясали и веселились от души. В доме стоял шум и гам. Веселились они так, словно целый год не гуляли, а ждали приглашения на эту свадьбу. Особенно хорошо плясал отец жениха Ануфрий Афанасьевич. Он то ходил по кругу, притопывая ногами, хлопая руками, по груди, коленями, голенищам сапог, то приседал и подскакивал с особой красивой удалью со всей душой, стараясь, чтобы семейная жизнь у сына сложилась успешно. Красиво, весело и от души на своей свадьбе отплясывали молодые Михаил и Марьюшка. Веселье затронуло душу гармониста, он не выдержал, вскочил и пошел плясать со всеми вприсядку, выплясывая и играя одновременно. Гармонист плясал не из-за денег,

которые ему отсыпал щедрый батька Нафрей, а из-за того, что, глядя на гулянку, его русская душа потребовала веселья, и он не смог остановить ее, пустился вместе со всеми в пляс. Свадьба вышла первостатейная. Молодым казалось, что весь мир от земли до неба был создан для них двоих, для их счастья. Они хотели, чтобы в мире все были счастливы вместе с ними.

Навсегда в памяти Михаила Ануфриевича и Марии Капитоновны сохранились воспоминания о первой брачной ночи на железной кровати, модной в то время и приобретенной батькой Нафреем специально для молодых, на мягкой пуховой, невероятно большой перине, застеленной простынью, под стеганым одеялом с пододеяльником и на двух больших пуховых подушках возле русской глинобитной печи, которая во время первого брачного знакомства друг с другом отсвечивала им красными печными отсветами в подтверждение, что для обоих молодых это было в первый раз. Настроение у них было сдержанно-возбужденным и радостным, такое, каким оно бывает у молодых людей, которые до этого праздничного момента никого и никогда не знали.

– Счастливый сегодня для нас день, Миша, правда?

– Правда, Марьюшка, счастливый...

Неожиданно для нее Михаил не выдержал напряжения, скопившегося от долгого желания знакомства с невестой, энергия прорвалась, и он стал жадно и крепко целовать ее, прижавшись к ней всем своим телом и чувствуя через всю ее праздничную одежду сильно бьющееся сердце и упругие юные стоящие грудки. Марьюшка, позволив поцеловать себя, неожиданно для него отстранилась, упершись ладонями в его сильную мускулистую, с горячим сердцем грудь, нежно провела по его губам пальчиками. С улыбкой сказала:

– Не спеши, давай разденемся, однако какой ты горячий, как медведь, чуть не съел меня!

Михаил послушно отпустил ее и, как солдат, смотрел ей в глаза, а она, начав раздеваться, сказала ему:

– Отвернись, Миша.

Она стеснялась его. Михаил отвернулся, но краем глаза видел, как она высоко подняла красивые, загорелые, сильные руки, снимая с себя свадебное платье, как снимает красивую белую льняную сорочку, плотно облегающую ее тугое, полное сил и здоровья, сохраненное для него молодое тело, и как сползают ляпочки нового французского бюстгальтера, купленного в модном магазине губернского города Томска.

Капитон не пожалел денег, чтобы одеть невесту модно и красиво. Оголяя бронзовые от загара, круглые плечи и руки, тронутую загаром спину

с белой полоской от лямок лифчика, белоснежные ягодицы и всю целиком свою красивую, стройную фигуру, как перекачивается черная коса по плечам и спине, как она перекинула ее вперед, сначала расплела, а затем, придерживая руками пучок волос на затылке, распустила его, и густые черные волосы рассыпались по всей спине во всю длину до ягодиц. «Как у нее все красиво и ловко получается» – подумал Михаил. Раздевшись, Марьюшка юркнула под одеяло.

– А ты чего, Миша, не раздеваешься, так до утра стоять будешь? – пошутила Марьюшка. И стала наблюдать за ним и любоваться им – какой он стройный и высокий, мускулистый и крепкий.

«Родненький мой, иди ко мне», думала она и при этом испытывала чувство счастья, что сейчас должно произойти то, к чему Господь создал женщину.

Михаил, стесняясь наготы своего тела, быстро разделся, не складывая аккуратно одежду, как сделала Марьюшка, а скинув свой праздничный костюм на стоящий рядом стул, мгновенно залез к любимой под одеяло. Он стал робко и нежно обнимать, гладить и целовать Марьюшку, вернее тянулся своими губами к ее губам, чувствуя, как пахнет ее кожа, а она, как могла, отвечала ему. Михаил тесно прижимался своей грудью к ее будущей материнской груди, горячей и мягкой, созданной Богом для того, чтобы они вскармливали будущее поколение. Молодые помогали друг другу, неопытный жених, а он был полный профан в интимных делах, не совсем понимал, где расположено сокровенное место невесты, куда он должен был проникнуть. Почему-то он считал, что оно расположена на лобке, поэтому никак не мог в него проникнуть, но сообщая молодые правильно разобрались в анатомии невесты, и он нашел, и она отдала ему то, что хранила для него всю свою прежнюю жизнь до этого момента. С этого момента их тела и души соединились, любовно согревая друг друга. После близкого знакомства с Марьюшкой лицо Михаила расплылось в радостной улыбке от сознания, что он теперь настоящий мужчина.

– Марьюшка, я люблю тебя.

– И я тебя люблю, Миша!

– Марьюшка, ты родишь мне сына?

– Рожу, милый, для тебя я рожу и сына, и дочку. А ты, Миша, хочешь дочку?

– Хочу, милая, хочу и дочку.

Утром их разбудил кот, который спрыгнул с печи и стал мяукать у плотно закрытого шторами проема в гостиную комнату, просясь на улицу. Михаил выпустил кота Ваську из комнаты и снова лег уже не к невесте, а к

законной жене, нежно прижался к ее горячему телу и стал вдыхать теплый аромат ее молодой кожи. В эту первую брачную ночь он был необычайно нежен с ней, любил ее за свежесть и красоту, за то, что она дождалась его, трудолюбивого крестьянского сына, которого полюбила с первого взгляда, досталась ему нецелованной и нетронутой, за то, что подарила ему доселе неведомое чувство близости с собой, девушкой его мечты. И за все за это он был благодарен ей.

«Счастье мое. Хорошо, что ты мне досталась», думал он. Он впервые испытал близость с женщиной, ему было хорошо. Голова кружилась от счастья. Когда женошка проснулась, они умылись и оделись. Она взяла гребень, расчесала волосы, заплела косу, завернула ее кольцами на затылке и укрепила эти кольца красивыми серебряными заколками. Новоиспеченные муж и жена вышли к гостям, а дружка жениха радостно показал всем гостям белоснежную простынь с яркими красными пятнами, подтверждающими, что и жених не подкачал, и невеста не подвела. Родня жениха навязала на бутылке со спиртным красные банты, и из этих бутылок стали наливать всем гостям спиртное. Свадьбу гуляли практически неделю: три дня у жениха в Иганино и три дня у невесты в Черепаново. В домах жениха и невесты для ночлега гостей было места мало, поэтому ночевальщицков разбирали по своим домам родня жениха и невесты.

Навеселившись, наплясавшись, натанцевавшись, напевшись и устав от обильного застолья, молодые вышли на улицу. Слышно было, как за закрытыми дверями в доме стучали каблуки в такт игре гармонии, плясали, пели и смеялись. Студеный день принял нагулявшихся вволю молодых прохладой, в лицо после домашней жары бодряще ударило свежим воздухом, располагая к раздумьям о будущей совместной жизни. На душе было спокойно и весело. Они взялись за руки и пошли гулять по улицам и окрестностям Черепаново. Они шли по пустому селу, покрытому белым пушистым снегом. Свежий ветерок обдувал их молодые счастливые лица. Здесь, в стороне от шумной свадьбы, от постоянного внимания со стороны гостей и друзей, присутствующих на свадьбе, они принадлежали только друг другу. В селе было пусто, стояла тишина, только из кузницы на краю села доносились удары молота о наковальню. Теперь и в Черепаново Михаил чувствовал себя не гостем, а хозяином, как и все Скударновы, живущие здесь. Во время прогулки Машенька вдруг стала грустной. Михаил увидел это, обнял Машеньку и спросил:

– Что случилось, почему печаль пришла к тебе, почему ты загрустила?
Машенька нежно прильнула к нему и ответила.

– Страшно мне уезжать от родителей к вам в Иганино, как я буду жить там вдалеке от них?

– Да ты что, Марьюшка, теперь мы с тобой муж и жена, в церкви венчанные, роднее, чем ты, у меня никого нет, помни и знай это и ничего не бойся.

– Я понимаю это, и с тобой ничего не буду бояться, но здесь у вас совсем рядом с деревней тайга, а в ней волки, и рыси, и медведи водятся. Марьюшка имела в виду полторагодовалой давности случай, произошедший с жителем деревни Черепаново. Этот случай был на слуху во всей округе, и Михаил знал про него. Один из черепановских жителей гостил в Иганино и загостился – наступил вечер, на улице стало темно.

– Поедешь или останешься до утра? – спросил хозяин у гостя.

– Поеду, не люблю ночевать не у себя дома.

– Смотри, вокруг деревни волков много.

– Волков бояться – в лес не ходить. Прошло то время, когда волками пугали. Живете вы в Иганино, как в глуши, одними страхами, – бахвалясь своей смелостью и силой, стибая огромные руки в локтях и показывая бицепсы хозяевам, ответил пьяный черепановец.

Собрался, вышел во двор, поглядел на накатанную дорогу, теряющуюся в тайге. Морозный ветерок бодрил, дышалось легко. Пьяный чувствовал себя хозяином и повелителем всего, что его окружало, сел на лошадь, запряженную в сани, утепленные сеном и овчинными шубами, хлопнул лошадь вожжами по бокам и молодецки крикнул: «Ну, пошла, цыля!» и поехал в Черепаново.

– Будешь ехать, не спи, оглядывайся вокруг себя, не дай бог, волки, – перекрестив Скударнова и сказав: «С богом!», благословил отъезжающего гостя хозяин. «Ничего не боится, смельчак, ему и черта объезжать не страшно», – восхищенно подумал он про него.

Снег закрипел под полозьями саней, скользящими по накатанной дороге. Ночь была темная: ни луны, ни звезд, вокруг тишина, только белел снег на проходящей через тайгу дороге. Мужик проехал не так много, как неожиданно для него сзади и сбоку стали метаться четыре зеленые звездочки. Хмель мгновенно покинул черепановца. По телу пробежала дрожь, и спину, ставшую мокрой, свело судорогой. Он понял: волки. Откуда взялась пара волков, он не видел, но они стала преследовать его, лошадь понесла.

– Быстрее, родимая, быстрее, – нахлопывая по бокам вожжами, торопил он и без того мчавшуюся лошадь, вглядываясь в темноту и ожидая, когда, наконец-то появятся огни Черепаново, но огней все не было и не

было. Волки бежали уже совсем рядом с санями. У мужика было ружье, он выстрелил и убил одного волка. Второй волк отстал, и черепановский мужик благополучно на взмыленной лошади добрался до дома.

На следующий день, протрезвев, черепановец с родственниками поехал осматривать дорогу, по которой за ним гнались волки, и нашли там убитого волка.

Михаил Ануфриевич знал про этот случай, как и все жители соседних деревень. Обняв Марьюшку, Михаил сказал ей:

– Не бойся, милая, того волка убил твой земляк, а других волков у нас нет, а если есть, то они на людей не бросаются, тайга кишит зверьем. Волки у нас сытые, на людей не бросаются. Батька Нафрей на все умеет охотиться – и на глухарей, и на тетеревов, и на рябчиков, и на лисиц. Мы с ним тебе лисицу на воротник добудем, вообще лису добыть непросто, иногда надо затратить неделю или даже больше, поэтому батька охотится на лисиц редко. Сама понимаешь, времени свободного даже зимой у крестьян редко бывает. Лиса очень умный и осторожный зверь. Когда батька Нафрей ходил охотиться на лисицу, то обязательно брал с собой для приманки какую-нибудь падаль. За деревней на скотомогильнике можно всегда что-нибудь найти: конину, телятину или овцу, или еще что-нибудь. Эту дохлятину оставляют на пригорке, на возвышенности. Лиса очень осторожная, сразу к еде не подходит. Будет вокруг нее ходить, даже неделю не притрагиваясь, даже если очень голодная. Бывает, кружит долго вокруг, подойдет, только лапами потрогает, но не кусает. Стоит ей мясо погрызть, становится смелее и только потом начинает есть. Если голодная лиса пересечется со следом сытой лисы и почует запах мяса с лап сытой лисицы, то она пойдет по ее следу к еде. Лиса идет очень аккуратно, след в след. Бывает, что охотник найдет след лисы и сразу не поймет, что здесь прошли две лисы. Лишь иногда лиса может слегка оступиться. Умные звери всегда ходят по своему следу. Лиса может пойти за мясом только рано утром. Целый день она спит где-нибудь в болотных камышах, а ночью охотится. Спит она, свернувшись калачиком, ложится так, чтобы на нее дула поземка, чтобы с одной стороны она видела, а с другой стороны, чтобы ветер приносил запах. Часто ее лежку выдают сороки. Сорока, если видит лису, начинает громко кричать, беспокоится при виде лисы. Когда охотник уверен, что нашел место, где лиса может спать, то ему надо быть очень осторожным и терпеливым. Хорошо, если шумит ветер, который заглушает движение охотника, при этом охотнику нужно учитывать и направление ветра, ведь лиса может почувствовать его запах. Если спугнул лису выстрелом, то лиса всегда будет выходить из лого по своему следу, шаг в шаг, поэтому охотиться на

лису вдвоем легче, потому, что на следе лисицы ее может встретить второй охотник. Большинство зверей, если они чувствуют опасность, поступают так же, как и лиса. Лиса очень хитрый зверь, она очень осторожная, у нее отличный слух, прекрасный нюх. Добыть лису совсем не просто, но мы с батей тебе лису добудем на воротник, – пообещал Михаил Машеньке. – Тайга полна всякого зверья и птицы. Возле деревни можно встретить и рысь, и колонка, и норку с лаской, и хоря, и белочек, и даже росомаху-разбойницу, которые приходят в нашу тайгу с Горного Алтая, а может быть, из Красноярского края или Хакасии. Что есть в тайге, что захочешь, любавая моя, то тебе и добудем, – закончил Михаил.

– Батяка Нафрей у нас хороший охотник и мелкого зверя и крупного в голову бьет, чтобы шкуру не портить. Правда, последнее время у него зрение стало ухудшаться, во время ветра и холода слеза на глаза стала набегать, но в хорошую погоду все нормально, глаза не слезятся, и поэтому он метко стреляет. Не бойся волков, милая. Я тебя ни волкам, никому не дам в обиду. Я тебя собой защищу.

Михаил стал рассказывать Марьюшке, что его отец – батяка Нафрей с детства учил и его охотиться. Всему, что знал сам, старался научить сына, хотя охота была простым подспорьем при ведении крестьянского хозяйства в деревнях. Научил его не только охотиться, но с уважением и любовью относиться ко всему живому в тайге и к самой тайге, кормившей, одевавшей и обогревавшей людей. Вся живность в тайге, в природе живет по инстинкту, его звери вырабатывали тысячелетиями, и мы не должны его нарушать. В период, когда звери размножаются, нельзя вмешиваться в их жизнь, говорил батяка Нафрей. Если сыт, зверя не бей, пригодится на будущее. В период гнездования птицу не трогай. Успеешь добыть, когда вырастет.

Отец брал с собой Михаила на охоту, рассказывал и показывал, как надо ставить петли и силки на рябчиков, тетеревов и зайцев, как распознать след зайца, лисы и волка, как делать засаду и охотиться на лосей и косуль, как силками ловить зайцев, как изготавливать и ставить морды в глубоких ямах на Верх-Чумыше. Каждый год батяка Нафрей зимой добывал одного лося для разнообразия в мясном рационе. Охотиться на лосей научил его отец Афанасий Петрович.

Когда Михаил подрос, Батяка Нафрей научил этой охоте и его. При охоте на лосей лайки были незаменимы. В нескольких километрах от Иганино в районе деревни Артиштинская. в глубокой тайге была тропа, по которой мигрировали лоси. Недалеко от этой тропы делали охотничий скрадок в глубоком снегу, а пара лаек, обнаружив лося или лосей,

поднимала их с лежки и гнала их на засаду, устроенную охотниками. Слыша лай собак, охотники понимали, что лось или лоси уже близко, затаивались и готовились к выстрелам. Когда лай становился совсем близко, охотники понимали, что вот-вот лось появится на тропе. Быстро мчащегося по глубокому снегу лося обычно убивали двумя-тремя выстрелами. Били взрослых самцов, самок оставляли на потомство. Лось с разбегу зарывался головой в снег, переворачивался через голову и иногда дрыгал ногами. Гнавшиеся за ним лайки набрасывались на него и вцеплялись ему в горло. Охотники не мешали им, давая выместить лайкам зло за долгие поиски и длительный гон. Это была им награда за удачную охоту. Свежевали тушу на месте, так как дотащить ее до дома по глубокому снегу было невозможно, желудочно-кишечный тракт оставляли на месте. Охотники еще не успевали уйти с места охоты, как ястребы, сороки, вороны и другие птицы мгновенно расправлялись с останками лося. Один охотник, обычно это был Михаил, молодой и сильный, часть мяса уносил домой. Потом брал сторожевого кобеля и возвращался на место охоты, где охотники складывали оставшееся мясо на лосиную шкуру, вожжами цепляли шкуру к ошейникам трех собак и, помогая собакам, везли мясо домой. Если лось был старым, то мясо было жестким, и его в основном перекручивали в фарш, мешали со свиной и говядиной и лепили пельмени, делали котлеты и пекли мясные кулебяки. Конечности лося и голову использовали для холодца. Жадными не были, зверя и дичь зря не били, добывали только на пропитание. На пушную дичь: белок, ласок, хорьков и других зверушек в местных деревнях не охотились, с ними было много мороки, а времени свободного не было. Научил батька Нафрей Михаила сооружать охотничий костер из бревен, который горит всю ночь и греет охотников без подкладки сучьев и в любую погоду. Все деревенские умели ходить на лыжах, без лыж зимой в тайгу не пройти, провалишься в снег по пояс. В деревнях и в окрестностях деревень был чистый воздух, никаких предприятий поблизости не было, но Михаил, да и все деревенские, любили ходить в тайгу, особенно летом, чтобы вдоволь надышаться таежным воздухом, наполненным ароматом хвойных деревьев и разнотравья.

Более шумного и веселого праздника, чем свадьба, в чалдонских деревнях не было. Свадьбу гуляли практически неделю: три дня у жениха и три дня у невесты. После шумной свадьбы мужики приводили здоровье в порядок с помощью наваристых бульонов, холодных щей, огуречных рассолов и чая из уражницы (зверобоя).

После свадьбы Михаил Ануфриевич, словно голову потерял, полюбил Марьюшку еще больше. Только и слышно было от него: «Марьюшка моя,

Марьюшка моя». А Марьюшка отвечала ему взаимностью. Марьюшка оказалась хорошей хозяйкой по дому, ходила легко и неслышно, работу выполняла без суеты и спешки, все у нее получалось и по дому, и по хозяйству. Она выросла в многодетной семье, поэтому мать ее приучила работать с детства, так как она была старшей в семье.

От брака Михаила Ануфриевича с Марией Капитоновной родились четверо детей: старшая дочь, Дуняша, вышла замуж за Пушкарева и переехала жить на Пчелку, где жил весь род Пушкаревых. Сын Гавриил, 1902 г.р. (мой дед), дочь Мария, 1912 г.р., вышедшая замуж после возвращения из ссылки за Ивана Нарышева, жившего в Большом Керлегеше. Эти трое детей родились в Иганино, а младший сын Михаил – Мишутка, примерно 1922 г.р., родился в Черепаново. Жили дружно, оттого, что трудились от зари до заката, жили зажиточно. В округе, где жили Мухаревы, было разделение труда. В Иганино жители выделывали шкуры, катали валенки. В Черепаново шили шубы, шапки, рукавицы. Гончары жили во всех деревнях. Они делали чашки, крынки, кувшины. Туески, плетеные тарелки и другие изделия также делали в различных деревнях. На Пчелке, которая была самой маленькой деревней, всего на шестнадцать домов, жили одни родственники: Скударновы, Черепановы, Тихоновы и Пушкаревы, занимались в основном земледелием. Пчелка находилась в большом логоу: зимой там не было метелей и вьюг, и летом в этой лощине или логоу условия для ведения земледелия были лучше, чем выше – на равнине.

Ну, а затем продукцию, изготовленную своими руками, обменивали на нужную им продукцию в соседних деревнях, продавали на местном рынке, а зимой на санях ездили в Алтайский край в г. Бийск на ярмарку. В деревне или в нескольких соседних деревнях собирались односельчане, формировали обоз и ехали на ярмарку в город. Туда же приезжали купцы из центра России, привозившие заводскую мануфактуру: хром, материю – шелк и шерсть, украшения из золота и серебра, сладости, книги и многие другие товары, необходимые населению Сибири.

Отправляя Михаила на ярмарку, батя Нафрей учил его:

– Миша, ты на ярмарке не стесняйся. На ярмарке голосистые и говорливые всегда в доходе, хоть при продаже, хоть при покупке. А кто молчит, у того в кармане голод кричит. Но цены сильно не заламывай, все продай. С товаром назад не приезжай. Часть зерна и меда можешь на промышленную продукцию обменять. Обязательно привези ситца, кожи, керосина.

– Не волнуйся, батя, мне самому охота испытать себя в новом деле. Или ты считаешь меня негодим к этому делу?

– Гожим, негожим, вот возвратишься с ярмарки и увидим, гож ты или не гож, – ответил батька Нафрей. – Товар сразу не бери, разгляди хорошо, пощупай, попробуй на крепость, узнай цену у одного, у другого, а потом срядись.

Батька Нафрей ходил по комнате и наказывал, что надо привезти с ярмарки. Шагает, как учитель в церковно-приходской школе, подумал Михаил.

– Будешь на ярмарке – знакомься с людьми. Может, сможешь надолго с кем-то вступить в отношения, тогда на следующий год тебе легче будет наш товар продать, а им – их товар. Таким купцам, с кем надолго отношения завяжешь, товар продавай дешевле, а они тебе свой товар тоже дешевле продадут. На следующий год такие компаньоны тебя уже ждать будут. Будь с людьми поприветливей и попроще, нос негоже задирать.

Нафрей знал, как бийские осторожно встречают новых купцов, пока не осмотрят новичка, не приглядятся, не подойдут, да и переночевать не пустят. Хоть далеко Бийск, но ехать туда надо. Ждать, когда ярмарка к нам в деревню приедет бесполезно, этого никогда не будет.

Бийский сибирский рынок был многолюдный и гудел, как пасака во время медосбора, его не надо было искать тем, кто приезжал в город на ярмарку, его было слышно издалека, сразу при въезде в город. Рынок был наряден, весел, богат. Здесь торговали всяким товаром, и все, кто выращивал зерно и овощи, изготавливал дома и на фабриках и заводах промышленную продукцию, мануфактуру, полиграфическую продукцию, ловил и добывал разнообразную рыбу и дичь, покупал в центре России и за границей различные товары и перепродавал здесь в Сибири. На этой ярмарке сибиряки продавали свой товар и покупали различную продукцию, произведенную на фабриках со всей России: хром, материю, одежду и обувь, посуду стеклянную и фарфоровую, книги и различные сладости.

Новичок, особенно деревенский, попавший на эту ярмарку впервые, мог затеряться в этой праздничной незнакомой и необычной для крестьянина толпе, потому что все вокруг шумело и бурлило. Только пахло привычно – сеном, навозом и животными. По рынку сновали бойкие румяные бабы и ловкие пареньки с корзинами, предлагая купить булки, расстегаи, пироги с различной начинкой и чистую родниковую воду. На рынке существовал строгий порядок: одни торговали за свежеизготовленными прилавками, другие – прямо с саней, на которых приехали и привезли свою продукцию, третьи, в основном продавцы из центра, – в заранее построенных лавках. Живой товар: лошадей, коров, овец, свиней и разнообразную птицу можно было найти в конце рынка. Для

сельхозтехники тоже были свои ряды. Здесь продавали плуги, сеялки, молотилки, сенокосилки, лопаты, топоры, ломы, скобы и другую кузнечную продукцию. На продуктовой части рынка продавцы стояли в фартуках, уже тогда существовали правила санитарии и гигиены. Все было на ярмарке, все, что необходимо в жизни и при производстве сельхозпродукции. О существовании некоторых предметов Михаил даже и не знал. Всякого, кто попадал на ярмарку, она затягивает в свой круговорот. Сердца у продавцов и у покупателей стучали, как молоты в кузницах, когда они торговались: кому из них повезет, и кто из них получит выгоду, а кто останется при своем или будет в прогаре.

С ярмарки сибиряки возвращались с подарками, обновками: различной нарядной, выходной и рабочей одеждой: душегрейками, полушалками, обувью, различными женскими украшениями из драгоценных металлов и просто красивой бижутерией, и прочим другим, что необходимо было в хозяйстве, в том числе и с сельхозинвентарем, и обязательно с новыми книгами знаменитых русских писателей.

Прадед Михаил Ануфриевич по тем временам был грамотным, учился в Прокопьевске в церковно-приходской школе. Пять дней учился и жил у родственников в Прокопьевске, а на субботу и воскресенье его привозили домой. Таких грамотных в Иганино было мало. Деревенских детей читать и писать обучали такие грамотеи, как он. Поэтому на ярмарке он всегда покупал новые книги, простые, конечно, не философские, которые в свободные от работы зимние вечера читал вслух всей семье. Прадед был знаком с произведениями А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя и другими русскими классиками. Очень нравилась Михаилу повесть Гоголя «Тарас Бульба». Героями этой повести Тарасом Бульбой и его сыновьями: Остапом и Андрием он восхищался, как и смелыми запорожскими казаками. Поэтому любил читать и читал, когда выпадала свободная минута. Научил читать и жену Марию Капитоновну, которая, несмотря на большую занятость по дому, увлекалась чтением, и детям зимними вечерами пересказывала прочитанные книжки и рассказывала сказки.

В селе Черепаново деревенские дети ходили зимой в амбары, где Михаил занимался обработкой льна, а дети оказывали ему посильную помощь. Он же обучал их азам грамоты и рассказывал про любимых героев повести «Тарас Бульба», а также читал им произведения Пушкина и Лермонтова. Мария Капитоновна пекла целые тазы булочек и пирогов и угощала добровольных помощников.

В то время в округе, где жили наши предки, ни воров, ни бандитов не было. Никто ничего не охранял, все было открыто. Не было ни одного

случая, чтобы в Иганино, Черепаново и в рядом расположенных деревнях кто-то что-то воровал. Ни разу никто не напал и на обозы, с которыми односельчане ездили в Бийск на ярмарки.

За постоянными продавцами на местном рынке были закреплены и постоянные места. Во время этих поездок на местный рынок Михаил Ануфриевич подружился с таким же крепким и зажиточным крестьянином из села Сафоново Алексеем Арыковым, одним из пяти братьев Арыковых, проживавших в этом селе. Арыковы – такая же старожильческая фамилия Сибири, как и Мухаревы. Когда они приезжали на рынок, то всегда располагались рядом, один подле другого. И как-то раз Михаил Ануфриевич предложил Алексею:

- У тебя дочь, у меня сын, давай поженим их и породнимся.
- Давай, – с готовностью согласился Алексей.

Гаврил был на два года младше Марии, дочери Алексея Арыкова. Он родился в 1902 году, а Мария – в 1900-м. Деду Гаврилу, когда его женили, было 16 лет, а Марии – 18. Женитьба состоялась в 1918 году. Молодые зажили счастливо, полюбив друг друга.

В стране было тревожно. Только что закончилась Первая мировая война, произошло две революции, шла гражданская война. Солдаты, призванные в царскую армию во время Первой мировой, возвратились в Иганино. Михаил Ануфриевич до этой войны служил в армии. Со слов его дочери Марии, он был унтер-офицером, но документально это не подтверждено. Во время Первой мировой войны в армию не был призван по возрасту. Вместе с другими солдатами в Иганино возвратился и Абрам Мухарев, отец Лидии Николаевны, который во время войны попал в плен к австриякам. В плену он научил австрийцев делать из молока сметану, а сам научился у них солить свиное сало. До него в Иганино сало не солили, не умели.

В Черепаново, Иганино, близлежащих селах и деревнях, в целом в Прокопьевском и Киселевском районах, в городах Прокопьевске и Киселевске было спокойно, насильственно власть никто не захватывал, никто ни с кем не воевал. Доходили только слухи, что русские воюют против русских и убивают друг друга, но это были только слухи, ни красных, ни белых в деревнях не было. В Прокопьевском и Киселевском районах в средних и малых населенных пунктах никто за власть не боролся, большевики ее заняли мирным путем, пришли и сели, и никто им не препятствовал. Фактически простым труженикам было все равно, какая власть будет в стране и на местах. Во властные структуры в период становления советской власти пробирались случайные люди без стыда и

совести, руководствующиеся корыстными соображениями, желающие хорошо жить за чужой счет. Скромные люди – работяги во власть не лезли, рассчитывали только на себя и на результаты своего труда, локтями никого не расталкивали и были от этого незаметными. Вплоть до 30-х годов трудовое крестьянство – крепкие крестьяне-середняки не понимали, какая угроза пришла к ним, и что через десяток лет результаты их труда и все имущество будет у них отобрано и передано лодырям и лентяям, которые схватят чужое имущество, но распорядиться им не сумеют, и пользы от этого государству не будет, так как последние работать не умели, и не хотели, и не могли. Земля трудовые руки любит. Земледелие – это не ковыряние в земле, а целая наука.

В крестьянских хозяйствах все шло своим чередом: крестьяне пахали, сеяли, косили, метали сено, содержали скот, птицу, пасеки, как было заведено, как учили деды. Земля настоящих крестьян пахла их потом. Собирали урожай. Обменивались выращенным своим горбом урожаем, торговали и по-настоящему весело и задорно отдыхали, пели, плясали, отмечали православные праздники. На территории Кемеровской области все шло по-прежнему многие годы после революции вплоть до прихода страшных годов репрессий.

Жизнь в Черепаново

Крепко встав на ноги, Михаил Ануфриевич с семьей но настоянию Марии Капитоновны переехал жить поближе к родне жены – Скударновым в деревню Черепаново. Здесь на берегу небольшой речушки прадед с отцом построили из лиственницы очень прочный, ладный, большой пятистенный двухэтажный дом под железной крышей, покрашенной зеленой медянкой. Рядом стоящая тайга была богата строевыми лиственницами, соснами и кедрами. Лес на дом и надворные постройки ему заготовливал его отец – дед Нафрей, по сибирскому обычаю – сразу после его рождения. В Сибири, когда рождался сын, то отец и дед для строительства дома начинали заранее готовить лес, т.е. лес для дома моего прадеда уже был приготовлен его отцом Ануфрием Афанасьевичем и его дедом Афанасием Петровичем. Строили дом сами с помощью всей родни: Мухаревых, Скударновых, Пушкаревых, Черепановых, Тихоновых, также по сибирскому обычаю. Чалдоны считали, что вместе можно сделать дело в два-три раза быстрее, чем в одиночку. Помощь родственникам считалась святым делом. Без обоюдной помощи в Сибири было выжить трудно.

Выбрали летом самую свободную неделю между покосом и жатвой, собрались все вместе и возвели большой, крепкий, добротный дом с высоким и красивым крыльцом. Дом срубили из лиственницы, в бревна и доски из которой с трудом забивались гвозди. Дерево было тяжелым и плотным, но зато долговечным. С высоким крыльцом не только для красоты, но и для того, чтобы зимой снегом не заметало. Работали спешно, стараясь уложиться за время маленькой передышки. Дело подвигалось быстро. Все были плотниками. Родня работала весело, дружно, от души, старалась, как для себя, тратила много сил, горячего пота и острых шуток. Стучали топорами, звенели пилами, распиливая бревна на плахи и доски, таскали, поднимали и укладывали в стены громадные бревна. Настилали полы и потолок, возводили крышу, вставляли оконные рамы и большие окна. Отдыхали мало. Так постепенно вырос дом, который расположился на поляне с сохраненной при строительстве березовой рощей, в пятнадцати метрах от небольшой речки. Окна на первом этаже были прорублены высоко для того, что бы в них никто не смог заглянуть. Дом внутри, как в настоящее время, обоями не обклеивали и стены не красили. Стены внутри дома были бревенчатыми. Раньше, да и сейчас, у кого есть деревянные дома, так считается красивее. В доме пахло сухим, без червоточины деревом, из которого он был сложен. Он был большой и крепкий, ни одна буря не могла его даже пошевелить, ни один даже самый крепкий мороз не мог проникнуть внутрь, все щелки, даже самые маленькие, были проконопачены. Дом согревался большой русской глинобитной печью. На этой печи, а также на полатах между печью и стеной зимой спали, отогревались и лечились все домочадцы. Печь была жаркой, спины и тела после ночевки у тех, кто спал на печи, прогревались до пота так, что утром надо было переодеваться в свежее сухое белье. От трубы под пол на втором этаже были сделаны колодцы, отчего пол на втором этаже всегда был теплым, по нему можно было ходить босыми ногами, а температура на втором этаже была днем и ночью комфортной. Спать можно было даже на полу на волчьей шкуре, лежавшей в зале, без одеяла. После новоселья в дом за печкой заселился сверчок, нудно скрипевший все ночи подряд и мешающий засыпать. Его пытались выселить, окуривали дом едким дымом, насыпали разные ядовитые порошки из трав, собранных Марьюшкой, но ничего не помогало; вскоре все наконец смирились, оставили сверчка в покое и в конце концов привыкли к его скрипу и принимали, как должное, скрип стал привычным домашним звуком.

Потом на усадьбе поставили сруб под баню, затем крышу, а под крышей – три амбара и одну залодню. Под крышей находился зимой весь

летний инвентарь, а летом – зимний. В амбарах хранили зерно и весь собранный урожай.

В Сибири, там, где жили наши предки, от всего мира не отгораживались заборами и частоколами. Территория дома была огорожена простой изгородью.

Конюшню, птичник под гусей, уток и куриц, стайки для скотины: коров и овец поставили в санитарных целях на другом берегу реки. Скотину в Черепаново в отличие от Иганино охраняли от волков, поскольку она стояла на другом берегу речки. Односельчане по очереди дежурили и жгли каждую ночь костры, отпугивая волков.

Прадед поставил дом в пятнадцати метрах от реки. Воду из реки использовали для хозяйственных нужд: поения скота, стирки, поливки огорода. По утрам, еще затемно, пока только солнце вставало, к речке бегал умываться и обтираться Михаил Ануфриевич, заряжаясь бодростью на весь день от чистой и холодной речной воды. Вся мужская половина: сын Гаврила и малолетние внуки – сыновья Гаврилы Михаил и Иван следовала его примеру. В этой небольшой таежной речке в летнее время любила купаться вся семья Мухаревых, особенно дети. Они плавали, ныряли, барахтались, брызгались водой, ходили на руках по галечно-песчаному дну. Смеялись и кричали от удовольствия.

Воду для питья и приготовления пищи брали из колодца во дворе дома. Этот колодец глубиной семь метров Михаил Ануфриевич выкопал вместе со своим отцом Ануфрием Петровичем. Копали до тех пор, пока на дне не забил родник. Дед Нафрей и Михаил Ануфриевич радовались, что попали в водяную жилу, а Мария Капитоновна на счастье бросила в колодец серебряную монету. Как и новый дом Мухаревых, сруб колодца сделали из лиственницы, бревнышки в его срубе были аккуратно очищены от коры и тщательно сложены, прилажены одно к другому.

Колодец был сделан в два яруса. Сверху шел широкий сруб, а ниже чуть более метра, шел второй ярус. Над срубом была двускатная крыша с деревянной утицей на коньке. Сверху колодец закрывался деревянной крышкой, чтобы в него не попадал мусор: листья, трава, ветки.

Воду поднимали ведром на крепкой конопляной веревке через бревенчатый блок. Когда опускали ведро в колодец, было слышно, как оно ударяется в глубине колодца о воду и наполняется водой. Поднимали ведро аккуратно, чтобы ведро не раскачивалось и не задевало венцов сруба. Колодец был не очень глубоким, так как рядом была река, но достаточной глубины, чтобы вода в нем зимой не промерзала. Вода в колодце была чистой, прозрачной и ледяной, но не простудной. При питье зубы сводило

от холода, но никто не простывал. Прабабушка, рассказывая внукам про воду из колодца, говорила, что из нашего колодца люди воды холодной попьют даже в мороз и не простынут. Крышка на колодце всегда была закрыта, при открывании крышки из колодца тянуло холодом от ключевой воды. Батяка Нафрей, хвастаясь водой, говорил:

– Все говорят, что вода из нашего колодца вкусная, а мы пьем и не замечаем – вода как вода...

Двор был красивым, всегда чистым, везде росла трава – мягкий подорожник и красный мохнатый жирный ароматный клевер. Во дворе было приятно находиться, чувствовалось, что хозяева любили порядок и чистоту. Дом и надворные постройки были каждый на своем месте. Чувствовалось, что хозяева вложили много труда, чтобы создать такое хорошо организованное хозяйство. Напротив дома была лужайка.

Вокруг дома стояли березы, Когда строили дом, то по желанию прадеда березы сохранили, не стали вырубать. Березы были рябенькими, как курочки. Весной из-под коры этих берез набирали светлый и сладкий березовый сок, который сначала пили свежим, а затем из него делали вкусный березовый квас. Летом и осенью на этой лужайке и в березах, вплоть до самой реки, росли волнушки и белянки. В редкие минуты отдыха Михаил Ануфриевич любил с блаженством ложиться на лужайку спиной, закрывать глаза и ощущать, как солнце жарит его тело и нагревает землю, на которой он лежит. Он всей грудью вдыхал аромат, трав, на которых лежал, и наблюдал за летающими высоко в голубом небе стрижами и ласточками. Слушал, как березы шелестят блестящими зелеными листочками и шумят ветвями над ним, как бы радуясь вместе с ним жизни на земле.

– В этом доме стали жить три семьи: отец Михаила Ануфриевича Ануфрий Афанасьевич или, как его называли в семье, батяка Нафрей с женой Елизаветой, прадед Михаил Ануфриевич с Марией Капитоновной, дочерью Марией, 1912 г. рождения, сыном Михаилом, 1922 г.р., и сыном Гаврилом, 1902 г.р., – моим дедом с семьей: женой Марией Алексеевной (в девичестве Арыковой) и детьми: сыном Михаилом, 1920 г.р., сыном Иваном, 1925 г.р., – моим отцом, и дочерью Анной, 1928 г.р.

Когда построили дом, батяка Нафрей сказал:

– Хороший дом построили, сотни лет стоять будет без износа.

После того как построили дом и в него заселились, его вместе с надворными постройками, конюшней, коровниками, стайками и находящейся в них скотиной освятили. Священник обходил дом, заходил во все комнаты, обходил стоящие во дворе амбары, баню, колодец и все

постройки на противоположном берегу, где находилась вся скотина и лошади, молился и окроплял веничком святой водой все, включая людей и животных.

Общее хозяйство вели совместно. Хозяйство было крепкое, но на то время, по сравнению с другими, небольшое, как и в Иганино: две лошади, два жеребенка, годовалый и двухгодовалый, пять коров, овцы, свиньи, куры, гуси, курицы. Вся скотина и птица находились на противоположном к дому берегу реки. Для них были сделаны плетенные из тальника загоны и зимние стайки. Когда пастухи пригоняли скотину с пастбища, то коровы сами разбредались по своим стайкам, они привыкли к ним и знали, что это их дом. Овец же приходилось загонять в загоны. Куры, утки и гуси паслись возле стаек, в которых они жили, а также возле речки, они щипали траву, рылись в старых навозных кучах. Утки и гуси с удовольствием плавали в речке и вылавливали мелкую рыбешку. Ежедневно всю птицу кормили. Вся птица, видя, что хозяйка идет к кормушкам, стоящим рядом со стайками, и слыша ее голос: «Цыпа-цыпа-цыпа., утя-утя-утя, гуся-гуся-гуся!», со всех ног бежала к кормушкам. Зерно раскидывали пошире, чтобы птицы не дрались из-за корма. Куры были крупными и красивыми, с разноцветными перьями. Старых куриц рубили на мясо, оставляя на зиму только молодок. Летом взрослые куры высиживали цыплят, из которых выращивали новое поколение кур. Они неслись хорошо, но часть яиц теряли потому, что некоторые курицы неслись в гнездах, сделанных ими самими, вне стаек, где для них были сделаны и гнезда, и насесты. В еду использовали не только куриные яйца, но утиные и гусиные. Гуси и утки также хорошо неслись. Взрослые гуси и утки летом также высаживали гусят и утят. Осенью с гусями была проблема: молодые гуси подрастали, оперялись и становились на крыло, и могли улететь вслед за дикими гусями. Когда дикие гуси пролетали над деревней и кричали сверху, домашние гуси откликались, начинали махать крыльями, собираясь лететь вслед за ними, а иногда срывались и всей стаей улетали далеко от дома. Приходилось их искать и гнать обратно домой. Чтобы гуси не улетали, то им, если успевали, подрезали большие перья на крыльях.

Возле дома жила только одна охранная большая собака, две другие собаки – лайки также находились на другом берегу. Дворовый пес темного окраса – смесь кавказской овчарки с дворняжкой сидел на цепи и был очень злым. Днем он лежал возле добротной будки рядом с домом, положив большую клыкастую голову на лапы и полузакрыв глаза, но стоило чужому ступить одной ногой в ограду, как он вскакивал и устремлялся вперед на незваного гостя с угрожающим рыком и лаем, взвиваясь вверх каждый раз,

когда длинная цепь дергала его за ошейник назад. Пес бросался на незнакомцев, посмевающих переступить черту, разделяющую улицу и территорию дома, до тех пор, пока хозяйский голос не останавливал и не умирал его. Пес был очень послушным и голосу хозяина подчинялся мгновенно. Останавливался, переставал лаять и рычать, преданно глядя на хозяина и виляя пушистым хвостом, нехотя возвращался на свое любимое место к будке, откуда косил своими черными глазами на пришельцев, ожидая команды от хозяина, чтобы прыгнуть вперед и растерзать незнакомцев. Михаил иногда ласкал, гладил его голову и трепал пса за густую шерсть на загривке.

Возле дома круглосуточно стояла одна лошадь, летом запряженная в телегу или в бричку, а зимой – в сани. Лошадь кормили на противоположном берегу, где содержалась вся скотина. Во время кормления лошадей и коров с ними разговаривали. Хозяйка перед дойкой погладит корову, даст ей угощение – кусочек хлеба, прижмется к коровьей морде щекой, пошепчет ей ласковые слова, а потом и доит. А та в ответ морду тянет к хозяйке и стоит спокойно во время дойки.

Уток и гусей кололи в конце осени и начале зимы. На зиму оставляли только по три утки и по три гусыни, а также по одному селезню и гусю для развода на следующий год. Мясо хранили в ледяных погребах. Выкапывали специально для хранения мяса погреб, на дно которого ставили стеллажи из досок. На доски клали лед с опилками, сверху на лед – крапиву, поверх крапивы укладывали мясо, забитых или добытых на охоте животных и птицы. В погребе выкапывали яму, чтобы в нее стекала растаявшая ото льда вода. По мере наполнения ямы водой от растаявшего льда воду вычерпывали. Холодильник действовал круглогодично, в том числе и летом.

На новое место жительства перевезли и пасеку на 50 колодок. В отличие от Иганино каждую ночь в летнее время жители села Черепаново охраняли скотину на противоположном берегу от волков. Жгли костры. На огороде за домом, как и все другие жители села, Михаил Ануфриевич вместе с семьей садили рядками, бороздами, а не как сейчас – грядками, лук-репку и лук зеленый для повседневной еды, дополнительно к батуну, который вырывали гнездами для стола в качестве зелени и для начинки в пироги, а также чеснок, свеклу, брюкву, морковь, немного картофеля, горох, огурцы, капусту.

Урожай огурцов всегда был богатый. Огурцы высаживали на грядках из конского навоза. Конский навоз очень хорошо перепревал, грядки были всегда горячими. Урожай на таких грядках был всегда отменный.

Марьюшка следила, чтобы листья у огурцов были зелеными. Они сохраняли огурцы от росы, а также тепло, идущее от навозной гряды. Огурцы росли очень быстро. Только соберешь, а на следующий день уже новые нарастают. Женщины собирали огурцы в фартуки. Огурчики были ровненькие, с пупырышками, и небольшие. Марья выбирала самые вкусные, вытирала их фартуком и угощала соседских ребятишек, говоря:

– Попробуйте наших – свеженьких и вкусных, ароматных огурчиков.

Сама брала себе огурчик и с хрустом съедала его.

Огурцы и капусту солили в кадушках. В кадушки с огурцами добавляли укроп, чеснок, листья и корни хрена. Хрен делал огурцы хрустящими, а все другие пряности – ароматными. В кадушках солили и грибы: сырые грузди, волнушки и белянки, другие грибы просто не собирали. Огурчики и грибы расходились хорошо. Грибы были упругими, тугими, очень сочными и никогда не приедались. Грибы не только солили, но и сушили. Из сушеных грибов варили супы в посты перед православными праздниками.

В поле сеяли пшеницу, рожь, ячмень, овес, гречиху, горох, лен и коноплю. В Сибири повсеместно был чернозем, очень пригодный для земледелия. В центре России такой земли не было и нет. Но, в любом случае, если сеять одну и ту же сельхозкультуру на одном и том же месте, земля истощается, и урожай будет небольшим. Землей надо было уметь пользоваться. Для получения богатого урожая наши предки чередовали посевы, чтобы земля от них не истощалась. Если несколько лет поле засевалось пшеницей и рожью, то после них сеяли овес и ячмень, которые были менее прихотливы к жирным почвам. Одновременно с овсом и ячменем в землю бросали семена клевера. В следующие два-три года на этой пашне рос один клевер, обогащая землю азотом, а после клевера на этом поле вновь засевали несколько лет пшеницу и рожь. Корнеплоды же сеяли на одних и тех землях, но эти земли удобряли наземом. Лен и коноплю сеяли на свободных землях, под эти культуры годились любые земли. Поле, на котором рос лен, весной было очень красивым, казалось, что это не поле, а море из голубых цветков, но эта красота, чтобы из нее получился толк, требовала много ухода. Осенью нужно было вырывать лен и вязать его в снопы, а затем со снопов счесать-сбить головки чесальными ножами. Сбитые головки нужно было обмолотить, а снопы без головок долго отмачивать в воде. Ребятишки любили щелкать льняные семечки. После этого лен просушивали, а в зимние вечера мяли, трепали, чесали. Работа со льном была побочной, основной же была работа по уходу за зерновыми: пшеницей: рожью, ячменем, овсом, гречкой, просом, и

картофелем и сеном. Горох толкли в ступах, добавляли немного муки и пекли лепешки. Из гороха и гречихи варили каши, которые ели с медом. Кашу делали и из проса, которое возили на мельницу, мололи, снимали с него шкурку – чешу. Пшеницу и рожь увозили на мельницу и мололи в муку. Из свеклы, как и в Иганино, варили сладкую патоку. Лен и коноплю тербели, изо льна ткали домашними ткацкими станками льняное полотно, из которого шили одежду и мешки. Оно было грубым, одежда из него колола тело. Из конопли делали веревки, которые нужны были в домашнем хозяйстве.

К работе привлекались и дети. Мой отец Иван Гаврилович в пять лет уже сидел на лошади и боронил поле, а болезненный последний сын прадеда Мишутка участвовал в работе на пасеке, когда качали мед. Он носил рамки от ульев до медогонки. Прабабушка Мария Капитоновна, кроме работы по дому и в поле, занималась врачеванием: принимала роды, лечила травами, проводила кровопускание с помощью ножа из мягкого железа, лечила детей от испуга, измеряя их рост с помощью двух связанных поясков в темной комнате и читая молитвы, также лечила ячмени, с помощью заговоров; шила шубы и шапки из овечьих шкур. Но лечение было простым идущим изнутри желанием помочь страдающим больным людям на бескорыстной основе. В зимнее время, когда немного освобождалось время от занятий земледелием, она шила шубы и шапки.

Ведение домашнего хозяйства: приготовление пищи, кормление и доение коров, санитарная мойка животных, прием отелов у коров и ягнения овец, наведение порядка в доме, стирка было ежедневным и круглосуточным. Летом пищу для семьи готовили сразу на несколько дней, которую в течение недели разогревали. Женщины больше вроде были при доме, но для них работы хватало. Даже если они болели, то все равно продолжали выполнять каждодневную домашнюю работу с тем же старанием, как и в обычные дни. Все были загружены работой.

Необходимость в течение длинного летнего дня сделать как можно больше поднимала всю семью спозаранок, что было для всех членов семьи делом привычным и естественным. В такую рань хорошо чувствовались запахи земли, травы, деревьев, воздух был еще прохладным и бодрил всех поднявшихся рано утром людей. Вставали вместе с птицами, не с такими ранними, как дрозд, который издает трели с четырех часов утра, или перепелка, которая начинает разговаривать: «хоть куда, хоть куда» сразу после дрозда, но не позднее соловья. Соловей в пять часов начинал петь из березовой рощи, которую сохранил прадед при строительстве дома. Встречали солнце в пять часов или чуть позже, когда еще не разошелся

серо-белый туман, а головы еще не проснулись совсем. Хотелось еще спать, но руки и ноги уже двигались и делали привычную работу. Немного времени проходило, а коровы уже подоены и выгнаны вместе с овцами в стадо, бак с картошкой для свиней уже варится.

Летом пищу готовили на печи, стоящей во дворе дома, чтобы в избе не был жарко. Зимой – в русской печи в чугунах, которые ставили на шесток, а затем ухватом передвигали их вглубь печи. Картошку и другие корнеплоды: морковь, свеклу, репу, а также засоленные и хранящиеся в кадушках и бочках огурцы, помидоры, капусту, грибы хранили в погребе на улице, во дворе дома. В погребе было творило. Зимой, чтобы в погребе было тепло, в творило плотно накладывали солому, чтобы мороз не проникал вовнутрь и не заморозил овощи. Крышку погреба заваливали снегом. При необходимости достать овощи крышку погреба очищали от снега и открывали, затем творило освобождали от соломы и спускались в погреб. Достав овощи, снова закрывали творило соломой, опять закрывали крышку и засыпали снегом.

Для женщин домашняя работа была тяжелой. Утро у них начиналось так. Женщины рано утром шли к коровам, доили их, после чего отправляли коров и овец в стадо, а молоко приносили домой, процеживали и разливали по бидонам. Затем шли на улицу, разжигали уличную печь, готовили пищу для семьи, кормили семью и отправляли в поле, а сами варили корм для свиней. В Черепаново, в отличие от Иганино, держали только двух свиней в стайках и для них варили корм. В качестве добавки к сваренному корму давали свежую траву. Свиней кормили два раза в день. В Черепаново ежегодно выкармливали по две свиньи для мяса и сала. Ранней весной покупали месячных поросят и выкармливали их до веса свыше 100 килограммов, чтобы сало было толстым. После заколки свиней из сала топили жир, который использовали при приготовлении пищи. Кололи и разделывали свиней и крупный рогатый скот сами, для этих целей никого не приглашали.

В одно время со свиньями кормили дворового пса во дворе и двух охотничьих лаек, которые жили в будках рядом с курятником и свинарником. Лайки были более простыми собаками в сравнении со злым дворовым кобелем. Они, когда приносили им еду, метались и прыгали вокруг тех, кто кормил их, подпрыгивали и лизали в щеки хозяев, махали хвостами, выражая свой восторг.

Когда приходил кормить лаек батька Нафрей, то он гладил дружелюбных собак, разговаривал с ними, говоря:

– Славные у меня охотницы, славные...

Они повизгивали от удовольствия и крутились вокруг его ног. Лайки были породистые. Батя Нафрей, расхваливая их людям, говорил:

– Моим собакам цены нет: и за лосем и за медведем пойдут, остановят и держать будут, пока я не подойду.

– Затем кормили кур, гусей, уток и бежали в поле, где трудилась вся семья, где было основное место работы.

После работы пропотевшую и запачканную, а то и измазанную грязью одежду ежедневно меняли, за неделю такого белья накапливалось много. Еженедельную стирку, вытягивающую все жилы на руках, тоже легкой не назовешь. Сначала надо было жарко натопить печь с плитой в бане, затем нагреть воду. Потом в баке прокипятить белье, а затем это белье вручную постирать в деревянном корыте на стиральной доске. После этого белье следовало отжать и сложить в деревянную кадку. От печи несло жаром. Белье парило, поэтому во время стирки приходилось оголяться по плечи. От усталости хотелось прилечь или хотя бы присесть на широкую скамью, стоящую в бане, но не было времени, кроме стирки было и других дел невпроворот. Затем выстиранное белье относили на берег реки, где на мостках полоскали. Зимой вода была свежо-холодной, от нее руки коченели, затем белье отжимали и приносили для просушки обратно в баню, а летом на улицу. После этого белье гладили.

Порядок в домах был образцовый: все прибрано, посуда на местах, чугунки, крынки на полках светились начищенными боками, тески были сухими и без пыли, обеденные столы были протерты и готовы к новому накрытию; кровати убраны и сверкали свежими чистыми простынями и покрывалами, подушки высились на запровленных кроватях горками и пирамидками, полы были чисто вымыты. И это не считалось работой, а было сделано между делом.

У мужиков работа считалась основной. Они пахали, борошили, сеяли, убирали зерновые, косили, молотили шуршащие зрелые колосья зерновых: золотистую пшеницу, коричневатую рожь, желто-белый овес, коричневую гречку. Косили и скирдовали сено и солому, метали стога сена, копали картошку. Выдергивали лен, замачивали и теребили его. Выдергивали и обрабатывали коноплю. Ухаживали за лошадьми. Мочили иву в деревянных корытах и драли лыко – отрывали лыко от коры. Убирали и чистили конюшню, коровники и стайки. Занимались строительством и ремонтом жилищ и надворных построек.

За лошадьми ухаживали взрослые мужики. Рабочую лошадь звали Катькой, а парадно-выездного жеребца – Серко. Конюшня находилась, как и все коровники и стайки, на противоположном к дому берегу речки,

поэтому территория возле дома блестела от чистоты. Михаил Ануфриевич, батька Нафрей и Гаврила, когда у кого было свободное время, ходили ухаживать за лошадьми. Все любили лошадей и делали все, чтобы у них было тепло, светло и чтобы лошади были сыты и напоены. Мужчинам нравилось не только ухаживать за ними, но и работать на них и в поле, и на покосе, а также передвигаться на запряженных в коляски, телеги, сани, и просто скакать на них, особенно на Серко. Им нравился запах конского пота, сыромятной кожи, сена и соломы. У Катьки и Серко был свой хорошо пригнанный хомут и своя сбруя. Поили лошадей и жеребят из глубокого желоба, в который наливалась только чистая вода. Кормили их из яслей, в которые засыпали овес и мешанку, а также душистое сено. Дополнительные ясли стояли возле дома, где в дневное время, постоянно наготове, стоял Серко. Кони были ладные, подкованные, накормленные, их шерсть лоснилась, зубы были целехонькими, глаза горели огнем.

Серко был полукровным – стройным красивым жеребцом серой масти. Катька была низкорослой, но очень подвижной, с чуткими мохнатыми ушами.

Михаил Ануфриевич вечерами проминал Серко – скакал на нем по дороге между полями в сторону тайги. После скачки прадед угощал Серко куском хлеба, ласково обтирал пену с горячих боков жеребца, ставил его в стойло, а затем чистил обеих лошадей. Его отец Ануфрий Афанасьевич тоже любил лошадей, но, по старости, скачки уже не устраивал, а просто ухаживал за лошадьми.

Заходя в конюшню, батька Нафрей здоровался:

– Добрый вечер, кони удалые!

Кони, отзываясь на приветствие, поворачивали к нему головы. Они привыкли к этому, ждали, когда он к ним придет, водили ушами и косились на него глазами. Как бы приветствуя его, Катька – тихо, а Серко – во весь голос, ржали в ответ. Нафрей заходил по очереди к обоим лошадям, давая каждой по куску хлеба и проводя рукой по всему телу – по груди, бокам и под репицей. Убирал навоз в стойлах и убирал в конюшне. Затем счищал скребком грязь с боков и ног лошадей, расчесывал их гривы, разговаривая с ними душевно о жизни в семье, о погоде, о работе, и даже об охоте. Если бы кто-нибудь услышал его разговор с лошадьми, то подумал бы, что идет диалог. Лошадям это нравилось, но реагировали они по-разному. Катька мирно смотрела на него своими темными глазами и в знак благодарности слегка трогала его руки теплыми губами. Серко от удовольствия фыркал и легонько грыз зубами кормушку, пытаясь изредка прихватить за руки батьку Нафрея, чистящего его, но тот не злился на своего любимца.

– Злюка какой! – снисходительно говорил он жеребцу и легонько похлопывал рукой Серко по морде.

Для того чтобы лошади не мешали ему, батька Нафрей перед чисткой засыпал каждой лошади в кормушку овса, а уходя, набивал им в кормушки сена. Кони с удовольствием засовывали туда морды и хрумкали угощение хозяина. Иногда батька Нафрей приносил с собой хлеб и угощал Серко и Катьку. После того как мужчины управлялись с взрослыми лошадьми, они уделяли внимание и жеребяткам. Уходя из конюшни, батька Нафрей, прощаясь с лошадьми, говорил:

– Пока, сердечные. Завтра опять поработать придется.

После этого Нафрей приводил в порядок лошадиную упряжь и складывал инструменты, которыми чистил лошадь и конюшню. Утром батька Нафрей или Михаил перед работой также угощали коней куском хлеба. К лошадям относились очень бережно, особенно во время вспашки поля и косьбы сена, видя, что лошадь устала или начинала покрываться пеной, делали передышку, давая ей отдохнуть. Прежде чем напоить лошадей, им после работы или длительной поездки давали возможность остыть и только после этого поили, а затем кормили.

Сено для скотины и лошадей готовили также самостоятельно. Чтобы сено было качественным, нужно было успевать косить созревшую траву в солнечные сухие дни. Имелась сенокосилка, которой косили на ровных лугах, а в неудобных местах, а также в логах, косили вручную. Косы для сенокоса готовили загодя, отбивая брусками лезвия до блеска и остроты, как у бритвы. Во время косьбы их повторно и неоднократно отбивали прямо в поле. Михаил, Гаврила и Нафрей становились в ряд, пускали косы все враз и шли ровно, один за другим, скашивая траву полукругами и оставляя за собой ровные ряды диких трав и цветов вперемежку со скошенной лесной ягодой и красивыми сырыми желто-мохнатыми груздями и другими грибами. Косили все дружно, без видимых усилий и напряжения; от этого всем на душе было хорошо, а работалось весело и споро. В сенокосе участвовала вся семья: мужики косили траву, переворачивали и сушили сено вместе и мужики и женщины, собирали и скирдовали сено также вместе. Сено косили в березняках, рядом с тайгой и по краю тайги, где трава была по пояс, густой и свежей, вперемежку с различными лесными и таежными цветами.

Притаежные луга были богаты лечебными растениями. Весной солнце грело сильнее. Теплый южный воздух также проникал на юг Западной Сибири из степей Казахстана через Алтайский край и из Монголии через Горный Алтай. От этого начинал сходить снег, и появлялись первые

прогалины, оголяя прошлогоднюю полегшую траву. Поляны в тайге окрашивались в фиолетовый свет от дружно вылезающих из-под снега рядом с сине-белыми подснежниками кандыками. Кандыков было так много, что люди топтали их ногами. Позднее, когда снег сходил полностью, но земля еще не просохла от растаявшего снега, эти поляны становились оранжевыми, как пламя пожаров, от жарков или огоньков, как окрестили их местные жители. Отцветали огоньки – на их месте появлялись сладкая медуница, ароматные кукушкины слезки и прятавшиеся в тени берез сибирские лилии – саранки со сладкими корешками, которые выкапывали дети и взрослые и с удовольствием поедали. Летом поляны меняли наряды и покрывались белыми ромашками, голубыми незабудками, целебным фиолетовым иван-чаем и синей душицей, зверобоем с желтыми цветочками, исцеляющим от многих болезней, желтой целебной пижмой, красноглазкой кровохлебкой и другими таежными цветами, отчего сено получалось душистым, целебным, вкусным и ароматным.

Работали дружно и быстро, поскольку вся семья была «охоча к работе», но рукам, ногам и поясницам вдоволь доставалось. Полудневали в поле – ели принесенную из дома еду и из глиняных кружек пили принесенные с собой квас и вкусную колодезную воду.

Довольно кропотливым делом была летняя прополка огородов, где росли в основном овощи, а также прополка и окучивание картофеля в поле. Картофель и другие овощи убирала вся семья. Основную часть зерновых убирали мужики с помощью молотилки, а в неудобных местах зерновые убирали женщины с помощью серпов – жали хлеба и связывали их в снопы, а затем молотили на гумне. После этого зерно засыпали в амбары, стоящие во дворе дома. Солому осенью не трогали, ее перевозили к скотным дворам зимой на санях, так было легче и удобнее. После уборки зерновых поля засеивали озимыми. Работали, пока руки и ноги шевелились, до сумерек. Летом в ночное коней гоняли по очереди с соседями, а когда подрос Миша, то это ответственное дело стали поручать ему. День заканчивался так же, с чего и начинался: с дойки коров и со сбора яиц в курятнике. Так и толклись целый день: то одно надо, то другое, накормить семью вроде не дело, но и то время надо. Семья работала дружно, за что бы ни брались, все получалось, а когда работали вместе, всегда был слышен радостный и веселый смех.

Солнце с проблесками заката садилось за тайгой, гас желтый свет в окнах домов, туман от реки затягивал двор и все прилегающие низины. Над наработавшейся деревней наступал тихий час; слышны были только редкими крики птиц и лай собак. Все, кроме молодежи, для которой ночь была единственным временем, когда можно было наговориться и

налюбиться, а также бывших начеку и изредка лающих собак, засыпали до следующего раннего подъема в новый трудовой день. Даже лесные птицы, также намаевшиеся за день, умолкали до утра в этот наступивший в деревне тихий час. Поэтому у всех деревенских было большое желание вдоволь выспаться. Отоспаться за все ранние подъемы и поздние отбои.

Полноценным ежедневным и единственным видом отдыха для крестьян был ночной сон. Добравшись до постели, они падали на нее и засыпали, как убитые. От тяжелой ежедневной работы руки и ноги у крестьян становились крепкими и сильными.

Вот так работали и весной, и летом, и осенью. Как сейчас сказали бы: «Не вдохнуть, не выдохнуть», и все это делалось добровольно и с улыбкой на лице и добрым чувством в душе. Современным женщинам, да и мужчинам, такая жизнь не по плечу. Вот такой «кулацкой», как назовет ее в будущем советская власть, была семья у моего прадеда и деда. На руки наших мужчин и женщин можно было и нужно было молиться. Крестьянский труд был тяжелым и трудным, но жили спокойно, без всякой нервозности, не думая, о том, какие неприятные сюрпризы приготовила для них на завтра существующая власть.

В бога верили, но не фанатично а согласно поговорке «На бога надейся, а сам не плошай». Молились, но просили бога только о здоровье и хорошей погоде:

– Пошли, Господи, сухую осень, чтобы урожай собрать, – и так круглогодично: весной, летом, осенью и зимой.

За погодой также следили по народным приметам: как закатывалось солнце на Ивана Купалу – если жарко, то быть суши на жатву; не хрюкал ли кабан перед выездом в поле. Если хрюкал, то ждали плохую погоду; напился ли петух талой воды на Сретенье и т.п.

Семья питалась не только за счет ведения домашнего хозяйства, но и за счет сбора лесных ягод. В тайге были заросли кислицы, смородины, малины, таежные поляны были усыпаны лесной клубникой.

По грибы и по ягоды ходили в свободное от полевых работ время. Перед тем как идти по ягоды, Михаил Ануфриевич посылал на край тайги женщин: сходить и проверить поспела ли ягода. Марьюшка с невесткой – женой сына Гаврилы Марией (Арыковой) и Мотькой шли на край тайги, заходили в заросли смородины и кислицы, разглядывали ягоду на цвет: кислица должна была быть красной, а смородина – черной. Они пробовали ягоду на вкус, отправляя в рот целые кисти смородины и кислицы, и протаскивали кисти с ягодой между зубами. Если вся ягода оставалась во рту, значит она поспела. И на следующий день вся семья шла по ягоды.

Лесную клубнику, легко было собирать после косьбы сена. Современное поколение вообще не использует черемуху. Деды наши черемуху сушили, мололи, заваривали кипятком и ели ее с медом, с черемухой пекли и пироги.

В тайге и на полянах росло много грибов. Заготавливали грибы небольшими бочками – кадушками. Грибы собирали в березовых околках, между полями, по краям тайги и в самой тайге. Брели только грузди, в основном сырые, волнушки и белянки, а другие, такие как опята, свинушки, коровяки, сыроежки, не собирали, пинали ногами, считая их поганками. Для сбора грибов брали с собой корзины и заплечные кузова из бересты. Сначала грибы набирали в корзины, а затем высыпали в кузова, поэтому с грибной охоты приносили сразу много грибов.

Осенью мужики шишковали, ходили в тайгу и били шишку. Орехи были вкусными и питательными, а также полезными для здоровья. Когда шишковали, к кедром относились бережно, зря веток не ломали, и не в коем случае, не валили кедры, и не били их тяжелыми молотами для сбивания шишек. Шишку собирали, залезая на кедры и сбивая или стряхивая спелые шишки с веток вниз. Когда деревенская молодежь уходила шишковать, старики делали наказ: «В тайге не безобразничать, кедры не ломать».

Баня

По субботам, а иногда и посредине недели, после работы топили баню, стоящую во дворе дома. До топки бани и до мытья женщины готовили баню и таскали воду из колодца. Баня всегда была одной из радостей для семьи. Человеку, чтобы понять сладость бани, надо намерзнуться. Сибиряки как раз из таких: зимой морозы на юго-западе Сибири суровые стоят, бывает мороз из сорока градусов не выходит и по три месяца, даже хвоя с деревьев осыпается. Господь бог для сибиряков и северян баню придумал специально. Баню протапливали до жара. Сначала в баню шел батяка Нафрей, он любил первый пар. Иногда он парился сам, а обычно его парил сын Михаил, а потом, когда подрос старший внук Гавриил, Гаврила. Мылся же батяка Нафрей сам. Другие члены семьи сидели и терпеливо ждали, когда Нафрей закончит банную процедуру. Блаженство наступало еще в предбаннике, где чувствовался едкий запах дымка сначала от осиновых дров, а потом в следующих закладках в банную печь – уже запах березовых дров. Перед баней практически ничего не ели, могли попить только молока, чтобы не взяла одышка и было легко париться. Батяка Нафрей на полку ставил таз с холодной колодезной водой, на всякий случай, чтобы охладиться этой водой во время парки.

Веник к парке готовили загодя. Летом веники были свежесрезанные, но сначала его, как и засушенные веники зимой, замачивали в холодной воде, а затем запаривали в кадучке с кипятком. От этого веник вкусно пах распаренным березовым листом и наполнял баню своеобразным ароматом. Батя Нафрей залезал на полку и сначала ложился на спину и лежал, прогревая тело, чтобы весь организм привык к жару, а затем переворачивался на живот, растягивался на полке во весь рост и закрывал глаза. Его сын – мой прадед Михаил выплескивал на раскаленные речные камни целый ковш кипятка из кадучки, в которой запаривался веник с травами.

Первый самый раскаленный и жаркий пар березовым туманом и жаром и запахом березовых листьев вперемежку с травами наполнял всю парную. От пара и запаха распаренного березового листа и трав у Нафрея кружилась голова, но это кружение было приятным, а не больным. Михаил начинал сначала легонько, а затем, не жалея отца, все сильнее и сильнее начинал жарить ему ноги. У Нафрея даже летом мерзли ноги, поэтому ногам уделялось особое внимание. Распарив отцу ноги, Михаил разгонял пар веником над Нафреем по всей спине и по всему телу, не касаясь его веником.

– Жарь, не жалея, – командовал Нафрей, и Михаил жарил, припечатывая веник к старому отцовскому телу. – Добавь! – кричал Нафрей, и Михаил, слушаясь отца, плескал еще примерно с треть ковшика бурлящего кипятка на каменку. Нафрей переворачивался на спину и клал ноги на деревянную качельку – палку на веревках, висящую под потолком бани над полком, на котором лежал Нафрей. Михаил Ануфриевич гнал веником горячий пар на грудь, живот, под мышки отца, не стегая, а загоняя ему пар в самые потаенные участки тела, а чтобы отец насладился паром досыта, он в конце слегка постукивал отца веником и проводил им по его телу, касаясь отца не прутиками, а только листочками.

– Ах, и хороша зараза! – хвалил баню Нафрей.

Михаил охаживал отца веником, пока его спина не становилась красной, и Нафрей говорил сыну:

– Хватит, Миша, пожалей отца!

– Понял, батя, понял. Ухожу.

Михаил обливал лежащего на полке отца прохладной водой и уходил, а Нафрей еще долго продолжал лежать, приходя в себя. Отдохнув, Нафрей слезал с полка, в теле его была легкость, а в душе – наслаждение. После этого Михаил вновь заходил в баню и натирал спину Нафрея вехоткой с мылом и снова уходил. Нафрей мылся сам и шел из бани веселый,

распаренный, раскрасневшийся отдыхать домой от легкой одури в голове и жаркой истомы в теле.

В бане не только мылись, но и лечились, парясь березовыми вениками и делая после этого массаж, восстанавливая растянутые и ушибленные мышцы, сухожилия и суставы. Баня Мухаревых была своеобразным роддомом. Больницы в селе не было, прабабушка умела принимать роды, поэтому все роженицы из Черепаново и соседних деревень обращались к Марии Капитоновне за помощью. Перед принятием родов Мария Капитоновна дочиста вымывала и выскабливала баню, ошпаривала все кипятком с настоем из трав и только после этого принимала роды. После удачного разрешения женщины кланялись в пояс не только Марии Капитоновне, но и месту – бане, в которой они удачно рожали детей.

После баньки Михаил Ануфриевич и Марья Капитоновна, тесно обнявшись и прижавшись друг к другу напитанными жаром и расслабленными загорелыми телами, сидели на крылечке своего нового дома, охлаждаясь теплым свежим таежным воздухом, приятно обдувающим их разгоряченные тела, и вдыхая аромат берез, трав, цветов, растущих во дворе дома. Холодок, который всегда идет от реки, не доставал до них, дом находился в 15 метрах от берега. В солнечную погоду вода на реке блестела. На обоих берегах реки росли ивы и тальник. Рядом с ними вода была затемненная, в ней пряталась речная мелюзга: гольяны, пескари и верхонка от речных хищников окуней и щук. От реки и всей растительности по берегам реки веяло миром и покоем. Тишина, мир и покой – лучшего для отдыха души никто еще не придумал, Мир и покой был во всем, тихо стрекотали кузнечики.

Михаил любил делать жене приятное. Увидев в тени берез еще не отцветшие саранки, спустился с крыльца и, пробежав по мягкой траве, ласкающей ступни ног, сорвал цветок и подарил его единственной во всем мире, ненаглядной Марьюшке. Лучи вечернего солнца, прятавшегося за тайгой, гладили их по головам, загорелым лицам и щекам с ярким блестящим под солнечными лучами румянцем как добрые и мягкие руки матери, любящей своих детей. Души их летали в запредельных небесах, а тела крепко прижимались друг к другу, ведь жили они дружно и весело, и не просто душа в душу, а любили друг друга искренне и нежно. У Михаила Ануфриевича Марьюшка была первая, а у Машеньки Михаил Ануфриевич был тоже первым, единственным и неповторимым, не как у современной молодежи, и он не первый у нее, и она не первая у него. Не на месяц, не на год женились и замуж выходили, а на всю жизнь, которую бог людям отводил. Так они любили сидеть после каждой баньки, закрывая глаза,

вспоминая прошлое и мечтая о будущем. В этом им никто не мешал, они испытывали божью благодать, которую им посылал Господь сверху с небес.

Односельчане знали о взаимной любви Михаила и Марьюшки и считали, что такой отличной пары, такой дружной семьи больше не найти не только в их селе, но и в целом свете. Впоследствии жизнь доказала это, проверку на прочность они прошли на Нарымской каторге.

Они были счастливы, им больше ничего в жизни не надо было. Вдруг на глазах у Марьюшки появились слезы. Михаил увидел их и спросил:

– Что с тобой?

– Мне страшно, – ответила Марьюшка. – Страшно из-за того, что наша умиротворенная, подаренная нам Господом Богом жизнь, может закончиться.

– Да ты что, разве река, лес, наш дом и все вокруг могут исчезнуть, это же навсегда, на всю жизнь.

– Хотелось бы верить тебе, – проговорила Марьюшка и прижалась к Михаилу еще крепче. Будущая жизнь показала, что предчувствие, которое испытала Марьюшка в начале совместной семейной жизни, не обмануло ее.

Мишутка

В те годы на новом месте и в новом доме у них родился болезненный сыночек Миша, часто плачущий оттого, что ему было нехорошо. Болезненный Миша не был обузой для семьи, наоборот, его все любили и жалели. Дома он всегда находился под присмотром: ухоженный и сытый. Даже если семья была в поле, с Мишей оставалась младшая дочь Мария – Морька. Миша умер в возрасте пяти лет. Перед смертью с ним произошло чудо. Однажды вечером, когда вся семья возвратилась домой после работы, сидела за столом и ужинала, пятилетний Мишутка заявил всем, что если завтра с ним что-нибудь произойдет, то не плачьте.

На вопрос родителей: «Мишутка, что может произойти с тобой завтра?», Мишутка молчал, ничего не говорил. Наутро, когда все проснулась, Мария подошла к Мишутке, увидела, что он не дышит. Она закричала во весь голос:

– Мишутка умер!

Михаил запряг коня, съездил в Церковь в Афоново, привез священника. Тот подошел к Мишутке, потрогал его, приложил зеркало к губам, посмотрел на зеркало и сказал, что он не умер, он живой, просто

спит, не трогайте его. Батюшка почитал молитвы, окропил Мишутку и дом святой водой. Мишутка проспал 10 дней, проснулся вечером и сразу попросил есть. Вся семья в это время находилась дома, так как только что возвратилась с поля. Все обрадовались. Мария быстро собрала ужин, все вместе с Мишуткой сели за стол. Он хорошо поел и лег спать. После этого Мишутка прожил еще десять дней, за это время с ним в доме происходили чудеса.

Когда семья уходила в поле на работу, Мишутку оставляли дома с сестрой Морькой, чтобы она присматривала за ним. Уход за Мишуткой стали доверять Морьке, когда ей исполнилось четыре года. Однажды она вышла на улицу, оставив его одного в доме, а когда возвратилась, то Мишутка рассказал ей, что разговаривал с пчелой.

– Как – разговаривал? – спросила Морька.

– Очень просто, – ответил Мишутка. – К нам в дом залетела пчела, она металась по дому, ползала по окну, а я ей мысленно подсказал, как вылететь через форточку на улицу.

Морька очень удивилась и рассказала об этом домочадцам, когда они возвратились после работы с полей. Те были удивлены.

В эти дни с Мишуткой в их доме произошли и другие чудеса. Как-то вся семья, как обычно, ушла на поле, а Морька с Мишуткой, оставшись дома, играли на втором этаже, залезали на лавку, стоящую под окном, а затем с лавки – на подоконник. Сидели на нем и смотрели в окно. Мимо дома шла дорога, по ней ходили люди на поле и обратно. Вечером, когда Морька с Мишуткой сидели на подоконнике и смотрели на людей, возвращающихся с работы домой, Мишутка сказал Морьке:

– Видишь, по дороге идет дед Федор, живущий на конце деревни, через час сходи к нему домой и узнай, что с ним?

Морька поздно вечером сбегала в дом к деду Федору и узнала, что тот помер. Михаил Ануфриевич сказал:

– Как помер, он же сейчас на поле работал? Мишутка, ты как узнал об этом?

Мишутка ответил:

– Когда дед возвращался с поля домой, то у него во лбу звезда горела.

За те десять дней, которые он прожил после того, как проснулся от сна, он определил смерть двоих человек в деревне Черепаново.

В один из тех десяти дней, которые бог отвел Мишутке еще пожить на белом свете, Морька и Мишутка, как обычно, сидели на подоконнике и смотрели в окно на дорогу. Вдруг Мишутка говорит:

– Морька, ты что-нибудь слышишь?

– Ничего не слышу.

– Хорошо прислушайся, – говорит ей Мишутка.

Морька прислушалась и услышала звон бубенцов – колокольчиков, которые привязывают кучера на дуги лошадям, запряженным в тройку.

– Слышу, колокольчики звенят, – ответила она Мишутке, а звон бубенцов был все ближе и ближе и все отчетливей было его слышно.

Мишутка ей говорит:

– Это едет тройка. Давай спустимся с подоконника на лавку и сядем. Сиди тихо, не вставай и не кричи. Тройка сейчас к нам в дом приедет и будет перед нами ездить на втором этаже. Ты постарайся, не вставая со скамьи на пол ногами, сидя, достать рукой до одной из лошадок и погладить ее. Ты, меня поняла?

– Поняла, – ответила Морька.

Морька с Мишуткой спустились с подоконника и сели на лавку. Слышат, тройка вплотную подъехала к входной двери в дом, сама открыла дверь, въехала на первый этаж, поднялась по лестнице на второй этаж и, давай, кругами ездить по залу на втором этаже. Когда тройка проезжала мимо ребятишек, Морька по совету Мишутки пыталась достать кончиками пальцев крайнюю к ней лошадку, но у нее ничего не получалось, всякий раз чуть-чуть не хватало длины руки, чтобы ее коснуться. Проехав три круга, тройка по лестнице спустилась на первый этаж, открыла двери и выехала из дома на улицу. Звон бубенцов удалялся, колокольчики были слышны все тише и тише и, наконец, вообще замолчали. Морька с Мишуткой поднялись со скамьи только тогда, когда перестал слышаться звон бубенцов. Мишутка обратился к сестре:

– Эх, Морька, что же ты не дотянулась до лошадки и не погладила ее? – укоризненно сказал он. – Теперь счастья семье не будет.

Вечером, когда семья возвратилась после работы с поля, Морька во время ужина рассказала семье о странной тройке, которая ездила по их дому. В этот же вечер за ужином Мишутка рассказал всем, где он был и что он видел, когда он спал в течение десяти дней. С его слов, в это время он был в райском очень красивом саду, где были фруктовые деревья и очень много разных цветов, которых он раньше никогда в сибирской природе не наблюдал, повсюду пели, летали красивые большие и маленькие птицы. По райскому саду водили его ангелы, которые показали ему подземелье со множеством закрытых дверей, но в одни двери ангелы его не пустили, сказав:

– Тебе там делать нечего, это ад, а ты безгрешен. Если ты войдешь в эти двери и увидишь, что там происходит, то ты очень испугаешься и долго не проживешь.

После услышанного семья помолилась, и все легли спать. Перед сном Мишутка сказал, что если завтра он умрет, то чтоб не плакали, чтобы он на том свете не лежал в воде, ведь в сырости плохо лежать, он это видел. Эти слова Мишутки никто всерьез не принял. Утром Марьюшка накрыла стол и всех позвала завтракать, но Мишутка не откликнулся. Она подошла к нему и увидела, что он лежит на спине, скрестив руки на груди, мертвый. Все заревели и заплакали, похоронили Мишутку, как и положено по церковному писанию, на третий день после смерти. Так тихо и незаметно ушел из жизни маленький Мишутка, оставив после себя в сердцах всех членов семьи печаль. Вместе с Мишуткой ушли радость и материальный достаток. Наступили пасмурные дни, принесшие на долгие годы тяжелые эмоции в сердца и души всех домочадцев.

Репрессии

В конце двадцатых годов и начале тридцатых годов репрессии добрались и до Сибири – «коллективизация явилась выдающимся достижением нового общественного строя. Она навсегда ликвидировала остатки эксплуататорских классов, а опыт советской коллективизации должны использовать все страны при построении социализма». «Кулаки, противодействовавшие коллективизации, выселялись с мест постоянного жительства... Советская власть сделала все необходимое по трудоустройству бывших кулаков на новых местах жительства, создала нормальные условия жизни... Партия и Советская власть перевоспитала кулаков, помогла им стать полноправными гражданами и активными тружениками социалистического общества... Коллективизация... укрепила и подняла на новую высоту союз рабочего класса и крестьянства».

Как власть «трудоустроила» раскулаченных, увидим ниже.

Историки до сих пор ведут подсчеты, сколько миллионов крестьян были разорены и выброшены в необжитые отдаленные районы, отправлены на строительства сталинских пятилеток, в концлагеря. Называют цифры в 5-7 миллионов.

Известный историк Дм. Волкогонов писал: «По моим подсчетам (вероятно, неполным), под раскулачивание попали 8,5–9 миллионов русских мужиков, их жен, детей, стариков. Около четверти погибли в первые месяцы после раскулачивания, еще четверть – на протяжении года».

В лагеря отправлены свыше 40 тысяч раскулаченных крестьян. Участники минувших восстаний расстреляны. И тем более расстреляны участники восстаний против коллективизации. Это и было осуществлением сталинской политики ликвидации кулачества как класса. С «подачи» Сталина повторялась неправда про массовое вредительство кулаков, а крестьянские восстания против коллективизации выдавались за бандитские мятежи» (Интернет).

Советская власть стала и в Сибири уничтожать трудовое крестьянство. Самая лучшая часть крестьянства, его гвардия, умеющая обрабатывать землю и получающая от этой работы прибыль, была объявлена кулаками, часть из которых была осуждена и отправлена за колючую проволоку на стройки Беломорканала, новых заводов в Сибири и на Урале, стройки и лесоповалы Дальнего Востока и Севера. Самые работающие, думающие, деловые, смелые, сильные попали за колючую проволоку под нацеленные на них винтовки и карабины. Другая же часть вместе с семьями была сослана в необжитые и непригодные для жизни земли Сибири. Тем самым цвет трудового крестьянства России был уничтожен. Россия, ранее кормившая всю Европу хлебом, стала голодать.

В 1929 году беда нагрянула и в дом Михаила Ануфриевича и Марии Капитоновны. Уничтожать трудовое крестьянство государство стало с центра России. Многие люди, узнав, что их будут раскулачивать, собирали необходимое имущество и ночами уходили в неизвестность, подальше от насиженных мест. Таких людей стали называть беженцами. Беженцы появились и в селе Черепаново, жить им было негде, за помощью они обратились к настоятелю Афонинской церкви. Последний, поняв, какая беда прислала в Сибирь жителей из центра России, помог им выправить новые документы и обратился с просьбой к Михаилу Ануфриевичу поселить их у себя в доме, сказав:

– Михаил Ануфриевич, войди в положение людей, они, бросив все имущество, сбежали от предстоящего насилия. У них нет ничего: ни имущества, ни жилья, пусти их пожить временно у себя – у тебя большой дом.

Михаил Ануфриевич вошел в положение беженцев и разрешил им жить в своем большом двухэтажном доме, выделив им комнату для проживания, не подумав, что тем самым под удар меча репрессий поставил себя и свою семью. Спустя несколько месяцев настоятель Афонинской церкви, пришел в дом к Мухаревым. По его виноватому виду Михаил Ануфриевич понял, что батюшка пришел с худыми новостями и не ошибся.

Последний поздоровался, по приглашению прадеда сел за стол и на предложение хозяина отобедать, как бывало до этого не один раз, сказал:

– Спасибо, только я не могу обедать, я пришел с дурными вестями.

– Что случилось? – спросил Михаил. В предчувствии неприятностей все внутри него оборвалось.

Батюшка, опустив голову, сказал:

– Извини, Михаил, что я тебя подставил под удар, через несколько дней приедут уполномоченные из Томска тебя раскулачивать.

Прадед Михаил не поверил, изумленно посмотрев на священника, ответил:

– Кого, меня раскулачивать, я же не кулак, у меня нет батраков, я все нажил своим трудом и трудом всех членов моей семьи, – от волнения у него пересохла губы. Ничего не понимал он, почему жизнь усложняется, что происходит и как будет дальше. Мария Капитоновна, присутствующая при разговоре, молчала, стиснув зубы, и пальцами дрожащей руки водила по белым жемчужным зубам, а на глаза ее наворачивались слезы.

Михаил взял стакан горячего чая и начал пить, но чай не лез ему в горло, он поперхнулся и закашлялся. До него дошло, как плохо оборачивается добро с поселением у них беженцев из центра России.

Не поверил, но на всякий случай отдал старшей дочери Дуняше на «Пчелку» несколько ульев с пчелами и несколько овец. Беженцам Новоселовым пришлось покинуть дом Мухаревых.

Раскулачивание

Через несколько дней в дом Михаила ранним утром явились незваные гости, они вошли через открытые ворота, прошли через весь двор к дому. Прежний дворовый пес, верно охранявший хозяйский двор, после смерти маленького Мишутки умер от старости, нового еще не успели завести, поэтому никто из хозяев не услышал, как непрошеные гости подошли к дому. Но те, прежде чем зайти в дом, все-таки сильно и громко постучали в двери, изгоняя из дома навсегда мир, уют, покой, радость и веселье, царившие в нем с момента заселения.

Вся семья сидела в это время за столом, завтракали.

– Зайдите, – громко сказал, не выходя из-за стола, Михаил Ануфриевич.

Незваные гости вошли в дом. Это были уполномоченные из Томска, вместе с ними и новый односельчанин Реунов, недавно поселившийся в

Черепаново, он прибыл из Алтайского края – сбежал от раскулачивания и желал выслужиться перед новой властью.

Увидев непрошенных гостей, Михаил Ануфриевич пригласил их за стол:

– Проходите к столу, присаживайтесь, откушайте вместе с нами, – улыбаясь приветливо и широко, сказал он.

Семья, сидевшая за столом, прекратила есть и с любопытством смотрела на вошедших. Никто из них, войдя в дом, даже не поздоровался, а один из них объявил, оборвав улыбку хозяина:

– Мы не кушать пришли, а тебя раскулачивать! Тебя, Мухарев Михаил Ануфриевич, советская власть признает кулаком. Мы уполномочены произвести у вас обыск. Все твоё имущество описываем и передаем государству. Требуем у тебя передать ключи от амбаров.

– А ключей от амбаров я вам не могу дать, у меня их нет, – ответил Михаил Ануфриевич.

– Как – нет ключей? Я требую, чтобы ты немедленно передал нам ключи от амбаров. Общайте его! – сказал он подручным.

– Обыскивайте, но ключей дать не могу, их у меня нет.

– Что?! Как ты смеешь препятствовать нам производить у тебя обыск?

– Я не препятствую вам производить обыск, обыскивайте, но ключей у меня нет, и никогда не было.

– Как – не было, куда же они подевались?

– Ключи никуда не подевались, они ни к чему, так как на амбарах замков нет.

– Как нет замков?

– Вот так – нет. В амбарах просто двери закрываются, а замки мы на амбары испокон веку не вешали.

Вся семья встала из-за стола, взрослые увели детей по комнатам. Остались только Михаил Ануфриевич и Мария Капитоновна.

– Какой же я кулак, у меня скотины не больше, чем у других, земли столько же, сколько у других, наемных работников не имею, живем своим трудом, какой же я кулак? – спросил хозяин дома, сжимая побелевшими пальцами жилистых и жестких рук края стола.

– Правильно ты говоришь, что ни по скотине, ни по земле, ни по батракам ты к кулакам не подходишь, чистый середняк, но дом-то у тебя самый большой в селе, по дому ты настоящий кулак, да и живешь ты богато, не как некоторые крестьяне в вашем селе.

– Дом- то у меня большой, но в нем живет три семьи: моя семья – я, жена, дочь; семья отца – батька Нафрей и его жена Елизавета – моя мама;

семья сына Гаврилы – он, его жена Марья, его дети – сыновья: Михаил, Иван, и дочь Анна, итого десять душ. Недалече, когда Мишутка и Иван женятся, то и они с нами в доме жить буду. А живем хорошо за счет вот этих моих рук.

Михаил Ануфриевич показал свои жилистые, шершавые, мускулистые руки уполномоченным.

– Таких же рук моего отца – батьки Нафрея, таких же рук моего сына Гаврилы, рук наших жен и малолетних детей, которые с детства приучены к работе в поле. Наши руки нас кормят, поят и за счет них мы живем хорошо.

– Видим, что руки у тебя рабочие, но тебя местная власть включила в списки кулаков, значит ты кулак. Спорить не будем, по дому ты тянешь на кулака, значит кулак, а спорить будешь, плохо будет. Если споришь, значит, сопротивляешься советской власти, а это бунтом пахнет, вместо переселения в тюрьму отправишься.

– Я не бунтую и против власти ничего не имею, но в отношении меня вы совершаете подлость. Вы не раскулачиваете меня, а русский народ уничтожаете.

– Что? – вскипел уполномоченный.

Мария Капитоновна, присутствующая при разговоре, сначала с печальной улыбкой смотрела на незваных гостей и мужа. Что она могла сделать, чем могла помочь мужу, она не знала. Услышав угрозу тюрьмой мужу, и его ответ непрошеным гостям, она прижалась к нему, говоря:

– Не перечь, Миша, не перечь. Живым и свободным ты нужен семье. А имущество – что, наживем новое, все наживем.

А затем, прижавшись к мужу еще сильнее, тихо заплакала. Слез было так много, как будто она копила их всю жизнь, они лились ручьем. Возможно, слезы Марии Капитоновны смягчили злое сердце уполномоченного, он успокоился и не стал к ее мужу принимать более строгие меры.

После проведения обыска, составления подробной описи имущества, составления соответствующих документов уполномоченный из Томска сказал:

– Не вздумай что-нибудь спрятать. Попробуешь утаить чего, головой ответишь. Тебя с женой и дочерью (в то время Марии было 17 лет) завтра отправляем в ссылку в Нарым. Разрешаем взять лошадь с телегой, шанцевые и столярные инструменты: лопаты, лом, топор, пилу, гвозди, постельные принадлежности, мешок овса, мешок муки, ведро меда, одежду и еду.

Михаил Ануфриевич ничего не понимал, в окружающем мире происходило что-то непонятное. Все также светило солнце, но с ним, с его семьей власть имущие поступали несправедливо. Он был в смятении, растерянности, совсем сбит с толку. То, что всегда ему было понятным, само собой разумеющимся, – честная, в соответствии с божьими заповедями, трудолюбивая жизнь с хорошим материальным достатком, оказывается, по мнению, советской власти, злом!

Хорошая жизнь, к которой он привык, была его естественным состоянием. Новая власть, которой он ничего плохого не сделал, резко, неожиданно опрокинула его и многих таких же, как он. За что? Вместо обещанной свободы трудящимся ссылка в неизвестность – трудовому крестьянству. Власть напирала на него, стараясь согнуть его и миллионы подобных ему честных людей. Зачем советская власть уничтожала лучший цвет трудового крестьянства страны, ему было непонятно. Он был растерян и первый раз в жизни потерял дар речи. Несправедливость убивала. Грустно было думать о том, что в этом благодатном месте, где бог дал всем людям равные отличные условия для крестьянской жизни, новая власть, которую люди приняли, как свою, издевается над лучшими из них, отбирая все хозяйство под корень, присваивая все нажитое честным, ежедневным, тяжелым трудом, отправляя в суровые необжитые и неприспособленные для жизни районы страны под открытое небо. Но власть не знала, что в Михаиле Ануфриевиче и в миллионах ему подобных людей была пружина из крепчайшей стали, незаметная для этой власти. Власть имущие могли согнуть людей, но не сломать их. А при первой возможности русские люди, да и люди других национальностей, жившие рядом с ними в Сибири, выпрямлялись и снова тянулись к хорошей жизни, как любое растение, которое, как бы его ни засыпали и даже ни закатывали в асфальт и бетон, пробивается через все засыпы и завалы и снова тянется к солнцу, к жизни.

Внук Михаил, 1920 года рождения, узнав, что завтра утром дед Михаил Ануфриевич уезжает в ссылку на жеребце Серко, пристал к нему:

- Деда, ты завтра уезжаешь, разреши я коня в речке накупаю.
- С дорогой душой, внучек, бери Серко, езжай на речку, покупай его напоследок и почисти его.

Серко стоял воле дома, привязанный поводом к небольшой коновязи на двух-трех лошадей, и жевал овес, насыпанный ему в небольшую колоду, поднятую от земли на уровень коновязи. Обрадованный Миша подскочил к коновязи, погладил жеребца и ловко вставил мундштук в пасть коня, затем отвязал повод и попросил:

- Деда Миша, помоги сесть верхом на Серко.

Дед подошел и забросил внука на горячую широкую спину коня. Восьмилетний внук, прижав босые ноги к бокам жеребца и нанося легонько удары голыми пятками, дергая за уздцы, стал понуждать его выехать со двора. Серко, слушаясь маленького наездника, задрал морду, заржал и замотал гривой, радуясь предстоящей прогулке, и вышел со двора. Обрадованный внук, ощущая взаимопонимание с лошастью, скомандовал,

– Но, пошел! – и направил жеребца не в сторону речки, а в сторону дороги, ведущей к полям возле тайги.

Застоявшийся Серко рванул сначала рысью, но рысью сильно трясло, поэтому молодой наездник перевел его на галоп. Серко помчал мальчонку по дороге к тайге, мимо полей, где он постоянно работал с родителями, а он, отпустив поводья, дал коню волю. Навстречу дул теплый ветер, вздувая на его теле белую самотканую льняную рубашонку. Мише казалось, что он не едет, а летит над землей на волшебном коне с маленькими крыльями. Его сердечко в груди сладко замирало и трепетало. Спина жеребца была широкой, сидеть на ней было удобно, особенно при скачке коня галопом. Молодой всадник гордился, что он управляет таким большим и умным жеребцом. Доскакав до тайги, куда он частенько ходил по грибы и ягоды, Мишутка повернул коня обратно к дому. Возле дома, объехав ограду, направил коня в реку, обрызгав речной водой младшего брата Ваню, сидевшего на берегу в ожидании его возвращения. В реке конь радовался купанию. Задирает голову, мотал ею, бил копытами о воду, касался губами рук мальчишек, трущих его бока и ноги с обеих сторон. Накупав и напоив коня в реке, оба брата привели жеребца во двор дома и привязали его к коновязи. Здесь уже двух племянников ждала Морька, она уже невестилась, но еще была девчонкой, часто играющей в детские игры с племянниками.

– Миша и Ваня, пойдемте посидим на сеновале, а то я завтра уезжаю, неизвестно, когда мы увидимся вновь.

Обняв племянников, Морька пошла вместе с ними напоследок посидеть на сеновал. Свободное время дети, особенно зимой, проводили на сеновале и на конюшне. Там были все условия для игр: темные таинственные углы и много сена. На чердаке, набитом сеном, ребяташки зарывались в душистое сено, прятались, лазили по чердаку и крышам конюшни и рядом стоящих стоек (сараяв). Делали различные лазейки и пещеры в сене, из которых можно было неожиданно выпрыгнуть или через которые можно было прошмыгнуть во время прятков и догоняшек. Запахи лошадей, сена, конского пота, дегтя, сыромятной сопровождали жизнь ребяташек в детстве.

Морька, уезжающая в далекий и проклятый Нарым вместе с родителями, с того дня навсегда забудет этот запах детства. Девятилетний Миша и четырехлетний Ваня также недолго будут наслаждаться этим запахом. Спустя восемь месяцев, после раскулачивания их деда – Михаила Ануфриевича и отправления его вместе с женой и дочерью Морькой в ссылку в Нарым, сына Михаила Ануфриевича – Гаврилу Михайловича Мухарева и его отца – Ануфрия Петровича Мухарева тройка НКВД осудит по ст. 58 УК РСФСР: моего деда за то, что был сыном кулака, а деда моего деда за то, что он был отцом кулака. После осуждения оба были вначале отправлены отбывать наказание в Новокузнецкую тюрьму, где их труд использовали на строительстве Кузнецкого металлургического комбината. Ануфрий Петрович заболел и был расстрелян на глазах внука. Мой друг Гаврила впоследствии был отправлен на строительство знаменитого Беломорканала. Семья же после его осуждения будет выкинута на улицу, а все имущество, которое оставалось у них после раскулачивания Михаила Ануфриевича, будет конфисковано. Об этом Михаил Ануфриевич узнает, когда через год вернется с нарымской каторги.

Михаил Ануфриевич увидев, что внуки Миша и Ваня привели коня с реки и привязали его к коновязи, сказал сыну Гавриле:

– Дорога дальняя предстоит, возьми Серко и своди перековать в кузнецу.

– Хорошо, батя, сделаю.

Кузница была самой крайней постройкой на противоположном краю села. Гаврила вышел на улицу, сел верхом на Серко и поехал. Возле кузнецы Гаврила поставил жеребца и вошел в кузнецу. В ней во всех углах висела паутина, было прохладно и сумрачно. Время было предвечернее, но горн еще горел и кузнец был на месте. Недалеко от горна лежали свежавыкованные топоры, лопаты, вилы, стояли блестящие однолемеховые, под лошадей, плуги, опоясанные шинами колеса для телег. Всякий раз, когда Гаврила видел однолемеховые плуги, ему вспоминалось, как трудно и тяжело ежегодно пахать этими плугами принадлежащую им землю. Вспоминалось, с каким трудом давалась ему, отцу, а ранее и батьке Нафрею, каждая вспаханная борозда. Приходилось налегать всем телом на плуг, чтобы пропахать глубокий сибирский чернозем, а если была ранняя весна или шел дождь, то приходилось часто останавливаться и счищать налипшую на лемеха плуга землю. Пахать по свежераскорчеванной пашне на краю тайги было просто мучение – поминутно нужно было останавливаться, так как оставшиеся в земле корни не пускали плуг вперед. Чтобы не сломать плуг, его меняли на соху, которой больше ковыряли

землю, чем пахали. После такой вспашки свежего поля руки во сне дергались, как будто постоянно натыкаешься на корни и выдергиваешь соху из земли. И коню, и человеку такая пашня поддавалась с трудом.

– Здорово, Петр, – поздоровался с кузнецом Гаврила.

– Здорово, Ганя. Зачем приехал? – пытливо уставил на него глаза кузнец.

– Батяка прислал Серко перековать, завтра в ссылку рано утром уезжает с мамой и сестрой Морькой.

– Да, слышал я, горе у вас большое, жалко Нафреевича, хороший человек и хозяйственный мужик. Все в селе жалеют его, не понимают, кому он перешел дорогу, ведь он кулаком никогда не был, жил, как и все, трудом своей семьи. Пойдем, посмотрим твоего коня.

Оба вышли на улицу. Кузнец от свежего воздуха покачнулся и присел на корточки у закопченной стены кузницы. Надышавшись свежего воздуха, кузнец подошел к Серко, которого за уздечку держал Гаврила. Погладил коня, нагнулся и потянул его морду к своим ногам сильными руками, привыкшими сгибать железо и ноги лошадей, приводимых к нему подковываться и расковываться, сказав:

– Ножку дай, – осмотрел одно за другим оба передних копыта. Затем отпустил ноги коня, сходил в кузницу, принес небольшие клещи и сдернул обе подковы с копыт коня. После вместе с Гаврилой зашел в кузницу, сказав ему:

– Помогать будешь.

Гавриле работа подмастерьем у кузнеца была привычной, он дружил с ним и по просьбе Петра время от времени помогал ему.

Кузнец надел черный фартук. Подложил в горн шумовкой угольков, мехами раздул уже почти погасший горн, пока в нем не заблестели раскаленные угли, засунул туда брусок доброго железа, разогрел его добела, взял полупудовую кувалду и крикнул Ганьке:

– Помогай!

Петр стал стучать кувалдой по заготовке, которую положил на наковальню длинными кузнечными клещами Гаврила. Кузнец командовал Гавриле:

– Подвинь, поворачивай, держи крепче, быстрее шевелись.

А Гаврила подавал, поворачивал, отпускал, подвигал раскаленную добела заготовку, от которой во все стороны летели искры, а она сплющивалась и мялась, приобретая необходимую форму подковы, как будто была сделана из глины. Звон стоял на все Черепаново наподобие

колокольного: «Прощай-прощай-прощай, Черепаново, мы уезжаем, а ты, Черепаново, живи-живи-живи!»

Через звон в кузнице Михаил Ануфриевич попрощался со ставшим для него родным селом Черепаново. Изготовив таким образом четыре подковы, кузнец с Гаврилой вышли на улицу, передохнули и перековали Серко в дальнюю дорогу. Возвращаясь из кузни, Гаврила с удовлетворением слышал, как цокают новые подковы на копытах жеребца. Поздние летние сумерки медленно, как бы нехотя, пожирали последний день счастливой жизни Мухаревых в Черепаново, словно не желая прощаться с ними, но все равно солнце на западе опускалось за тайгу. Закат в этот день был жутковатым – ярко-красным. Казалось, что тучи обливали свежей кровью заходящие лучи, попадающие на небосклон. Но все-таки день закончился, и наступила ночь.

Михаил с помощью сына Гаврилы и отца Нафрей стали собираться, снарядив в дальний путь отмытого в реке перед дорогой парадно-выходного жеребца Серко и самую исправную телегу. Положили на дно телеги десяток выделанных своими руками шкур, все разрешенное уполномоченным и даже более. На хлопоты ушла вся ночь, но все, что нужно было сделать перед дальней дорогой, мужики сделали, хотя и валились от усталости. Летняя ночь была светлой. Круглая полная луна мерцающим светом освещала дом, двор и всю усадьбу Мухаревых. В лесу вскрикивали совы, и ухал ушастый филин, наводя тоску не только на мелких птиц и зверюшек, забившихся по своим норкам и гнездам, но и на всю семью несправедливо раскулаченных, расстроенных членов семьи. Ночь подходила к концу, забрезжило утро, но уже никто не спал. Вдалеке на востоке над тайгой начали проявляться проблески зари. Во дворе на ветках лиственницы визгливо вскрикивали кедровки, залетевшие сюда из леса. Перед отъездом, на дорожку, все сели за большой обеденный стол на втором этаже в гостиной, молчали и молились, чтобы благополучно добраться до проклятого Нарыма и начать там новую жизнь с нуля. Только батюшка Нафрей говорил:

– Беда пришла в наш дом, большая беда!

Перед тем как выйти из-за стола, Михаил Ануфриевич, обратился к снохе – жене сына Гаврилы:

– Мария, будь добра, уважь свекра, на дорожку принеси из подполья крынку простокваши.

– Одну минуту, батюшка, я мигом!

Мария бросилась вниз. Открыв крышку творила подполья, где стояли крынки с молоком, простоквашей и квасом, достала крынку любимой Нафреевичем простокваши, принесла ее свекру.

– Пейте, батюшка, – сказала она, протянув ему крынку с простоквашей.

– Спасибо, милая, – Нафреевич взял крынку и осушил ее до дна. – Когда попробую такой простокваши, не знаю, и попробую ли?

Затем перекрестившись, Нафреевич сказал:

– С богом!

В гостинной загремели отодвигаемые скамейки, все вышли из-за стола. Вышли во двор. На востоке из-за тайги поднималось солнце желто-багряным кругом. Солнечные лучи начинали освещать просыпающуюся деревню, пробивая туман и распахивая от темноты голубое небо. Было раннее утро, все деревья и вся трава вокруг дома были обильно покрыты утренней росой. Прадед напоследок обошел двор, окинул взглядом огород и поля за ним – родная земля, что ни говори, прощаться с ней очень трудно. В этом дворе, в этой земле он копался вместе с семьей последний десяток лет, а теперь покидал его, и, возможно, навсегда. Прощальным взглядом посмотрел на дом, который сам построил и в котором счастливо жил.

«Вернемся ли мы когда-нибудь к тебе и будем ли мы снова жить здесь?» – подумал он. Домочадцам, вышедшим их провожать в дальнюю, ничего хорошего не сулящую дорогу, сказал:

– Давайте прощаться.

Уезжающие поочередно простились с батюшкой Нафреем, с сыном Гаврилой и всей его семьей.

– Прощайте, родные, прощай, любимый дом!

У каждого разъедало душу щемящее чувство тревоги и беспокойства. Все сели в телегу и отправились в неизвестность.

Вместе с прадедом Михаилом Ануфриевичем, прабабушкой Марией Капитоновной, их семнадцатилетней дочерью Марией – Морькой в нарымскую ссылку сослали и других Мухаревых из деревни Иганино, в том числе и двоюродного брата нашего прадеда. А вот дедов Лидии Николаевны, несмотря на то, что у них хозяйство было в два раза больше, эта участь миновала. Их предупредили о предстоящем раскулачивании и посоветовали, чтобы они вступили в колхоз первыми, чтобы не раскулачили. Они так и сделали – вступили в колхоз первыми, вместе с девятью односельчанами. Колхоз назвали «Красный борец». Во время Великой Отечественной войны председателем колхоза был представитель нашего рода Мухарев Иван Андреевич.

Ссылка

Было раннее утро, когда солнце только вставало над тайгой. Листья растений были в обильной росе, над рекой еще стоял синеватый туман. Он расползлся по всем рядом лежащим низинам и логам, заполняя их и пространство рядом с домом своей жидкой кисеей в тот самый час, когда большинство людей спокойно и умиротворенно спят, потому что в этот момент на них слетела божья благодать. В тумане не было видать ни огней, ни движений, он царствовал везде, казалось, что все замерло и вымерло. Туман помогал отъезжающим более безболезненно покидать родимый дом, потому что дом в тумане исчезал из вида быстрее, как говорится в поговорке: «С глаз долой, из сердца вон!». Прямо из дома дорога вела на Север, в далекий, неизвестный, суровый, негостеприимный, страшный своей непредсказуемостью Нарым. Всех уезжающих знобило не столько от ранней утренней прохлады, а больше от ожидания предстоящих трудностей и мучений там, в неизвестности, куда они отправляются. Семья погрузилась на телегу, посреди телеги Нафреевич посадил женушку Марьюшку и доченьку Морьку, сам сел на передок телеги, разобрал вожжи.

– Ну, пошел, – понужнул он своего любимого породистого жеребца. Лучшую из лошадей прадед взял в ссылку, он не хотел оставлять Серко местным властям, в дневное время ограбившим его при всём честном народе – раскулачившим его. Серко чувствовал волнение людей, и тревожно водил громадными темными глазами. Жеребец был неизъезженный, молодой, здоровый, резвый, полный сил, – хотел постоянно бежать, а не идти. Он понял, что путь дальний, и сразу влег в хомут, пробежав несколько десятков метров.

– Тпру, куда прешь, – притормозил жеребца хозяин. Жеребец не хотел идти шагом и все пытался бежать. Прадед сдерживал его до тех пор, пока Мухаревы не влились в длинную колонну из их села и из соседних деревень таких же раскулаченных. Их лошади, также запряженные в тяжело нагруженные телеги, не давали его жеребцу разбежаться. Вся колонна в тоскливом предчувствии отправилась в еще нарастающую туманную даль, в неизвестность – в далекий и страшный Нарым. Вот проехали мимо последних огородов родного Черепаново, вот исчезли крыши последних домов родного села в березах лесных околотков, и не стал слышан лай сельских собак, провожающих длинный обоз переселенцев, собранных со всех близлежащих деревень. Что будет с ними, какая жизнь предстоит на новом месте, было неизвестно. У всех без исключения было подавленное настроение. Вроде все люди внешне равные, и рождаются и умирают

одинаково, и спят одинаково, и все есть хотят, но каждый из внешне одинаковых людей работал по-разному, и того, кто больше и лучше работал, власть лишила всего. Спецпереселенцы были хмурыми, как будто на их крепких, трудолюбивых, привыкших к тяжелому труду плечах висела тяжелая, непосильная ноша. Прадеду хотелось, чтобы лошадь шла шагом, или чтобы она совсем остановилась, так сильно он не хотел уезжать из родного дома в проклятый Нарым. Но что бы Михаил Ануфриевич ни хотел и что бы он ни думал, обоз, в котором он находился с семьей, двигался вперед, а телеги стучали по тряской таежной дороге, увозя его с семьей туда, куда он не хотел. И понял Михаил, что вся будущая жизнь будет такой же тряской и неудобной. «Прощай, родимый дом. Прощай, родимый край. Прощайте навсегда...» – мысленно прощался Михаил Ануфриевич с родными местами. Все в жизни бывает. Бывают и, наоборот, такие случаи: человек желает или даже мечтает уехать из дома, но это бывает тогда, когда он неудобно чувствует себя в родном доме, может с кем то он в ссоре или кого-то не любит, или его кто-то из домашних сильно не любит его, то есть на деле его выживают из дома, то есть фактически нет у него родного дома, он бездомный. Тогда легко ему покинуть дом, в котором он родился и вырос, ничто, кроме кровных уз с родителями и другими родственниками, его с этим домом не связывает. Душа рвется на свободу из стен, в которых тошно ему, и покидает он этот дом легко и свободно. В случае с прадедом все наоборот. Вопреки его желанию из родного дома он был изгнан насильно, под конвоем, душа его не хотела покинуть родимое гнездо, и поэтому ему было невыносимо тяжело прощаться с родиной. Надежда на возвращение в свой родной дом, стоящий между берез недалеко от речки, а более того, к старой счастливой жизни, сгорала в каком-то невидимом злом огне и таяла с каждым новым метром, отдаляющим его и его семью от дома и приближающим их к новому месту жительства в неприветливой тайге в районе пугающего Нарыма. Дороги до Нарыма и дальше в таежную глубь практически не было. Телеги качались и дергались на рытвинах и ухабах. Лошади рвали на себе постромки, сбрую, хомуты. Тяжелый зной стоял каждый день, земля ссыхалась, вожжи и ремни рвались, колеса отваливались от телег, но ничто не останавливало длиннющий, растянувшийся чуть ли не на километр, обоз спецпереселенцев. Лето в тот год выдалось таким жарким и сухим, какого давно здесь не было. И люди и все живое мучались от летнего зноя. Дорожная густая пыль забивала нос и рот, жара обжигала и затрудняла дыхание. Не только дни, но и ночи были жаркими. Люди и лошади за ночь не успевали отдохнуть. Новый день приносил новую жару, солнце сжигало все, земля была горячей и обжигала

пятки, трава высохла, и для лошадей было трудно найти зеленую траву. Только стригам все было нипочем, они носились над землей в высоте. Когда останавливались на привал в дневное время, то прадед старался телегу размещать под большим деревом – сосной, кедром или березой с теневой стороны, потому что солнце не может светить со всех сторон сразу, если оно не стоит над деревом, и всегда есть затемненное место, куда солнечные лучи не попадают. Там и пряталась вся семья прадеда от испепеляющего солнца, но назойливые солнечные лучи находили щелки и проникали через густую крону деревьев, стоящих возле обочин дороги. Каждый день парило, видно было, как от земли струился пар. Если человек всматривался вдаль, то ему казалось, что земля горит прозрачным пламенем. Однажды, когда прятались от солнечных лучей во время привала за деревьями, Михаил Ануфриевич почуял запах меда и услышал гудение пчел. Поднял голову и увидел, что наверху вьются, влетают и вылетают в дупло и из дупла пчелы. Быстро надел плотную одежду, закрыл лицо сделанной наскоро сделанной маской, соорудил дымарь, залез на дерево, выкурил пчел и достал свежий дикий пчелиный мед в сотах. Это была небольшая радость за всю длинную дорогу, и вызвало улыбки у всех членов семьи. Через месяц конвой пригнал обоз спецпереселенцев в необжитую тайгу, в район мрачно известного Нарыма, который находился в местности, приравненной к Северу. Нарым был построен в 1598 году отрядом казаков – Ермака, как русская крепость – «Нарымский острог». Это был первый населенный пункт на территории Томской области. В 1601 году острог получил статус города. В 1613–1619 годах острог был перенесен на новое место. После присоединения Сибири к Российскому государству через полвека он потерял свое военно-стратегическое значение. Практически с момента образования Нарым стал местом политической ссылки. Туда отправляли на поселение декабристов, участников польских восстаний, революционеров. Был знаком с Нарымом и вождь народа И. В. Сталин. Ссылка считалась тяжелой, но по сравнению со ссылкой, устроенной для цвета российского крестьянства, которое было названо кулаками, это был «РАЙ». Бытовая сторона жизни требовала в Нарыме много времени и хлопот.

«В Нарыме не было ни гостиницы, ни трактира, не говоря уже о ресторане, где можно пообедать. Еду надо было добывать и готовить самим. И мы со Сталиным на первых порах вели общее хозяйство. Каждый через день принимал на себя роль «хозяина». Да только у Сталина к этому делу не лежала душа. Если наше «совместное хозяйство» и не распалось само собой, то лишь потому, что Смирнов вскоре сжалился над Сталиным и

принял его к себе как бы на полупансион. Сталин ходил к Смирнову обедать, а завтракали и ужинали мы пока вместе. Но и тут возникли новые сложности, на этот раз — из-за самовара! Мы занимали верхние комнаты домика. Сам хозяин жил внизу. Прямо из хозяйской квартиры в наши комнаты вела крутая лестница. У хозяина было две дочери, они-то и ставили для нас самовар. Но мы как истые кавалеры не могли допустить, чтобы женщины таскали наверх тяжелый самовар, а потому заносили его сами. Соблюдался принцип равенства: один день самовар заносил я, другой — Сталин. Однако я вскоре заметил, что Сталин очень неохотно берется за это дело. Поскольку я был моложе, то счел своим долгом исполнять эту обязанность и за него. А Сталина раздражало уже то, что я ему оказываю услугу. Раз в месяц нам все же волей-неволей приходилось лично являться в полицию. Это был день «жалованья». «Жалованье» наше, простых смертных, составляло 6 рублей в месяц, а привилегированным — почетным гражданам, дворянам и студентам полагалось 12 рублей. Хочу заметить, что на эти деньги в Нарыме можно было прожить неплохо, там все было дешево. Деньги выплачивала полиция и только лично в руки. Так что и Сталину приходилось ходить самому». *Текст воспоминаний Э. Озолиньша публикуется по газете «Яунакас Зиняс» с незначительными дополнениями по газете «Латвиешу Балсс».*

Эрнест Озолиньш.

«Действительно, царскому правительству было далеко до сталинского режима в проведении насильнического переселения».

Прорубая путь, строя мосты, двигались они вглубь глухой тайги, не имея ни жилья, ни продуктов. Люди шли в небытие и гибли как мухи, пухли от голода. Немедленно, по прибытию на место поселения, спецпереселенцы получали задачу на раскорчевку под пашню, им выдавался план на посев и ... сдачу зерна государству.

Коллективизация сельского хозяйства в 1929–1933 гг. сопровождалась раскулачиванием части крестьян. В конце 1929 – начале 1930 г. в некоторых краях и областях по решениям местных органов власти началось выселение кулаков за пределы края (области) с конфискацией имущества.

На практике выселению с конфискацией имущества подвергались не только кулаки, но и так называемые подкулачники, т.е. середняки, бедняки и даже батраки, уличенные в прокулацких и антиколхозных действиях. (Из интернета).

«Приехали!» – прозвучала команда. Усталые лошади опустили вниз головы. Бока у них запали, мало что осталось у них от прежней резвости, все забрала дальняя дорога. Одни из переселенцев сразу разбрелись по лагерю, другие оставались сидеть и стоять возле своих повозок.

Место, в котором должны были остановиться спецпереселенцы, находилось в суровой нескончаемой тайге, которой для глаз человеческих не было видно конца и края. Оно было огорожено простыми веревками. Это был настоящий сосновый бор, как в жизни – сырой и буреломный. Здесь и там лежали свалившиеся от ветра или болезней сухие сосны. Они стояли здесь сотни лет, уходили своими корнями глубоко в землю, и все, словно солдаты, смотрели своими вершинами строго в небо, были высокими, ровными – стройными, корабельными и шумели вершинами. Местами сосны стояли очень плотно друг к другу и за несколько сот лет очень сблизились. Стояли чуть ли не вплотную друг к другу, и поэтому больные деревья стояли рядом со здоровыми, но не падали, так как здоровые сосны не давали им упасть. Они стоя гнили и сохли, но это было не по всему сосняку, а местами. Между сосняками попадался и кедрач из вековых кедров.

Днем в такой тайге было сумрачно, так как лучи солнца с трудом пробивались через густые ветви сплетшихся сосен. Из таких сосен раньше строили мачты на кораблях и корабли. Одно из старых засохших деревьев, словно испугавшись спецпереселенцев, покачнулось и, задевая ветвями за другие сосны, шумно, с треском, упало на землю. Сосняк тянулся вдаль на десятки километров, казалось, до бесконечности.

Прибывших спецпереселенцев поразило полное безмолвие – дремучая вековая богатырская тайга и полная тишина, не было слышно ни единого звука. Прадед никогда в жизни не видел целой тайги строевых сосен. Их вид сосен вселил в прадеда уверенность, что жить здесь можно, потому что такие сосны не могли вырасти на плохой, непригодной для земледелия земле. Богатая тайга выросла здесь, богатые урожаи зерновых будут вырастать на ней же, подумал он.

В центре лагеря из земли бил ключ, из которого можно было брать воду для питья и приготовления пищи. Прадед, попробовав воду из родника, сказал: «Вкусная, годится». Вид родника, вкус воды еще более воодушевили его. Вода была такая же чистая, холодная и прозрачная, как и в роднике во дворе дома, который наполнял чистой, прозрачной и вкусной водой домашний колодец. Попив, прадед ожил, словно глотнул живой воды из сердца русской земли, и почувствовал в себе уверенность и силу, с которой он сможет пережить тяготы нарымской каторги. «Надо бы ковшик

сделать», – подумал он, и через несколько дней после прибытия на нарымскую каторгу сделал из бересты ковшик, повесил его на колышек с сучком, чтобы любой желающий смог напиться свежей, ключевой воды и поверил в свои силы.

Михаил Ануфриевич подошел к командиру конвоя и сказал:

– Зачем же нас пригнали в такую глухомань, умирать что ли? В этой глуши нет ни одного дома, сплошная тайга и пустота.

– Пригнали сюда, чтобы вы здесь жили, оживили тайгу. Тайга здесь северная, никто добровольно сюда жить не поедет, условия для жизни, особенно зимой, плохие. Правильно ты сказал, попал прямо в точку, в яблочко. Здесь пусто, до вас никто здесь не жил. Вот эту пустоту вы и заполните. Сначала вырубите тайгу и построите себе жилища, затем выкорчуете пни, а после распашете пашни и будете заниматься сельским хозяйством так же, как у себя дома. Вы должны доказать, что здесь возможна прочная постоянная жизнь.

«Правильно, по своей воле в поисках счастья сюда никто не приедет», – подумал Нафреевич

Кто-то из стоящих рядом услышал разговор между Михаилом Ануфриевичем и комендантом и ухмыльнулся, кто-то выругался и сказал: «Поиздеваться над нами хочет власть, непонятно что ли, ей наплевать, что с нами будет». Большинство чувствовало себя отрешенно, так и не понимая, за что и почему у них отняли хорошую жизнь. Комендант лагеря спецпереселенцев объявил: «Валите деревья и делайте себе шалаши-жилища, работайте быстрее, зима предстоит лютая. Пни, пока земля не замерзла, также выкорчевывайте, готовьте место под пашню».

– Тебя как звать? – спросил он у прадеда.

– Михаил Ануфриевич Мухарев! – ответил прадед.

– Михаил Ануфриевич? – удивленно переспросил комендант поселения. Удивился тому, что спецпереселенец сказал ему, чтобы он обращался к нему по имени отчеству.

– Да, Михаил Ануфриевич Мухарев, – ответил ему прадед.

– Ты когда-нибудь валил лес?

– Да, валил, вот этими руками я построил себе дом.

– Возьми топор и пилу и покажи, как надо валить деревья.

Михаил Ануфриевич взял инструмент, подошел к строевой сосне в центре намеченного лагеря спецпереселенцев, обхлопал ее руками, определяя, как валить сосну, сделал заруб топором. На месте надруб сразу проступили свежие золотистые капли смолы. Пригласил другого спецпереселенца и стал вместе с ним пилить сосну. Михаил Ануфриевич

был уже пожилым человеком, у него побаливала спина, и он, подпиливая ствол сосны, несколько раз выпрямлялся, чтобы дать отдохнуть пояснице. Он уже не мог сразу за один раз без передышки подпилить сосну. Надпилив сосну до тех пор, пока она не начинала постанывать и потрескивать, руками навалился на нее и сказав: «Пошла, родимая», толкнул ее ту в сторону, куда он хотел, чтобы она упала. Сосна, ударяясь о другие деревья и ломая ветви, упала в нужное место. Прадед был опытным лесорубом, и он валил деревья правильно.

– Ну, вот так это делается, – сказал прадед, обращаясь к начальнику конвоя. – А вообще дерево, которое спиливаем, надо подпирать упорной вилкой или жердью в самом начале, еще перед подрубом, и еще плотно пилы во время работы, после спиливания деревьев надо чаще обтирать керосином, чтобы предохранить их от налипания смолы.

– Молодец, ловок ты, – похвалил его комендант.

– Поняли, как валить деревья? – спросил начальник конвоя у спецпереселенцев, которые внимательно смотрели, как Михаил Ануфриевич спиливал сосну.

– Поняли, – ответил кто-то.

– Берите за пример и так действуйте, старайтесь, трудитесь зима не за горами.

Спецпереселенец, с которым прадед пилил дерево, подошел к нему и сказал:

– Мне понравилось, как ты работаешь, я практически не пилил, а только за ручку пилы держался и глядел, чтобы пила не гнулась, а ты один пилу тащил. Давай на пару будем работать, – предложил он.

– Обещать не буду, посмотрим, как получится, но если помощь нужна будет, обращайся, помогу.

Прадеду не понравилось с ним пилить, временный напарник действительно не пилил сосну, а только держал ручку инструмента в своих руках.

На некоторых вершинах деревьев соснового бора гнездились птицы, которые встревожились и закричали от шума спиленной сосны. Они стали летать над сосновым бором, но людям, приехавшим оживлять неприступную северную тайгу, было не до них. С того дня на месте спецпереселения стали звенеть пилы и стучать топоры, а деревья одно за другим ежедневно с треском валялись на землю. Густой дым от сжигаемых сырых пней и веток деревьев заволакивал все вокруг, и стелился по земле, словно утренней туман. Все понимали: чтобы выжить, спастись от неминуемой гибели, надо было активно обживаться. Начинался

естественный отбор. Людям со слабым здоровьем и слабыми нервами здесь места не было. Спецпереселенцы стали валить лес, выкорчевывать пни. Свежие пни сидели в земле глубоко и крепко. Их корни уходили в землю на большую глубину. Земля нехотя отдавала пни и корни от свежеспиленных деревьев людям. Приходилось откапывать корни и обрубать их топорами, при этом для раскочки корней использовали колья, сделанные здесь же на месте. Женщины обрубали с деревьев ветки. Из толстых частей веток готовили дрова, а мелкие стаскивали в кучи и сжигали. Когда шел дождь, поджигать сучья было трудно, этому мешал дождь, но ухитрились и поджигали, тепло от костров было необходимо. Жилищ еще не было, поэтому люди ходили мокрыми, одежда прилипала к телу многие простывали, кашель слышался по лагерю тут и там, люди икали и дрожали, было грустно. Отогревались у костров из валежника и срубленных сучьев. У тех, кто не привык к тяжелой работе, – среди спецпереселенцев были и истинные кулаки, богатеющие за счет батрачивших на них односельчан, – болела каждая косточка и каждая мышца от тяжелой работы и холода во время дождя. Многие были неприспособлены к жизни в суровых условиях нарымской тайги. Они не совсем понимали, что и как делать, чтобы здесь выжить. Каждый больше всего был озабочен тем, как устроиться, чтобы удобнее и лучше было жить.

Целыми днями в сосновом бору после прибытия переселенцев ежедневно звенели пилы, стучали топоры. Безропотно и с треском падали большие сосны, заставляя вздрагивать землю. Михаил Ануфриевич привык строить свою жизнь, а не принимать ее безропотно, поэтому он не кинулся слепо исполнять приказ начальника лагеря, так уж он был устроен, что всегда имел свое мнение и не поддавался слепо чужому влиянию независимо от того, высокий ли пост человек занимал или совсем маленький. Сначала все обдумал, рассчитал свои силы, взвесил шансы и понял, что за оставшееся до зимы время он не сможет сделать добротное жилище для своей семьи, так как сначала надо было лес заготовить – спилить, свалить, очистить от веток. Помощников у него не было, надеяться было не на кого, и поэтому Михаил Ануфриевич нашел правильный выход из сложившейся ситуации: подошел к начальнику лагеря и сказал:

- Можно я вместо шалаша построю землянку?
- Можно, – ответил начальник лагеря.

Когда Михаил Ануфриевич подходил к коменданту лагеря спецпереселенцев спрашивать разрешения на строительство землянки, один из конвойных подошел к его дочери Морьке. Ей было 17 лет, она уже была взрослой девушкой, среднего роста, стройной, с огромными лучистыми

глазами. Морька пряталась под черным платком, но скрыть ее красоту было невозможно. Сколько было Морьке лет, конвойный не знал. Начальник лагеря спецпереселенцев не возражал против добровольных отношений своих подчиненных со спецпереселенками, но был против насилия в отношении особ женского пола и, тем более, в отношении несовершеннолетних. Конвойный увидел в Морьке женщину, какую хотел бы иметь рядом с собой. Служба в конвое войск НКВД приучила конвоира к мысли, что жизнь человека коротка, вспыхнет, как звезда, и погаснет, времени для жизни человеку отпущено мало. Поэтому не надо ограждать себя моральными запретами, если что-то хочется, то делай, если любишься, то люби. За время службы он привык свой стыд отодвигать в сторону. Его желания были для него превыше всего.

«У меня винтовка. Даже если я ей не нравлюсь, она должна испытывать страх передо мной и не сопротивляться. Я же представитель советской власти. Потом она привыкнет ко мне, искренне привяжется потому, что увидит во мне защитника и покровителя», – подумал он.

– Эй! – крикнул он Морьке. – Можно с тобой поговорить?

Морька поняла, что конвойный обращается к ней, остановилась, как парализованная. Ей показалась, что она задыхается, рука её потянулась к верхней пуговице на кофте, расстегивая её, но от этого легче ей не стало. Обида и ненависть ко всем конвойным, выросшая в ней за все время конвоирования, захлестнула её. Здоровенный малый, чувствуя, что на него смотрят его товарищи, такие же, как и он, конвойные, и спецпереселенцы, озираясь по сторонам, подошел к ней. Он был здоровый и высокий, выше Мотьки на целую голову. От конвоира пахло карабином, махоркой и хлебом. Конвоир был сытым. Бравируя перед товарищами, он собирался сказать Мотьке какую-нибудь гадость, но натолкнувшись на ее ненавидящий взгляд, остановился. Несколько секунд они смотрели друг на друга в упор – глаза в глаза, он был ошеломлен отсутствием страха и непокорностью в её глазах. Лицо её было строгим. Глаза её блестели от ярости, а кончики ресниц подрагивали, выдавая волнение. Свинцовые тучи плыли над их головами.

– Идем со мной. – Он попытался рукой взять переполненную ненавистью Морьку за подбородок и поднять уже опустившуюся ее голову. Морька своей рукой проворно и решительно убрала руку конвойного с подбородка и вновь подняла на него свои сверкающие от переполнившего её возмущения от поведения конвойного глаза. Тот оторопел: спецпереселенка не боится его. Взгляд его изменился с уверенного, наглого

на просящий и жалкий. Улыбка его превратилась в гримасу. Он больше не протягивал руки и примиряюще сказал:

– Я просто хочу с тобой познакомиться, как тебя зовут?

Морька, увидев перемену в поведении и настроении конвойного, неожиданно потеряла возникшую к нему ненависть, ответила ему холодным взглядом своих огромных, широко открытых зеленых глаз, в которых он не увидел ни одной капельки ласки. Ее красивые, четко очерченные губы раскрылись и очаровательный ротик бархатным голосом ответил:

– Извините, мама и папа мне не разрешают разговаривать с незнакомыми мужчинами, – и вновь бросив на ухажора полный презрения взгляд, подошла к отцу. Он возвратился после разговора с начальником лагеря спецпереселенцев и видя, что к Морьке пристает конвоир, поспешил к ней на помощь. Отцовским чутьем он на расстоянии схватил все детали происходящего, но вплотную к конвойному подойти не успел – Морька уже шла ему навстречу.

– Что случилось? – спросил ее отец и бросил на конвоира страшный и жестокий взгляд, полный ненависти, ярости и злобы. Челюсти его стиснулись, глаза прищурились и под кожей на скулах выступили бугры желваков. Горячая чалдонская кровь прадеда чуть-чуть и выплеснулась бы наружу – жилы на руках мгновенно налились кровью, грудь расперло гневом. Испепеляющий взгляд готов был сжечь конвоира до костей и стер улыбку с его неуместно развеселившейся морды. Несмотря на то, что вопрос был задан не ему, а Морьке, конвойный ретировался. Нафреевич привлек к себе Морьку. Она дрожала, может быть, от осеннего холода, а может быть, от сиюминутного разговора с конвойным.

– Дочка взрослой становится, Парни на нее стали заглядываться. А что конвойного отшила, то молодец, правильно сделала, не нужны нам такие женихи – хозяйева здешних мест, – сказала Мария Капитоновна Нафреевичу и дочери.

От страшного взгляда Михаила Ануфриевича у конвойного, пытавшегося ухаживать за Морькой, пропало все желание общаться с Морькой. Он кисло улыбнулся. Выругавшись про себя, возвратился к товарищам. Но, хорохорясь и продолжая улыбаться, он сказал товарищам:

– Никогда не думал, что буду охранять от побега назад, домой, такую красавицу. Ничего, что она меня сегодня отшила. Пройдет немного времени, и она будет моей. Она еще не знает, что я могу быть щедрым и что ей повезло, что она мне понравилась. Я буду о ней заботиться, надеюсь, она оценит мою заботу. Другой конвойный ответил ему:

– Не причитай, оставь свои слова для попа на исповеди. Все бабы торгуют собой: одни на улицах и площадях, а другие притворяются, строят из себя недотрог. Жрать нечего будет, станет трудно, тогда вспомнит о тебе, отбросит свою строптивость, сама прибежит. Кто же в этих условиях может отказаться от дружбы с нами? Скажи ей, чтобы не обманывала ни себя, ни тебя.

– Ничего я ей сейчас говорить не буду, поживем, увидим. – И уже про себя подумал: «Ну и бог с ней. Отказала, ну и ладно, не она одна красавица, вместе с ней таких красавиц прибыло много, хоть пруд пруди. Заведу себе не одну, а несколько таких же красавиц. А она дура, набитая дура, может, я к ней по-серьезному, подружился бы, и может, я бы её в жены взял и зажили бы хорошо».

Пожилой конвоир, видевший и слышавший весь этот разговор, сказал:

– Эх, ребята, ничего вы не понимаете. Если девушка умеет больно кусаться, то она умеет и хорошо ласкать. Был бы я такого возраста, как вы, тогда бы эта девушка передо мной не устояла. Завязался бы у меня с ней настоящий роман, да такой, что сейчас бы осень превратилась в весну и все вокруг зацвело. Молодые вы, все хотите быстро силою, а к девушкам надо с ласкою и терпением подходить.

– Тоже мне нашелся советчик. Песок из самого сыплется, а все советуешь. Шел бы ты подальше, – отгрызнулся несостоявшейся ухажер.

– У кого песок сыпется, может, проверим, давай поборемся, я, когда такой молодой был как ты, мог выпивать и плясать на гулянках всю ночь напролет.

– Давай, если хочешь, боремся по правилам борьбы, без нанесения ударов кулаками.

– Согласен.

Конвойные, отдав винтовки товарищам, схватились бороться здесь, прямо на лесной полянке. Они ходили, склонившись и набычившись, друг около друга, пытаясь схватить один другого, чтобы сделать бросок или подставить подножку, но сразу это никому не удавалось. Наконец, выбрав момент, молодой схватил пожилого за плечо и попытался сделать бросок через плечо, но не смог. Пожилой присел всем весом назад и ударил молодого конвоира коленом под колено. Молодой упал на колени и попытался повернуться к пожилому лицом, но тот не дав ему развернуться, придавил правой рукой его шею и стал душить под одобрительные крики окруживших их товарищей и наблюдавших за борьбой спецпереселенцев. Борьба была недолгой. Через несколько секунд, захрипев, молодой сдался.

Победитель торжествовал. Конвойные ревели от восторга, такого развлечения они ни разу не видели за всю эту длинную дорогу.

К чести Мотьки – Марии Михайловны Нарышевой (Мухаревой), конвойный за все время нахождения ее на нарымской каторге так и не добился ее расположения. Хотя среди спецпереселенков находились и такие, которые благосклонно относились к уходу конвойных и членов администрации спецпоселения.

Разрешение на строительство землянки породило у прадеда надежду на то, что жизнь на новом месте наладится. Ему хотелось, чтобы искорка надежды, родившиеся в нем, зажглась и в душах любимых Машеньки и Морьки. Михаил Ануфриевич взялся за строительство землянки. Никакого червя сомнений – «За что берешься», сможет он или не сможет построить землянку, у него не было. Он понимал, какой груз ответственности лег на его плечи. Ведь стоял вопрос о жизни или смерти самых близких ему людей. «Ты и больше никто должен сделать это!». Если бы прадеду кто-нибудь давал сейчас характеристику, то он охарактеризовал бы его, как человека креативного, имеющего собственное мнение. В труднейшей жизненной ситуации дед не впал в депрессию, не сошел с ума и сохранял свой отважный дух. Люди, прибывшие с ним, были благодарны прадеду за то, что он, поразмыслив, правильно определил перспективы строительства. Большинство спецпереселенцев, глядя на него, стали также строить землянки. Стали обращаться к нему за советами и помощью, и он никому не отказывал. Кому-то давал дельные советы, кому-то помогал конкретным делом. У прадеда были золотые руки, жизнь в Сибири многому научила его. В строительстве он понимал, так как до этого он построил собственными руками для своей семьи пятистенный двухэтажный дом в селе Черепаново, из которого его выселили при раскулачивании, и добротный большой дом на том же подворье сына Гаврилы. Кроме этого прадед принимал участие в строительстве многих других домов для своих родственников в деревне Иганино и в селе Черепанове. Судьба сыграла с ним злую шутку, но он не сдавался, понимал, что надо спасаться самому и спасти жену с дочерью, плакать и жаловаться было некогда, надеяться также было не на кого. Люди, с которыми он попал в этот страшный переплет, находились точно в таком же положении. В том же лагере находились еще двое Мухаревых со своими семьями, один из которых, Владимир, приходился ему двоюродным братом. Михаил Ануфриевич времени не терял, иллюзий не было, впереди уже маячила и дышала лютым холодом суровая сибирская зима. Работа захватила его полностью. Ей были посвящены все силы и мысли. Осень на севере Томской области неласковая, хмурое небо низко висело над землей

целыми неделями. Никакой надежды, что погода завтра или на следующие дни улучшится, не было. Наступающая суровая зима подгоняла его. Люди жаловались на погоду, а прадед говорил:

– Погодка, что надо. Работать в такую погоду хорошо.

Перед строительством землянки прадед сначала наметил размеры землянки. Куски дерна, которые он лопатой снимал сверху земли, он складывал по краям промеренной площадки. При начале строительства землянки в том месте, где он начал строить, появился запах жизни, который возник от свежесрезанной травы, земли, песка и гниющих корешков от различных таежных растений. «Правильно я выбрал место для своей землянки. Жизнью пахнет земля». Работа с землей была чисто механической, поэтому мысли в голове работали сами по себе. Почему жизнь подмяла таких, как он, трудолюбивых и напористых мужиков? Кто будет строить социализм, оставшиеся в деревнях и селах лодыри, которые и себя-то не могли прокормить на сибирском черноземе и рядом с богатой зверьем и рыбой тайгой. Ведь большинство в деревнях жило по справедливости. Кто хорошо работал, тот и жил хорошо. А кто не хотел рано вставать и пахать, как лошадь, тот и жил неважно. Такая прежняя жизнь была естественной. Все получали по труду. А сейчас у трудяг все отобрали, трудяг согнули беспощадно. Но до конца не уничтожили, в таких как он, были пружины, которые помогут им выпрямиться при любых неблагоприятных условиях жизни. В прадеде эта пружина уже начала выпрямляться, когда он начал копать землянку, создавая условия для жизни своей семье в проклятом Нарыме. Эта находящаяся в нем пружина позволила и любимой Марьюшке, и доченьке Морьке по-новому, с надеждой взглянуть на свою начинающуюся жизнь в нарымской тайге. Прадед не сидел сложа руки, каждый день намечал план, что он должен сделать за день, и на следующий день старался этот план выполнить и перевыполнить. Даже если ставил перед собой большой план, то не боялся его, а говорил: «Утро вечера мудрее», и на следующей день оказывался прав: план по строительству землянки он полностью выполнял. Рядом с женой и дочкой он всегда должен был выглядеть бодрым и полным сил, и это у него получалось. По воспоминаниям прабабушки, прадед в Нарыме всегда выглядел так, будто в предыдущие дни он не работал, а отдыхал, «валяя дурака». Отдыхал только, когда спал – ночью. После работы от усталости падал спать как убитый, и никакие колокола и никакие пушки его бы не разбудили, если бы стали звонить и палить со всей мочи. Думать о том, что произошло, и страдать, что покинул родное жилище, что разрушен родной очаг, что разрушена прекрасная семейная жизнь, и опускать руки от

безысходности не было времени. Хотя в возможность жить в достатке он вкладывал много времени и труда, да что греха таить, вкалывал для этого всю сознательную жизнь, большого стремления к материальным благам у него не было. Душа его была привязана к духовному, к любви к близким, поэтому она не погибла, а боролась ради жизни близких ему людей, по несправедливости брошенных вместе с ним в негостеприимный Нарым. После работы Михаил был потный и грязный от земли, смолы деревьев и опилок. Марьюшка кипятила воду сначала на костре, пока не было землянки, а потом и на плите, и постоянно стирала его рабочую одежду. Так получилось, что судьба связала прадеда Мухарева Михаила Ануфриевича и прабабушку Марию Капитоновну, которые имели каждый в отдельности активную жизненную позицию, никто из них не мог в опасности сидеть сложа руки, жизнь в глухомани приучила их бороться за свою жизнь.

Спецпереселенцы, видя, что прадед понимает толк в строительстве, зачастили к нему.

– Михаил Ануфриевич, ты понимаешь, как строить, посмотри правильно ли я делаю?

– Михаил Ануфриевич, помоги потолок уложить на землянку и подскажи, как двери установить.

Михаил Ануфриевич подсказывал, смотрел и помогал, никому не отказывая. Руки прадеда за время долгой дороги от дома до каторги успели соскучиться по работе, поэтому он работал с желанием и воодушевленно – семью надо было спасти от приближающейся морозной зимы. Надвигающаяся угроза заставила его работать быстрее, поэтому он успел до холодов построить добротную землянку, которую утеплил привезенными с собой овечьими шкурами. В землянке установил два топчана, сделанные своими руками, вместо стола – очень большую чурку из вековой сосны и сложил печку с трубой. Плиту для печи и трубу выдала администрация лагеря. После того как сложил печь, дал ей высохнуть, затем заложил в нее сухих сосновых веток, поджег их от одной спички, дождался, когда сушняк разгорелся, громко затрещав, и дым всюду пошел через трубу. Вышел из землянки на улицу, принес дров, подложил их в печь и, удовлетворенно потеряв руки, промолвил:

– Ну, теперь заживем, печь не дымит, в землянке будет тепло.

Чтобы в землянке было еще теплей, трубу печи обложил крупной галькой, которая, нагреваясь, отдавала дополнительное тепло в землянку. Вот так Михаил Ануфриевич и построил временное жилище для своей семьи. Там было сухо в отличие от землянок большинства спецпереселенцев. Было и окно, через которое днем в жилище проникал

свет. Зимой на окно намерзал снег, который от тепла, идущего от землянки, подтаивал и превращался в лед, сверкающий от лучей солнца в дневное время. Землянка была большой и высокой. В ней можно было ходить, не сгибаясь. Зимой, когда на улице был лютый мороз, только по прямому дыму, идущему из труб печей, можно было отыскать землянки, укрытые громадными тяжелыми сугробами. Люди на улицу не выходили, отсиживаясь дома, чтобы не обморозиться, старались даже не открывать двери, чтобы не запускать сквозняк внутрь землянки. Скрип снега под ногами в морозные и безветренные дни был громким, и его было слышно издали. Дым из печей землянок и вырубленная тайга были немногими ориентирами для тех, кто в эти морозные дни захотел бы найти спецпоселение. Все Мухаревы – Михаил, Марьюшка и Морька в эти дни разминались внутри землянки, ходили по ней, разминая ноги, приседали и делали наклоны в разные стороны, а также размахивали руками. После дружной зарядки на лицах появлялись улыбки, и в глазах появлялось тепло. В землянке на потолок прадед повесил керосиновую лампу, которую он вместе с керосином умудрился привезти на спецпоселение, ее желтый огонек освещал всю землянку. Поэтому у них в землянке было тепло, светло и уютно. Чтобы землянка не выстудилась за ночь, Михаил Ануфриевич несколько раз за ночь поднимался и подкидывал в печь сосновые дрова, которых было в избытке, поэтому утром вся семья просыпалась в тепле и за всю очень морозную и вьюжную зиму никто не заболел. Глядя на мужа, не впавшего в отчаяние, прабабушка Мария Капитоновна еще больше полюбила и заужала его. Все женщины в Нарыме работали сучкорубами – срубали ветки с деревьев и собирали их в кучи, а также по очереди готовили пищу в столовой для спецпереселенцев. Когда Михаил и Марьюшка приходили с лесоповала, вместе с ними в землянку через открытую дверь забирался мороз, от обоих пахло свежесрубленным лесом и холодом. Марьюшка с порога старалась быть с ним ласковой, хотя от усталости с непривычки болели руки.

– Болят руки-то? – сочувственно спрашивал Михаил Ануфриевич.

– Привыкла уже, чай дома не крыльями, а руками работу делала, – отвечала она ему.

Она, как могла, старалась согреть ему душу. Где же человеку душу согреть, как не у себя дома? Мужик в Сибири был дело большое! Авторитет мужчин в Сибири и в нашей семье был и так высок, поддерживался на генном уровне и воспитывался подсознательно – проявлением явного уважения взрослых членов семьи к старшим мужчинам. Старший мужчина в семье Мухаревых назывался Батка. В то время старшим был Ануфрий

Афанасьевич, поэтому к нему обращались не иначе, как батька Нафрей, а к отцу обращались – батя, потому что основная тяжесть всех работ ложилась на их плечи. Женщины, желая поощрить детей, говорили: мне нравится, как ты сегодня работал или вел себя, расскажу деду и отцу, они будут также рады. Дети радовались, если батька или батя хвалили их. При решении более или менее значительного вопроса бабушка или мать всегда говорили, что надо спросить у отца или деда, то есть согласовать это решение с дедом или отцом. В качестве предупреждения о предстоящем наказании была угроза от бабушки или матери рассказать о неблаговидном поступке, совершенном детьми, деду или отцу. Когда дети чересчур расходились во время игр, переступая дозволенное, баба или мать говорили: «Расскажу о вашем поведении деду или отцу», и дети успокаивались, физически никогда детей не наказывали. Воспитывали детей в основном не беседами, а собственным примером. Марья Капитоновна, глядя на неунывающего мужа, также взяла себя в руки, не сидела сложа руки, а собрав женщин и детей из лагеря, ходила с ними в тайгу: собирали крапиву, мелко резали ее, искали гнилые пни, перетирали их в мелкую крошку. Крапиву и перетертые гнилушки смешивали с мукой для того, чтобы увеличить запасы муки, а затем пекли из этой смеси лепешки. Спецпереселенцы работали на износ, как кони, а ели мало – на норму, которая им выделялась, нельзя было прокормить и ребенка. Питались в общей столовой. Им было тяжело: они чувствовали, что силы с каждым днем тают от тяжелого труда, а пополнять их было нечем. Все молились только о том, что надо дожить до тепла – весны и лета, надеясь, что тогда жить и работать станет легче. Практически никто не шутил и не смеялся, и даже не дружил, хотя было много знакомых из соседних деревень и сел. Никто не любовался красотой северной тайги, какую не найдешь больше ни в одном месте земли, было не до этого, все думали о том, что надо выжить. До смеха ли и до шуток ли, если у тебя живот сводит от пустоты, а надо работать. Может, власть имущие специально не давали людям достаточно еды, чтобы люди смотрели друг на друга не по-человечески, а по-волчьи, чтобы люди не радовались солнцу, каждому божьему новому дню и красоте окружающей природы. Но наперекор желаниям власть имущих чалдоны, покоровшие Сибирь, оставались людьми, и если видели, что соседу совсем плохо, старались чем-либо помочь ему. Поток в землянку прадеда и прабабушки от желающих получить помощь – делом или советом за все время нахождения их в нарымской каторге не уменьшался ни на один день. Всю зиму спецпереселенцы валили близлежащую тайгу. Комендант лагеря спецпереселенцев был строгим, не щадил людей, разрешая не работать

только в сильнейшие морозы, но не из-за того, что людям было холодно, а потому, что в такие морозы пила не брала мерзлое и от этого твердое, как железо, дерево. Зима была лютой, стояли морозы по 40–50 градусов. Все вокруг заледенело. Все деревья стояли, покрытые ледяным куржаком. Замерзшие от крепкого мороза ветки деревьев от ветра терлись друг о друга, и от этого в тайге стоял сильный треск. Даже хвоя не выдерживала сильных морозов и вместе с куржаком осыпалась с сосен и кедров, стоявших вокруг строящегося поселения. Ледяной воздух перехватывал у людей дыхание. Мороз проникал под одежду спецпереселенцев, особенно к тем, кто был плохо одет. Пальцы, даже в теплых варежках, коченели от мороза. Лошади, на которых приехали в Нарым спецпереселенцы и которых использовали при работе на лесоповале, были похожи на мохнатых сказочных чудовищ. Они все были покрыты толстым слоем инея, и сосульки из их ноздрей извергали целые струи белого дыма. Мелкие птицы замерзали на улице. Один раз, когда Марьюшка рано утром вышла на улицу, то увидела, что возле дверей землянки кто-то шевелится. Нагнулась и увидела, что это красногрудый снегирек. Он подняла его и сказала:

– Что, малыш, умираешь? – и занесла его в землянку, где стала отогревать его своим дыханием, дыша ему в клювик и на голову. Затем засунула его под одежду на грудь и стала греть его своим телом. Отогревшись, снегирек зашевелился у нее под одеждой. От того, что он шепуршал под одеждой, ей было щекотно, а от щекотки захотелось смеяться. Чтобы не засмеяться, Марьюшка достала снегирька и выпустила его из ладоней. Тот запорхал по землянке. Морька проснулась от шороха над головой, увидела красногрудого снегиря и обрадовалась, что в землянке у них поселилась птица. Снегирь порхал и шуршал по землянке, летал под потолком и клевал хлебные крошки со стола несколько дней. Марьюшка и Морька посчитали, что снегирек прижился, но, отогревшись, он через несколько дней улетел в тайгу и больше его никто не видел. Снегирь птица вольная, он не мог долго жить у людей.

В дни, когда циклон отступал и ему на смену приходил антициклон, было теплее. О смене погоды свидетельствовали усиливающийся ветер и начинающийся вместе с ветром снегопад. Сначала с неба летели редкие, но крупные снежинки, затем на землю начинали падать хлопья снега. Снежинки опускались на землю, как парашютики, а хлопья снега валились, как куски ваты. Вся земля покрывалась снегом. По небу сначала медленно, а затем бешено мчались тучи. Зверел злой северный ветер, пронизывающий людей до костей холодом, и внезапные залпы пурги, которых никто не ожидал, наносили большие сугробы. Вокруг землянки все трещало и выло

от бешеной пляски ветра и снега. Снег забивал все кругом и заваливал входы в жилища спецпереселенцев, которые не поддавались и в течение дня несколько раз боролись со снегопадом, расчищая входы в свои землянки. Михаил по несколько раз на дню выходил на улицу и откапывал вход в землянку. Заходя с улицы, Михаил говорил:

– Метет сильно, света белого не видно, ветер с ног сбивает, и вьюга воет, аж страшно, но зато дома отдыхаю. Как распогодится, опять на лесоповал пойду, а сейчас надо шевелиться.

Откапывать вход надо постоянно, чтобы снегом не засыпало, а то и из землянки не выберешься. Серое небо в эти вьюжные метельные дни опускалось вниз до самых землянок и давило на дым, который стелился по земле, заволакивая весь спецпоселок. Видимости от дыма и снежных зарядов не было никакой. Михаил Ануфриевич садился на корточки, чтобы огонь не погас, подкидывал в печку сушняк от сосен, который трещал со страшной силой и нагревал землянку до жары, и первым делом отогревался – грел возле печки сначала руки, а затем спину, грудь и ноги, застывшие на морозе. Снег засыпал находящимся в тайге людям глаза и мешал работать.

В дни, когда очень сильны были вьюги и метели, спецпереселенцы не работали, но все равно на душе у них было тоскливо и неудобно. Особенно худо было тем, кто не достроил или плохо построил свои жилища, и таких было много. У многих в землянках не было даже топчанов, и они спали на еловом лапнике, наложенном прямо на землю. В таких землянках было холодно и сыро, многие заболели туберкулезом. Михаил Ануфриевич, придя после работы с лесоповала в добротную сделанную и обустроенную вместе с Марией Капитоновной землянку и отогревшись, садился за стол на топчан, пил вкусный чай, заваренный на различных травах, собранных женщинами, с диким медом, добытым им по дороге в ссылку. После чая чувствовал, как по телу разливалось целебное тепло, сердце после тяжелой на морозе работы успокаивалось и билось ровно, на лбу проступал мелкими капельками пот, спина начинала сгибаться, а пальцы – свободно двигаться. Он приходил в себя окончательно и начинал успокаивать обеих Марьюшек – жену Марию и дочку Морьку, понимая, что его слова нужны и даже необходимы, чтобы им было легче переносить тяжести плохо обжитого бытия, приговаривая:

– Как хорошо у нас в землянке, какой вкусный чай с медом, не хватает только пряников, которых ты, Марьюшка, пекла дома, рассыпчатых, сдобных. Правда, Морька?

И Морька соглашалась с ним, отвечала, правда, батя, чай вкусный, и в землянке нашей уютно и приятно пахнет от трав, которые мама заваривает.

От одного воспоминания о доме, в котором жилось светло, тепло и радостно, на глазах Марьюшки наворачивались слезы. Михаил Ануфриевич, как бы ему ни было плохо, как настоящий мужчина, скрывал и прятал свою боль, не выставлял ее напоказ, чтобы не было больно жене и дочери. Все у него было внутри. «Главное, что мы вместе, – говорил он, глядя и прижимая прижавшихся к нему жену и дочь, чтобы тоска не одолевала их, чтобы отвлечь тяжелых дум, чтобы не сошли они с ума. – Все наладится, здесь мы построим дом, Морьку отдадим замуж, заживем так же хорошо, как и жили раньше. У меня еще есть силы». Михаил Ануфриевич своей грудью и своей спиной старался защитить жену и дочь от свалившейся на них беды, так как в том далеком Нарыме ближе и роднее у него никого не было. Он был для них заслоном, защищающим от всех бед, неожиданно вылезавших на них со всех углов.

В одну из таких темных буранистых, морозных ночей, когда Михаил уже дремал, начиная засыпать, он услышал тихий плач жены. От этого плача у него самого заныло сердце. С трудом открыв уже почти заснувшие глаза, он повернулся к жене и увидел, что Марьюшка сжалась в комочек и плачет. Ему захотелось пожалеть, приласкать ее и сказать, что любит только ее одну и будет любить всю жизнь. Он стал гладить и целовать её голову. Марьюшка прижалась к его груди лицом и стала плакать еще сильнее, поливая слезами его широкую грудь, ей еще больше стало жалко себя, и у нее появилось желание утешиться старыми воспоминаниями.

– Что с тобой, почему ты плачешь, почему? Я же с тобой и люблю только тебя и никого больше, не считая наших детей.

– Боюсь я Миша, боюсь, Что с нами будет, как мы будем здесь жить?

– Успокойся, все у нас наладится, все будет хорошо. Ты же видишь, какая у нас хорошая землянка, такой нету ни у кого. Бог на нашей стороне, он силу дал мне, выживем, правда восторжествует. У администрации вроде в руках сила, но гнилая, в виде кнута, они сами без нас делать ничего не могут, командуют только, а здесь трудно для всех, в том числе и для них. И они уже поняли, что здесь без нас им не выжить, перестали без причины наказывать спецпереселенцев, не трогают нас, работать не мешают, поэтому мы выживем – наша правда победит их силу, будем жить.

– Мне тебя Миша жалко. Чем нас здесь кормят – супом из травы и хлебом с трухой из пней, а дома я могу только чаем тебя напоить из трав, которые собрали летом и осенью.

Прабабушка вместе с дочерью Морькой сделали на зиму запас различных целебных трав. Большую часть заготовили во время их этапирования из дома в Нарым. Как только длинный обоз переселенцев

останавливался на привал и выдавалась свободная минута на различные бытовые нужды, Мария Капитоновна с Морькой сразу начинали искать невдалеке от обоза, в рядом находящихся лесках и у обочин дороги различные целебные и питательные травы. Прабабушка на каждое растение смотрела с точки зрения полезности его для человека. Воздух в тайге наполнен разными запахами – деревьев, трав, цветов, различных растений и ягод. Все они переплетаются и создают неповторимый аромат тайги, надыхаться которым городскому человеку никогда не получится. Мария Капитоновна была опытной травницей и могла с закрытыми глазами только по запаху определить, какое это растение. Одни травы брали вместе с корнями, вырывая целиком из земли, у других брали только цветки и семена, у третьих срывали стебельки с листиками и цветами. Мария Капитоновна знала, какие травы можно использовать для лечения людей, какие можно употреблять в пищу, а какими травами можно лечить и кормить животных. Большое уважение Мария Капитоновна испытывала к зверобою – целебному растению с золотистыми пятилепестковыми цветами. Им она лечила все простудные заболевания у себя, членов своей семьи и всех, кто обращался к ней за помощью. Она просто заваривала это растение, как чай, но советовала его пить малыми дозами, потому что зверобой является довольно ядовитым растением. Земляки, отправленные вместе с Мухаревыми в нарымскую ссылку, знали, что Мария Капитоновна занимается народной медициной и часто обращались к ней за помощью. Она же никому не отказывала и, чем могла, помогала. Породистый жеребец Серко, везший их в ссылку, с нетерпением ждал прабабушку, которая ежедневно кормила его из подола своей юбки, набрав в него различные питательные и целебные травы. Собирая траву, Мария Капитоновна с Морькой нередко находили и грибы, из которых во время остановок готовили вкусные похлебки. Немного трав, собранных в пути, она отдала в общую столовую, где их использовали каждый день при приготовлении супа, основного блюда на нарымской каторге. Супы получались запашистыми и вкусными, очень полезными, но не сытными. Ощущение сытости после обеда уже проходило через полчаса.

– Ты же свалишься с ног, каждый день работаешь. Сосны валишь, работа у тебя тяжелая. Тебе мясо есть надо, а мяса у нас нет, – говорила она мужу.

– Успокойся, Марьюшка, успокойся, еды мне хватает, мяса нет и не надо, дополнительно к столовской еде ты вкусный и полезный чай готовишь, силы у меня еще есть. Скоро лето, летом будет легче, колба пойдет. Главное в человеке не брюхо, которое постоянно еды просит, а

душа, дух человека, а душе человека не еда, не мясо нужны, а благополучие родных, близких людей. Мне надо, чтобы вы с Морькой не болели, чтобы настроение у вас было хорошим и чтобы вы все вытерпели.

– Ты не обманываешь меня? – перестав плакать, спросила Михаила Марьюшка. – Не обманываешь, тебе еды хватает?

– Не обманываю, мне хватает, я же не проглот.

– А ты почему не спишь, Миша?

– Не сплю, потому что на улице очень сильный буран.

Михаил не стал говорить Марьюшке, что он проснулся не от бурана, а от того, что услышал, как она плачет. Желая отвлечь ее от невеселых мыслей, он перевел разговор на другое.

– Слышишь, какой буран на улице?

В подтверждение его слов снежный залп ударил в двери землянки так, что землянка задрожала.

– Слышу, буря настоящая на улице.

– А ты что, Марьюшка, не спишь?

– Наверное, тоже буря мешает. Не могу заснуть. Почему-то мне страшно, Миша. Дай мне твою руку.

Она взяла его руку, зажала ее между своими ладонями и не стала отпускать. От его руки шли горячая сила, также нежность и покой...

– Засыпай Маша, засыпай. Тебе надо отдохнуть, с утра завтра опять на лесоповал. Надо набраться сил.

Михаил уже окончательно проснулся и, чтобы уже окончательно успокоить жену, сказал:

– Ты помнишь, как мы с тобой познакомились и как хорошо жили?

– Помню.

– Вот о хорошем и думай.

– Я думаю.

– О чем?

– О нашей жизни, о тебе. Знаешь, когда ты с родителями приехал к нам заказывать шубы, я первого взгляда полюбила тебя. И думала: какой красивый, наверное, сердцеед, от девушек отбоя, наверное, нет у него.

– Да ты что, никогда я не был сердцеедом и до тебя с девушками близко не встречался. А почему раньше ты об этом мне никогда не говорила?

– Девушки не могут признаваться в любви первыми, неприлично это.

– Я тебя тоже сразу полюбил, как увидел, тогда когда мать тебя позвала в горницу. Ты вошла, а я подумал: какая милая козочка!

– Ну и сравнения у тебя!

– Не обижайся. Я тебя назвал козочкой, потому что ты по дому, когда мать тебе скажет что-нибудь принести, быстро прыгала, но если не нравится, бегала, как козочка.

– Я не обижаюсь.

– А помнишь про нашу первую брачную ночь, про ту самую ночь после первого дня на свадьбе?

– Помню. Про нее, кроме нас с тобой, до настоящего времени никто ничего не знает. Мы с тобой вместе всю жизнь прожили, но я про ту ночь ни подругам, ни матери ничего не рассказывала. Красивая была та наша первая ночь. И все ночи с тобой за всю нашу жизнь были очень красивые.

В эту ночь они, тесно прижавшись друг к другу, как бывало постоянно дома в Черепаново, подарили друг другу любовь двух преданных сердец. И он был нежен, шепча на ушко Марьюшке:

– Какая ты красивая, какая ты хорошая, ненаглядная зоренька моя. Ты лучшая женщина во всем мире и на целом свете, ты самое родное и бесценное мое сокровище.

В единственное окно в землянке ей были видны блестящие на небосводе звезды и желтый месяц, а от его слов у нее замирало и екало сердце. И ей хотелось слушать и чувствовать его долго, долго, долго.

– Ты у меня самый мужественный и самый красивый во всем свете, и я тебя одного люблю и любить буду всегда, всю мою жизнь.

Марьюшка давно стала частью его жизни, потому что вернее друга, чем она, у него не было. Она для него была самой лучшей женой в мире! Любовь к ней и тогда, и сейчас была одна, но тогда, в молодости, то была весенняя любовь, а сейчас, здесь, на каторге, она уже стала осенней. Прошедшие совместные годы только придали остроту их чувству. Они успокоились и продолжили перебирать в памяти всю свою жизнь, которая была у них светлой и доброй. Эта ночь для них была необыкновенной, непохожей на другие, и их сердца вновь, как в молодости стучали в такт друг другу. Перед их глазами в воспоминаниях прошла вся их совместная жизнь, и они вновь почувствовали себя счастливыми людьми, способными пережить все трудности, какие встретятся на их пути.

– А помнишь, как мы счастливо жили в нашем доме, как все было хорошо. Помнишь, как я после того, как напарюсь, в любую погоду солнечно ли, дождливо ли, выскакивал из бани и по лужайке между домом и речкой бежал и нырял в речку. Вода в речке прозрачная, а весной и осенью – холодная, но мне было все нипочем потому, что ты на меня смотрела. Такой уж у меня был ритуал после парилки – обязательно нырять головой в речку.

– Помню, Миша, помню. Счастливая у нас была жизнь, много радостей у нас было – и солнце, и луна, и звезды, все нас с тобой радовало, а самая большая радость для нас были наши дети. Ради них жили, все делали ради них и для них – лишь бы не болели они, были здоровы, сыты, обуты. Посмотришь на них – все у них хорошо, и сразу на сердце делается легко.

– Да, дети наши – счастье наше, помнишь, душа моя, как мы нарабotaемся, ребятишек уложим спать, налюбимся друг с другом и спим до утра, как убитые.

– Помню, свет очей моих, помню.

– А помнишь, как после свадьбы клялись друг другу, что всегда будем вместе – куда я, туда и ты!

– Помню, милый, помню.

– Я хотел быть с тобой каждый день, каждый час, каждую минуту и смотреть на тебя, и сейчас хочу всегда быть с тобой. Когда я тебя увидел, ты мне сразу понравилась, вернее, я в тебя сразу влюбился. Красивее и душевнее тебя я не встречал. Может, есть где-нибудь и красивей тебя девушки, но я их не встречал. Как только ты вошла с Ласкуном в комнату, так я сразу в тебя влюбился. По душе ты мне пришлась. Без тебя мне скучно и как то не по себе, а ты без меня можешь жить?

– Нет, Миша, не могу, Когда тебя нет, я мучаюсь, думаю, где ты, как ты, и успокаиваюсь только тогда, когда ты приходишь. Никогда не уходи от меня, любимый, и не оставляй. Я тебя одного люблю.

– А без мучений нельзя? – пошутил Михаил.

– Я серьезно тебе говорю, что мучаюсь, а ты все шутишь. Тебя я люблю по-настоящему, без тебя мне не жить. Одного тебя я люблю, а также люблю детей наших и внуков.

Если бы в землянке было светло, то Михаил увидел бы, что глаза Марьюшки, когда она объяснялась в любви к нему, блестят от волнения, или как будто она только что выпила рюмку спиртного.

– А о детях наших и внуках, оставшихся в Черепаново, ты, Миша, вспоминаешь?

– Вспоминаю, Марьюшка, вспоминаю.

Перед глазами обоих вставали старшие детки: Дуняша и Гаврил, маленькие внучата Мишутка и Ванюша. Как они там живут, вдалеке от нас. Не знаем ничего о них какая печаль у них, какая радость. Раньше без них, родных душ, свою жизнь не представляли, неотделимы они от нас даже внешне – все на Михаила похожи, а сейчас, где они, как они, ничего не знаем. Дочь Дуняша и сын Гавриил жили уже своими семьями, но мысли об

их житье-бытье не покидали прадеда и прабабушку вдалеке от них, в проклятом Нарыме. «Какая чудесная у меня жена, все-таки хорошо, что Господь свел нас – подарил ее мне», – подумал Михаил.

– Главное, Миша, что мы сейчас здесь в этом проклятом месте вместе. С тобой мне ничего не страшно, и у меня благодаря тебе есть силы бороться и со страхом, и со всеми невзгодами, которые свалились на нас. Ты согласен со мной Миша?

– Согласен. Душа моя, если бы не ты и не Морька, не знаю, как я смог бы жить здесь. А с вами все вытерплю. К сожалению все, что было раньше, ушло и не вернется никогда, но мы будем, будем жить! Ты не отчаивайся, я бы тоже отчаялся, если б видел, что мы обречены, но это не так. Трудно здесь, да, трудно, но духом падать не надо, ко всему надо подходить с умом. Ты же видишь, сколько здесь земли, правда, она тайгой занята, но тайга какая красивая, зеленая, могучая – сплошной сосняк и кедрач, сосны – сосна к сосне, ровные, как свечи, и кедры не кривые. Лес строевой, каждое дерево на стройку годится. Из такого леса корабли строят. В нашей тайге такого леса нет. От тайги землю очистим, пашню распашем. Человек, если землю не пашет, диким становится. Будет земля, будем жить. Для крестьянина земля – это жизнь. Землю вспашем, зерно посеем, а если господь даст солнышко и дождик, то и урожай будет.

Михаил был настоящим крестьянином, поэтому он мечтал быстрее раскорчевать тайгу под пашню и засеять ее зерном.

– Надеюсь, с мужиками не изломаемся на лесоповале и на выкорчевке пней, хотя тяжелое это дело, и снова, как дома, заживем. Земля здесь хорошая, чернозем, целик настоящий, никто и никогда эту землю не распахивал, очень богатая земля, как барыня молоденькая, урожаи хорошие должны с такой земли собирать. Только лето здесь покороचे, чем у нас будет, но приноровимся. В этом году летом общие бараки строить будем, а там, глядишь, если начальник лагеря разрешит, то сосен навалим, ошкурим и собственные избы поставим. Посмотри на мои руки, – он протянул свои натруженные крепкие крестьянские руки Марьюшке, – На них даже новые волдыри не садятся. Руки мои только боятся остаться без дела. Господи, на все твоя воля, что будет, то и будет, живем не как хочется, а как можется, – перекрестился Михаил.

Такие строил прадед планы на будущую жизнь в Нарыме, никакой безысходности в нем не было, наоборот, он надеялся и там наладить жизнь своей семьи. Сам надеялся и настраивал на это свою любимую жену. Долго перебирали они разные случаи из их долгой жизни, сколько всего передумали они в ту ночь, тесно прижавшись друг к другу, впитывая тепло

друг друга, пока Марьюшка от ласковых рук мужа не успокоилась, глубоко вздохнула и заснула. На время она забыла все – и голод, и холод, и ужасные условия, в которых они жили и работали. Михаил замолчал, прислушался и посмотрел на нее: вроде спит, дышит ровно и спокойно.

– Спи, спи, не просыпайся, – шепнул он ей на ухо. Пальцами провел по ее лбу и нахмуренным даже во сне бровям, пытаюсь разгладить морщинки. «Хмуриться надо на врагов, а к нам с Морькой надо с лаской, нам тоже здесь не сладко, – подумал он. – Повезло мне, что Господь дал такую хорошую жену».

На душе стало легко, чувства одиночества не было. Бессонница его не мучила. Бог милостив, хороший разговор вышел, утешный, слава Богу, жена успокоилась. Михаил был доволен собой и впервые за несколько прошедших месяцев после раскулачивания почувствовал себя вновь если не хозяином жизни, каким был ранее, то настоящим мужчиной. С самого первого дня отбытия в ссылку он пытался быть хладнокровным и своим поведением, как мог, старался поднять жизненный дух жены и дочери. Сегодня ему это удалось. Это умиротворило его. Михаил вытянулся на твердом топчане, сделанном его руками, ощутив усталость тела наработавшегося за день человека, перевернулся на бок и провалился в темноту здорового крепкого сна.

Михаил Ануфриевич и Мария Капитоновна находились в ссылке, когда ему было уже 70, а ей – 69 лет, они жили в землянке и работали в тяжелых условиях нарымской каторги. Они понимали, что надеяться не на кого и помогать им никто не будет, и поэтому рассчитывали только на себя. В этом им помогала любовь. Как бы им ни было тяжело, они сохранили свои чувства и относились друг к другу с нежностью, как в молодые годы. Михаил Ануфриевич любил Марьюшку и тогда, когда она была гордой девушкой, и сейчас, когда она была ему послушной во всем.

Прадед и прабабка крепко привязались друг к другу, и эта привязанность на чужбине усиливалась с каждым новым днем. У них обоих было большое желание помочь друг другу справиться с пришедшей бедой. За всю совместную жизнь Михаил никогда не тронул Марьюшку даже пальцем, не постучал кулаком по столу. Мог, и то очень редко, поворчать на нее. Вместе им было легче устраивать свою жизнь в том проклятом месте.

Прошла первая, самая ужасная для спецпереселенцев зима, многие не выдержали ужасных бытовых условий и недостатка питания и покинули этот мир. Рядом со спецпоселением выросло кладбище.

«Спецколонизация осуществлялась на редкость бесчеловечно. Людей обычно привозили в какое-то безлюдное место, прямо в открытом поле, и

здесь бросали. В зимнее время у тех, кто не догадался взять с собой топоры, пилы и лопаты, шансы на выживание были весьма призрачны. Обладатели же этих орудий немедленно рыли землянки, рубили дрова, пилили бревна, т.е. «активно обживались» и очень часто благодаря этому спасались от неминуемой смерти. Именно так рождались спецпоселки, но еще быстрее росло количество могил на близлежащих кладбищах... В первые годы жизни в «кулацкой ссылке» положение спецпереселенцев было крайне тяжелым. Так, в докладной записке руководства ГУЛАГа от 3 июля 1933 г. в ЦКК ВКП(б) и РКИ отмечалось: «С момента передачи спецпереселенцев Наркомлесу СССР для трудового использования в лесной промышленности, т.е. с августа 1931 года, Правительством была установлена норма снабжения иждивенцев – с/переселенцев на лесе из расчета выдачи в месяц: муки 9 кг, крупы 9 кг, рыбы 1,5 кг, сахару 0,9 кг. С 1 января 1933 года по распоряжению Союзнаркомснаба нормы снабжения для иждивенцев были снижены до следующих размеров: муки 5 кг, крупы 0,5 кг, рыбы 0,8 кг, сахару 0,4 кг. Вследствие этого положение спецпереселенцев в лесной промышленности, в особенности в Уральской области и Северном крае, резко ухудшилось. ...Повсеместно в ЛПХах (леспромхозах. – В.З.) Севкрая и Урала отмечены случаи употребления в пищу разных несъедобных суррогатов, а также поедание кошек, собак и трупов павших животных ...На почве голода резко увеличилась заболеваемость и смертность среди с/переселенцев. По Чердынскому району от голода заболело до 50% с/переселенцев. ...На почве голода имел место ряд самоубийств, увеличилась преступность. ...Голодные с/переселенцы воруют хлеб и скот у окружающего населения, в частности у колхозников. ...Вследствие недостаточного снабжения резко снизилась производительность труда, нормы выработки упали в отдельных ЛПХах до 25%. Истощенные спецпереселенцы не в состоянии выработать норму, а в соответствии с этим получают меньшее количество продовольствия и становятся вовсе нетрудоспособными. Отмечены случаи смерти от голода с/переселенцев на производстве и тут же после возвращения с работ...».

Особенно велика была детская смертность. В докладной записке Г.Г. Ягоды от 26 октября 1931 г. на имя председателя ЦКК ВКП(б) и наркома РКИ Я.Э. Рудзутака отмечалось: "Заболеваемость и смертность с/переселенцев велика ... Месячная смертность равна 1,3% к населению за месяц в Северном Казахстане и 0,8% в Нарымском крае. В числе умерших особенно много детей младших групп. Так, в возрасте до 3-х лет умирает в месяц 8–12% этой группы, а в Магнитогорске еще более, до 15% в месяц. Следует отметить, что в основном большая смертность зависит не от эпидемических

заболеваний, а от жилищного и бытового неустройства, причем детская смертность повышается в связи с отсутствием необходимого питания» (Из интернета).

Весной спецпереселенцы вздохнули свободнее. Еще не стаял снег, а из-под него наружу стали пробиваться не боящиеся мороза белые и синие чашечки подснежников и широкие листики колбы. Подснежники были точно такие, как и на родине, на юге Западной Сибири. Морька радовалась появлению подснежников, бегала по еще нарастающему снегу и на прогалинах, нагретых солнцем, собирала букетики из подснежников, украшая ими землянку. Марьюшка, глядя на Морьку, тоже радовалась наступившей весне, вдыхая непонятный запах подснежников, принесенных Морькой и вспоминая родные края и молодые годы, когда она так же, как Морька, совсем молодой девчонкой на окраинах родной тайге собирала такие же, как и здесь, подснежники. Сибирский таежный лук не боялся холода, утренние заморозки не пугали его. С первыми оттепелями широкие листья колбы стремились вверх, пробиваясь через нарастающий снег. Колба спешила на помощь людям. Все в лагере, включая и лагерную администрацию, с удовольствием ели этот дикий таежный лук. Колба была не только вкусной, но главное – целебной. С ее появлением весь лагерь вздохнул свободнее, болезни стали отступать от людей, но умерших за прошедшую первую суровую зиму было не вернуть.

В первую и самую страшную зиму в лагере, где они находились, в основном умерли больные старики и дети – от холода и голода, но были смерти и от несчастных случаев. Спецпереселенцы не были лесорубами, с правилами техники безопасности при валке деревьев не были знакомы, а поэтому нередко погибали при валке деревьев, попадая под падающие хлысты.

У многих переселенцев из-за нехватки витаминов кровоточили десны и вываливались зубы – была цинга. Тут лучшим лекарством стала колба. Она не только укрепляла десны, но и очищала кровь и благоприятно влияла на весь организм человека, помогала преодолеть истощение и восстановить упадок сил. Спецпереселенцы ожили и стали улыбаться, появились первые лучики надежды на будущую жизнь. В основном колбу ели в сыром виде, но прабабушка Мария Капитоновна, помимо основного питания в общей столовой, при всяком удобном случае подкармливала мужа и дочку дома: добавляла колбу в суп, мелко кроша ее ножом, а также делая лепешки из муки, смешанной с сосновой корой и перетертыми гнилушками из трухлявых пней. Говорила:

– Придет лето, я вас накормлю варениками из грибов и ягоды. Кормить буду так, что вы у меня толстыми будете. В такие дни землянка наполнялась звуками приготовления пищи и приятными запахами. Прадед еще с порога, почувствовав запах, говорил, обращаясь к жене и дочери:

– Кормить-то вы меня сегодня будете?

– Будем, будем, свет очей наш, мы же любим тебя. Если не будем тебя кормить, ты же нас разлюбишь.

– Да никогда я вас не разлюблю, Вы же у меня единственные. Господи, как же хорошо жить, потому что ты дал людям любовь.

Пришедшая весна не только оживила природу, но и души людей. Жить стало веселее. У людей появилась надежда, что и здесь, на каторге, можно жить. Маленький огонек надежды пополнял истраченные за зиму физические и духовные силы. А когда пришло лето, стали строить бараки для общего проживания. С приходом тепла работать стало сложнее, тепло разбудило лесную мошкару, гнус поедал людей. Труд спецпереселенцев был тяжелый: во время работы с них сходило по три пота, на запах пота тянулась вся таежная мошкара – комары, мошка, слепни, оводы. Спавшие зимой насекомые от тепла ожили и не давали людям житья. Они садились на какой-нибудь открытый участок тела и кусали его до крови. Все переселенцы были в волдырях. Люди там, в Нарыме, были бессильны против этих врагов человечества.

За прошедший неполный год на нарымской каторге, а иначе то место проживания прадеда и прабабушки и назвать нельзя, прадед Михаил завоевал уважение не только у переселенцев, но и у лагерного начальства за свой труд, за свои золотые руки, за умение строить жилища, за готовность оказать помощь друзьям по несчастью. Он давал дельные советы и спецпереселенцам, и администрации лагеря по благоустройству жилищ и лагеря, а в случае необходимости и лично принимал участие в решении возникших проблем. Работа дома от зари до позднего вечера доставляла ему радость, а здесь тяжелая работа помогала ему забыться и получать удовлетворение от того, что он живой и помогает выживать не только жене и дочери, но и своим товарищам по несчастью. Спецпереселенцам нравилось работать с ним на лесоповале, да и на других работах, потому что он работал от души и никогда не перекладывал свои обязанности на других, если выразиться по-современному, не сачковал. Огонек труженика в нем не угас, и люди видели и чувствовали это.

Спецпереселенцы знали, что Мария Капитоновна занималась лечением, и, надорвавшись на лесоповале и раскорчевке тайги под пашню, постоянно обращались к ней за помощью. Прабабушка никому не

отказывала и правила им животы, читая при этом заговор: «Станьте по-старому, как отец с матерью поставили!» Заставляла читать этот заговор и больных, которые к ней приходили. Обращались к ней со своими болячками и сотрудники администрации спецпоселения, и охранники, бывшие конвоиры. Некоторые в знак благодарности делились продуктами питания. Комендант спецпереселения был хилым и после прибытия спецпереселенцев в Нарымскую тайгу, прослышав о том, что Марья Капитоновна умеет врачевать, вызвал ее к себе и стал с ней знакомиться:

– Здравствуйте, Мария, с вашим супругом уже я познакомился, а с Вами не успел. Будем знакомы: меня зовут Николай Петрович, я комендант этого лагеря, куда Вы прибыли.

– Очень приятно, спецпереселенка Мухарева Мария, – представилась она коменданту спецпереселения. – Да мне и ни к чему Вам представляться, Вы по документам и так знаете, кто я.

– Конечно, по документам знаю, но лично познакомиться с Вами очень рад.

Видя, что Мария недружелюбно смотрит на него, начальник сказал:

– Да не смотрите на меня волком. Я понимаю, что у Вас беда, но я не виноват в этом. У меня служба, и я обязан выполнять возложенные на меня обязанности. Ничего плохого вам здесь никто не сделает, вас сюда этапировали, чтобы вы оживили эту дремучую тайгу, все здесь очеловечили. Меня вам не надо ненавидеть, мы не воюем, и я Вам не враг. Давайте, если не дружить, то жить мирно. Слышал, что Вы чудеса творите, оказывая помощь Вашим товарищам, находящимся здесь.

– Чудеса творить не могу, не богиня я, а небольшую помощь в облегчении страданий больным людям пытаюсь оказать.

– Не сможете ли Вы мне помочь, уважаемая?

Мария Капитоновна не могла спокойно, без тревоги в душе, смотреть на человека, который болел и обращался к ней за помощью. Комендант был молодой. Бледный и худой. Его вид растопил в ней холодность, хотя легче ей не стало из-за несправедливости, по которой она с мужем и дочерью попали сюда. Но таков был ее удел народного целителя и истинной православной – творить добро всем людям независимо от того, враг он тебе или друг, вопреки законам ненависти и сиюминутному желанию не оказывать помощь угнетателям. Марии было горько, что ей приходится оказывать помощь человеку, оказавшемуся по другую сторону баррикад. По справедливости и по честности это было несправедливо. Больной представитель власти, надругавшейся над ней и ее семьей, стоял перед ней и просил о помощи, которую она могла оказать ему.

– Рада буду, если смогу помочь. Что с Вами?

– Понимаете, когда я поволнуюсь, начинают трястись руки и ноги, и колени хрустят при ходьбе. Может, Вы мне чего-нибудь пропишете?

– Я Вам ничего прописывать не могу, я не врач, просто разбираюсь в лечении людей травами, только и всего. Ну, а насчет ваших проблем со здоровьем давайте побеседуем. Скажите мне, а травмы головы или спины у Вас были?

– Травм головы не было, а спины – была. В прошлом году лошадь меня в поясницу лягнула, неделю лежал, еле отошел.

– Встаньте.

Комендант поднялся.

– Нагнитесь несколько раз вперед, назад и приседайте.

Комендант с трудом согнулся и с трудом присел несколько раз.

– Больно? Голова не кружится?

– Боли есть, но голова не кружится, – ответил начальник.

– Вам, конечно, к врачу надо обратиться. У Вас травма серьезная, я считаю. Боли и трясение рук и ног – это последствия травмы. Советую Вам делать физические упражнения и закаливание каждый день. Утром, днем и вечером для укрепления спины обливайтесь холодной водой и растирайтесь докрасна полотенцем, в летнее время почаще купайтесь в реках и других водоемах. В холодное время года спину держите в тепле. Летом сложите русскую печь в доме, а зимой спите на этой печи. Я считаю, что это Вам поможет.

– А может, мне почаще в бане париться?

– Может быть, не знаю, Бывают случаи, что после парилки спину может и вовсе заклинить, а бывает, и помогает, в зависимости от того, что и как у вас повреждено в спине. Также советую массировать спину, попросите кого-нибудь из ваших подчиненных, у кого сильные пальцы, сделать Вам массаж спины. В суставы пускай не лезут, а просто кожу пальцами от пальцев ног до шеи перебирают. Я покажу тому, кто будет вам делать массаж, как это делается. Растягивайтесь на низких ветвях сосен, тоже хорошо помогает. В качестве лекарства советую вам пить вместо чая заваренный хвощ – скрипун-траву и почаще есть холодец из говяжьих и лошадиных ног. Суставы восстановятся, и скрип пройдет.

– Мария, а еще у меня аппетит плохой, что Вы мне посоветуете?

– Попейте чай из горькой травы пижмы, она глисты выгоняет, возможно, у вас глисты. Вы очень худой. Если глисты выйдут, аппетит восстановится, и вы поправитесь. От всяких заболеваний помогают иван-чай и уражница – зверобой. От нервов помогает тысячелистник. Если вы

болеете после похмелья, пейте чай из уражницы, но немного, потому что уражница – ядовитая трава. Эта травы у меня есть, я их Вам дам и расскажу, как каждую из них заваривать и пить.

– Марья Капитоновна, неудобно даже вам, как лекарю, говорить, но, пересиливая неловкость и стыд, все-таки поделюсь с Вами одной деликатной проблемой. Последнее время у меня интерес к женщинам пропал, может, посоветуете чего-нибудь попить?

– Зачем вам женщины, у вас и без женщин здесь забот хватает, или еще не налюбились? – пошутила Марья Капитоновна.

– Да полюбил бы еще, я же не старый. Давайте без шуток, помогите мне, если Вы знаете и можете.

– Я бы Вам помогла, у нас на родине трава такая есть, а здесь я не встречала. Когда вернемся домой, а надеюсь, это случится когда-нибудь, я Вам такую траву пришлю.

– А что будет, если эту траву пить?

– Вот попьете и узнаете.

– Вот это да, значит, есть такая трава, – произнес вслух начальник, глаза его разгорелись. По-видимому, эта проблема волновала его больше всего, и он вновь задал вопрос прабабушке:

– Мария Капитоновна, а может, Вы знаете какой-нибудь другой способ повышения мужской силы?

– Есть, конечно, способ повысить вашу силу. Дайте солдатам задание, чтобы они нашли где-нибудь старое болото и наловили в нем пиявок. Я вам поставлю пиявку на промежность, пустим вам кровь, восстановим кровоснабжение, и я думаю, что вы и ваша женщина будете довольны.

– А эта, эта пиявка поможет?

– Должна помочь, всем помогала и вам поможет.

В тот день Мария Капитоновна долго сидела с комендантом лагеря спецпереселенцев и подробно рассказывала о способах лечения различных болезней, а тот ее внимательно слушал.

Рассказ о том, что можно вылечить импотенцию, обрадовал коменданта. Он выскочил из-за стола и стал собирать лагерную охрану – дать задание на поиски болота и ловлю пиявок. Мария Капитоновна принесла ему различных трав, разложила их по полочкам в его кабинете. Написала на каждую траву рекомендацию, как ее заваривать и как пить. Через несколько дней она вновь пришла к коменданту по его вызову. Комендант сидел радостный и, показав ей большую банку с пиявками, спросил:

– Вы про эти пиявки говорили?

Мария Капитоновна, посмотрев на пиявок, ответила:

– Да, эти пиявки лечебные.

С помощью пиявок прабабушка восстановила коменданту пропавший у него интерес к противоположному полу, а также полечила ему травму спины. Тот оказался благодарным человеком и при всякой возможности благодарил прабабушку, освобождая от работы и давая небольшие порции дополнительного питания. Таким образом, авторитет прадеда с помощью прабабушки еще больше вырос.

Летом из сваленного за зиму леса спецпереселенцы стали строить общие бараки для проживания. Михаил Ануфриевич и строил, и руководил, и подсказывал. Спецпереселенцы и нередко администрация лагеря обращались к нему за помощью и советами: «Нафреевич, помоги, Нафреевич, подскажи. Нафреевич, а как ты считаешь?» И Нафреевич помогал, подсказывал и советовал.

Возвращение домой

Наконец в конце июля настал день, когда комендант лагеря, вызвал прадеда к себе. Это было неожиданно. «Зачем он вызвал меня», – думал Нафрей, Этот вопрос не отступал от него, пока он не предстал перед начальником.

– Здравствуйте, гражданин начальник, спецпереселенец Мухарев Михаил Ануфриевич явился по вашему приказанию, – представился огрубевшим, еще не успевшим смягчиться после суровой зимы голосом. Прадед за год ссылки ничуть не изменился внешне. Был такой же широкоплечий, сухой, стремительный и крепкий, как кедр, с худощавым живым и умным лицом, аккуратной головой, покрытой черными с сединой волнистыми волосами.

– Здравствуй, Михаил Ануфриевич, – поздоровался с ним комендант и протянул ему руку. – Присаживайся к столу, есть серьезный разговор.

Михаил сел на табурет, стоящий возле стола, как раз напротив коменданта, робея от неожиданного вызова к начальнику. Положил руки на колени, спросил:

– Зачем вызвали? Слушаю Вас, гражданин начальник.

Тот смотрел на него с улыбкой, пристально и как-то загадочно.

– Хочешь ли, Михаил Ануфриевич, вернуться к себе на родину, домой?

– Как – вернуться? – дрогнувшим голосом переспросил Михаил. Неожиданная тоска по дому нахлынула на него: прошел год, как он с семьей

и другими спецпереселенцами прибыл на поселение в эту глухомань. Тоску навеяла и хорошая солнечная жаркая летняя погода в этой глуши. Лучи солнца, стоявшего в зените, в полдень проникали через неплотно закрытые ситцевые занавески в комнату и падали на стол, за которым сидели начальник и спецпереселенец, и в доме дурманяще пахло папоротником от его зарослей, окруживших дом коменданта, в котором он жил и работал.

– Как-как, вот так. Возвратиться отсюда туда, откуда ты приехал, и продолжать жить там и заниматься сельским хозяйством, как ранее ты им занимался, – ответил начальник.

– Конечно, хочу. Не только хочу, а сильно желаю, хотя об этом даже мечтать боялся.

– Ну вот и хорошо, я очень рад, что тайные твои мечты помогут тебе претворить в жизнь. Беда, случившаяся с тобой, познакомила нас. Прошедший год показал не только мне и моим коллегам, но и твоим друзьям по несчастью, что хорошая у тебя голова: крестьянская, основательная, смысленная, во все ты вникаешь и все понимаешь. Ты – настоящий человек, мастер золотые руки, все умеешь делать – и лес валить, и землянки рыть, и дома строить, а главное, душа у тебя светлая. Никому ни в совете, ни в помощи не отказываешь, все делаешь от чистого сердца, бескорыстно, и жена у тебя – пара тебе, такой же светлый человек. Сеете вокруг себя добро, за это вас все и уважают. Такие люди нужны советскому государству. Я прочитал твое личное дело, увидел, как ты работаешь, помогаешь людям и руководству нашего лагеря, и понял, что тебя ошибочно раскулачили. Никакой ты не кулак, бери лошадь с телегой, забирай семью и поезжай домой, занимай дом из которого тебя выселили и живи в нем. Никого не бойся, больше тебя никто не тронет, жить мешать никто не будет, мы пришлем к вам в сельсовет бумагу, что ты никакой не кулак, а самый что ни на есть честный труженик. Я отпускаю вас, но скрепя сердце, не знаю, обойдусь ли я, да и все наше поселение, без тебя и Марии Капитоновны. В общем, иди, пока не я передумал. Завтра же уезжай. С вами из спецпоселения отпускаю еще четыре семьи.

У прадеда сдавило горло и сердце от волнения, ему стало трудно дышать, будто на него навалилась большая волна и, чтобы не захлебнуться, ему нельзя было дышать, нельзя было открывать рот. Михаил Ануфриевич оторопел от неожиданного радостного сообщения и сразу ничего не смог ответить, потому что все слова начальника лагеря затрагивали его душу, выражали его желания, о которых он не мог и мечтать, но он никак не мог им поверить.

– Приди в себя, ты понял, что я тебя вместе с твоей семьей освобождаю. И отпускаю домой, – дружески хлопнув Михаила по плечу, повторил начальник лагеря. – До тебя дошло, что я тебе сказал?

– Дошло гражданин начальник, – придя в себя ответил он коменданту. – Спасибо Вам за справедливость, что разобрались с моим делом. Я Вас не подведу, спасибо за доверие, – и поклонился в пояс начальнику лагеря. А про себя подумал: «Милостив бог, есть все-таки справедливость на земле».

– На советскую власть не обижайся, трудно распознать своего среди богатеев, все ошибаются, и мы тоже. Ты же видишь, кто с тобой здесь находится, некоторые отродясь в руках топор, пилу или лопату в руках не держали. Контрреволюция по всей стране поднимает голову, обстановка тревожная. Партия большевиков начеку, она не верит, что у волков зубы выпадут, и они перестанут есть мясо, но кровью невинных мы не питаемся. Я люблю, чтобы все было по правде, мы, большевики, должны защищать трудовой народ. Важно то, что мы исправляем свои ошибки. Относись к нам с доверием, преодолей сидящее в тебе недоверие к советской власти. Ты понимаешь меня?

– Понимаю.

– Ну вот и хорошо, иди к семье и сообщи им радостную новость.

Этот факт из жизни прадеда на поселении в Нарыме соответствует действительности. Власть имущие в Москве понимали, что местная власть на местах нередко перегибала палку, рьяно выполняя план по раскулачиванию, спущенный сверху, и поэтому в момент прибытия на спецпоселение, начиная с 1930 года (что распространялось и на спецпереселенцев, раскулаченных в 1929 году), сотрудники органов ОГПУ-НКВД нередко производили сортировку выселенных кулаков. Одних из них освобождали, других направляли в лагеря ГУЛАГа, но большинство оставались на спецпоселении. В рапорте от 20 мая 1933 г. М. Берман докладывал заместителям председателя ОГПУ Агранову и Прокофьеву: «По сообщению СИБЛАГа ОГПУ, из числа прибывших в Томск контингентов с Северного Кавказа, по состоянию на 20 мая с.г., произведена согласно Ваших указаний проверка 9868 человек. Из этого количества решением Тройки ПП ОГПУ ЗСК (Западно-Сибирского края. – В.Р.) вовсе освобождено – 85 человек». Прадеду, можно сказать, повезло: комендант спецпоселка оказался честным человеком и понял, что с дедом произошла чудовищная ошибка, и попытался исправить ее, освободив прадеда вместе с семьей – женой и несовершеннолетней дочерью Марией. Вместе с семьей прадеда было освобождено еще пять семей. Им была дана на всех одна

лошадь с телегой, и они отправились обратно, в дальний путь, на свое бывшее место жительства.

Услышав радостную новость и придя в себя, Михаил Ануфриевич воспрял духом. Появилась надежда, которая засветила слабо, но ободряюще. Жизнь у крестьянина была тяжела и сложна и редко озарялась радостью. Вся жизнь в работе: длинным летним днем работай, короткой летней ночью отдыхай, а днем – снова работай. Радость доставляла хорошая погода, голубое небо, радость общения между собой во время работы и редкие часы отдыха, и другие мелочи. Такова была жизнь, и эта жизнь была в радость каждому. Весть о свободе была огромной радостью, осветившей светом каторжную жизнь. Все мысли его были о родине, о возможности возвращения домой. Неужели скоро закончится этот кошмар? У него появилась надежда, что жизнь наладится. Настроение было приподнятое. Взволнованный радостной новостью, придя в землянку, он сказал жене:

– Танцуй, душа моя, я тебя сейчас обрадую!

Марьюшка оторопело смотрела на него:

– Что случилось, ты шутишь, до танцев ли нам?

– Танцуй, танцуй, случилось то, о чем ты в душе даже и помыслить не могла.

– О чем ты говоришь? Говори быстрее, не тяни.

– Появилась надежда, что мы скоро увидим мир, в котором родились и жили.

Луч солнца проник в землянку, коснулся лица Марьюшки и стал его ласково щекотать.

– Завтра уезжаем из ада в рай – в Царство небесное, на родину. Начальник лагеря разобрался и освободил пять семей из лагеря, в том числе и нашу. Он дает нам лошадь, и мы завтра поедем домой.

Марья Капитоновна, услышав радостную весть, засияла:

– Можно тебе верить? – переспросила она, пытливо и пристально всматриваясь своими все еще блестящими глазами в его глаза, а на шее у нее от волнения сильно билась синяя жилочка.

– Можно, можно. Надеюсь, посидим мы с тобою после баньки на крылечке нашего дома и погорюем еще при луне на родине. Они обнялись. Михаил слышал, как сильно стучало ее сердце и она неожиданно заплакала.

– Не плачь, не плачь, а то и я вместе с тобой заплачу.

Но Марья Капитоновна никак не могла успокоиться и вся залилась слезами от радостного известия.

– Радоваться надо, Марьюшка, радоваться, но не за нас, а за дочь нашу. Ведь мы с тобой завезли ее в это проклятое место. Мы уже пожилые и

скоро состаримся, а она молодая, и вся жизнь у нее впереди. Время бежит, Морьке замуж пора выходить и внуков нам рожать. Давай радоваться, что дочь вырываем с этой каторги, из этого проклятого места.

– Давай, – согласилась Марьюшка.

– Знаешь, Марьюшка, я не могу поверить, как и ты, нашему счастью, что увижу свою землю, по которой у меня истосковались руки. Ты увидишь, что я с ней сделаю, как я ее всю перепашу, когда вернусь домой.

Вошедшая в землянку Морька, видя радостно плачущих и обнимающихся отца с матерью, спросила:

– Что случилось, почему вы плачете и улыбаетесь через слезы?

Михаил схватил дочь в охапку и стал кружить ее вокруг себя, говоря:

– Радость у нас дочка, настоящая радость! Комендант лагеря нас освободил, и завтра мы уезжаем отсюда домой.

Услышав это, Морька тоже стала плакать и улыбаться через слезы. Прадед обнял жену и дочь своими крепкими жилистыми руками и прижал к себе, целуя обеих в щеки, успокаивая их и успокаиваясь сам.

Трудно было поверить, но эту радость Мария Капитоновна втайне ждала. Надежда и вера человека крепче камня. Капли воды пробивают камни, ручьи пробивают русла в твердых скалах и неприступных горах. Надежда и вера человека пробивают дорогу к свободе и счастью. Этот день, этот вечер стали для нее самыми счастливыми в этой жизни. Неожиданно, наверное, от счастья, у нее закружилась голова, и она вместо танца упала без чувств на пол землянки.

Спецпоселенцам разрешили взять одну из лошадей на которых они приехали в ссылку, но самую худшую. Согласно поговорке: «Берите, что нам негоже». Прадед зашел в загон, в котором находилось несколько лошадей, подлежащих списанию, их уже перестали брать на работу. Увидев его, одна из лошадей заржала, как бы говоря: «Бери меня, я дотяну до дома». Осмотрев всех лошадей, Михаил остановил свой выбор именно на этой лошади, еще крепко стоящей на ногах. Он попытался надеть на нее узду, но лошадь заржала и неожиданно отскочила от него.

«Резвая какая, значит, сила еще есть», – подумал Нафреевич и стал ловить лошадь. Но она не подпускала его к себе, то прижимаясь к изгороди загона, то кружась вокруг него, как бы проверяя будущего наездника, справится он с ней или нет. Прадед изловчился, надел на лошадь уздечку, взял за повод, потянул за собой. Лошадь вышла из загона, Михаил осмотрел ее. Лошадь рабочая, на вид была здорова, но дышала часто, запаленно. Воздух с шумом входил и выходил из ее легких. Другие лошади были еще хуже: у некоторых ноги подкашивались, другие лежали на земле, ожидая

окончательного приговора ветеринара. «Не больна ли она? – подумал Михаил Ануфриевич. - Выдержит ли дальнюю дорогу к дому?» Спросить другую лошадь, из рабочих, не посмел, сказав другим спецпереселенцам:

– Лошадь слабая, никудышная, но другие еще хуже, выбирать не из чего. Загнали по дороге в ссылку, да и здесь не давали отдыхать, чувствуется, что последние жилы из нее вытягивали, кормили плохо, а лечить не лечили.

Зимой лошадей кормили чем попало – маленькими порциями некачественного сена, вернее, высохшей на корню таежной травой, которую успели заготовить осенью после приезда в лагерь.

– Не слишком расщедрился начальник, но и на том спасибо, берем эту – дареному коню в зубы не смотрят. Запрягать коня утром будем, а сейчас, чтобы время завтра не терять, что у кого есть в дорогу взять, несите, телегу будем грузить.

Пока спецпереселенцы собирали все необходимое, Михаил Ануфриевич выкатил передок телеги, вытащил шкворень, смазал его колесным солидолом и вставил обратно.

– Ловок ты, – сказал комендант лагеря, видевший подготовку телеги к поездке.

– Чего там, дело знакомое, – ответил прадед. Начальник лагеря подал руку Михаилу Ануфриевичу:

– Попрощаемся сегодня, завтра отправляйтесь пораньше засветло. Вы меня не ждите, я буду спать. вставать так рано не буду.

Подав руку и другим освобожденным переселенцам.

– Желая вам удачи в дороге и хорошей жизни на родине.

– Спасибо вам, товарищ начальник, век будем помнить вашу справедливость и молиться за Ваше здоровье, – от имени всех поблагодарил Михаил Ануфриевич коменданта лагеря и поклонился ему в пояс.

Другие спецпереселенцы, кто как мог, тоже стали благодарить начальника и кланяться. Телега была снаряжена, спецпереселенцы были готовы к дальнему пути. Неожиданная справедливость коменданта раскрыла им непреодолимые стены неволи, дала возможность вернуться на родину, к себе домой. Комендант ушел, а спецпереселенцы погрузили на телегу все необходимое для долгой поездки. Михаил Ануфриевич взял косу и брусок и стал отбивать звенящую от ударов литовку – от пятки к середине протяжно, а на конце коротко и жестко. Затем накопил свежей сочной травы, собрал ее и отнес выбранной им доходяге.

– День-то как тянется, – обняв мужа, сказала Марья Капитоновна. – Скорей бы он закончился, и утро завтрашнее наступило.

– Надо отдохнуть перед дальней дорогой, – ответил Нафреевич.

Всю ночь перед отбытием в родные края Михаил Ануфриевич и Мария Капитоновна плохо спали, ворочались, боялись проспать. И вот оно наступило, это прекрасное утро. Оно было отличное – аж дух захватывало. Тишина, лагерь еще не проснулся. Проснулись только спецпереселенцы, покидающие товарищей по несчастью. Солнце еще только вставало, небо было чистым, без единого облачка, даже не было тумана, обычного для этой местности. Михаил Ануфриевич зашел в стойло к лошади, куда он ее поставил отдельно от других еще днем. Лошадь хрустела свежей травой, накошенной ей им с вечера. Он, напоив лошадь, вставил мундштук удил в рот лошади. Лошадь нехотя разрешил прадеду сделать это, при этом удила звякнули о зубы лошади. Прадед поводом запятил лошадь в оглобли, взял поданную ему другим отпущенным на свободу спецпереселенцем дугу и закрепил ее на оглоблях, крепко затянув узлы из сыромятной кожи. Транспорт был готов к дальней дороге. Перед отъездом прадед последний раз посмотрел на лагерь спецпереселенцев. Прошел только год, когда сюда в это дикое необжитое место пришли и заселились люди. Эту территорию было не узнать, большей части соснового бора не было. С момента прибытия спецпереселенцы каждый день пилили, валили, рубили и таскали на себе громадные сосны, и вот результат: сосны были спилены, пни выкорчеваны, сосны лежали в штабелях, рядом с землянками и шалашами спецпереселенцев уже начали возводиться бараки для совместного проживания. Большой участок тайги был выкорчеван под пашню.

Сколько они здесь пережили невзгод: тяжелого труда в любую погоду, травм и увечий от падающих хлыстов, смертей товарищей и родственников от болезней и голода, голода, метелей, морозов, дождей, но ничто не сломило их. Они верили, и они дождались своего часа, и теперь возвращаются назад домой. После завтрака спецпереселенцы собрались возле телеги, суетились возле нее, складывая свои узлы. Прадед скомандовал:

– Женщины – в телегу, мужики – рядом.

Все пожитки спецпереселенцев разместили рядом с женщинами в телеге. Михаил сел в телегу сам, Марьюшка и Морька сидели рядом,

«Молодцы они у меня, нарымскую каторгу выдержали, не согнулись, а сейчас вместе со мной возвращаются домой. Знали бы они, как я сильно их люблю», – подумал он,

– С богом, – перекрестившись, сказал Михаил Ануфриевич. С ним перекрестились и все отъезжающие. Разобрав вожжи, негромко прикрикнул на лошадь:

– Пошла, любезная! – и шлепнул лошадь вожжами по спине. Она, чувствуя твердую уверенную руку человека, умевшего управляться с лошадьми, пошагала, пошлепала по твердой земле расположения лагеря. За пределами лагерной зоны колеса телеги застучали о корни таежных деревьев, а там, где был мох, колеса беззвучно двигали телегу. Лошадь по мху ступала своими копытами так же беззвучно. Колеса глубоко вминали мох в землю, оставляя следы, в которых выступала вода. Телега была переполнена женщинами с детьми, поэтому мужчины, взявшись за телегу с боков руками, чтобы не отставать от лошади, шли пешком рядом. Все отправились на родину, не поднимая даже пыли, прибитой утренней росой. Если бы спецпереселенцам не дали лошадь, то они и без лошади, пешком, на крыльях надежды отправились бы в дальний путь.

– Долго придется нам добираться до дома, – сказал один из освобожденных.

– Быстрее не получится, – ответил другой, – одна лошадь на всех, да и та доходяга, выдержала бы дальний путь.

Вначале шли по тайге, подминая папоротник и другую лесную траву по наметкам дороги, проторенной в прошлом году, когда их гнали на спецпереселение. Лошадь по дороге специально совала морду в кусты, чтобы избавиться от облепившего ее гнуса, периодически била себя по бокам хвостом, иногда задевая им и Михаила, и при этом сбавляла шаг.

– Ну-ну, не балуй! Пошла, пошла! – покрикивал прадед на лошадь и легонько, жалеючи, постегивал ее вожжами. Сам с улыбкой то и дело посматривал на жену и дочку, гордился ими: вон они у меня какие славные. Сколько им пришлось перенести лишений вместе со мной. Каждый день они поднимали мой дух, наполняя землянку радостью своего присутствия. В самые тяжелые и черные дни землянка была наполнена человеческим теплом и светом любимых глаз. Что бы я без них делал в проклятом Нарыме? Да хранит их Господь Бог везде и всегда!

Проехав с десятков километров, Михаил Ануфриевич остановил лошадь, подошел к ней, засунул руку под седелку и пощупал круп лошади. Проверив температуру, сказал переселенцам:

– Ничего, думаю, что должна выдюжить, пока не перегрелась.

Затем обошел телегу, потрогал ее ступицы. Ступицы были горячие, но рука терпела.

– И ступицы нормальные...

После чего подтянул подбрюшник лошади, который после десятка километров стал болтаться. Сел в передок телеги, перекрестился:

– С богом, отдохнула немного, поехали дальше.

Михаил хлопнул лошадь по бокам и с возгласом: «Но, пошла!» заставил немного передохнувшую лошадь везти телегу с седоками в сторону еще очень далекой Родины.

По дороге времени не теряли, каждый день вставали и выезжали спозаранок, в такую рань, когда все добрые люди спят. Часто по утрам стояли туманы, поэтому места стоянок, на которых останавливались на ночевку, быстро растворялись в утренней дымке и пропадали из вида. Длительных привалов не делали, на ночевку старались останавливаться в деревнях, опасаясь таежного зверья и лихих людей. Когда лошадь выбивалась из сил и требовала отдыха, Михаил Ануфриевич на привале распрягал ее полностью: снимал чересседельник и подбрюшник, выводил из оглоблей, вынимал мундштук изо рта и отпускал пастись на самую сочную траву, которую находил рядом с привалом.

Мужики подобрались крепкими, зацепившись за телегу руками, не отставали от шага лошади. Лошадь была больной, но шла довольно бодрым шагом. Ступицы легко крутились на смазанных шкворнях. Путь домой был длинный. Было все: и невыносимая пыль, которая мешала дышать и лошади и людям, и ночевки под дождем, и дни без еды. Практически все ценное из имущества, которое взяли в дорогу, обменяли на еду. Харчились все вместе, деля еду между всеми счастливыми. Каждый день продвигались все ближе и ближе к заветной цели – к родному дому. Шли, не обращая внимания на трудности, согласно народной поговорке «Дорогу осилит идущий». Дорога домой была такой же трудной и более долгой, чем дорога на спецпереселение, но эта дорога была прекрасной – она вела на родину. Прекрасная цель удесятерила их силы, и, несмотря на то, что к концу пути и лошадь и люди еле волочили ноги, к октябрю все-таки добрались до родных мест.

Уже наступила осень. Небо было чистым и голубым, а деревья и трава – желто-зелеными. Часть золотистых листьев лежала на земле, другие висели на деревьях и блестели на солнце. Поля сплошь желтели золотом коротышей от убранных пшеницы, овса, ржи, ячменя. На еще нераспаханных после косовицы полях стояли скирды соломы. Распаханные были засеяны озимыми, которые уже начали показывать зеленые верхушки. Хвойные деревья были вечнозелеными.

Дорога как будто расширилась, стали появляться знакомые места – березовые околки и лесные поляны, в которых собирали грибы и лесную ягоду, через просветы деревьев показалась родная речка, вода в которой текла по-прежнему тихо и размеренно. Вдалеке виднелось и село, с которым ничего не произошло, оно стояло на прежнем месте.

– Марьюшка, гляди, наше село видать. Отсюда недалеко, можно пешком дойти.

– Вижу, солнце мое, вижу, – ответила радостно Марьюшка.

Михаил Ануфриевич был счастлив, увидев родное село. Хотелось поскорее увидеть родных и родной дом, и забыть то, что пережили с момента раскулачивания.

– Выдержала, доходяга, выдержала, милая, – не зная, на кого излить переполнявшую его радость, похвалил он уставшую лошадь, изредка вздрагивающую при ходьбе. – Только мокрая вся, как будто только искупали, но ничего, сейчас приедем домой, выкупаю тебя в нашей речке, накормлю, все сделаю для тебя за то, что до дома довезла, довольна будешь.

Выливал свою радость на милое ему животное Михаил Ануфриевич. Он сейчас любил все, что было рядом с ним, – эту лошадь, родное село, любил всех, кто живет в этом селе, знакомые березовые околки вокруг села, небольшую с чистой проточной водой речку, себя – за то, что смог вернуться в родные края, безразмерно любил семью и спецпереселенцев, которые вместе с ним прошли через огромные страдания в нарымской ссылке. Душа его пела от счастья, предчувствуя, как они войдут в родной дом, обнимутся с батюшкой Нафреем, сыном Гаврилой и членами его семьи. Прежняя свободная жизнь была хороша, они с Марьюшкой привыкли к ней и сейчас возвращаются.

В неволе они не дрогнули перед невыносимыми трудностями, сражались за жизнь, не жалея сил. Он задышался от этого счастья и еле сдерживал сердце, сильно стучавшее внутри и готовое выскочить наружу.

За время дороги у бывших спецпереселенцев почернели от солнца и ветра, а губы высохли и потрескались.

Когда подъехали к месту у реки, где должен был стоять построенный им с помощью родственников дом, то Михаил не увидел ни своего дома, ни надворных построек. Со слов соседей, после раскулачивания его двухэтажный дом был раскатан по венцу и по кирпичику и перевезен в деревню Старо-Сергеевку, где его вновь собрали и разместили в нем деревенскую школу. Впоследствии, уже в современный период, школу разобрали, и деревенские жители из школы сделали пять добротных домов.

Во дворе бывшей усадьбы остался неразобраным один только колодец. Украшавшие двор березы, которые он не срубил при строительстве дома, также были целы. За двором по-прежнему текла любимая речка, в которой он любил купаться после баньки и которую вспоминал на нарымской каторге. На ее берегах также росли вербы и тальник, наполовину погруженный в воду. С севера на юг высоко в небе над Черепаново летел

косяк диких уток, они спешили улететь от приближающейся зимы на юг в теплые края. Земля, казалось, дрогнула и качнулась под Михаилом Ануфриевичем.

– Туда ли мы приехали, Марьюшка, это ли наша деревня? – спрашивал, заглядывая в глаза жене, Михаил Ануфриевич. – Здесь стоял мой дом, а там стоял дом Гаврилы, баня, амбары и конюшня на том берегу. Я строил их своими руками. Где они? Ничего нет. Мы приехали на родину, чтобы здесь продолжать жить, как жили раньше, а что же теперь мы будем делать? Неожиданно в груди стало невыносимо жарко. Михаил Ануфриевич рванул рукой рубаху на груди, оголив грудь:

– Пить, дайте мне воды, я хочу пить!

Кто-то из подошедших соседей, открыв крышку колодца, опустил туда ведро, зацепил в него воды и вытащил наверх. Ни кружки, ни ковшика, никакой другой посуды не нашлось. Нафреевич взял ведро в руки, поднял его и, запрокинув голову, с жадностью стал пить воду, пытаясь затушить разгоревшийся жар внутри груди. Она была ледяной, от нее сводило дыхание, зубы его лязгали и стучали о край ведра.

Все увиденное навяло на Михаила печаль и безысходную тоску. Встреча с родиной не обрадовала, а наоборот, расстроила его. На родном подворье было непривычно неуютно, пустынно и одиноко, как в чужом, невиданном доселе, негостеприимном краю. О старой жизни здесь напоминали только не срубленные им при строительстве дома лиственница и березы, от которых исходил тонкий запах листьев, колодец с чистой ледяной водой и по-прежнему медленно текущая за двором речка. Ветки лиственницы уже были почти голыми, на ней практически не осталось хвои. Вот так и со мной и моей семьей поступили: были обуты, одеты, имели дом, хозяйство, а сейчас ни кола ни двора, голые, как эта лиственница осенью. Не ожидал он такой встречи с родиной.

Сердце, до этого разрывавшееся от радости от предчувствия встречи с родными и близкими, переполнилось горечью: несмотря на то, что он с женой и дочерью сумел возвратиться из ссылки, радости было мало. Он думал, что была беда тогда, когда раскулачивали и отправляли в ссылку в Нарым, а оказалось, что беда находилась дома, где ждали его одни неприятности: полностью разрушенное хозяйство, перевезенный в деревню Сергеевку добротный дом, разобранные и разворованные надворные постройки – конюшня, амбары, стайки и пасека. Голое место его прежнего жительства, подобное пепелищу, встретило его в Черепаново.

«Говорят, что дом не убежит, а где мой дом? Ни дома, ни надворных построек – пусто, одно место осталось. Я думал, что испокон веков будет

жить в нем моя семья: дед, отец, я, сыновья, внуки, что все будем в нем жить дружно, и любить друг друга, и почитать старость, что дом наш будет прибежищем стариков и внуков. А где он? Нет его... Как жить? Все отобрали, пустили по миру. За что? Я же честно жил, своим горбом и трудом моей семьи».

Кто-то из подошедших соседей с любопытством спросил,

– Что, Нафреевич, жалко отобрали?

– Ты же сам – человек труда, если у тебя отобрали бы все, что ты за жизнь заработал своим трудом, тебе не жалко было бы?

А печальное известие о том, что отца – Нафрея – расстреляли в Новокузнецком СИЗО, а сына Гаврилу осудили к 10 годам только за то, что Нафрей был отцом кулака, а Гаврила является его сыном, окончательно добило его. Увидев разрушенное гнездо и услышав о страшной трагедии с отцом и сыном, Михаил Ануфриевич почувствовал, что на его грудь навалилась тяжесть, с весом которой он не может справиться, изменился в лице и весь побледнел. Ноги у него стали будто чужими, подогнулись в коленях, внезапный шок парализовал его волю и мысли, он смотрел и ничего не видел, чувствуя, что теряет сознание. В глазах было темно, и ему казалось, что глухая ночь опустилась на землю, ночь, которая убивала на земле все живое. Он закачался и упал. Марья Капитоновна, увидев, что с мужем плохо, бросилась оказывать ему помощь. Срочно сделала кровопускание, от чего Михаил Ануфриевич пришел в себя.

Все можно пережить, только слишком много несчастий сразу свалилось на голову прадеда. Судьба, как качели, качала прадеда. Справедливое освобождение его из лагеря спецпереселенцев – фактическая реабилитация – обрадовало его, а горестные новости, встретившие его дома, не просто огорчили, а практически уничтожили его. От нервного напряжения у него отнялись ноги. Старого и немощного отца вместе с матерью и сестрой Марией приютила старшая дочь Дуня, которая была замужем за Пушкаревым. Она была рада возвращению родителей, давно ждала этого и с готовностью пригласила их в свой дом на Пчелке, согласовав этот вопрос с мужем Михаилом Ивановичем Пушкаревым. Тот, однако, не очень был рад этому.

Прадед Михаил перенести печальные новости не смог. У него практически отнялись ноги и он слег, не стал ходить без посторонней помощи. Марьюшка не ожидала от мужа такой слабости и помогала ему передвигаться от кровати до крыльца дома, где он дышал свежим воздухом. Успокаивая любимого, Мария Капитоновна говорила:

– Все будет хорошо, проживем у Дуняши в тепле, у них коровы хорошие, молоко сладкое. Отойдешь на парном молочке, три раза в день будешь пить из-под вымени коровушек самое свежее...

Но молочко прямо из-под коровы не помогло. Через некоторое время ноги у Нафреевича отказали совсем, и он не мог передвигаться даже по дому. Но он не стонал и не жаловался на свои болячки, от него не было слышно ни слова, ни вздоха, не выдоха. Его навещали родственники, расспрашивали про самочувствие, про жизнь на спецпереселении в Нарыме. Он, как мог, отвечал и просил каждого поставить свечку за здоровье начальника лагеря спецпереселенцев, благодарил этого начальника за справедливость, говоря, что ему повезло в жизни, что встретился ему и в аду справедливый человек. Вокруг него бегали внуки – дети Дуняши и соседские дети, пришедшие к Пушкаревым в гости, не понимающие, да и не хотевшие понимать, что произошло с дедом. Они бегали возле него, крутились, вертелись, веселились и играли в прятки. Соседский хитрый и смелый мальчишка во время игры в прятки залез к Михаилу Ануфриевичу на кровать, спрятался у него под одеялом, а когда голящий сбился с ног в его поисках, неожиданно выскочил из-под одеяла лежащего прадеда и зачихался.

Увидев это, Дуняша заругалась на мальчонку: «Бессовестный!», но прадед остановил дочь: – Погодь, не ругайся, он молодец, хорошо спрятался!

Дети не знали, что деда скоро заснет во блаженном уснии. Он не сердился на них, душе его было легче покидать этот грешный, но прекрасный мир. Дети его радовали, так как, несмотря на непоправимую трагедию, разыгравшуюся с ним самим и его семьей, Михаил Ануфриевич понимал, что его род будет продолжаться, и он молил бога о лучшей, чем у него, судьбе для своих потомков. А эти маленькие веселые юркие ангелы помогали ему переносить сильные боли, мучившие его на пути к концу. В последние дни перед смертью он лежал на кровати с закрытыми глазами, лицо его было бледным и безжизненным, безжизненными и бледными были и его руки, которыми он почему-то держался за края кровати, на которой лежал. Когда Михаил Ануфриевич открыл глаза и увидел рядом сидящую Марьюшку, то сказал ей,

– Мне очень холодно...

Марьюшка накрыла его двумя ватными одеялами, но Михаил Ануфриевич вновь произнес:

– Мне холодно, холодно мне...

Марьюшка разделась и легла к нему в постель, обняла, прижалась к нему и стала согревать своим телом. Лицо единственного любимого ею мужчины было бледным. Скулы и нос заострились. Явной стала изможденность лица. Прижавшись к нему, Мария заметила, как он сильно похудел: живот впал, жировая прослойка исчезла, ребра проступили через кожу и стали острыми. Бедный Миша, как же он дошел до такого состояния? Какой же он был красивый. Мать родила и вырастила его красивым, здоровым человеком для счастливой жизни, а не для терзаний – бандитами с большой дороги или власть имущими. Зачем, за что и по какому праву власть, надругавшись над ним, отняла у него здоровье и превратив его в скелет, подвела к могиле? Этот вопрос терзал ее всю жизнь. «Хорошо, что мама Елизавета, так она называла свекровь, не видит этого, а я не смогла помочь ему сохранить здоровье», – подумала она.

Марии Капитоновне в год, когда умер ее муж, Михаил Ануфриевич Мухарев, было 69 лет. Она была пожилой, но еще крепкой женщиной. Полежав с ним полчаса, она с удовлетворением стала ощущать, что тело его становится теплее, а дыхание ровнее и спокойнее. Ей удалось согреть его. Согревшись, а может, успокоившись, что он не одинок и его любимая рядом, Михаил Ануфриевич успокоился и заснул. Она пролежала с ним до утра, и в душе ее возникла надежда, что, может, она своим теплом отогреет его и он встанет на ноги. Однако это было последнее, чем она смогла помочь ему. Надежде не суждено было сбыться – последние три дня он не открывал глаза. Все молились, просили Господа, чтобы Михаилу Ануфриевичу стало легче. В красном углу дома под образами горела лампадка, бросая тусклые блики. В доме царил грусть. Когда приехал священник, родственники стояли полукругом возле постели умирающего, и батюшке пришлось подходить к его постели, чуть-чуть расталкивая их. Глаза Михаил Ануфриевич открыл только тогда, когда приехавший из Афонинской церкви батюшка склонился над ним, чтобы исповедовать его. В это время из леса прилетела синица и стала клювиком стучать в окно спальни дома, где лежал Михаил Ануфриевич, как бы говоря: «Пойдем со мной. Пора, пора!»

С настоятелем Афонинской церкви Михаил Ануфриевич дружил, церкви ежегодно оказывал разнообразную благотворительную помощь. Увидев безжизненного бледного друга, батюшка спросил у присутствующих:

– Он что, без сознания?

– Не знаем, – ответил кто то, – лежит бледный, не шевелится, не разговаривает.

Батюшка наклонился ближе к прадеду, но прадед неожиданно открыл глаза и улыбнулся, по-видимому, обрадовался, что к нему пришел его старый друг, и прошептал:

– Пришел друг, я тебя ждал...

Священник обнял Михаила Ануфриевича, как родного, прижавшись к лежащему на кровати прадеду, поцеловал его в лоб и перед причастием сам попросил у него прощения, так как считал себя причастным к несправедливому и незаконному раскулачиванию прадеда. Потом исповедовал и причастил его. Прадед с улыбкой лежал и слушал, как батюшка читает молитвы, но глаз больше не открывал и ничего больше не говорил. Может быть, он был уже без сознания, и молитвы ему слышались словно с того света. После соборования лицо прадеда стало умиротворенным. Черты лица прадеда смягчились, священник помог ему отрешиться от земных забот и он уже шагнул в иной мир, где нет ни боли, ни страдания. Священник помог прадеду поставить последнюю черту в своей жизни. Прадед своим видом бессознательно утешал родных и близких ему людей, показывал, что уходит в иной мир покорно, со спокойной душой, без терзающих его душу мук, как бы говоря: «Пришел мой час и надо его встретить просто и спокойно».

Батюшка обратился к сбившимся в кучку испуганным родственникам и сидевшей возле постели прадеда, оцепеневшей от горя Марии Капитоновне:

– Не надо горевать, рабы божьи, люди добрые, надо радоваться, что ваш родственник и мой друг, раб божий Михаил уходит в мир иной со светлой и чистой душой. Давайте будем вместе молиться за него, чтобы душа его попала в царство небесное. Царства ему небесного за всю его праведную жизнь и за все несправедливые муки. Провожая священника, Мария Капитоновна уткнулась головой ему в черную рясу на груди и, ничего не говоря, заплакала от безысходности, поток слез, скопившийся в ней за время болезни любимого мужа, хлынул из глаз. Слезы залили все ее лицо и намочили рясу священника. Так сильно она плакала второй раз в жизни, первый раз, – когда их раскулачивали.

– Не плачь, Мария. Радоваться надо, что Михаил отмучался и скоро предстанет перед Богом. Оставайся с Богом, сильно не переживай, святым был раб божий Михаил, в царстве небесном для него приготовлено место, – сказал батюшка, перекрестив Марьюшку. Посмотрел на небо и добавил: –

Гроза собирается, сейчас дождь будет, мне бы засухо до Афонино доехать.

Отстранил батюшка утихшую Марьюшку, сел в бричку и поехал со двора. В подтверждение его слов небо над Пчелкой потемнело от

начинающихся сгружаться над ней туч. Грянул гром, пошел сильный косой дождь, набежавший порыв ветра швырнул под ноги Марии Капитоновны и ноги лошадей желтые, опавшие с берез листья. Гроза резко навалилась на Пчелку. Сухо трещали молнии, яркими вспышками пугая все живое. Лесной голубок – горлица, застигнутый непогодой, пытался сесть на качающиеся ветки березы, но ветер и сильные струи дождя мешали ему это сделать, сбивая голубка на землю. В деревне стояла глухая тишина. Если бы кто-нибудь напряг свой слух, то он ничего бы в этот момент не услышал кроме стука крупного дождя и редких вспышек молний. Вся деревня как вымерла: ни собачьего лая, ни куриного кудахтанья, будто она молча прощалась с прадедом. Казалось, что и дождь и молнии вместе с прабабушкой оплакивают Михаила Ануфриевича.

Священник уехал, а прабабушка сразу в дом не пошла, сначала зашла в загородку, сделанную из ивняка, в которой стояла лошадь, привезшая их из Нарыма домой. Лошадь стояла понуро, опустив голову в корзину со свежескошенной травой, жевала траву и шевелила ушами. Шерсть лошади от дождя была мокрой и блестящей. Марьюшка погладила ее.

– Холодно тебе? – обращаясь к лошади, произнесла прабабушка. Лошадь, косила не нее темным влажным глазом, придала ушами, отзываясь на голос, к которому она привыкла за долгую дорогу, и как будто понимала ее, даже покачала головой.

– Мы думали, что ты к счастью нас везешь, а ты привезла нас к горю, и, повстречавшись с этим горем, Нафреевич сейчас умирает. Лошадь, как бы чувствуя себя виноватой, уже не качала головой, а только пережевывала свежую траву из корзины, стоящей перед ней.

– Холодно тебе, вижу, холодно, а мне жарко, душа болит и горит, Мишанька умирает. Он добрый, ты знаешь, помнишь, как он тебя жалел, когда возвращались домой?

До последних минут жизни своего мужа Марьюшка сидела рядом с ним, у постели, в которой он лежал, пыталась его кормить, но он практически не ел, отказываясь от еды, и поила водой, поднося кружку к губам и держа его голову ласковой, с грубой натруженной кожей ладонью. Голова ее была повязана черным платком. Она, ничего кроме него, не видела вокруг себя, и рядом с собой ничего, кроме его руки, не ощущала и не способна была о чем-либо думать. Все чувства ее были словно чужими. Она понимала: уходит из жизни самый дорогой для нее человек, и она не может этому помешать. Хотя в начале болезни она надеялась, что любимый полежит, отдохнет и поправится, но этого не произошло.

Через день после исповеди и причастия и через полтора месяца после возвращения из ссылки прадед умер. Смерть мужа для Марии Капитоновны была самым непоправимым горем в ее жизни, оно давило своей тяжестью на ее сердце. Очень тяжело было и от того, что сын Гаврила находился в местах лишения свободы, и не от кого ей было больше ждать помощи и защиты. Она всем своим существом поняла, что ей надеяться больше не на кого, и ей самой самостоятельно надо твердо стоять-держаться на своих ногах в этой жизни.

Ушел из жизни Михаил Ануфриевич в 71 или в 72 года, после исповедания и причастия, как и полагается православному христианину, тихо и достойно. В день похорон вся Пчелка была в тумане, потому что в предыдущие дни по ночам шли дожди. Все было белым-бело, казалось, что все завалено снегом, как зимой. Березы и рябины желтели, а листья осины и черемухи налились красным цветом, заросли ивы и ольхи зеленеть, но этот окрас задерживался у них не надолго, до первых заморозков. Одни хвойные деревья – ели, пихты, сосны и кедры были спокойными, перемена погоды их не касалась, они были вечнозелеными.

За время болезни Михаил Ануфриевич сильно похудел и высох, веса в нем было мало, поэтому его зять Михаил Пушкарев практически один погрузил гроб с телом в телегу. На кладбище, куда привезли Михаила Ануфриевича, было тихо. Небольшой ветер обдувал кресты и могилы и раскачивал многократно отмытые частыми дождями висевшие на крестах полотенца с вытканными на них крестами и голубками, помогавшими душам умерших улетать на суд божий в Царство небесное пред очи «Отца Вседержителя, творца неба и земли, видимым всем и невидимым, сына божьего Иисуса Христа, рожденного, несотворенного, едиnorodного» (Символ веры, 50-й псалом.) Священник прочитал над его прахом молитву и сказал,

– Стоим мы на земле, которую любил честный, трудолюбивый крестьянин Михаил Ануфриевич Мухарев, земле, обильно политой его потом и в которой погребаем прах его. И от этой земли, уважаемые родные покойного, к вам будет идти сила его до тех пор, пока вы будете помнить его. Вечная ему память!

Михаил Ануфриевич Мухарев был похоронен на кладбище деревни Пчелка в присутствии немногочисленных родственников.

Все люди совершают грехи, никто не безгрешен, в том числе и мой прадед. Но он старался жить по заповедям господним и не причинять людям зла и вреда. И я уверен, что душа его живет в царстве небесном, где он ждал встречи со своей любимой Марьюшкой долгих 32 года. Прабабушка умерла

29 января 1954 года в возрасте 93 лет. Она была погребена на Афонинском кладбище возле села Черепаново. До настоящего времени моя семья ухаживает за ее могилой. Кладбище, на котором похоронен мой прадед, и деревня Пчелка уничтожены угольным разрезом, и поклониться праху его на месте погребения невозможно. Так счастливое детство, благополучная и тоже счастливая взрослая жизнь была в старости несправедливо раскатана тяжелым катком репрессий власть имущих.

Мария Капитоновна

После смерти мужа у Марии Капитоновны часто темнело в глазах, все внутри обрывалось, нечем было дышать, как будто горло перехватывало веревкой, и хотелось не плакать, а выть от горя. Но жизнь продолжалась, иллюзий не осталось, долго горевать времени не было. Смирившись с тем, что муж ушел от нее в иной мир навсегда, Мария Капитоновна решила, что будет поднимать дочь Морьку одна. Проведя поминки на сороковой день после смерти Михаила Ануфриевича, прабабушка поняла, что жить у Пушкаревых больше нельзя и даже невозможно и невыносимо тяжело. Зять косился на нее с Морькой, был неприветлив и ссорился со своей женой Дуняшей, старшей дочерью Марии Капитоновны, по самым различным пустякам. Понимая, что истинной причиной ссор является их проживание вместе с семьей Пушкаревых и не желая этих ссор, несмотря на возражения дочери, она съехала с Морькой из дома Пушкаревых. После возвращения Мухаревых с нарымской каторги к ней уже неоднократно обращались жители Пчелки и других деревень с просьбой пошить для их семей шубы из овечьих шкур. Мария Капитоновна всем отказывала, так как жила со всей семьей у зятя Пушкарева на птичьих правах и не хотела теснить его семью, тем более что муж болел и лежал пластом. Соседи видели и понимали это, поэтому после смерти Михаила Ануфриевича наперебой стали звать ее с Морькой к ним на временное проживание. В качестве платы за проживание просили обшивать их семьи новыми шубами из овечьих шкур. Звали потому, что знали: сделает все по совести, качественно – красиво и крепко. Прабабушку это устраивало и она стала по просьбе односельчан ходить к ним на временное проживание, а в качестве платы шила для семей, в которых жила, шубы, шапки и рукавицы из овечьих шкур. Ходила она с Морькой по людям не только на Пчелке, но и в Иганино, и в Черепаново, да и в другие соседние деревни. Спасибо людям, что звали, жилье и питание ей с дочерью предоставляли. Когда жили у Пушкаревых на Пчелке, зять

Михаил подрядился ездить на подводе в город Новокузнецк на строительство Кузнецкого металлургического завода – перевозить землю из роющихся котлованов. Ездил он на двух подводах, одной подводой управляла Морька.

Иван Нарышев

В Большом Керлегеше Прокопьевского района жили Нарышевы. Семью Нарышевых в селе уважали. Когда начались в Сибири раскулачивания, местные богатеи, чтобы избежать раскулачивания, избрали молодого парня – Ивана Петровича Нарышева председателем сельского совета. «Ты молодой, зла никому не причинил в деревне, никто о тебе плохо не говорит, поэтому избираем тебя председателем. Вызовут в район, говори, что кулаков в деревне нет, никто батраков не держит». Так Иван Нарышев и поступил. Когда вызвали в район и предложили составить списки кулаков, сказал, что в Большом Керлегеше мало кто землепашеством занимается, огороды для себя держат. Живут в основном за счет охоты и рыбалки, а для этого батраки не нужны. Ему поверили, и получилось, что он таким способом защитил всех состоятельных жителей Большого Керлегеша от раскулачивания. На дальнейшее требование районных властей найти кулаков Иван Петрович делать это категорически отказался, вновь сообщив, что ни одного кулака в Большом Керлегеше нет, потому что никогда и не было. Ивану Петровичу пригрозили, что его самого посадят или раскулачат, на что Иван ответил: «Как вы меня раскулачите, если у меня нет никакого имущества, а лишать свободы меня не за что, я ничего не украл, а от того, что посадите, кулаки в селе не вырастут».

– Значит, тебя мы арестовываем, – сказал районный начальник.

– Я уже арестован? – спросил Иван Петрович у членов районной комиссии по раскулачиванию. – Наган мне кому отдать? – продолжил он, достал из кобуры и положил на стол перед членами комиссии наган, выданный ему в районе после назначения председателем сельсовета.

– А как тебе лучше – быть председателем сельсовета или находиться под следствием? – ответил вопросом на вопрос Ивана районный начальник.

– Председателем сельсовета, – ответил Иван.

– Вот видишь, все понимаешь, под следствием находиться не хочешь.

Все члены комиссии стали смеяться и ругать его за то, что защищает местных богатеев. Но Иван не поддавался и стоял на своем с равнодушным лицом, настаивая на том, что в деревне раскулачивать некого.

– Вы, уважаемые члены комиссии, люди умные, судите сами: хлебопашеством в деревне никто не занимается, а на охоте и рыбалке батраки не нужны. Если кого-то на охоту и на рыбалку возьмешь, с ним делиться надо будет. Неужели вы не понимаете этого?

Председатель комиссии понял, что с Нарышевым спор предстоит долгий, и ответил ему,

– Верим не верим, но не очень убедительно ты все нам рассказываешь. Наган заberi, пока тебя не отстраняем от должности. Хотя зачем тебе наган, ты за кулаков горой, никто из врагов советской власти тебя и пальцем не тронет, ты их защитник.

Иван Петрович взял со стола выданный ему наган и засунул его обратно в кобуру.

– Я никому не угождаю, поступаю по совести и по справедливости. Говорю вам, что кулаков в деревне нет.

– Сегодня у нас ни дела, ни работы, сплошная потеря времени, – буркнул председатель.

– Почему сплошная потеря времени. Вы услышали меня, я услышал вас. Разрешите идти?

– Иди, но вопрос-то не решили, подумай, не настаивай на своем, – закончил разговор с неуступчивым говоруном председатель.

Поверили или не поверили члены комиссии председателю сельсовета, но ехать проверять правдивость слов в дальнюю деревню по плохой дороге никто не захотел. Время было позднее, всем членам комиссии надо было домой. Поругали, постращали Ивана в районе и, не добившись своего, отпустили назад в Большой Керлегеш. Иван Петрович оказался крепким орешком: несмотря на последующие просьбы и угрозы со стороны районной администрации стоял на своем и списки в район не дал. На том от него и отстали.

Иван Петрович, узнав, что в Черепаново Мухарева Михаила Ануфриевича раскулачивают, очень удивился этому, так как знал, что тот не является кулаком, а живет своим трудом. Вместе с отцом и матерью он приехал к Мухаревым в Черепаново, чтобы засватать Морьку за него, – он на нее давно заглядывался. Вся семья была в сборе, когда Иван Нарышев со своим отцом вошли в дом Мухаревых. Увидев неожиданных гостей, Михаил Ануфриевич поздоровался с ними и сказал:

– Садитесь, гостями будете. Что вас привело в наш дом?

Батка Петя – отец Ивана сел и ответил:

– С серьезным разговором к вам мы приехали.

– Говори, – разрешил хозяин.

– Сын мой Иван полюбил вашу дочь Марию и хочет на ней жениться.

– Неожиданно, ведь Морька-то несовершеннолетняя, да и нас раскулачили и отправляют в ссылку в Нарым.

– Мы все знаем, поэтому и приехали, чтобы Маша не отправлялась с вами на мучения, а то, что несовершеннолетняя, так это ничего, она пускай у нас годик поживет, а как станет совершеннолетней, мы их и поженим.

– Нет, – категорически ответил Михаил Ануфриевич, – Когда станет совершеннолетней, тогда и приезжайте сватать ее. Если любит ее Иван, то приедет за ней и в Нарым. Да и любовь взаимности требует, давайте спросим у Морьки, хочет ли она замуж за Ивана. Морька, спустись на первый этаж, тебя сватать пришли! – крикнул Михаил Ануфриевич дочери.

– Сейчас, батяня, приду, – ответила Морька и спустилась к гостям на первый этаж.

– Здравствуйте! – поздоровалась она с гостями.

– Здравствуй! – ответили гости.

– Знакома ли ты с гостями? – спросил Михаил Ануфриевич у дочери.

– Нет, батюшка, не знакома, младшего один раз видела на службе в нашей Афонинской церкви, а старших не заметила.

– Видишь, уважаемый, – обратился к батюшке Пете Нарышеву Михаил Ануфриевич, – дети-то наши практически и незнакомы.

Прадед и прабабушка посоветовались между собой и отказали сватам в их просьбе, считая, что дочери вместе с ними будет лучше, не подозревая, какие лишения и испытания ждут их в тайге рядом с Нарымом. В 1930 году Иван Петрович, узнав, что Мухаревы возвратились из ссылки и что Михаил Ануфриевич умер после возвращения, приехал на Пчелку и сосватал Морьку. Мария Капитоновна дала согласие, и Морька вышла замуж за Ивана Нарышева и уехала жить к мужу в Большой Керлегеш.

В людях

Мария Капитоновна ушла от старшей дочери, чтобы в семье не было раздора, чтобы зять из-за нее не косился на жену. Вплоть до 1937 года она ходила по людям и обшивала семьи, в которые ее приглашали. Шила для этих семей шубы, шапки и рукавицы из овечьих шкур. Этому мастерству научила ее мать, никакую плату за шитье шуб и других изделий из овчины прабабушка не брала. Знатные из-под ее рук выходили шубы, полушубки, шапки и рукавицы. Деревенские звали ее, потому что знали: сделает-сошьет все на совесть. В качестве платы было ее проживание в этих семьях в

течение полугода, а то и года. Питалась вместе со всеми за общим столом в качестве члена семьи. Проблем с проживанием у Марии Капитоновны не было, потому, что желающих получить новые шубы было много, и жители всех соседних деревень занимали очередь, чтобы пригласить ее к себе на проживание. Кроме шитья шуб прабабушка умела врачевать, как сказали бы сейчас, занималась нетрадиционной медициной: пускала кровь, используя для вскрытия вен нож из мягкого железа, или с помощью пиявок. Слух об умелом кровопускании, производимом бабушкой, распространился далеко, и для кровопускания к ней приезжали пациенты даже из Новосибирской области. А еще бабушка лечила детей от страха. Заводила ребенка в темную комнату, не с полной темнотой, а в сумеречную, клала его на кровать, читала определенные молитвы и измеряла больного ребенка меркой, связанной из двух поясков. Лечила и другие болезни с помощью целебных трав и с помощью молитв. Ну и, конечно, если в семье, где она жила, кто-то болел, то она лечила его. Поэтому семьям, в которых она проживала и шила шубы, было удобно, что под рукой всегда был народный целитель. К тому же прабабушка была проворной и не отказывалась помочь по хозяйству в случае необходимости. Вообще у неё никто не спрашивал, тянешь ли, не устала ли ты, не отваливаются от усталости руки? Овечью шкуру-кожу иглой прошить трудно, это не материя, здесь не только умение нужно, но и сила в пальцах. Сила нужна и чтобы шкуру раскрыть. Пальцы у Марии Капитоновны были грубые и мозолистые от ножниц, которыми она кроила овечьи шкуры на полушубки, шапки и рукавицы. Так что «не мед» вручную шубы шить: порой и руки уставали, и кровь к лицу приливалась, и сердце стучало. И хорошо, что люди ничего не спрашивали. Заметили бы, может, и перестали бы звать. Прабабушка вела такой образ жизни до 1937 года, то есть до того момента, когда из мест лишения свободы – со строительства Беломорканала не возвратился сын Гаврила, мой дед, который сначала построил на улице Шахтовой г. Киселевска землянку, а затем, через год, и дом, куда забрал для проживания свою мать – Марию Капитоновну. Оценивая свою жизнь у чужих людей, Мария Капитоновна говорила:

– Жилось мне у людей, которых я обшивала, неплохо. Многие ко мне относились, как к члену семьи, но, живя у чужих людей, я чувствовала себя временным жильцом – безродным человеком. Это чувство меня угнетало. У сынка Гаврилы я полноправный член семьи, нужный ему как мать, а не как работница.

Уже будучи старой, прабабушка, бывало, сидит-сидит, что-то ворохнется, стронется у нее внутри в глубине души, стеснит сердце и всплакнет.

– Что с тобой? Что ты?

– Да муженек мой, Ануфриевич, мне вспомнился. Будто сидим мы вдвоем с ним за столом, а он горячую картошку в мундире чистит, перекидывает ее из руки в руку, дует на нее и макает картошку в сковороду, на которой домашняя колбаса шипит и потрескивает, а он картошку укусит, а потом колбаску. И так ему это нравится, и так ему это вкусно. А мне от этого так радостно, что я ему угодила, так приятно, как будто он меня наградой наградил, что я ему угодила, – отвечала она.

Мария Капитоновна хорошо помнила молодость, когда они с мужем были молодые и красивые. Рассказывая внукам о раскулачивании, бабушка говорила: «Не могу я вам все рассказать, передать на словах как все происходило, а если бы рассказала, то вы бы поняли, какое счастье жить здесь на свободе, делать и поступать, как велит совесть, и как плохо жилось там, в сырых землянках. Как хорошо жилось нам, пока все у нас заработанное своим честным трудом не отобрали. Когда нас отпустили, то казалось, что мы выбрались из могилы, в которой нас чуть не засыпали. Как иначе, чем могила, назвать ту жизнь, в которой мы отвыкли улыбаться, петь, плясать и даже громко разговаривать. Ума я набралась только сейчас, когда побывала в нарымской могиле и возвратилась назад, к солнцу, к вам. Только сейчас, сравнивая все, я поняла, какая у нас природа хорошая и как человеку труда до репрессий хорошо жилось здесь. Несмотря на то, что работа тяжелая была, а руки шершавые и пропитанные потом и землей. Жили свободно, не боясь, не оглядываясь, не думая о том, что я сказал и так ли сказал. Хотелось бы, чтобы никто не мешал честным труженикам сеять хлеб, выращивать скотину и птицу, чтобы больше никто и никогда не отбирал заработанного честным трудом и не загонял людей под конвоем в немыслимо тяжелые для жизни необжитые таежные дали. Если русскому человеку не мешать свободно трудиться на своей земле, то люди труда накормят всю страну и сделают сытым весь мир. Все зависит от бога, девчонки, и я знаю, что ваша жизнь будет хорошей и яркой. Рано или поздно придет к вам хорошая жизнь. Я знаю, что у каждой из вас будет свой принц на белом коне»

Когда прабабушка рассказывала внукам о раскулачивании, то голос ее дрожал от свершившейся несправедливости, на душе было сумрачно и печально. Когда же она рассказывала о своем любимом муже, об их совместной жизни, голос у нее становился ласковым, она оживлялась, глаза начинали блестеть, и в эти редкие моменты исчезали грусть и тоска, сопровождающие ее после смерти Михаила Ануфриевича.

– Когда Михаил клал руку мне вот сюда, – бабушка показывала внукам Зойке и Анне на свою грудь, – душа замирала.

Щеки внучек распирались, и девчонки лопались от смеха.

– А ты, бабуля, это-то откуда знаешь? – смеясь, спрашивали внуки.

– Я это помню, – смеясь вместе с ними, отвечала она. – Это, вы, мелочь, еще ничего не знаете. Мы любили друг друга. Вы смотрите у меня, замуж только по любви выходите и не вздумайте грешить. Любить надо только одного, любить надо по-настоящему, один раз и навсегда, на всю жизнь. Поняли, дурехи? – прекращая смеяться и уже серьезно говорила она им.

Про мужа она говорила: «Если бы мне пришлось повторить жизнь и выбирать мужа из миллиона человек, я бы снова выбрала Михаила Ануфриевича. Вам трудно понять, но что в моей жизни было самое счастливое и светлое, так это прошлое, которое связано с мужем. В последние годы жизни она стала сентиментальной: могла подолгу смотреть на небо, разглядывая причудливые фигуры из облаков, на пылающий закат, на утреннюю зорьку, наблюдать за курицами и петухом, за гусями и утками, за пастухом, который утром угонял, а вечером пригонял скотину с пастбища, за внуками, которые часто были с ней и играли друг с другом. Могла любоваться букашками, которые ползали по траве и земле. Присядет на корточки и наблюдает за ними. Смотрела на окружающих людей с улыбкой открывателя мира. В глазах ее было много радости и любви к попавшимся навстречу людям, которые ей в ответ улыбались, и думали: почему она радуется встрече со мной, что я ей хорошего сделал? Со временем память ее притупилась, и образ мужа начал растворяться, исчезать из ее воображения. Ей было трудно объяснить, почему, но после смерти мужа никто не видел, чтобы Мария Капитоновна плакала, а когда ей говорили: «Ты бы, Мария, поплакала, легче будет», она отвечала: «На многие жизни я уже наплакалась и настрадалась, слез уже не осталась, поэтому я не плачу и не страдаю. Теперь я, глядя на вас, стараюсь только радоваться и смеяться. Счастье и радость из своей жизни я всю не вычерпала, хоть в конце жизни порадуюсь и посмеюсь, глядя на вас» Прабабушка смотрела на всех людей, можно сказать, и на весь мир с доброй улыбкой и любовью, но, вспоминая о несправедливой ссылке на нарымскую каторгу, говорила:

– Много времени прошло с того момента, когда мы возвратились на родную землю, под родное небо, но я ничего не забыла, ничего. Мне кажется, что если я снова проживу сто лет, то я все равно не смогу забыть этого!

Мария Капитоновна пережила своего супруга на 24 года. Ее высохшее тело не принимало болезней и выдержало все мучения и душевные терзания, доставшиеся ей в этой жизни. Ушла она в иной мир в 1954 году в возрасте 93 лет. До последнего дня своей жизни прабабушка не была лишней в своей семье. Я родился в 1953 году, и мне посчастливилось познать ее ласковые натруженные руки, которые меня держали и нянчили, и ласковый голос, которым она пела мне колыбельные песни. Душевный покой она приобрела только в ином мире. Я благодарен ей и помню ее, поэтому до настоящего времени ухаживаю за ее могилой и завещаю делать это моим детям и внукам.

Несчастливо сложилась жизнь и у младшей сестры Марии Капитоновны Агафьи Капитоновны. Она удачно вышла замуж за купца второй гильдии Тихонова из города Гурьевска. Это был богатый человек, имел табуны лошадей, большой двухэтажный дом в городе Томске, в котором в настоящее время находится Томский районный суд, но планы Агафьи Капитоновны и ее мужа были разрушены советской властью, в годы репрессий красное колесо революции раздавило и их счастливую жизнь. В годы репрессий Тихонов был раскулачен и расстрелян.

Мой дед Мухарев Гаврила Михайлович

и

моя бабушка Мухарева Мария Алексеевна.

Мой дед Гаврила Михайлович родился в 1902 году в селе Иганино в семье крестьянина Мухарева Михаила Ануфриевича. В 16 лет женился на 18-летней Арыковой Марии Алексеевне, уроженке села Сафоново Прокопьевского района, дочери Арыкова Алексея Ивановича, одного из пяти братьев мощного чалдонского рода Арыковых, проживающих в селе Сафоново Прокопьевского района, старожилы этого села. Алексей был четвертым сыном Ивана и Авдотьи Арыковых, у которых кроме него было еще четыре сына: Василий, Петр, Степан и Иван. Все братья крепко стояли на своих ногах и имели хорошие хозяйства.

Гаврила женился не по любви, а по желанию своего отца и отца невесты. Произошло это так. Крестьяне не только производили сельхозпродукцию, но и продавали ее излишки – в основном на местном рынке. Во время этих поездок на рынок отец Гаврилы Михаил Ануфриевич подружился с таким же крепким и зажиточным крестьянином, как и он, Алексеем Арыковым из села Сафоново. Они на местном рынке всегда располагались рядом, один подле другого.

И вот как-то Михаил Ануфриевич предложил Алексею Ивановичу:

- У тебя дочь, у меня сын, давай поженим их и породнимся.
- Давай, – с готовностью согласился Алексей.

Гаврила был на два года младше Марии, дочери Арыкова. Он был 1902 г.р., а Мария – 1900 г.р. Женитьба состоялась в 1918 году. Молодые зажили счастливо, полюбив друг друга. Жили одной семьей с родителями Гаврилы – Михаилом Ануфриевичем и Марией Капитоновной, их дочерью Морькой – Марией Михайловной, 1912 г. р., и дедом Ануфрием Афанасьевичем и бабушкой Елизаветой, то есть в одном доме жили три семьи. Сначала жили в деревне Иганино, а затем, когда построили новый пятистенный двухэтажный дом, в деревне Черепаново. Так было заведено в чалдонских семьях. Старшее поколение не было брошено. Отцы обязательно жили с сыновьями. За старыми – за дедами ухаживали сын и внук. Поскольку жили одной семьей, то все вместе имели и вели одно и то же подсобное хозяйство. Мой дед Гаврила был вторым ребенком в семье Михаила Ануфриевича. Первым ребенком была дочь Дуня (Евдокия), которая вышла замуж за Михаила Пушкарева, когда еще Мухаревы жили в Иганино, и проживала с ним в деревне Пчелка. От брака с Пушкаревым она имела детей: Анастасию, Ивана, Валентину, Виктора.

В брак Гаврила с Марьей вступили в 1918 году, когда в стране шла гражданская война. Никаких активных военных действий в районе Прокопьевска и Киселевска не было, все жили и работали спокойно. В этих районах прохладную разгульную жизнь вел так называемый в то время партизанский отряд Рогова. Делать партизанам было нечего, поэтому они вели праздный образ жизни, потихонечку обирая местных богатеев. Как-то после свадьбы молодые Гаврила и Мария решили съездить в гости к родителям Марии в село Сафоново Прокопьевского района. Была поздняя осень, хлеба, картофель и другие овощи были убраны. Молодые встали пораньше, позавтракали, Гаврила запряг серого жеребца. Надели выходную одежду и поехали в Сафоново. Дорога была долгая, но погода хорошая и наконец-то показалось родное для Марии село. Молодые, радостные и довольные, что благополучно добрались до Сафоново, въехали во двор усадьбы Алексея Арыкова, но радость их была омрачена: оказывается, приехали они к отцу в неподходящий момент. В этот день несколько так называемых партизан из отряда Рогова приехали попить самогона к отцу Марии батьке Алексею. Попойка была в разгаре, когда дочь с зятем въехали во двор отца. Один из роговцев вышел в момент приезда молодых на улицу освежиться. Серый жеребец, на котором приехали молодые, понравился ему. Он на правах всевластного в этом районе хозяина стал сначала гладить

и похлопывать жеребца, а затем, не обращая никакого внимания на молодых, стал выпрыгать жеребца из брички, на которой приехали Гаврила и Мария. Гаврилу возмутило беспардонное поведение бандита, он оттолкнул пьяного роговца от своего коня, сказав:

– Отойди, не тронь моего коня.

Тот выхватил пашку, висевшую у него на боку. В ответ Гаврила взялся за оглоблю, лежавшую рядом с крыльцом дома. Бандит озверел. Мария закричала:

– Отец, помоги!

Батяка Алексей выскочил во двор, увидев конфликт, успокоил бандита и увел его в дом. Затем возвратился, обнял зятя с дочерью и также завел в дом. Конфликт был исчерпан. Но осадок от поведения официального представителя советской власти, а в действительности натурального бандита, у молодых остался на всю жизнь. Человек с ружьем в то время считал, что ему все дозволено.

Вся семья из трех поколений вставала рано, с пением первых птах, когда еще петухи спали, и работала от зари до зари не покладая рук. Детей приучали работать с раннего возраста. В 1920 году у Гаврилы с Марьей родился первенец – сын Михаил, а в 1925-м – второй сын – Иван, мой отец. Примерно в 1928 году родилась первая дочь Анна.

Жили и работали дружно, отдыхали от работы в поле только в небольшие передышки: между посевной и косью после уборки урожая – в зимнее время, а также в православные праздники. Казалось, что все шло своим чередом, жизнь была безоблачной, но не тут-то было. Благополучие закончилось с приходом годов репрессий в конце двадцатых и начале тридцатых годов. Первым под репрессии попал отец Гаврилы Михаил Ануфриевич Мухарев, он был раскулачен летом 1929 года, хотя кулаком не являлся и по всем правилам был крепким середняком, так как батраков не имел и чужой труд в хозяйстве не использовал. Он вместе с женой Марией Капитоновной и дочерью Марией был отправлен на спецпоселение в глухую, необжитую тайгу в Нарымский край.

В доме остались жить отец Михаила Ануфриевича Ануфрий Афанасьевич и его сын Гаврила с женой Марией и тремя малолетними детьми: Михаилом, 1920 года рождения, Иваном 1925 года рождения, Анной 1928 года рождения. Власти было мало расправы с ядром большой семьи Мухаревых – семьей Михаила Ануфриевича, и она на следующий 1930 год протянула свои щупальца к остаткам семейства – семье Гаврилы и его отцу – Ануфрию Афанасьевичу. У советской власти не хватало рабочих

рук для строительства заводов, фабрик, Беломорканала, нужны были не бездельники, а работающие мужики. Оба Мухаревых были осуждены тройкой ПП ОГПУ Западно-Сибирского края в марте 1930 года по ст. 58.11 УК РСФСР, каждый к 10 годам лишения свободы. Гаврила за то, что был сыном кулака, а батька Нафрей за то, что был отцом кулака.

Жену Гаврилы Марию Алексеевну Мухареву, в девичестве Арыкову, вместе с малолетними детьми – десятилетним Михаилом, пятилетним Иваном (моим отцом) и двухгодовалой Анной выставили за дверь дома, проще говоря, выкинули на улицу. На первое время их забрал и приютил у себя брат матери Леонид, живший в Сафоново Прокопьевского района, где они прожили до 1931 года. В 1931 году батька Алексей – отец Марии (моей бабушки) накопил денег и купил в Прокопьевске, на Тыргане, на горе возле трамвайного парка землянку. Алексей Иванович Арыков приходил к своей дочери и внукам только ночью, боясь расправы со стороны властей, и приносил им еду. Но как бы он не дистанцировался от своей дочери и ее семьи, в начале тридцатых годов его самого раскулачили.

Гаврилу и его деда – батьку Нафрея сначала отправили в СИЗО города Новокузнецка, где во время отбывания наказания они работали на строительстве Кузнецкого металлургического комбината. Ануфрий Афанасьевич был очень старым человеком, в то время ему было 90 или около 90 лет. Во время работ на строительстве КМК он простыл и заболел, и вместо лечения его расстреляли. Произошло это так: в барак, продуваемый со всех сторон всеми ветрами, которые дули в Новокузнецке, пришел конвой. Старший конвоя объявил:

– Мухарев Ануфрий Михайлович, с вещами на выход.

Ануфрий поднялся с нар и стал собираться. Гаврила понял, что его деда уводят на расстрел, но ничего не сказал, чтобы деда не напугать и чтобы дед сильно не переживал. У деда Гаврилы батьки Нафрея был новый полушубок. Гаврила, понимая, что деда уводят на расстрел, и он этому никак помешать не может, а новый полушубок сгодится ему в местах лишения свободы, обратился к деду, сказав:

– Деда, давай обменяемся полушубками.

Батька Нафрей, не понимая, куда его уводят и зачем, ответил ему:

– Ишь какой умный, у меня полушубок новый, а у тебя старый, мне самому новый полушубок нужен.

Гаврила пояснил:

– Деда, когда ты возвратишься, то я тебе верну твой полушубок. Батька Нафрей согласился, и они обменялись полушубками.

Конвой вывел батьку Нафрея из барака, и здесь же, во дворе новокузнецкого СИЗО, Ануфрия Афанасьевича Мухарева поставили к стенке и практически на глазах внука и многих заключенных расстреляли. Непосредственный процесс расстрела видел его внук, мой дед Гаврила, он наблюдал за происходящим через щели в бараке.

Гаврила недолго проработал на строительстве КМК, через некоторое время его вместе с другими осужденными этапировали на строительство Беломоро-Балтийского канала. На нарах в товарном поезде было тесно, душно и холодно, заключенные жались друг к другу из-за тесноты. Приходилось ждать очереди, чтобы прижаться лицом к щели в вагоне и подышать свежим воздухом, шибяющим в нос запахами местности, по которой их этапировали. Везли долго, когда вышли из вагона, заключенные с удовольствием разминали ноги на земле. В отличие от Новокузнецка, где заключенные находились в тюрьме, на Беломорканале они содержались в лагере. Колючая проволока, вышки, конвоиры, сопровождающие колонны заключенных.

Жизнь есть везде, жили и там. За долгие годы в лагере Гаврила привык к лагерным порядкам, в том числе и к еде из вечно зажиренных алюминиевых чашек, но рану в душе за несправедливое осуждение время не залечило, она кровоточила. Она была как заноза, которая вечно нарывала и дергала. На строительстве Беломорканала Гаврила проработал до 1937 года. За хороший труд Гаврила Михайлович Мухарев был освобожден условно-досрочно в 1937 году. Во время освобождения из мест лишения свободы Гавриле выдали паспорт и сказали, что он может ехать в любой конец страны и устраиваться на работу. Гаврила же очень любил свою родину и мечтал побыстрее вернуться к семье. Получая паспорт, Гаврила сказал людям, которые выдавали паспорт:

– Надеюсь, вы, – он имел в виду власть в стране, – снова скоро не отберете паспорт и не отправите меня опять без причины в лагерь?

Ему не стоило так говорить, но за годы нахождения в лагере у него на душе нагорело и ему надо было выговориться, так как он был «без вины виноватым» Паспорт был уже в кармане, настроение было радостное, ему хотелось петь и плясать и он уже почувствовал воздух и сладость свободы.

Представитель лагерной администрации ответил ему:

– Если ничего не натворишь, то никто тебя в места лишения свободы не отправит. Советская власть справедлива.

– Не буду ругать власть, но сюда меня упрятали ни за что. Против власти я не боролся, и никого не убил, и ничего не своровал, а десять лет мне дали за то, что я был сыном кулака, которого раскулачили и отправили

в Нарым. А через год разобрались, объявили отцу, что он не является кулаком, освободили от наказания и отпустили домой. Выходит, я отбыл семь лет на вашем проклятом канале ни за что.

– Прикуси язычок, мужичок, а то не скоро, а сейчас у тебя паспорт заберем и вернем тебя на твое еще не остывшее место на нарах. Ни за что здесь наказания никто не отбывает, посадили – значит было за что.

Работник администрации лагеря, выдававший паспорт, изменился в лице: из улыбчивого оно превратилось в злое, и он заговорил грубо и нервно.

Гаврила замолчал, понимая, что за этим человеком обещание вернуть его на нары не заржавеет. К тому же рядом с представителем администрации лагеря находились двое конвойных, следивших за порядком. Угроза была реальной, а возвращаться на нары ни за что не хотелось.

Получив паспорт, Гаврила возвратился на родину, но не в Черепаново, а в город Киселевск, и поселился на улице Шахтовая в Афонино. Сначала он вырыл землянку и привез туда из Прокопьевска всю свою семью, которая уменьшилась без него на одного человека. Младшая дочь Анна 1928 года рождения заболела в землянке. Там было холодно, маленькая Аннушка простыла, а заболев, не сумела справиться с болезнью и умерла. Видя, что Гаврила возвратился из мест лишения свободы. К нему потянулась вся родня.

Первыми в Афонино приехали Нарышевы: Иван с Морькой и отец Ивана батька Петя. Они по соседству с Гаврилой также построили землянку и стали в ней жить. Сразу же в Афонино приехали двоюродный брат Гаврилы Скударнов Яков и двоюродные сестры Гаврилы Скударновы Наталья и Агафья со своими семьями. Они также рядом с Гаврилой построили свои землянки. Немного погодя в Афонино приехала сестра Гаврилы Дуня Пушкарева со своим мужем Михаилом, но у Михаила были деньги, и он с помощью родственников

построил на этой же улице Шахтовой большой дом. Примерно в это же время на улице Шахтовой поселился и другой двоюродный брат Гаврилы –

Скударнов Алексей. Родня стали жить дружно и помогать друг другу. В течение зимы после возвращения из мест лишения свободы Гаврила заготовил лес для строительства дома. Заготовливать его было нетрудно: сплошной лес из хвойных деревьев стоял рядом с улицей Шахтовой, где поселился Гаврила. Заготовив лес, Гаврила с помощью всей родни поставил пятистенный одноэтажный дом рядом с землянкой. После окончания строительства этого дома в него заселились две семьи: семья Гаврилы в три комнаты с одной стороны дома, куда он привез и мать Марию Капитоновну, жившую до этого на углах у чужих людей, а за стенкой в две другие комнаты поселилась семья Нарышевых – Иван с Морькой и батькой Петей. Вход в обе половины дома был через общую веранду. По общему крыльцу поднимались в общую веранду и в веранде расходились по своим половинам, но жили дружно и часто питались вместе, как одна семья. После строительства дома Гаврила устроился работать 9 января 1930 года на шахту 4-10 треста «Каганович-уголь» лесодоставщиком, но фактически выполнял работу кузнеца, которой овладел еще живя в Черепаново. Население в Афонино было разношерстным. Много было преступных элементов. На каждой улице в Афонино были свои шишкарки – аналог современных воров в законе, ранее судимые и склонные к совершению преступлений мужики, они устанавливали, каждый на своей улице, свои

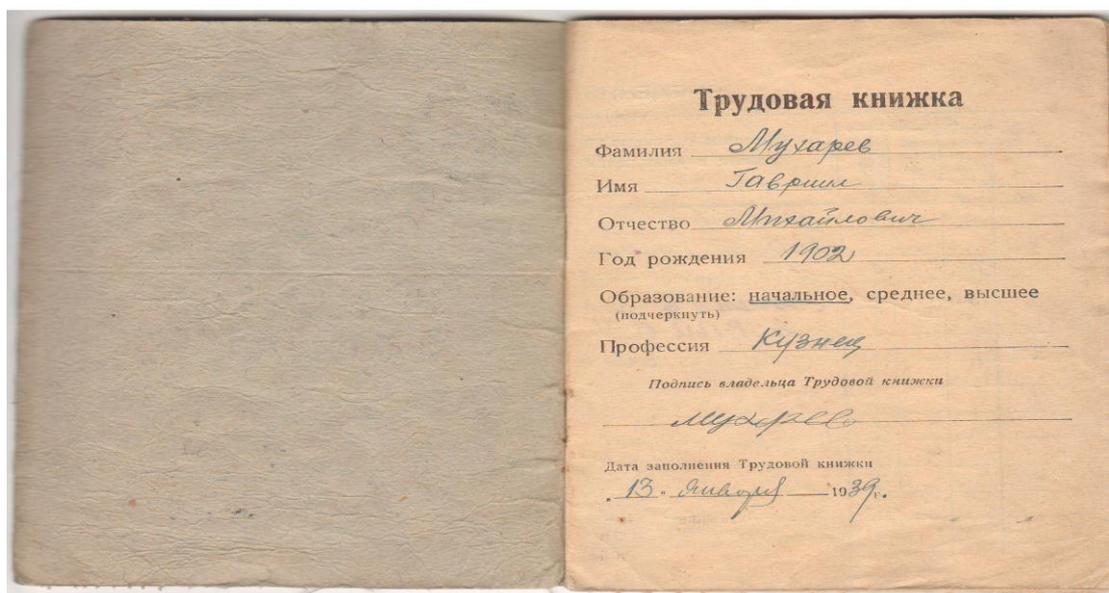

порядки. Чужакам, людям, не живущим на их улицах, не разрешали даже проходить по улицам. Деда Гаврилу знало и уважало все Афонино. У деда, как у авторитетного в то время человека, даже был свой друг гармонист.

На работу и с работы Гаврила всегда ходил с топором. Путь его проходил всегда по двум улицам, за порядком на которых следили два шишкарки. Один патрулировал свою улицу с дубиной на плече, а второй – с огромной кавказской овчаркой. При появлении же деда они всегда здоровались с ним и пропускали.

После возвращения Гаврилы из мест лишения свободы в 1938 году у них с Марьей родилась вторая дочь, Анна. Мария всех детей рожала дома, роды принимала мать мужа – Мария Капитоновна. Гаврила работал на шахте, женщины вели домашнее хозяйство, занимались огородничеством, а также ухаживали за небольшим подсобным хозяйством: завели куриц свиней и корову. Семья постепенно становилась на ноги. Но тут грянула война. 22 июня 1941 года после выступления по радио министра иностранных дел СССР В.М. Молотова о том, что фашистская Германия вероломно, без объявления войны, напала на СССР, вечером, когда вся семья собралась дома и обедала, Гаврила сказал жене и сыновьям: «Все слышали какую страшную новость сообщил министр иностранных дел СССР В.М. Молотов. Немцы к нам не в гости пришли, а для того, чтобы нас уничтожить и захватить территорию СССР. Скоро нас с Мишей призовут в армию, и мы пойдем воевать. Ты, Ваня, еще молодой, остаешься с матерью и будешь помогать ей растить и воспитывать твою сестренку и мою любимую дочку Аннушку. Никаких обид на Россию у нас нет, она мать наша, надо ее защищать. Сыновья, помните, что и Суворов и Ушаков особо не были любимы властью, но свой долг перед Родиной выполняли и с честью защищали свое Отечество». Дед Гаврила был патриотом, гордился историей России, любил читать исторические военные книги. Предвидя скорый уход на войну, как в воду глядел.

В сентябре 1941 года Гаврилу Михайловича Мухарева и его старшего сына Михаила Гавриловича Мухарева, 1920 года рождения, призвали в ряды РККА. В трудовой книжке деда Гаврилы прямо записано, что Мухарев Гавриил Михайлович, 1902 года рождения, уволен 6 сентября 1941 года в связи с уходом в РККА. Трудовую книжку заверил заведующий шахтой, а 11 сентября 1941 года он был призван в ряды РККА.

				СВЕДЕНИЯ		О РАБОТЕ	
№ записи	Дата			Сведения о приеме на работу и увольнении	работу, перемещениях по (с указанием причины)	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)	
	Год	Месяц	Число				
1	2			3	4		
				Абдул Стате Третья Каланов	работы по найму ул. Чуровь. Шахта 4-10	Надпись Серьезный	
	39	1	9	Лесовоснаб. Лес	заделка	Рав. № 1682	05.05.39
	1941	IX	6	Уволен в связи с уходом в РЛР А	Зав. шахтой Абдул		

1941–1942 годы были самыми кровопролитными, пехота погибала массово, сдерживая немцев, пытавшихся захватить и стереть с лица земли

столицу СССР Москву, город-красавец, столицу бывшей царской империи Ленинград (Петербург), а также покорить не сдающийся Сталинград. Вокруг Ленинграда немцы превратили свои позиции в сплошную мощную линию обороны. Везде соорудили дзоты и доты, установили минные поля и колючую проволоку. Окопы и траншеи, в которых находилась русская пехота, постоянно обстреливалась артиллерией, минометами и подвергалась бомбежкам с фашистских самолетов. Чтобы прорвать оборону фашистов, пехоте приходилось под сплошным огнем врага преодолевать установленные проволочные заграждения и минные поля и штурмом брать доты и дзоты. Отважно воевал Гаврила Михайлович против фашистских оккупантов, «не жалея живота своего», позабыв все обиды, несправедливо причиненные ему советской властью, и погиб в 1942 году. (пропал без вести в июне 1942 года, архив Киселевского ГВК, д.22-3, л.1918 (44); архив Киселевского горсо, л.д. 158-м; ЦАМО РФ, дон. 75154 с., 1946, № в эл. Архиве 118960).

Его старший сын, Мухарев Михаил Гаврилович, 1920 г., окончивший до 1941года 10 классов, воевал в пехоте в звании лейтенанта командиром взвода 109-й отдельной стрелковой бригады.

На Орловской земле в 1942 году советские солдаты упорно сражались за каждую деревню, за каждый поселок. Потери в живой силе с обеих сторон были бесчисленные. В этих кровопролитных боях через месяц после гибели своего отца 05.07.1942 года погиб мой дядя Миша – сын Гаврилы и старший брат моего отца. мой дядя Мухарев Михаил Гаврилович, (архив Кемеровского ОВК, д. 174, т. 7, л. 800, № в эл. архиве 118966).

Первичное место захоронения: Орловская область, Никольский район, деревня Дубровка, ныне Орловская область, Ливенский район, деревня Дубровка.

Дядя Миша ушел на фронт нецелованным, для этого и времени не было, и тяжелая жизнь не позволяла. Дядя Миша был патриотом России, с фронта он присылал матери письма с патриотическими стихами, но, к сожалению, ни одного стихотворения и не одного письма мать его – моя бабушка Мария не сохранила. В то время был дефицит бумаги, и она бумагу, на которой были написаны письма, обменивала на еду у солдат, которые уезжали на войну, а солдаты заворачивали в эти письма махорку и курили. На память о дяде Мише у нас в семье сохранились только три фотографии: дядя Миша в военной форме, дядя Миша среди одноклассников.

Сохранилось свидетельство об окончании им неполной средней школы. Из этого свидетельства видно, что учился Михаил хорошо. Только по русскому языку(письменно) стоит оценка- посредственно.

России

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПРОСВЕЩЕНИЯ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

НАСТОЯЩЕЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫДАНО

Мухареву Михаилу Гавриловичу (фамилия)
Имя и отчество РОДИВШЕГОСЯ В 1920 ГОДУ,

В ТОМ, ЧТО ОН ОБУЧАЛСЯ В НЕПОЛНОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ *(83)* города *Киселевска*
(села, города) *Новосибирской* области, ОКОНЧИЛ
(района и краев-областей АССР) ПОЛНЫЙ КУРС ЭТОЙ ШКОЛЫ И ОБНАРУЖИЛ ПРИ *Отличном* ПОВЕДЕНИИ СЛЕДУЮЩИЕ ЗНАНИЯ:

ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ	<i>Хорошо</i> (устно) / <i>Посредственно</i> (письменно)
ПО ЛИТЕРАТУРЕ	<i>Отлично</i>
ПО АРИФМЕТИКЕ	<i>Хорошо</i>
ПО АЛГЕБРЕ	<i>Хорошо</i>
ПО ГЕОМЕТРИИ	<i>Хорошо</i>
ПО ЕСТЕСТВОЗНАНИЮ	<i>Хорошо</i>
ПО ИСТОРИИ	<i>Хорошо</i>
ПО ГЕОГРАФИИ	<i>Хорошо</i>
ПО ФИЗИКЕ	<i>Посредственно</i>
ПО ХИМИИ	<i>Хорошо</i>
ПО ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЮ	<i>Отлично</i>
ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ (немецки)	<i>Посредственно</i>
ПО РИСОВАНИЮ	<i>Хорошо</i>
ПО ЧЕРЧЕНИЮ	<i>Хорошо</i>
ПО ТРУДОВОМУ ОБУЧЕНИЮ	<i>Хорошо</i>

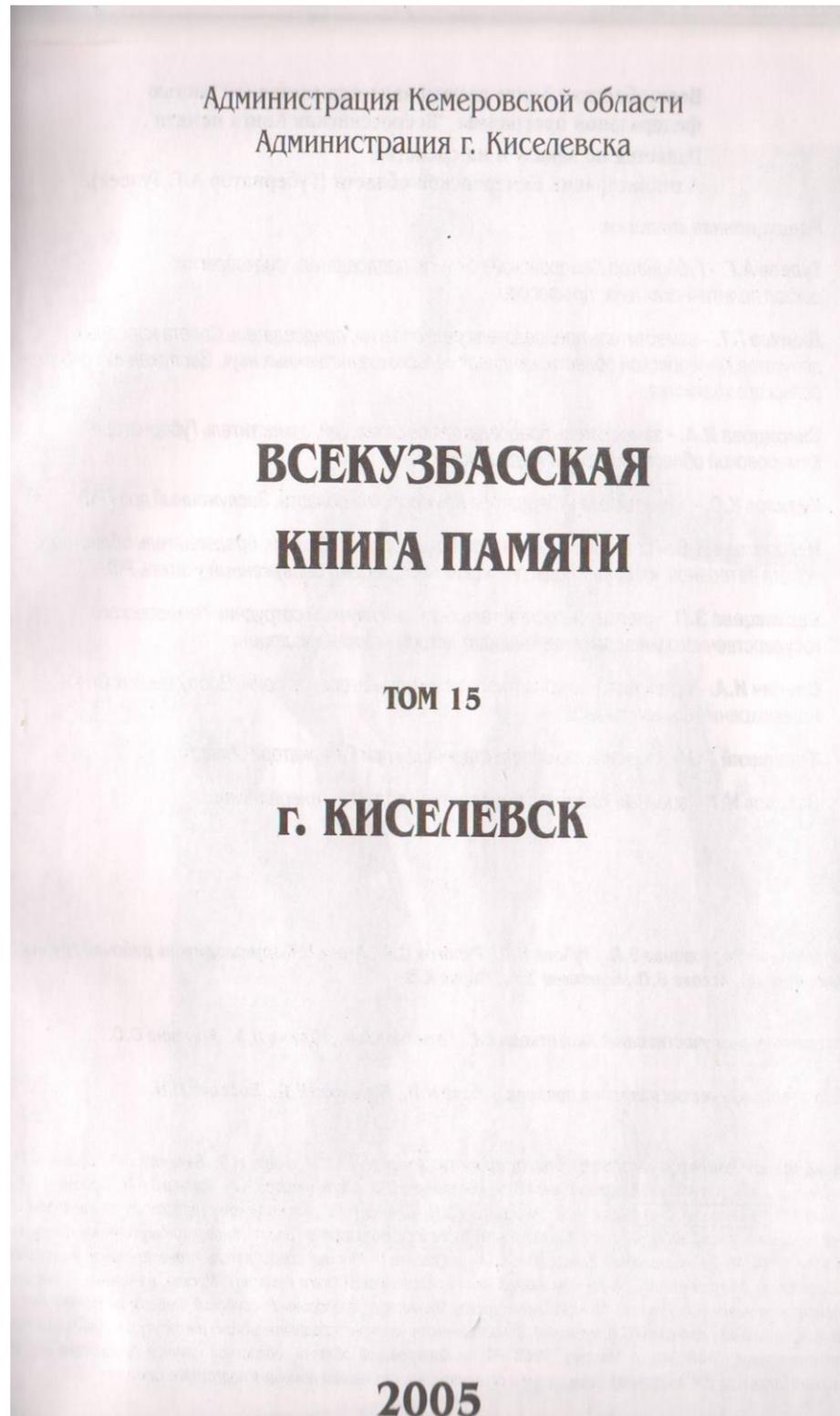
№ 13.

17 июля 1938 года

ДИРЕКТОР ШКОЛЫ
Н. Свездная
 ШКОЛА № 3

УЧИТЕЛЯ: *Глушенин*
В. Болдышев
Н. Шибя

Маленькая глухая таежная чалдонская деревня Иганино уже в первые месяцы войны опустела. Все боеспособные сибиряки, среди которых было много Мухаревых, ушли на фронт. В 1942 году вместе с красноармейцем Мухаревым Гаврилой Михайловичем – дедом Гаврилой и лейтенантом Мухаревым – дядей Мишей погибло еще 15 Мухаревых, уроженцев деревни Иганино Прокопьевского района, призванных Киселевским военкоматом.

Мутьков Степан Лаврентьевич, 1899, Кемеровская обл., призван 02.03.1944 Киселевским РВК, гвардии красноармеец, номер расчета орудия 76-мм, 6 гвардейский Краснознаменный Севастопольский стрелковый полк, 2 гвардейская стрелковая дивизия, погиб 25.11.1944, похоронен сев.-вост. окр. м. Никрац, ЛатвССР (архив Киселевского ГВК, д. 107, л. 1286; ЦАМО РФ, дон. 113710 с., 1944, № в эл. архиве 118955).

Мухарев Алексей Тихонович, призван Киселевским РВК (№ в эл. архиве 118956).

Мухарев Андрей Андреевич, 1925, призван Киселевским РВК (№ в эл. архиве 118957).

Мухарев Василий Егорович, 1923, призван Киселевским РВК (№ в эл. архиве 118958).

Мухарев Виктор Иосифович, 1926, д. Иганино, Киселевский (ныне Прокопьевский) р-н, призван 10.11.1943 Киселевским РВК, гвардии красноармеец, стрелок, 256 гвардейский стрелковый полк, 56 гвардейская стрелковая дивизия, погиб 05.08.1944, похоронен у дороги, 1.5 км вост. (2 км зап.) д. Цэлурнызки, Лубанская вол., Мадонский уезд, ЛатвССР (архив Киселевского ГВК, д. 27-1, л. 706; ЦАМО РФ, дон. 57556 с., 1944, № в эл. архиве 118959).

Мухарев Гавриил Михайлович, 1902, д. Иганино, Киселевский (ныне Прокопьевский) р-н, лесозащельщик шахты № 4, призван 11.09.1941 Киселевским РВК, красноармеец, пропал без вести 06.1942 (архив Киселевского ГВК, д. 22-3, л. 1918 (44); архив Киселевского горсо, п.д. 158-м; ЦАМО РФ, дон. 75154 с., 1946, № в эл. архиве 118960).

Мухарев Григорий Иосифович, 1916, д. Иганино, Киселевский р-н, бригадир колхоза "Красный борец", призван 26.07.1941, гвардии младший сержант, 62 танковая бригада, ппс 2415, погиб 09.1942, похоронен д. Перекоповка, Семилукский р-н, Воронежская обл. (архив Киселевского ГВК, д. 22-2, л. 533, № в эл. ар-

хиве 118961).

Мухарев Дмитрий Спиридонович, призван Киселевским РВК (№ в эл. архиве 118962).

Мухарев Егор Дмитриевич, 1903, д. Иганино, Киселевский (ныне Прокопьевский) р-н, призван Киселевским РВК, красноармеец, стрелок, 28 гвардейский стрелковый полк, 10 гвардейская стрелковая дивизия, погиб 09.05.1942, 481 отдельный медсанбат, похоронен Безымянная выс., р-н г. Большая Западная Лица, Мурманская обл. (ЦАМО РФ, дон. 10980 с., 1942; ф. 4035, оп. 2, д. 2, л. 97, место хран. ВМА, доп. свед. 47 хран., № в эл. архиве 118963).

Мухарев Иван Иванович, 1905, д. Иганино, Киселевский (ныне Прокопьевский) р-н, забойщик шахты "Дальние горы", призван 11.02.1942 Киселевским РВК, красноармеец, стрелок, погиб 04.08.1942 (архив Киселевского ГВК, д. 27-1, л. 857 (19); архив Киселевского горсо, п.д. 270281; ЦАМО РФ, дон. 74033 с., 1946, № в эл. архиве 118964).

Мухарев Леонтий Фомич, 1899, д. Иганино, Киселевский (ныне Прокопьевский) р-н, бригадир колхоза "Красный борец", призван 11.11.1941 Киселевским РВК, красноармеец, 376 стрелковая дивизия, погиб 03.01.1942, похоронен 22 км юго-вост. д. Пертечная, Чудовский р-н, Ленинградская (ныне Новгородская) обл. (архив Киселевского горсо, п.д. 181-м; ЦАМО РФ, дон. 13171 с., 1942, № в эл. архиве 118965).

Мухарев Михаил Гаврилович, г. Киселевск, лейтенант, погиб 05.07.1942 (архив Кемеровского ОВК, д. 174, т. 7, л. 800, № в эл. архиве 118966).

Мухарев Михаил Егорович, 1923, д. Иганино, Киселевский (ныне Прокопьевский) р-н, призван 28.12.1941 Киселевским РВК, красноармеец, стрелок, 1060 стрелковый полк, пропал без вести 07.1942 (архив Киселевского ГВК, д. 22-2, л. 399; архив Киселевского горсо, п.д. 260322; ЦАМО РФ, дон. 51363 с., 1946, № в эл. архиве 118967).

Мухарев Роман Петрович,

1900, г. Киселевск, работник машзавода, призван 23.07.1942 Киселевским РВК, красноармеец, санитар-инструктор, 1337 горнострелковый полк, 318 горнострелковая дивизия, погиб 10.02.1945, похоронен с. Елесьня, Польша (архив Киселевского ГВК, д. 107, л. 1320; архив Киселевского горсо, п.д. 20-а; ЦАМО РФ, дон. 28194 с., № в эл. архиве 118968).

Мухарев Спиридон Андреевич, 1914, д. Иганино, Киселевский (ныне Прокопьевский) р-н, призван 26.07.1941 Киселевским РВК, красноармеец, пропал без вести 10.1942 (архив Киселевского ГВК, д. 27-2, л. 2014 (4); ЦАМО РФ, дон. 63407 с., 1947, № в эл. архиве 118969).

Мухарев Степан Николаевич, 1910, д. Иганино, Киселевский (ныне Прокопьевский) р-н, колхозник, призван 16.07.1941 Киселевским РВК, сержант, командир малого танка, 256 стрелковая бригада, п/п 20602, погиб 23.12.1943, похоронен опушка леса, 1 км сев.-вост. д. Ковалево, Лиозненский р-н, Витебская обл., БССР (архив Киселевского ГВК, д. 22-2, л. 534; архив Киселевского горсо, п.д. 105-м; ЦАМО РФ, дон. 1232 с., 1944, № в эл. архиве 118970).

Мухортов Яков Артамонович, 1899 (1894), с. Казанцево, Алтайский край, ремонтник шахты № 3, призван 30.08.1941 Киселевским ГВК, красноармеец, пропал без вести 05.1942 (архив Киселевского ГВК, д. 27-2, л. 1969 (79); архив Киселевского горсо, п.д. 97-м; ЦАМО РФ, дон. 16069 с., 1947, № в эл. архиве 118971).

Мячкин Григорий Михайлович, 1903, с. Ивановка, Кытмановский р-н, Алтайский край, грузчик шахты № 5, призван 05.09.1941 Киселевским РВК, младший сержант, 402 стрелковый полк, 168 стрелковая дивизия, погиб 08.12.1942, похоронен х. Большое Конавалово, Ломоносовский р-н, Ленинградская обл. (архив Киселевского ГВК, д. 106, л. 1096; архив Киселевского горсо, п.д. 154, 201-м; ЦАМО РФ, дон. 30280 с., 1943, № в эл. архиве 118972).

Чалдоны, покорившие Сибирь, подтвердили, что ради матушки России они готовы жертвовать своими жизнями.

12.01.1996 года моя тетка – сестра моего отца, дочь Гаврилы, получила справку о реабилитации отца.

Прокуратура Российской Федерации
ПРОКУРАТУРА
 Кемеровской области
 650027, Кемерово, Красная, 24
 12.01.96. № 13-1163-96

653014 г. Прокопьевск
 ул. Вокзальная д. 54 кв. 46
 Власовой А.Г.

На № _____ от _____

СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

Гр. Мухарев Гаврил Михайлович

Год и место рождения 1902 г.р., д. Иганино, Прокопьевского района

Место жительства до ареста д. Черепаново, Прокопьевского района, Западно-Сибирского края

Ранее судим ----

Когда и каким органом осужден (репрессирован) 08.04.30 г. тройкой ПП ОГПУ Западно-Сибирского края

Классификация содеянного и мера наказания (основная и дополнительная) ст. 58-II УК РСФСР к 10 годам лишения свободы

На основании Указа ПВС СССР от 16.01.89 г.
 На основании ~~Указа ПВС СССР от 16.01.89 г.~~ реабилитирован

г-н Мухарев Гаврил Михайлович

Конец срока наказания по предыдущему приговору реабилитирован

В.В. Симуленков
 Прокурор Кемеровской области

Зак. 614

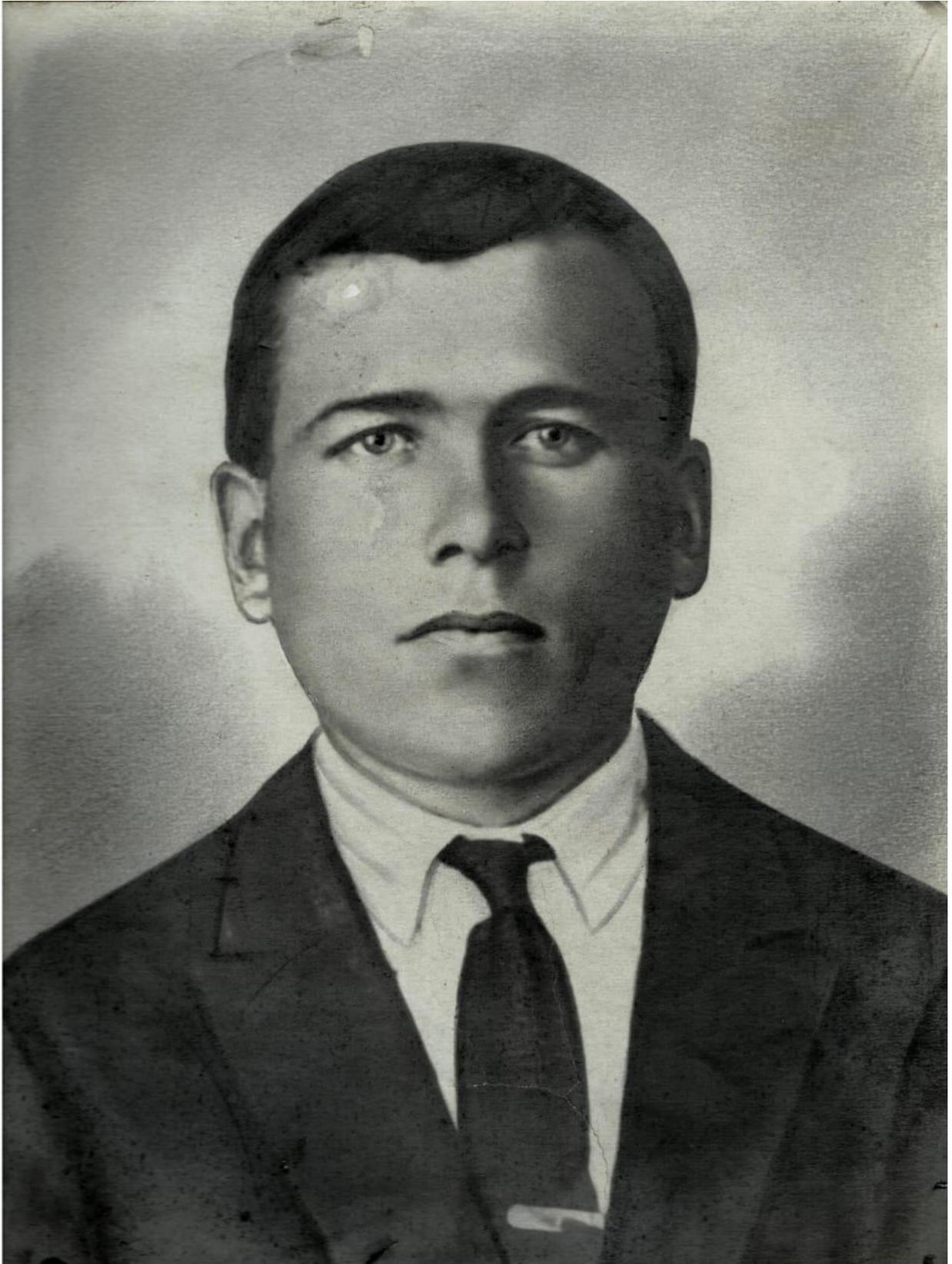
Эта справка была лишь подтверждением того, что мой дед Гавриил Михайлович Мухарев был незаконно осужден.

Первый раз дед Гаврила был фактически реабилитирован, когда его отца Михаила Ануфриевича администрация спецпоселения в Нарыме, где он находился на спецпоселении, освободила, признав, что он не является кулаком и раскулачен незаконно.

Погибнув на Ленинградском фронте при защите Ленинграда в июне 1942 года Гавриил Михайлович Мухарев реабилитировал себя сам во второй раз, доказав, что был предан Родине до гробовой доски!

Таким образом, когда я родился, у меня фактически не было ни одного родного деда.

Второй дед, отец матери Федоров Иван Федорович воевал в Сталинграде, был ранен, лечился в госпитале, заболел тифом и умер.

Арыковы

Мой прадед по линии матери моего отца - Арыков Алексей Иванович
и мои внучатые деды

В 1933 году советская власть добралась и до моего прадеда Алексея Ивановича Арыкова – отца моей бабушки Марии, до всех его братьев и его сына Леонида. Всех раскулачили. У Алексея Ивановича Арыкова был большой двухэтажный дом и большое хозяйство: много овец, несколько коров и несколько лошадей и даже небольшая хозяйственная лавка.

Хозяйственная лавка пользовалась популярностью среди жителей села Сафоново. В ней торговали сахаром, конфетами, мукой, керосином и керосиновыми лампами, посудой, лопатами, топорами, вилами, упряжью для лошадей, различными материями для пошива одежды и другой мелочью, необходимой в повседневной жизни, на подворье, для ведения подсобного хозяйства.

Магазин находился на первом этаже жилого дома, а на втором жила семья. На лето, на время весенне-осенней страды Алексей Арыков нанимал работников, от трех до пяти человек, с которыми расплачивался деньгами и натуральными продуктами, которые выращивали в поле и у себя в огороде. Питались работники вместе с членами семьи за одним столом. Когда на стол ставились чугуны с едой, то первым обедать начинал хозяин семьи – Алексей Иванович. Только когда он брал первую ложку из чугуна с кушаньем, все имели право начинать обедать, так было заведено в его семье. Неслух мог получить по лбу. Заканчивали есть также все вместе, когда есть заканчивал глава дома. Алексей Иванович выходил из-за стола, и вслед за ним все выходили из-за стола. После обеда с кусками еды никто не бегал, это было запрещено. Хотя семья была зажиточной, детей Алексей Иванович не баловал. Привозя в свою торговую лавку для продажи кусковой сахар, он кусочками откусывал от большого куска сахара кусочки сахара и раздавал детям вместо конфет. На приусадебном участке дома и в поле работали все члены семьи наравне с наемными рабочими.

В начале тридцатых годов двадцатого века – в страшные годы репрессий все братья Алексея: Василий, Петр, Степан, Иван и он сам были раскулачены.

Алексей Иванович, узнав, что его будут раскулачивать, ночью собрал семью: жену Наталью, сына Петра 1911 г.р., дочь Марию, 1920 г. р., посадил их на подводку, в которую запряг хорошую лошадь, и сбежал в город Новокузнецк, бросив все свое хозяйство. После раскулачивания в этом доме находился сельсовет села Сафоново.

Алексей Иванович работал в Новокузнецке конюхом, возвращаясь с работы, попал под поезд и погиб.

Когда я был мальчишкой, как я мечтал, чтобы у меня был жив был хотя бы один дед.

Свое большое желание иметь деда, свою любовь к родным дедам я перенес на внучатого деда – родного брата моей бабушки Матвея Алексеевича Арыкова, фронтовика, как и мои родные деды. Дед Матвей был военным врачом, жил от нас далеко – там, где служил, но каждый год в отпуск приезжал на родину, к нам в Прокопьевск. Дядя Мотя всегда говорил, что мой отец был его любимым племянником.

Матвей Алексеевич родился 15 сентября 1915 года. С детских лет он был любознательным, тянулся к знаниям, учился хорошо. После окончания средней школы пошел учиться на фельдшера, но вышла незадача. Во время учебы жил в общежитие и пошел по нужде в общественный туалет, где использовал газету с портретом И.В. Сталина. Доброжелателей в то время было много, кто-то из сокурсников сообщил об этом в органы ОГПУ НКВД СССР и Арыков Матвей Алексеевич был осужден тройкой ПП ОГПУ Московской области 14.01.1933 года по ст.58-8-10 УК РСФСР сроком на три года. Отбывал наказание на строительстве Беломоро- Балтийского Канала. Тачку, как большинство эков, не катал, а работал фельдшером. На строительстве Беломор - Балтийского канала отбывали наказание не только политические заключенные, но и уголовники, работа была очень тяжелой, а кормили скудно, пайка была небольшой, не все могли выдержать тяжелый труд, многие эки заболели и умирали. И как-то на фельдшерский пункт пришел весь размалеванный, закоренелый авторитетный для эков бандит и сказал:

- Сил нет, работать не могу, положи меня на лечение в больничку.

- Не могу я вас положить без причины. Мне срок добавят, ответил фельдшер Арыков эку.

- Не положишь, изувечу и убью тебя!- закричал эк.

Матвей Алексеевич схватил табурет и крепко избил эка до состояния нетрудоспособности, после чего положил его в больничку.

Работал Матвей Алексеевич хорошо, поэтому 07.05.1934 года был досрочно освобожден от наказания.

После освобождения от наказания Матвей Алексеевич поступил учиться в Томский государственный медицинский институт, который закончил в 1940 году, приобрел специальность врача-эпидемиолога. Начинать работать в Читинской области, где вскоре был призван в ряды РККА. Трехмесячный курс молодого бойца проходил на станции Антипиха,

в полку, где служил Генеральный секретарь ЦК КПСС и руководитель СССР с 1965 по 1982 годы Леонид Ильич Брежнев.

В начале Великой Отечественной Войны служил на Дальнем Востоке, на границе с Монголией и в самой Монголии в 82-ой мотострелковой дивизии, прикрывавшей границу от вероятного вторжения японцев. Этой дивизией, незадолго до того, как дядя Мотя, так мы его называли в семье, попал туда служить, командовал сам Георгий Константинович Жуков.

Когда фашисты подошли к Москве, то эту дивизию перебросили под Москву. В это время немцы уже находились всего в 32 километрах от столицы. Дивизия помогла отстоять Москву. План немцев захватить столицу России был сорван. Дед за годы войны был награжден многими орденами и медалями, но медаль «За оборону Москвы» являлась для деда Моти одной из самых дорогих.

Дед Матвей был военврачом 3-его ранга, начальником санитарно-эпидемиологической лаборатории медсанбата, главным эпидемиологом дивизии. Ему постоянно приходилось объезжать все части дивизии, поддерживать в надлежащем состоянии санитарное состояние всей дивизии. Был случай, что у одного из бойцов обнаружили острую кишечную инфекцию. Эпидемиолог Арыков М.А. сначала на автомашине, а затем пешком, прибыл на передовой боевой рубеж. Необходимо было уничтожить заразу и выявить: как зараза попала в наши подразделения. Землянку и всех соседей по землянке перевели на карантин. Опросили больного бойца и его соседей, где бывали в последнее время и с кем встречались. Санитары продезинфицировали: постели, белье, личные вещи, котелки, кружки, ложки всех находившихся в землянке солдат и всю землянку.

Но сразу обнаружить очаг заболевания не удалось.

Пришлось дополнительно обходить боевых позиций и беседовать с бойцами. В результате выяснил, что больной боец, выполнял задание в расположение позиций фашистов.

Была ночь, когда дед Мотя в белом маскировочном костюме пополз к немецким позициям на разведку. Подполз так близко, что была слышна немецкая речь. Возле немецких траншей и окопов отважный сибиряк обследовал всю прилегающую к ним местность. Вокруг валялись гильзы от стрелкового оружия и лежал грязный снег. Дед вспотел, ему хотелось пить, воды с собой не было. Жажду можно было удалить только снегом, но снег был грязный.

- Может больной боец поел грязного снега, чтобы утолить жажду,- подумал военврач Арыков. Собрав в котелок несколько кусков грязного

снега, возвратился на наши позиции. В этот же день в лаборатории, которой он командовал, определили, что источник инфекции находится в расположении фашистских подразделений. Больше инфекционных заболеваний в этой дивизии не было.

Немцы считали себя культурной нацией, но в немецких подразделениях свирепствовали инфекционные заболевания: дизентерия, чесотка, сыпняк, вши. У наших же бойцов ничего этого не было. Во время небольших перерывов в боевых действиях наши солдаты мылись в наскоро приготовленных банях вблизи передовой. Пока бойцы парились и мылись, их одежду дезинфицировали. Так дед Мотя вместе со своими подчиненными охранял бойцов от незримых инфекционных болезней и фашистской заразы.

В 1943 году дивизия, в которой служил дед Матвей, находилась в составе 4-ой танковой армии генерала Лелюшенко Д.Д. на Курской дуге. Здесь дед Матвей был ранен. Машина, на которой ехал он и четверо его подчиненных, попала под бомбежку. Водитель этого автомобиля, спасаясь от бомбежки, заехал под наш танк. Погибли все, кроме деда. Он оказался между гусениц танка. Три месяца со страшными переломами после этого дед пролежал, запечатанный полностью в гипс.

После выздоровления попал на службу в 5-ую танковую армию Рыбалко на 1-ый Украинский фронт, которым командовал генерал армии Конев. Это был уже 1944 год. В составе этой армии участвовал в освобождении Польши, Германии и в штурме Берлина. Все улицы Берлина были усеяны трупами убитых и раненых. После взятия Берлина участвовал в освобождении Праги.

Еще до войны, во время учебы в г. Томске Матвей Алексеевич женился, от брака имеет сына, но война была длинной, долгой и жена его не дождалась, вышла замуж. И здесь в мае 1945 года во время освобождения Праги Матвей Алексеевич встретил взаимную любовь в лице старшины медслужбы, красавицы Александры Ивановны Лебедь, с которой навсегда соединил свою жизнь.

Характеристика тети Шуры.

Характеристика

На старшину медицинской службы
Левеев Александр Иванович

Товарищ Левеев А.И. работал в
Полевом подвижном госпитале № 1338 с
Начала Великой Отечественной войны 1941-1945.
За время работы проявила себя великой
патриоткой своей любимой родины, была
отважной, дисциплинированной, все задания
командования выполняла с желанием.

За образцовое выполнение заданий командова-
ния в борьбе с немецкими оккупантами
награждена медалью "За боевые заслуги" и
Знаком отличия санитарной службы.
По уходу за ранеными в спешных случаях
отдавала все патристическую любовь, за
ранеными ухаживала не считаясь со временем
и усталостью, за это имела ряд благодарно-
стей от раненых и командования.

Как коммунистка, принимала активное
участие в общественной жизни госпиталя,
Партии Ленина - Сталина и Советского
Родины Пролетариата.

Зав. Нагаевская Госпиталь - 1338
по-делам госпиталей - Комитет

4.07.1945г

В.И. [Signature] / Николаевский

Летом 1945 года дивизию, в которой служил дед Матвей, из Праги перебросили на Украину. Во время движения по Западной Украине в Черновицкой области познакомился с подлостью бандеровцев, последние боясь вступить в открытый бой, стреляли в спины наших солдат.

Во время войны дед чуть-чуть не попал под трибунал. В медсанбат, где в это время он находился, привезли раненного немецкого офицера. Последний в дежурном враче, оказывающем ему помощь, опознал еврейку,

схватил костыль и стал ее избивать, не желая принимать от нее медицинскую помощь. Дед не выдержал, вырвал костыль у немецкого офицера и избил фашиста. После этого случая деду пришлось долго оправдываться перед «особистами» дивизии, в которой он служил, за избивание немца, которые хотели отдать его под трибунал. Еле выпутался из этого случая.

После войны дед закончил военно-медицинскую академию. Закончил службу в Советской армии Матвей Алексеевич Арыков 11.02.1966 в звании подполковника. В 1995 году М.А.Арыков реабилитирован официально.

Белгород-Днестровская комиссия по восстановлению
прав реабилитированных

РЕШЕНИЕ

26.01.95г. *сн 84*

О выдаче удостоверения реабилитированного и выплате компенсации за время пребывания в местах лишения свободы АРЫКОВУ Матвеем Алексеевичу

Комиссия рассмотрела заявление АРЫКОВА Матвея Алексеевича, 1914г.р. проживающего по ул. Маршала Бирюзова, 4, кв.19 о выплате компенсации за время пребывания в местах лишения свободы и выдаче удостоверения.

Установлено, что АРЫКОВ Матвей Алексеевич, 1914г.р. был осужден тройкой ПП ОГПУ Московской обл. 14.01.1933г. по ст.58-8-10 УК сроком на 3 года. Освобожден досрочно 7.05.1934г. Отбывал наказание на строительстве Беломоро-Балтийского канала НКВД СССР /архивная справка от 2.11.94г. № 3/А-47/. Реабилитирован на основании ст.1 Указа ПВС СССР от 16.01.89г. /справка ГИД МВД РФ от 18.11.94г. № 34 /3-325-89/.

На основании вышесказанного и руководствуясь Законом от 17.04.91г. и Постановлением Кабинета Министров от 18.02.93г. № 112 комиссия

РЕШИЛА:

1. Выдать документ на право пользования льготами.
2. Выплатить компенсацию за время пребывания в местах лишения свободы в размере 19 минимальных зарплат с учетом коэффициента инфляции.

С учетом достижения 80-летнего возраста компенсацию выплатить единовременно.

3. Контроль за исполнением данного решения возложить на ГОНЧАР М.А.

Председатель комиссии _____ М.А.Гончар
 Ответственный секретарь _____ Д.С.Попова

После демобилизации из армии дядя Мотя проживал в городе Белгород – Днестровский Одесской области. Работал преподавателем в медицинском училище, начальником здравпункта на автобусном предприятии. Скучать не любил, был председателем домового комитета 90-квартирного дома, в котором жил. От брака с тетей Шурой имеют сына Юрия, окончившего мореходку и большую часть жизни отдавшего работе в гражданском морском флоте. День Победы вместе с Александрой Ивановной встречали возле мемориала Славы в городе среди других ветеранов Великой Отечественной Войны

Ушел он из жизни в декабре 2010 года в возрасте 96 лет.

Кроме деда Матвея у меня еще было два внучатых деда – также родных братьев моей бабы Марьи. Арыков Леонид Алексеевич родился после моей бабушки Марии, но до брата Петра. Был зажиточным крестьянином, имел хороший большой дом и крепкое хозяйство, увлекался лошадьми, имел хорошую тройку лошадей. Когда его раскулачили и забрали весь скот, в том числе и лошадей, он не стал с этим мириться и в эту же ночь пригнал конфискованных у него лошадей назад домой. Члены комиссии на следующий день приехали к нему домой и, увидев в его конюшне конфискованных лошадей, арестовали его. За этот проступок Леонида Алексеевича Арыкова осудили по ст. 58 УК РСФСР и приговорили к исключительной мере наказания – расстрелу.

Младший сын батьки Алексея Арыков Петр Алексеевич, 1911 года рождения, жил в городе Новокузнецке. В этот центр металлургии Кузбасса

и России его и тетку Марусю привез их отец – мой прадед Арыков Алексей Иванович, сбежавший от раскулачивания из села Сафоново Прокопьевского района и поселившийся в г. Новокузнецке. Дядя Петя был семейным, жену звали Степанида (в девичестве Чеснокова). Отец ее Григорий с семьей пришел пешком в г. Новокузнецк. Несмотря на то, что был ярким коммунистом, бросил жену с шестью малолетними детьми, женился на молодой и уехал на Урал, где стал партийным руководителем средней руки. Петр Алексеевич хорошо играл на гармонии, как говорят, «был первый гармонист на деревне».

Это про таких, как он, слова из песни «День Победы»: «Дни и ночи у мартеновских печей не смыкала наша Родина очей». Всю сознательную жизнь Петр проработал на КМК г. Новокузнецка токарем-станочником. Во время войны приходил ночевать домой не каждый день. Были такие напряженные дни, что приходилось неделями жить на заводе, перерывы во время работы делали, только когда закрывались глаза, для того чтобы немного поспать, и снова вставали к станку.

В декабре 1942 года Петр пришел с работы и принес домой рыбный паек, говоря, что раскулаченные родственники с севера Томской области из Нарымского округа прислали шахтерам и металлургам Кузбасса. Оказывается, что в 1941 году большинство шахтеров и многих металлургов мобилизовали в армию. На их места в шахты приняли несовершеннолетних и женщин, все планы по добыче угля в Кузбассе в 1942 году были сорваны. Одной из причин были скудные пайки, получаемые несовершеннолетними и женщинами за работу на шахтах, несмотря на то, что молодежь и женщины работали до изнеможения. В связи с этим ВКПб и правительство СССР в 1942 году приняли несколько постановлений об улучшении продовольственного снабжения шахтеров и металлургов Кузбасса. Сами шахтеры и металлурги Кузбасса обратились с письмом об оказании помощи к рыбакам Томской области. Жители севера Томской области Нарымского округа, расположенного в 800 километрах от Томска, являлись в основном раскулаченными в конце двадцатых и начале тридцатых годов крестьянами, но, забыв все обиды, причиненные им советской властью, откликнулись на просьбу кузбассовцев. В декабре 1942 года северяне отправили собранный ими первый обоз из двухсот подвод с рыбой: муксуном, стерлядью, тайменем, нельмой и другими породами ценной рыбы в Кузбасс в г. Анжеро-Судженск. Рыбу распределили по всем шахтам и металлургическим заводам Кузбасса. Всего жители Нарымского округа отправили в Кузбасс более двух тысяч подвод с рыбой весом более 38, 5 тысяч пудов. Вот такой рыбной паек от бывших кулаков принес с работы домой Петр Алексеевич

Арыков. В 1942 году бывших кулаков, снятых с учета в комендатурах Нарымского округа, стали призывать и в действующую армию.

За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны Петр Алексеевич награжден многими почетными грамотами. На КМК являлся ветераном труда. От брака со Степанидой имел пятерых детей: сыновей Бориса, Вячеслава, Владимира и дочерей Зинаиду и Галину.

Мой отец Мухарев Иван Гаврилович.

Иван и Александра

Отец мой Мухарев Иван Гаврилович родился 17 ноября 1925 года в деревне Иганино Киселевского района – по документам. Фактически же он родился в деревне Черепаново примерно 11 сентября 1925 года в православный праздник святого Ивана Предтечи, точный даты никто не знает. Со слов отца, он родился, когда копали картофель. Бабушка Мария Алексеевна Мухарева (Арыкова) родила своего сына, моего отца Ивана, прямо в поле, осенью. Тогда все вокруг было залито солнцем, шуршали и шелестели зрелые колосья пшеницы, а над сладким и ярким клевером еще

летали с жужжанием пчелы и шмели, собирая последний нектар; сельчане убирали картофель и другие овощи, а в тайге и в огородах уже не ломались от тяжести ягоды кусты смородины и кислицы, и не гнулась под тяжестью красной сладкой ягоды малина, как летом, но еще ягода была; из тайги несли уже спелые кедровые орехи и шишки, и к нежной зелени прибавилась желтизна увядающих листьев и краснота калины и рябины, от земли шел аромат созревающих хлебов и цветов, а в тайге от запаха разнотравья кружилась голова. Может быть, поэтому мой отец любил землю. В свидетельстве о рождении отца указали дату 17 ноября 1925 г., это день, когда его принесли в сельсовет для регистрации даты рождения. Место рождения – деревня Иганино также указано неправильно, наверное, потому, что все предыдущие поколения наших предков родились в этой деревне. Родился же он в деревне Черепаново, куда семья Мухаревых переехала после постройки нового дома из деревни Иганино.

Отец был коренным сибиряком-чалдоном, чем очень гордился. Он знал поименно поколения до прадеда своего прадеда.

Родители на момент рождения отца занимались крестьянством, как и все предыдущие поколения. Жили зажиточно, но чтобы хорошо жить, вся семья вкалывала не покладая рук. Вставали рано, до петухов, когда заря только начинала подниматься над землей, но малым детям, конечно, давали выспаться. Они вставали позже, за ними присматривала Морька – дочь моего прадеда. Ложились спать ночью.

К труду детей приучали рано, вся семья от мала до велика трудилась на поле – батраков не было, даже от детских рук был прок. Дети помогали везде – и по дому, и в огороде, и даже в поле. Зимой дети помогали теребить и чесать лен и коноплю. Работа была не тяжелой, но муторной. Любая работа для детей не была подневольной. Они выполняли ее с охотой, как бы играя, стараясь изо всех сил сделать как можно больше, соревнуясь друг с другом. В пять лет Ванюшку уже брали в поле, сажали на смирного коня, и весной он боронил, а летом таскал волокушу, собирая сено. Маленький Ванюшка не только хотел выполнять эту работу, он мечтал о ней, с вечера спрашивая отца или деда, разрешат ли они ему завтра боронить поле. Когда они говорили, что разрешат, Ванюшка с восторгом прыгал и вертелся по комнатам дома, мечтая, как завтра он заберется на спину коня и тесно прижмется к его горячей спине, обхватывая бока своими маленькими ножками. Дети ходили вместе со взрослыми в лес по грибы и по ягоды, что также было для них в удовольствие, и они с нетерпением ждали этих походов. Весной с берез из-под коры набирали светлый и сладкий березовый сок, который сначала пили свежим, а затем из него делали

вкусный березовый квас. Ванюшка с братом Михаилом и практически таким же маленьким, как и он, дядей – болезненным Мишуткой и уже большой теткой – Морькой, любили играть во дворе дома в прятки, в догонялки и в другие подвижные игры. Прятались во дворе за рябенькими, как курочки, березами, среди трех амбаров и залодни, стоящих под одной крышей во дворе дома, и среди зимних саней, телег, бричек и сельхозинвентаря, стоявших под этой же крышей, за колодцем. Дружная детская компания под присмотром Морьки ходила купаться на речку, текущую практически через усадьбу Мухаревых. Интересным местом для игр в соловьи-разбойники был и сеновал, стоящий рядом с конюшней на противоположном берегу речушки. Дети с удовольствием бегали босыми по ласковой траве на своей усадьбе. Зимой дети, наигравшись на улице и возвратившись домой, весело отогревались на широкой русской печи. Дед Нафрей ласково ворчал на них:

– Шалуны, смотрите у меня, не толкайте друг друга, не дай Бог упадете.

На минутку ребятишки затихали, а затем веселая кутерьма начиналась заново.

До пяти лет детство у отца было благополучным, он был сыт, одет, обут и обласкан, как все дети в благополучных семьях, не обделен вниманием со стороны родителей, бабушки с дедушкой и прадеда. Ни облачка, ни пятнышка не было на детском небосводе над головой маленького Ванюшки. Ничего не предвещало горя, неожиданно нагрянувшего на семью Мухаревых в их красивый дом в деревне Черепаново. Счастливое детство пятилетнего Ивана закончилось с началом репрессий против трудового крестьянства. В 1929 году раскулачили его деда Мухарева Михаила Ануфриевича, которого вместе с женой и дочерью отправили на спецпоселение в Нарым. Менее чем через год еще более страшная беда пришла в их семью. У советской власти не хватало рабочих рук для строительства металлургических заводов, угольных шахт. нужны были работающие мужики. Пришла очередь отца Ивана – Гаврилы Михайловича. Его раскулачили. Кто внес Гаврилу Михайловича в список подлежащих раскулачиванию, одному богу известно, но к богатым после того, как раскулачили его отца, он не относился, его семья, как и семья его отца, жила только своим трудом. Уполномоченные, придя в дом к Мухаревым, описали имущество, арестовали отца Ивана, Гаврилу Михайловича, как сына кулака.

Гаврила поцеловал Марию и детей, сказал: «Бог даст, свидимся» и вышел в сопровождении милиционеров из дома.

– А ты чего сидишь, дед? – обратился уполномоченный к уже старому прадеду Ивана Ануфрию Афанасьевичу. – Тебя тоже арестовываем, как отца кулака, и увозим с собой.

Ануфрий Афанасьевич оделся, взял, как и внук, свой новый зимний полушубок и вышел вслед за ним. Мария только и успела поцеловать мужа и обнять Ануфрия Афанасьевича посадили на телегу и повезли в город. Гаврила и его дед молча смотрели на удаляющиеся от них родной дом и родное село, надолго запоминая их облик. Говорить не могли, так как от горечи першило в горле. Оставшиеся вместе с уполномоченным приступили к грабежу хозяйства. Мать Ивана, Мария, поняла пришедшую в их дом беду и, зная, что мужу не поможешь, не стала причитать и голосить, а быстро собрала вещи, нужные на первое время, и одела детей. Уполномоченный попытался вырвать у нее сверток, в который она завернула вещи, но чалдонка так сверкнула на него глазами, полными ненависти, что он в страхе отшатнулся от нее. «Такая задушит – вцепится в горло и не отпустит, все можно ожидать от нее», – мелькнуло у него в голове.

Все подчистую подмели уполномоченный и его приспешники, не оставив во дворе ни лошадь, ни корову, ни курицы, не петуха. Мычали коровы, ржала лошадь, блеяли овцы, угоняемые в колхозное стадо. Из амбаров выгребли все зерно и картофель, вынесли мешки с мукой и бочонки с солониной. Незваные гости старались, трудились до пота, все обыскали, в том числе и чердак, у классового врага. Все вплоть до мелких вещей вынесли они из дома, не оставив ничего, как будто по дому прошел пожар. Мать с Иваном, его старшей сестрой Анной и братом Михаилом выкинули на улицу. Иван плакал, уткнувшись в подол матери и обняв руками ее ноги, а мать гладила его голову, вытирала его мокрые щеки. Иван смотрел на незнакомых людей, по-хозяйски ходивших по комнатам их дома, и не понимал, откуда появились эти люди и почему в их глазах лютая злоба и ненависть ко всем живущим в этом доме.

– Куда вы увезли моего мужа и его отца? – спросила Мария уполномоченного.

– Туда, куда Макар своих телят не гонял, – оскалился тот.

Через несколько часов двери и окна дома были заколочены досками, а что комиссия не забрала, то опечатала. У Марии щемило в груди: то, что добывали трудом всей семьи, включая и труд малых детей, забрали пришлые нелюди. Все имущество было окончательно конфисковано, и она с тремя малолетними детьми – десятилетним Михаилом, пятилетним Иваном, двухлетней Анной просто выброшена на улицу. С трудом переступали

отяжелевшими ногами Мария с ребятами, уходя прочь от родного дома, в одну минуту ставшего чужим.

08.04.1930 года тройкой ПП ОГПУ Западно- Сибирского края был осужден отец пятилетнего Ванюшки Мухарев Гаврила Михайлович – по ст. 58-11УК РСФСР к 10 годам лишения свободы как сын кулака, и прадед отца Ануфрий Афанасьевич – по этой же статье, как отец кулака.

После раскулачивания некоторые из соседей стали непохожими на себя: перестали смотреть в глаза и отвечать на приветствия и без того убитых горем людей. Мать Ивана была крестьянкой, ей некогда было горевать о происшедшем, надо было обустроить жизнь своих детей. Алексей Иванович Арыков – отец Марии, проживающий в селе Сафоново Прокопьевского района, узнав о постигшем семью дочери несчастье, но опасаясь также раскулачивания, не стал поселять ее у себя, а попросил своего родного сына Леонида временно приютить семью Марии. Леонид в тот же день приехал из Сафоново в Черепаново и забрал выкинутую на улицу семью сестры и поселил ее у себя дома в селе Сафоново, хотя у него у самого было трое малолетних сыновей. Через год отец Марии Алексей Арыков купил землянку в Прокопьевске на Тыргане, возле будущего трамвайного парка, и перевез в нее дочь с малолетними детьми. Там, в землянке, и стала жить Мария Алексеевна, с тремя малолетними детьми. Жили напряженно в ожидании, что же произойдет с ними дальше. Время было суровое: НКВД СССР свирепствовал. Даже дед Алексей Иванович Арыков общаться открыто с семьей раскулаченного зятя боялся. Приходил ежедневно ночью к дочери и внукам за 10 километров из Сафоново, приносил им еду, после чего уходил домой. Более точно сказать – исчезал из землянки. В землянке было неуютно и холодно, особенно холодно маленькой Анне. В конце концов она простудилась под холодным дождем, который промочил ее насквозь, заболела и чахла с каждым днем. Тело ее ныло, от температуры ей было то жарко, то холодно, голова болела и кружилась. Вскоре Анна уже не могла ходить и, несмотря на лечение, лечения умерла.

В этой землянке маленький Ванюшка с матерью и братом Михаилом прожили несколько лет. Гаврила Михайлович, отбывающий наказание на строительстве Беломорканала, узнав о том, что его семья живет в землянке, в неподходящих для жизни условиях, приложил все силы, чтобы побыстрее выйти на свободу. Всею душой он рвался поскорее вернуться к своей семье. В 1937 году за хороший труд Гаврила Михайлович Мухарев был освобожден условно-досрочно. Получив паспорт, Гаврила возвратился на родину, но не в Черепаново, а в город Киселевск, и поселился на улице

Шахтовой в Афонино. Он вырыл землянку и привез туда из Прокопьевска всю свою семью. Через год Гаврила построил дом на улице Шахтовой, рядом с землянкой, и привез туда свою мать Марию Капитоновну. В этом доме вместе с семьей Мухаревых стала жить и Морька, родная сестра Гаврилы, со своим мужем Иваном и его отцом Петром, то есть семья Нарышевых. В 1938 году у родителей Ивана родилась вторая дочь, которую также называли Анной. Иван и Михаил учились в неполной средней школе № 3 города Киселевска. В то время, в начале строительства социализма, советская власть предприняла все меры для уничтожения богатых, считая их эксплуататорами, вплоть до физического их уничтожения. Но уже в то же самое время общество снова начало разделяться на богатых и бедных. Иван пошел учиться в школу в первый класс в возрасте 10 лет. В Киселевске вместе с ним учился сын главного инженера шахты, семья которого была материально обеспечена. Этому мальчику нравилось кормить своих одноклассников, как зверушек. Приходя в школу, он приносил с собой булку хлеба, до начала занятий в школе или на перемене вставлял на парту ногами, доставал хлеб, ломал его на куски и бросал одноклассникам, среди которых было много голодных. Дети в драку расхватывали брошенный им хлеб.

С возвращением отца из мест лишения свободы жизнь семьи стала налаживаться. Гаврила устроился на шахту лесодоставщиком, но работал кузнецом, поэтому в семье появились хлеб, мясо, молоко, масло и другие продукты. Кроме этого, ниже улицы Шахтовой в тридцати метрах от землянки протекала речушка, богатая различной рыбой. Гаврила каждое утро и каждый вечер ставил морды, которые за ночь и заполнялись рыбой. Семья перестала голодать, жить стало легче. Женщины вели домашнее хозяйство, занимались огородничеством, а также ухаживали за небольшим подсобным хозяйством: завели куриц, свиней и корову. Семья постепенно становилась на ноги. Но грянула война, фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз.

Народ встал на защиту родины. Шли тяжелые изнурительные бои, советские воины без боя не отдавали фашистам ни клочка своей земли. Из Сибири на фронт уходили поезда с боевой техникой, боеприпасами, воинскими подразделениями. Сибирские деревни, села и города стали пустеть – мужчины массово уходили на фронт. По всей Сибири формировались новые воинские подразделения. «Только за одну осень из Сибирского военного округа ушло на фронт 12 новых стрелковых дивизий, составивших колыбель советской гвардии» («В пламени и славе», Новосибирск. 1969 г., стр. 8). В сентябре 1941 года отца Ивана и его

старшего брата Михаила призвали в ряды РККА. Они встали в боевой строй на защиту Родины и Отечества. Мать Ивана опять осталась без мужа с несовершеннолетним Иваном и пятилетней дочерью Анной, но голода не было – в хозяйстве были корова и куры. Перед уходом на войну Гаврила и старший брат Иван накосили и поставили два больших стога сена. Уходя на фронт, мой дед наказал отцу помогать во всем матери и слушать ее. Мой отец обещал деду выполнить его наказ.

В 1941 году Иван Мухарев успешно окончил неполную среднюю школу, получив образование 7 классов. Индустриализация в стране шла с размахом, быстрыми темпами. На юге Кузбасса строились металлургические заводы, новые шахты для добычи коксующегося угля. С 1937 года в Кузбассе – в Новокузнецке и Прокопьевске уже ходили трамваи, а железнодорожная ветвь от Прокопьевска до города Белово была электрифицирована и поезда по ней возили электровозы, которые вызывали восторг у населения, особенно у молодежи. Для сравнения: в центре России, в деревнях рядом с Москвой, в деревне Багримо Александровского района Владимирской области, где родилась моя мама и куда мы из Сибири – из города Прокопьевска ежегодно ездили летом отдыхать, не было света в начале 60-х годов 20 века, люди пользовались керосиновыми лампами, а кинофильмы привозили на автомашинах и показывали на улице на белом экране со стоявшего на автомашине киноаппарата, из так называемой кинобудки. Нам, сибирякам, это было в диковинку.

С детства Иван мечтал стать машинистом электровоза. Когда в Кузбассе появились первые электровозы, Иван целыми днями находился на станции, ему нравилось смотреть, как маленькие электровозы – по сравнению с паровозами первые электровозы были более чем в два раза меньше – легко перевозили тяжелые груженные углем поезда. Ивану больше всего нравилось смотреть, как производится маневровая работа, как зеленые электровозы сортировали вагоны по станционным железнодорожным путям: электровоз собирал составы из вагонов, цистерн, полувагонов и платформ, затем выползал на стрелки, а после того как стрелочник переводил стрелки и составитель, махая машинисту разноцветными флажками, свистел свистком, электровоз заставлял вагоны катиться назад и соединяться в новые составы. Отцепившись от состава, машинист с помощником лихо мчались по путям станции на своем электровозе за новыми вагонами. В основном поезда были угольными, и для маневрового электровоза работы было много. Паровозы, пыхтя, по подъездным путям привозили на станцию небольшие составы со всех шахт Прокопьевска и Киселевска, а машинист маневрового электровоза соединял их в длинные

угольные поезда. Рядом с двигающимися вагонами стоять с непривычки было страшно: колеса скрежетали при торможении, вагоны при наборе скорости гремели и визжали, а при соединении ударялись друг о друга и останавливались. Шум передвигающихся металлических вагонов еще долго стоял в ушах Ивана после того, как он уходил со станции домой. С появлением электровозов у Ивана появилась мечта стать машинистом электровоза. Стране нужен был уголь, но не просто уголь, а коксующийся, на котором можно было варить сталь и броню и для армии, и для народного хозяйства. Иван с замирающим сердцем и открытым ртом смотрел на электровозы, когда они проезжали мимо, без напряжения ведя за собой тяжелые составы.

В конце июне 1942 года перед домом Марию Алексеевну встретил почтальон и вручил ей официальный серый конверт. Она зашла в дом, села за стол и раскрыла конверт. Извещение, адресованное ей, было с Ленинградского фронта, в нем официально сообщалось, что красноармеец Мухарев Гаврила Михайлович пропал без вести в июне 1942 года на Ленинградском фронте. Прочитав письмо, мать Ивана заплакала и громко заголосила

– На кого же ты оставил меня с детьми, любимый мой Ганя?

Через месяц тот же почтальон принес в дом Мухаревых новое страшное официальное известие – 7 июля погиб лейтенант Мухарев Михаил Гаврилович. Мать Ивана снова голосила и плакала. 1942 год был страшный для рода Мухаревых. В этот год вместе с отцом и братом Ивана погибло еще 15 Мухаревых, уроженцев деревни Иганино Киселевского района, более дальних родственников нашей семьи. Боль и тоска наполнили Марию Алексеевну на долгое время. В эти дни, прижимая обоих детей – Ивана с одной стороны и Анну с другой – мать говорила Ивану:

– Господи, сохрани хоть Ивана от гибели, не дай погибнуть ему.

Слыша слова матери, младшая сестра Ивана Анна начинала плакать и говорить:

– Ваня, Ванюша не ходи на войну, а то и тебя убьют там.

Иван ничего не отвечал им, только крепко обнимал и прижимал к себе обеих.

В этот страшный для семьи 1942 год Иван сделал шаг к своей мечте – поступил учиться в Беловское железнодорожное училище на помощника машиниста электровоза. Мать, понимая сына, не стала ему мешать в достижении своей мечты. Первый год Иван вместе с другом Василием жили в квартире у одинокого деда Петра за небольшую плату, дед от ребят никакой выгоды не имел, просто одному ему жить было скучно. Парнишки

ему понравились, и он пустил их к себе на квартиру. Благодаря деду Петру Иван и его друг жили сытно – дед не был жадным, что ел сам, тем и мальчишек кормил. На второй год учебы Ивану и его другу дали места в общежитии. Там все было хорошо, но местная шпана задиралась на фзошников. Не один раз приходилось фзошникам выламывать прутья от спинок железных кроватей и защищать себя, отбиваясь от местной шпаны. Ребята в общежитии были боевые и не поддавались местным. Иван внешне выглядел худым и не очень здоровым, но на деле был жилистым и крепким, так как жизнь, когда он жил с матерью в землянке в Прокопьевске, приучила его защищать себя и давать сдачи любому обидчику независимо от того, большой обидчик или маленький, такой же, как он, по возрасту или старше. В драках с местными закалялся характер будущих машинистов. Работа машиниста, особенно грузовых поездов, требовала не только теоретических знаний. Человек, управляющий электровозом и ведущий тяжелый грузовой поезд, особенно на подъемах и спусках, когда электровоз буксует и готов остановиться в любую минуту и перегородить перегон и остановить движение на всей железной дороге, должен иметь и характер, и волю. А когда при спуске и езде на красный тормоза не слушаются и тяжелый состав стремится вытолкнуть электровоз за красный сигнал, нужна еще и хорошая реакция.

Многим фзошникам практика была в тягость, потому что там надо было затрачивать много физических сил, и они часто пропускали ее. Иван же, наоборот, практику проходил очень старательно, не пропускал ни одного занятия, физических сил у него хватало. Мастеру нравился старательный любознательный паренек, который хотел не только понять, что нужно сделать, но и пытался работать самостоятельно. Мастер лично показал Ивану, как нужно разрезать металл ножовкой.

– Твои руки должны быть продолжением ножовки или другого инструмента, – говорил ему мастер, – тогда они сделают из металла, что захотят.

После практики Иван, довольный, шел в общежитие.

Закончился 1942 год. Великая Отечественная война была в разгаре, фронту нужны были новые солдаты, дошла очередь и до молодежи 1925 года рождения, в том числе и до отца, послужить Родине и Отечеству.

В ноябре 1942 года ему исполнилось 17 лет, он успешно и с интересом учился избранной профессии. В первых числах мая 1943 года Иван получил повестку из военкомата. Он явился на призывной пункт, успешно прошел медицинскую комиссию.

– Без физических изъянов парень. Годен к службе в армии в любых войсках, – сказали врачи и допустили Ивана до светлых очей мандатной комиссии. Председатель комиссии спросил его:

– Служить хочешь?

– Хочу, – ответил Иван, и глаза майора посветлели.

– Судимые в семье есть?

– Есть, – ответил призывник Мухарев.

– Кто?

– Отец.

– По какой статье?

– 58-11 УК РСФСР, к 10 годам лишения свободы.

– Ваш отец враг народа?

– Нет, товарищ председатель, моего отца осудили как сына кулака, но это неправильно. Его отца – моего деда раскулачили в 1929 году и отправили в Нарым, но в Нарыме начальник спецпоселения разобрался с этим вопросом и признал, что дед не является кулаком, и освободил его. Но отец уже был осужден, и его дело пересматривать не стали, поэтому он отбывал наказание в течение семи лет на Беломорканале. В 1941 году отец ушел на войну и в 1942-м пропал без вести.

– Интересная история с вашим отцом, сразу не разберешься. Идите, пока продолжайте учиться, если понадобится, вызовем вас позже.

Иван возвратился в училище.

В середине мая 1943 года отца снова вызвали на призывной пункт военкомата, и на мандатной комиссии тот же председатель снова спросил Ивана:

– Судимые есть?

– Есть, – ответил отец.

– По какой статье?

– По статье 58-11 УК РСФСР, к 10 годам лишения свободы.

– Можете идти учиться, вас в армию не берем, – сказал председатель комиссии.

Иван снова вернулся в училище и продолжил учебу.

28 мая 1943 года отца вызвали вновь на призывной участок, где он снова предстал перед той же мандатной комиссией. Председатель вновь задал отцу тот же вопрос:

– Судимые есть?

«Он же знает, что судимый у меня отец. Что им надо, та же комиссия, тот же председатель, и задают один и тот же вопрос в третий раз, – думал Иван. – Если скажу – нет, то не возьмут в армию, тогда как же я отомщу

фашистам за смерть отца и брата? Я и родину хочу защищать, надо говорить «нет», так, наверное, хочет председатель комиссии и вся комиссия, зачем-то им это надо».

– Нет, – ответил Иван.

– Хорошо, по всем статьям ты годишься для Красной Армии, пока иди, вызовем, – сказал председатель.

Иван заулыбался. Он был доволен, что его наконец-то призовут в Красную Армию и он сможет отомстить за смерть отца и брата, погибших летом 1942 года в боях с фашистскими оккупантами.

– Спасибо большое, что взяли меня в армию, мне очень хочется посчитаться с ними за отца и брата.

– Иди, не подведи нас, – напутствовал Ивана председатель комиссии.

Когда Иван вышел за дверь, председатель спросил у членов комиссии:

– Никто не возражает, что новобранца направим в военное училище, там и повзрослеет, пока учиться будет?

– Не возражаем, – ответили члены комиссии.

Председатель положил личное дело Ивана в маленькую стопочку.

Члены комиссии понимали, что отец Ивана был осужден по политической статье, но фактически был пострадавшим, попав под жернова коллективизации. Многим работающим мужикам советская власть поломала жизнь в конце 20-х – начале 30-х годов двадцатого века. По состоянию здоровья и по образованию – 7 классов Иван подходил для обучения в военном училище.

Радостный и улыбающийся отец пришел в общежитие, тайное его желание попасть на фронт исполнялось.

– Ухожу на фронт, ребята, – объяснял он своим однокурсникам.

Через несколько дней, 28 мая 1943 года, семнадцатилетний Иван Гаврилович Мухарев был призван в ряды Красной Армии Беловским ГВК. На сборном пункте среди новобранцев были и ребята, которые учились вместе с ним в Беловском железнодорожном училище. Кругом разговаривали, женщины плакали, играли русские гармоны, люди пели песни и частушки. Сначала, когда Иван шел на призывной пункт, на душе у него было все равно грустно, хотя огромное желание встретиться лицом к лицу с врагом – фашистской гадиной на поле боя и отомстить за гибель отца и брата было большое. Увидев однокурсников и поздоровавшись с ними, отец ободрился и стал держаться мужественно и спокойно. День прошел в суматохе и толкотне на призывном пункте, и только вечером стало известно, что его отправляют в Киевское пехотное училище в г. Кемерово. «Значит, сразу на фронт не возьмут, – расстроился опять Иван. –

Когда же я встречу с ненавистным врагом? Вдруг война закончится, и я не сумею посчитаться с фашистами», – думал он. Из города Белово группу призывников вместе с Иваном привезли на поезде на станцию города Кемерово глубокой ночью. На Коксохиме, который был расположен рядом с железнодорожным вокзалом, горел ярким пламенем свежевыгруженный из батареи горячий кокс, вокруг было все светло. Такого зарева Иван никогда не видал. Он был впечатлен этим.

«Так бывает только на войне», – подумал он.

В Киевском военном училище новобранцев одели в новое, не пригнанное обмундирование, выдали постель и разместили в казарме. Начинались курсантские будни. Но в Киевском училище Иван пробыл недолго, через неделю его с частью прибывших вместе с ним из города Белово новобранцев перевели в Виленское пехотное училище в городе Новокузнецке.

Мать Ивана, узнав, что ее последнего сына призвали в армию, стала плакать и молиться за его здоровье, думать и гадать, когда и куда, на какой участок фронта отправят ее кровинушку, родного сынка Ванюшу. Иван в письмах к матери попытался ее успокоить, объясняя, что перед отправкой на фронт он сначала будет учиться на офицера. Но мать это не успокоило, она хорошо понимала, что на войне офицерские погоны не защитят от смерти, так как не прошло еще и полугода с момента гибели ее старшего сына – лейтенанта Мухарева Михаила Гавриловича.

Зарево Коксохима, встретившее новобранцев из г. Белово в Кемерово, вновь провожало их, когда группа новобранцев вечером из Киевского пехотного училища отправилась с железнодорожного вокзала в город Новокузнецк. От яркого света вечерний небосклон делался еще темнее. Иван, прощаясь с Кемерово, долго смотрел на это зарево из небольшого окна теплушки, пока город не скрылся из вида.

Училище

«Я знаю – город будет,
Я знаю – саду цвести,
Когда такие люди
В стране советской есть!»

Этими словами из стихотворения В. Маяковского встретил город Сталинск (ныне – Новокузнецк) молодых новобранцев на своем

железнодорожном вокзале. Лейтенант, сопровождающий их из г. Кемерово до г. Сталинска подал команду:

– Становись! Равняйся! Смирно! Направо! Шагом марш! – и повел группу по широкой мощеной, с трамвайными путями улице. Шли недолго. За тот небольшой промежуток времени, пока шли к училищу в направлении КМК, новобранцы почувствовали мощь трудового стального горячего сердца всей Сибири – Новокузнецка.

«Вот это город! Вот это красота!» – думал Иван, сравнивая Новокузнецк с серым, тусклым и невзрачным Кемерово.

Примерно через полчаса группа в сопровождении лейтенанта подошла к большому трехэтажному зданию за высокой, с толстыми железными прутьями оградой.

– Группа стой! – скомандовал лейтенант.

Группа остановилась, а лейтенант подошел к проходной охраняемой часовыми, кому-то позвонил по телефону и возвратился к группе новобранцев. Через минуту к проходной вышел дежурный офицер с красной повязкой на руке.

– Группа, смирно! – скомандовал лейтенант.

– Товарищ старший лейтенант, группа из 15 новобранцев прибыла без происшествий в Виленское пехотное училище для дальнейшего прохождения службы.

Старший лейтенант пожал рук лейтенанту.

– Как добрались?

– Добрались благополучно, ребята дисциплинированные, проблем не было, товарищ старший лейтенант, принимайте команду.

– Команду принимаю, можете отдыхать, товарищ лейтенант.

– Есть отдыхать, товарищ старший лейтенант.

Лейтенант развернулся через левое плечо и пошел через проходную в училище.

– Группа, равняйся! Смирно! Поздравляю вас с прибытием для прохождения дальнейшей службы в Виленское пехотное училище.

– Почему Виленское, а не Новокузнецкое? – переспросил кто-то из курсантов.

– Виленское – от названия столицы Литвы Вильнюса. Училище, в котором вам предстоит учиться, старинное, оно было создано в царской России и выпустило за годы существования много офицеров, которые покрыли славой русское оружие. С этим вас подробно ознакомят во время учебы в нашем училище. Еще имеются у кого-нибудь вопросы?

– Имеются, товарищ старший лейтенант. А почему Виленское пехотное училище находится в городе Новокузнецке?

– Идет война, товарищ новобранец. Прибалтику захватили фашисты, поэтому Виленское пехотное училище эвакуировали из столицы советской Литвы Вильнюса к нам в Сибирь, в город Новокузнецк.

– Все понятно, товарищ старший лейтенант, вопросов больше не имеем.

– Группа, слушай мою команду! Равняйся! Смирно! Вольно! Проходим через проходную по одному и строимся возле проходной в две шеренги!

Новобранцы по одному прошли через колонну и построились в две шеренги.

– Группа, равняйся! Смирно! Объясняю вам порядок передвижения по территории училища. С этого дня вы имеете право передвигаться по территории училища только строевым шагом или бегом. Для непонятливых повторяю: разрешается передвижение по территории училища только строевым шагом или бегом. Всем понятно?

– Понятно, товарищ старший лейтенант.

– Надо отвечать не «понятно», а «так точно, товарищ старший лейтенант». Всем это понятно?

Группа молчала, не зная как ответить.

– Ладно, все нормально. Все поймете, не знаете – научим, не хотите – заставим. Понятно я сказал?

– Так точно.

– Вот видите, уже молодцы, начали понимать.

– Группа, равняйся! Смирно! Направо к зданию училища шагом марш!

Группа, чеканя шаг, пошла через широкий двор к зданию училища. Возле здания училища, последовала новая команда:

– Группа, стой! Равняйся! Смирно! Вольно! Разойдись! Проходите в здание.

Группа вошла в здание училища. Зал на первом этаже, в который вошли новобранцы, был большим.

– Располагайтесь здесь, сейчас к вам подойдет старшина и все расскажет и покажет.

Старший лейтенант ушел. Он еще не успел скрыться, как появился старшина. Видя, что новобранцы устали, без лишних вопросов проводил их в столовую, где всех накормили – кого-то досыта, как Ивана, не разбалованного разносолами, а кому-то показалось мало. Но в столовой

было тепло, и на душе стало веселей. Затем всех распределили по ротам, взводам и отделениям и разместили в казарме.

Прошло почти два года после начала войны, в училище вместе с молодежью с гражданки прибыли для обучения фронтовики, солдаты и сержанты, зарекомендовавшие себя как перспективные будущие командиры. Таких бывалых солдат во всех ротам назначили командирами отделений. Они уже понюхали пороха, знали устройство вооружения пехотинца, хорошо стреляли, бросали гранаты, владели штыком и саперной лопаткой, окапывались, ловко и быстро преодолевали полосу препятствий, ползали. Они были уже настоящими солдатами и старались свой богатый военный опыт передавать новобранцам.

Командиры отделений познакомились с новобранцами, каждому показали его место в казарме, а также объяснили, как надо заправлять постель и отглаживать ее двумя дощечками, особое внимание уделяя установке подушки на кровати. С командирами, прошедшими горнило войны под Москвой, Ленинградом и в Сталинграде, было легче овладевать военными науками, как на практике, так и в теории. Эти бывалые воины подсказывали, как действовать в конкретной обстановке. На опытных стариках-командирах даже форма сидела иначе, чем на новобранцах, и офицеры с ними разговаривали уважительно, советовались, как лучше поступить в той или иной сложившейся обстановке на полях во время тактических занятиях.

На следующий день началась настоящая курсантская жизнь. Виленское пехотное училище готовило командиров стрелковых, пулеметных и минометных взводов.

Распорядок дня в училище был плотным: подъем в 6 часов тридцать минут, построение на плацу перед зданием училища, затем распахивались ворота училища, и курсанты выбегали на улицу Орджоникидзе и бежали до площади перед КМК, где полчаса делали физзарядку. После чего снова бегом в училище в казармы, где заправляли кровати. Затем утренний туалет и построение на завтрак. Завтрак и занятия – по полной программе, как было в мирное время: изучение уставов, материальной части оружия и техники. Занятия по политической, строевой, спортивной, огневой и тактической подготовке.

Будущих командиров воспитывали в духе преданности коммунистической партии и советскому правительству, делу Ленина и Сталина. В то время, когда в училище учился отец, существовавший в Красной Армии институт военных комиссаров был упразднен, и командиры воинских подразделений были самостоятельными воинскими

начальниками: на них возлагалось не только обучение солдат военному делу, но и их воспитание. Командир обязан был не только научить солдата воевать: стрелять из оружия, разбирать и собирать его, бросать гранаты, ходить строем, знать воинские уставы, уметь окапываться, поднимать у них боевой дух, вырабатывать у своих солдат военную выправку и дисциплину, но и воспитывать их в духе советской социалистической идеологии и победы над врагом.

На следующий день после прибытия в училище вновь прибывших курсантов ознакомили с историей Виленского пехотного училища и его славными воинскими традициями. Иван и другие курсанты с открытыми ртами слушали офицера – старожилы училища, который рассказывал об истории создания училища, о первых боях курсантов с немецко-фашистскими захватчиками.

Виленское военное училище (Виленское пехотное юнкерское училище) – одно из первых юнкерских военно-учебных заведений Российской императорской армии, готовившее в основном офицеров пехоты. Создано в 1864 году в ходе военных реформ, проводимых Дмитрием Алексеевичем Милютиным в царствование императора Александра II.

«В юнкерских училищах заключается будущность нашей армии. Если учреждение их удастся на практике, то армия будет обеспечена строевыми офицерами.... поднятие нравственного и умственного уровня в массе офицеров мы должны ожидать именно от юнкерских училищ», – отмечал военный министр и последний генерал-фельдмаршал РИА.

Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1864г. СПб. 1866. стр. 24.

Виленское пехотное училище было сформировано в Вильнюсе на основании приказа НКО от 25 августа 1940 г. Первым начальником училища был назначен полковник Г.Н. Сокуров.

Организационно училище состояло из двух батальонов. Первый был сформирован из молодёжи, прибывшей из разных республик Советского Союза, второй – только из молодёжи Литовской ССР. Регулярные занятия начались 1 декабря 1940 года.

В начале мая 1941 года подразделения училища вышли в летние лагеря в районе Швенченелей, где 22 июня их застала война. Вечером 23 июня, учитывая общую обстановку и по приказу коменданта обороны Вильнюса, училище оставило свои позиции и начало отход в направлении Минска. Для усиления училищу были приданы два танка Т-34 и пять бронемашин. Около 18.00 24 июня подразделения училища вступили в

первый бой с мотоциклистами и уничтожили их. Вторая атака была также отбита. Были и первые боевые потери.

По дороге неоднократно приходилось вступать в ожесточённые бои. За Медининкай и вблизи Сморгони курсанты связками гранат уничтожили несколько гитлеровских танков. Отличились курсанты М. Дубинская, В. Величка, С. Рудженис и др. 8 июля 1941 года подразделения училища вошли в Витебск, который обороняли наши части. Там был получен приказ продолжать движение до ст. Вязьма, погрузиться в эшелон и следовать в Новокузнецк (бывший Сталинск) Новосибирской области и с 1 августа приступить к прерванным занятиям» (Из интернета).

В начале обучения, да и потом в ходе всего обучения, вплоть до выпуска из училища, курсантов приучали к обычной солдатской службе. Это делалось для того, чтобы офицеры понимали все ее трудности и тяготы. Иван, как и все курсанты, ходил в различные наряды: дневалил, дежурил, ходил в караулы, отбывал наряды на кухне, где чистили картофель, мыли посуду и полы, убирали в солдатской столовой. Для Ивана эти наряды были нетрудны, он не ими гнушался, потому что с детства был приучен к труду.

Командир учебного батальона курсантов, в котором обучался Иван, был старожилем училища, успевшим поехать с фашистами в первые дни войны. Он понимал, как хорошо обучены немцы и считал их грозным противником, поэтому требовал от командиров рот и взводов, чтобы они обучали курсантов владению винтовкой, карабином, автоматом, ручным и станковым пулеметом, а также минометом и даже штыком свободно, до автоматизма.

– Нужно действовать своим оружием не напрягаясь, свободно, как руками и ногами. Оружие должно быть продолжением ваших рук, – говорил он. – Хорошо будешь владеть оружием, значит, будешь властвовать над врагом. Поэтому старайтесь, учитесь и будете победителями, – напутствовал он курсантов.

Большую часть своего времени командир батальона проводил с курсантами на учебных стрельбах, в поле на занятиях по тактической подготовке, на плацу на строевых занятиях. Основой армии он считал исполнительность и дисциплину. Часто беседовал с курсантами, проверял их знания и внушал им, что они – наследники Александра Невского и Дмитрия Донского, Суворова и Кутузова, Ушакова и Нахимова, и ни один враг не может устоять перед русским солдатом. Эти беседы комбата многим курсантам западали в душу. Комбат и все офицеры учебного батальона, продолжая лучшие традиции офицерского корпуса Виленского пехотного училища, воспитывали в курсантах чувство коллективизма и

взаимопомощи. Слова А.В. Суворова «Сам погибай, а товарища выручай» были девизом батальона, в котором обучался Иван Мухарев.

– Выполняя этот девиз, вы на войне останетесь живыми, помните это, – говорил комбат.

Курсанты батальона были очень дружны и охотно помогали друг другу на любых занятиях и в казарме, в свободное от учебы время, которого, надо сказать, практически не было.

Учиться в училище Ивану нравилось, физически он был подготовлен хорошо, поэтому ему легко поддавались строевая, физическая и тактическая подготовка. Очень нравилось Ивану огневая подготовка. Курсанты изучали матчасть и умели пользоваться всеми видами стрелкового оружия, состоявшего на вооружении Красной Армии. Иван быстро и ловко на время с закрытыми глазами разбирал и собирал карабин, автомат, ручной и станковые пулеметы, с которыми их знакомили в училище. С еще большим удовольствием стрелял он из всех видов оружия и учился бросать наступательные и оборонительные ручные гранаты, а также противотанковые гранаты. В училище он научился стрелять и из противотанкового ружья, все могло пригодиться во время боя с врагом. В училище учили стрелять не только каждого курсанта в отдельности, но и целыми подразделениями. Когда учились стрелять подразделениями, то первые залпы получались вразнобой, но последующие залпы – слаженными и стройными, было видно, как пули дружно хлестали по мишеням. После стрельбы курсанты поднимались и шли к мишеням вместе с командиром для определения результатов стрельбы. Курсант Иван Гаврилович Мухарев стрелял из карабина, ручного и станкового пулемета на «отлично», а из автомата и пистолета на «хорошо». В училище их знакомили со всеми видами вооружения, состоявшего на вооружении Красной Армии, включая артиллерию и танки, и с вооружением немецко-фашистской армии. С удовольствием курсанты посещали занятия по физической подготовке, где не только бегали, прыгали, делали упражнения на перекладине и прыгали через «коня», лазили по канату и шведской стенке, но и изучали приемы рукопашной борьбы. В зимнее время во время утренней физзарядки, перед тем как зайти в здание училище, курсантам не возбранялось обтираться снегом. Ивану это было не в диковинку, и он с удовольствием по утрам принимал снежную процедуру. Обтирание снегом взбадривало здоровые молодые тела. Во время физзарядки курсанты, как дети, кидались друг в друга снежками, да и фактически они были детьми – большинству не было еще и 18 лет. После этих процедур не хотелось спать на теоретических занятиях.

С интересом Иван посещал политзанятия и особенно политинформации, где курсантов знакомили со свежими новостями с фронта, рассказывали о подвигах советских воинов и воинских подразделений, о зверствах фашистов над мирными гражданами и пленными советскими солдатами. Несколько раз за все время обучения такие политинформации в училище проводила ответственный работник горкома ВКП(б) Новокузнецка – высокая красивая брюнетка с вьющимися волосами. Она рассказывала не только об обстановке на фронтах, но и о героизме шахтеров и металлургов Кемеровской области. Курсанты, затаив дыхания, слушали ее политинформации. Она призывала курсантов, чтобы они всю свою жизненную силу сосредоточили на борьбе с врагом, чтобы защитили своих матерей, жен, сестер детей и Родину от страшного фашистского сапога, который уже раздавил Европу. После таких политинформаций курсанты рвались на фронт – поскорее сразиться с врагом. Иван, как и многие, хотел посчитаться с фашистами за смерть отца, брата и других родственников из Иганино, погибших на фронте, но учебный план подготовки офицеров для фронта сокращать никто не собирался – армии нужны были хорошо подготовленные офицеры, а не недоучки.

Знаменательным событием в жизни курсанта Мухарева Ивана Гавриловича стало принятие военной присяги. В этот праздничный день батальон из четырех рот курсантов, призванных вместе с Иваном, в парадно-выходной форме выстроился на плацу при развернутом знамени училища, с духовым оркестром. Курсанты стояли со строгими серьезными лицами, они понимали, что это очень важное в их жизни событие. На принятии присяги присутствовало не только командование училище, но и партийное и советское руководство города Новокузнецка.

Обстановка была торжественная. Перед принятием присяги перед курсантами выступил начальник училища. Затем к столам, стоящим перед каждой ротой, подходили курсанты, они читали громко и торжественно текст присяги, расписывались под ним, целовали боевое красное знамя училища и становились в строй. Дошла очередь и до Ивана, командир роты приказал:

- Курсант Мухарев, для принятия присяги выйти из строя!
- Есть! – ответил Иван.

Чеканя шаг, он вышел из строя и, держа карабин правой рукой, а текст присяги – левой, стал громко и четко читать:

– Я, Мухарев Иван Гаврилович, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным,

храбрым, дисциплинированным, бдительным бойцом, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров, комиссаров и начальников.

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей Советской Родине и Рабоче-Крестьянскому Правительству.

Я всегда готов по приказу Рабоче-Крестьянского Правительства выступить на защиту моей Родины — Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Рабоче-Крестьянской Красной Армии, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

Если же по злему умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся.

После принятия присяги четыре роты курсантов прошли строевым шагом мимо знамени училища. Обед и ужин были праздничными, каждому курсанту дали вместе с обычным обедом и ужином по куску хлеба, намазанному повидлом, в фойе возле столовой играл духовой оркестр. У всех было праздничное настроение. Вечером смотрели кинофильм «Александр Невский», который еще больше поднял боевой дух курсантов.

На следующий день после принятия присяги дисциплина стала жестче, командиры рот объяснили курсантам, что если до принятия присяги курсанты были не совсем военными и им допускались послабления, то с момента принятия присяги курсанты стали настоящими военными и с этого

момента они обязаны отвечать за свои поступки по законам военного времени.

После теоретических занятий по тактике проводили практические тактические занятия. Часто эти занятия проводились в полях за Новокузнецком, вблизи села Калачево Прокопьевского района. На этих занятиях курсанты ползали по-пластунски, совершали перебежки, во время которых надо было не просто упасть и лежать на земле, а упасть так, чтобы тебя не задела пули врага, за укрытие, чтобы спастись, и только после этого нападать. В полях учились воевать и врукопашную, используя штык, саперную лопатку, приклад оружия и просто навыки боевых приемов. Учились рыть и маскировать окопы, бороться с танками противника. Курсантов приучали не бояться танков. Для этого их «обкатывали»: танк на большой скорости наезжал на окоп, в котором находился курсант. Курсант вжимался в окоп всем телом и ждал, когда танк подъедет к окопу. При его приближении курсант должен был бросить в него учебную гранату или бутылку с водой так, чтобы бутылка разбилась. А когда танк проезжал над окопом, в котором прятался курсант, последний кидал в танк вторую противотанковую гранату или бутылку с зажигательной смесью. Некоторые курсанты боялись быстро идущего на окоп танка и убегали, или не успевали бросать ему в заднюю часть гранату или бутылку. Таких солдат комбат не ругал, а просто журил.

– Ничего, впервые всем страшно, привыкнешь, – говорил он.

Занятия проводились в любую погоду, Приучали воевать и в дождь, и в град, и в метель, и в осеннюю и весеннюю слякоть. Осенью и весной, прежде чем построиться, курсанты штыками отковыривали грязь, толстым слоем налипшую на подошвы сапог. Командир отделения – сержант, уже успевший повоевать и вышедший из окружения в 1941 году, учил курсантов основам выживания. Он рассказывал и показывал курсантам, как в критических ситуациях – в окружении или во время нахождения в разведке в глубоком тылу врага, вскипятить чай из снега и сварить похлебку из сухарей. Сержант выкапывал яму в снегу, затем утапывал ее, палкой проделывал в снегу дымоход. Маскировал выходное отверстие ветками и снегом, чтобы дым от костра не был виден, затем наламывал сухих веток, насыпал порох из патронов и поджигал его. Костер хорошо разгорался. На огонь ставил банку из-под тушенки с набитым в нее снегом и в горячий кипяток разламывал сухарь, размешивая крошки. Затем в снегу немного остужал похлебку и давал курсантам попробовать. Намерзшиеся в поле курсанты с удовольствием съедали эту похлебку. Сержант учил курсантов, что для того, чтобы выжить, можно есть любую дикую птицу, включая

ворон, или сорок, или какого-либо мелкого зверька – суслика, белку бурундука, предварительно зажарив его на костре. «В тылу врага мамы рядом с вами нет, и она вас ничем не накормит. Умирать не спешите, на войне это дело нехитрое, поэтому ешьте все, что можно съесть».

Иван, как и многие курсанты, не любил выполнять команду «Воздух!», подаваемую командиром роты обычно неожиданно, независимо от погоды – было ли ясно и сухо, или шел проливной дождь, или выла вьюга и мела метель, или когда рота возвращалась с полей после занятий по тактике, когда курсанты с облегчением думали: «Ну, на сегодня отмучились». Неожиданно над ротой появлялась стая противных черных ворон, командир роты представлял, что это фашистские самолеты и командовал:

– Воздух!

Услышав команду «Воздух!», поданную командиром роты или, по тайному сговору с командиром роты, кем-либо из курсантов, рота разбегалась врассыпную. Курсанты падали, кому как повезет: на сухую землю или в жидкую грязь или лужу. Не любил Иван эту команду не из-за того, что повезло или не повезло, а потому, что командир роты никогда сам не падал, а оставался стоять на месте с ехидным выражением лица.

– Отставить команду «Воздух!»! Становись! – скомандовал старший лейтенант. Рота поднималась и становилась, упавший в грязь про себя костерил командира роты.

– Рота, равняйся! Смирно! Благодарю за службу, товарищи курсанты!

– Служим Советскому Союзу! – отвечали вразной бойцы.

– Отставить, товарищи курсанты, будете отвечать дружно или команду «Воздух!» повторить?

– Есть отвечать дружно!

– Благодарю за службу, товарищи курсанты!

– Служим Советскому Союзу! – уже дружно отвечали курсанты.

– Рота, направо шагом марш!

Рота двигалась в направлении училища строем по лужам и ямам. Командир роты шел сбоку, обходя глубокие лужи, улыбался, он был доволен, что курсанты беспрекословно исполняют его команды. Если бы в этот момент он встретился бы глазами с кем-либо из курсантов, то улыбка пропала бы с его лица и он, возможно, заставил роту вновь выполнять команду «Воздух!» Но этого не случилось, и рота благополучно, без лишних мучений, возвратилась в теплые стены родного училища.

Спали мало, с тактических учений приходили все мокрые, замерзшие, усталые, поэтому после этих занятий в поле на морозе и в дождь многие на

теоретических занятиях кимарили, то есть дремали с открытыми глазами, некоторые – даже во время обеда и ужина. Им не мешал даже громко играющий оркестр в фойе столовой. Время, когда учился в училище Иван, было тревожным. Сначала в июле – Курская дуга, затем приближалась битва за Днепр. Фронту требовались подготовленные бойцы, а их могли подготовить только такие училища, как Виленское пехотное. В начале августа недоучившимся курсантам четырех рот Виленского пехотного училища присвоили звание сержанта и отправили в действующую армию, на битву за Днепр, где выпускники покрыли себя славой. В боях за Днепр 12 младших командиров из этих рот были удостоены звания Героя Советского Союза, многие – посмертно.

Известие о массовом героизме выпускников Виленского пехотного училища долетело и до стен родного училища, в город Сталинск. Это известие подтолкнуло «виленцев» к еще более ревностной учебе военному делу. Виленцев «заряжали» разнообразными военными знаниями, как будто сжимают пружину, чтобы эта пружина в нужный момент разжалась с неудержимой разрушительной силой и знания, навыки и умения, полученные курсантами за время учебы, выплеснулись на фашистских агрессоров. Выпускники училища принимали участие в боях на всех фронтах – в обороне Ленинграда и разгроме фашистов под Москвой и Сталинградом, в Курской битве и штурме Днепра, в освобождении больших и малых городов и населенных пунктов России, Белоруссии, Украины, Литвы, Латвии и Эстонии. Немцы уже чувствовали крепнущую мощь советской армии и понемногу стали уступать той силе, отдавая захваченную ими территорию, отступая в свое змеиное логово. Инициатива на всех фронтах переходила к Красной Армии, фашистская пружина еще имела силы, но наша, советская, уже пережимала ее, и это чувствовалось не только на фронте, но и в глубоком тылу, в таких сибирских деревнях, как Иганино, Черепаново и им подобным. Весь советский народ верил в Победу над фашистской Германией. В конце 1943 года весь мир уже понимал, что советская армия непобедима, и разгром рейха уже не за горами, хотя враг еще был очень силен. Бог справедлив: чистота, скромность, простота, доброта, человечность советских солдат должна была победить наглость, ложь, грубость и преступность немецких нацистов.

7 ноября 1943 года училище вместе со всей страной отмечало двадцать шестую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции.

Утром курсанты училища в парадно-выходной форме построились на плацу перед зданием училища. Начальник училища скомандовал:

– Смирно! Верховный главнокомандующий Вооруженными Силами Советского Союза поздравляет вас и всех советских воинов с двадцать шестой годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции!

Тишину плаца разорвало троекратное многоголосое:

– Ура! Ура! Ура!

– Под знамя, смирно! – раздается команда.

Алое, как кровь, знамя плывет перед застывшим строем курсантов. Духовой оркестр играет бравурный марш.

Затем курсанты училища поротно прошли торжественным маршем перед командованием и гостями училища, среди которых была и ответственная работница горкома ВКП(б), систематически читающая курсантам политинформации. Видя ее, курсанты училища вытягивались и с молодцеватым видом маршировали мимо, стараясь, чтобы она их заметила. В этот праздничный день никаких занятий кроме политинформации в училище не проводили. Завтрак, обед и ужин были праздничные.

В этом же 1943 году Политотделом Виленского пехотного училища курсант Мухарев Иван Гаврилович был принят в члены ВЛКСМ.

После успешного окончания Виленского пехотного училища в июне 1944 года курсанту Мухареву Ивану Гавриловичу было присвоено первое воинское офицерское звание – младший лейтенант, и он вместе с другими «виленцами» с железнодорожного вокзала, пропахшего креозотом от шпал, углем, металлом, соляжкой и бензином, под прощальные гудки паровозов в вагонах-теплушках отправился на фронт, на запад...

Перед отправкой на фронт Ивану посчастливилось встретиться и поговорить с матерью. Напутствуя сына, Мария Алексеевна сказала:

– Сынок, отец и брат твой погибли на войне год назад, почти все семьи Мухаревых с твоей родины – Иганино получили похоронки. Если бы было можно, я бы не отпустила тебя на фронт, но это не в моих силах. Воюй хорошо, голову в кусты не прячь, сам знаешь, с закрытыми глазами не дерутся, поэтому я перед отправкой на фронт тебя благословляю. Возьми эту молитву, она тебя защитит и от пули, и от снаряда, и от штыка фашистов. Носи ее молитву всегда с собой.

Иван взял бумажку с молитвой, положил ее в карман гимнастерки, поближе к сердцу. С этого момента 50-й псалом был с ним всегда, до самого его увольнения из армии в запас. Молитва эта помогала ему всю войну, с ней он ходил в атаку и отбивал немецкие наступления. Она придавала ему силы и уверенности, укрепляла веру в победу над ненавистным врагом. И, вернувшись с войны, он считал, что эта молитва и материнское благословение спасли его во время страшных боев с немецко-фашистскими

захватчиками. Когда рядом большинство бойцов погибали, он оставался жив – Господь оберегал его,

Иван и мать обнялись, поцеловались, и он ушел в казармы училища.

Воинский дух выпускников Виленского пехотного училища был очень высок. Бывшие курсанты были готовы воевать с любым самым грозным противником. Никакой боязни перед немцами не было. Поезд на запад шел быстро, ему везде давали зеленый свет, встречные поезда пропускали его. Фронту нужны были молодые командиры. В каждой теплушке ехали по три отделения – примерно по тридцать человек. Всем спальных мест не хватало, поэтому некоторые ночью спали на полу. Стоял июнь, днем было тепло и двери теплушек были открыты. На ночь же двери закрывали, особенно тогда, когда ехали по Сибири и Уралу. Еду готовили и разогревали на буржуйках, установленных в каждой теплушке. Буржуйки сначала топили углем и дровами, загруженными еще в Сталинске, а когда запасы кончились, то топливо доставали при остановках на станциях с грузовых поездов, стоящих на этих станциях. Вечерами в теплушке было уютно, приятно трещали сосновые дрова в буржуйке, от нее было тепло, а рядом – даже светло. Кто-то кипятил чайник. Другие дремали, разморенные теплом и монотонной ездой. Отсветы огня из буржуйки гуляли по лицам новоиспеченных офицеров. Бывшие недавние курсанты, которые еще только несколько дней назад бегали и ползали в учебных полях на занятиях по тактике и маршировали на плацу при занятиях строевой подготовкой, наконец-то почувствовали себя настоящими офицерами и наслаждались временным спокойствием. Во время движения скучно не было, каждый занимался своим делом: кто-то зубрил устав, кто-то читал газеты, добытые во время остановок на больших станциях, другие шутили и рассказывали анекдоты, а при желании все вместе пели песни под гармонь одного из выпускников училища.

Поезд шел через всю страну, и молодые офицеры увидели Сибирь и Урал, Центральную Россию. Навстречу двигались поезда с ранеными, с разбитой и покореженной техникой. На одной из станций эшелон остановился рядом с санитарным поездом, там были в основном тяжелораненные, подышать воздухом из вагонов никто не выходил, здесь и там сновали только медработники. Раненые выглядывали в окна и махали руками. Один из них поинтересовался:

- Откуда вы, ребята?
- Из Сибири.
- А конкретней?

– Конкретней не можем, ты же военный, сам знаешь, что о таких вещах не спрашивают и не говорят.

– Молодцы, умеете сохранять военную тайну, – похвалил их раненный, но предупредил: – Сильно не радуйтесь, фашисты еще очень сильны и без боя населенные пункты не оставляют. Наша армия сейчас наступает, но немцы свои хорошо подготовились и превратили свои позиции в мощные оборонительные линии. В наступление приходится идти под сильным огнем фашистов, через минные поля и проволочные заграждения, штурмовать множество дотов и дзотов. Солдаты гибнут в каждом бою, много раненых и тяжелораненых. Да вы и сами видите, сколько санитарных поездов вам идет навстречу.

Действительно, санитарных поездов навстречу эшелону, в котором ехали курсанты, попадалось очень много. Война была кровопролитной. Молодым офицерам было тяжело, но они ехали на фронт, чтобы отомстить за гибель наших солдат, сложивших головы за Родину, за поруганную честь женщин, за смерть детей, за сожженные и разграбленные города и села.

– Езжайте, лечитесь, а мы обещаем отомстить за вас фашистской нечисти, – сказал, кто-то из «виленцев» и помахал раненому, с которым вели разговор, и всему санитарному поезду, уходящему на восток, в глубокий тыл.

Эшелон курсантов на пути к фронту оставил за собой Новосибирск, Омск, Курган, Свердловск, Пермь, Саратов, Москву. Смоленск, разрушенную и сожженную Беларусь. После Москвы и до самой Прибалтики вдоль железной дороги в местах, где шли бои, валялась уже начавшая ржаветь, искореженная, поврежденная и брошенная немцами при отступлении боевая техника и разбитые бомбежками вагоны. В Смоленске выпускники Виленского пехотного училища впервые увидели колонну пленных немцев. Некоторые стали хватать камни и кидать в пленных, но большинство, среди которых был и мой отец, остановили их. При приближении к Прибалтике была опасность налета на эшелон фашистских самолетов, поэтому в каждом вагоне были дежурные, которые наблюдали за небом, но немецкие самолеты так и не появились.

21 июня «виленцы» прибыли в Прибалтику, в место дислокации 1-го Прибалтийского фронта. Прямо на станции группу прибывших на фронт молодых офицеров построили для встречи с генерал-майором, командиром дивизии, в которой предстояло воевать Ивану и другими прибывшим вместе с ним офицерам. Генерал-майор поздравил всех с прибытием в 90-ю гвардейскую дивизию 4-й ударной армии и сказал:

– Поздравляю вас с прибытием в действующую армию. Воевать вы будете в 4-й ударной армии под командованием Ивана Христофоровича Баграмяна в 90-й гвардейской стрелковой дивизии под моим командованием. Наша дивизия не простая, а гвардейская, поэтому вам выпала большая честь служить в ней. В нашей дивизии служат мужественные и стойкие воины, которые громят фашистов везде, на всех участках фронта, где поручит командование армии. За героизм и мужество в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками нашей дивизии присвоено почетное наименование «Гвардейская». Вам, новому пополнению, нужно помнить, в какой дивизии вы служите, и приумножать боевые традиции нашей дивизии. Воюем сейчас хорошо, самолетов, танков, артиллерии много, но поскольку наступаем, то обороняющиеся немцы разбивают нашу дивизию за две-три недели.

Новоиспеченные офицеры сначала обрадовались, что попали в гвардейскую часть, но, услышав слова командира дивизии, приуныли, умирать молодым никто не хотел. Однако настроение все равно было боевое: все понимали, что война требует жертв, и большинство было подготовлено к этому. Комдив, видя, что молодежь притихла, ободрил ее:

– Не переживайте, таковы законы войны, наступающих погибает в три раза больше, чем обороняющихся.

После этого генерал-майор обошел строй, возле некоторых офицеров останавливался и знакомился. Остановился он и возле Ивана и внимательно посмотрел ему в глаза. Иван представился:

– Младший лейтенант Мухарев Иван Гаврилович.

– Откуда родом?

– Из Кемеровской области, выделенной в 1943 году из Новосибирской, в связи с большим промышленным значением для фронта и для всего Советского Союза.

– Значит, сибиряк?

– Так точно, коренной сибиряк.

– Люблю сибиряков, хорошо воюете, храбро, стойко, надежно, – сказал генерал, обращаясь уже ко всем вновь прибывшим молодым офицерам, и продолжил движение вдоль строя вытянувшихся перед ним сослуживцев Ивана.

Всех прибывших офицеров распределили по разным полкам дивизии. Иван Мухарев был направлен в 268-й гвардейский стрелковый полк, на должность командира стрелкового взвода. Молодое пополнение 4-й Гвардейской ударной армии пешком отправилось к линии фронта, на запад, где было зарево огня и откуда слышался непрерывный гул артиллерийской

канонады. По дороге и по обочинам, прижимаясь к разбросанным тут и там лескам, двигались почти сплошным потоком наступающие войска, машины, артиллерия, конные повозки, полевые кухни и пехота. Группа молодых офицеров, среди которых был и Иван, также шла на фронт в этом потоке. Несмотря на то, что был день, солнца не было видно, стояла голубовато-призрачная мгла, а на небе висели серые облака. Неожиданно из-за туч выскочила пара «юнкеров» и понеслась к земле, как показалось Ивану, на группу новобранцев.

– «Воздух!» – скомандовал офицер, сопровождающий группу прибывших на фронт.

Группа рассыпалась и стала падать лицом вниз на землю и прижиматься к ней. Самолеты обстреляли упавших курсантов из пулеметов, сбросили несколько бомб и улетели дальше, по-видимому, у них было конкретное задание. К счастью, из группы никто не пострадал от воздушного налета – занятия по тактике, которые не очень любили курсанты, пошли на пользу. Но рядом справа и слева закричали:

– Санитара! Санитара сюда!

На крики к раненым побежали санитары с носилками. Так прошло первое боевое крещение молодых офицеров.

«10 июля войска 4-й Гвардейской ударной армии повели наступление вдоль правого берега Западной Двины в направлении Двинска (Даугавпилса). Для обеих сторон – советской и немецкой взятие Двинска имело большое значение, поскольку взятие Двинска открывало советским войскам дорогу к центрам Литвы – Каунасу и Шяуляю и к столице Латвии Риге.

Ориентир для наступления был хороший, продвигались вдоль железной дороги. Фашисты встретили армию Баграмяна сильным огнем, у немцев было большое количество минометов, артиллерии и пулеметов. С боями приходилось занимать хорошо укрепленные опорные пункты и траншеи противника. В Прибалтике на местности было множество озер, болот, ручьев и небольших возвышенностей. Эти природные условия создали для немцев благоприятные условия для обороны и сковывания советских войск, но советскую армию остановить было невозможно, и 17 июля войска 2-го Прибалтийского фронта вступили на территорию Латвийской ССР. Весь фронт отмечал это радостное событие. Вступить на родную землю первыми было доверено латышским воинским подразделениям 130-го Латышского корпуса. Под марш духового оркестра они торжественным строем прошли мимо восстановленного пограничного столба. Во всех воинских подразделениях проводились политинформации

по темам «Советская Литва – равноправная республика многонационального Советского Союза....»

Фашисты отступали, фронт боевых действий расширялся. Зверства фашистских захватчиков на территории Прибалтики были бесчеловечны. «В период оккупации в Советской Латвии было истреблено 250 тысяч человек, В Эстонии – свыше 125 тысяч человек». (История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945 гг. Москва. Воениздат, 1962 г., том 4, стр. 336.)

«Для того чтобы население Прибалтийских республик помогало изгонять немецко-фашистскую армию с территории Прибалтийских республик, в войсках было прочитано обращение ЦК Компартии Латвии, призывающее латышский народ помогать Красной Армии изгонять немецко-фашистских оккупантов...

По мере продвижения к Двинску немцы оборонялись все яростнее и яростнее. На пути к Двинску советским войскам пришлось взламывать три линии обороны. Две линии наши войска прорвали сходу, над третьей пришлось повозиться. Третья линия обороны фашистов состояла из трех полос с хорошо оборудованными укреплениями, проходила она в 15 км от города. С тяжелыми боями, которые шли весь день и всю ночь, части 4-й Гвардейской ударной армии 27 июля овладели Двинском. За время оккупации немцы в Двинске расстреляли 23 тысячи человек гражданского населения. Вечером 27 июля в Москве и на фронтах в честь этой победы был дан праздничный салют во ознаменование успехов Прибалтийских фронтов и по радио был зачитан приказ Верховного главнокомандующего об объявлении всем частям и соединениям, принимавшим участие в освобождение Двинска, благодарности. (П. Драгунов. «Мы шли на Запад», Красноярское книжное издательство, 1981 г., стр. 99, 102, 104, 105).

Фашисты отступали, фронт боевых действий в Прибалтике расширялся все больше и больше. Дивизия, в которую попал служить Иван, не давала фашистам покоя и неотступно преследовала их. Дороги, железнодорожные пути, мосты, города и деревни при отступлении фашисты уничтожали. При отступлении они массово минировали здания, дороги и даже сельхозполя. Мины были везде: в домах, в печах, в брошенных повозках, тарантасах, машинах, мотоциклах и велосипедах. В дивизии всем командирам было приказано проводить беседы с бойцами, чтобы они ничего, никаких вещей на улицах в населенных пунктах и вне их поднимали и в дома без их предварительной проверки саперами не входили. Работы саперам было очень много, и они не подвели. «Весь август прошел в непрерывных боях. 4-я ударная армия с 05.07. по 08.08.1944 года входила в

состав 2-го Прибалтийского фронта, а с 08.08.1944 года вошла в состав 1-го Прибалтийского фронта. Воины первого и второго Прибалтийских фронтов за это время освободили свыше 40 населенных пунктов и прошли с боями 200 км.

1 сентября Прибалтийские фронты получили распоряжение Ставки Верховного Главнокомандующего подготовиться к наступлению на столицу Латвии Ригу. Бои с фашистскими захватчиками не прекращались ни на минуту. 14 сентября войска обоих Прибалтийских фронтов начали наступление на Ригу, «на ее подступах немецко-фашистские оккупанты подготовили четыре оборонительных рубежа. Рубеж «Валга» общей глубиной 12 км; рубеж «Цесис», проходивший от побережья Рижского залива до реки Западная Двина; рубеж «Сигулда», состоящий из двух оборонительных полос и трех промежуточных позиций; Рижский оборонительный обвод, имевший три позиции, одна из которых проходила по окраине города» (История Великой Отечественной войны. – М.: Воениздат, 1962 г., с. 344).

«Ведя наступление на Ригу, наши части натолкнулись на ожесточенное сопротивление гитлеровцев, которые огнем своей артиллерии, минометов и авиации, контратаками старались помешать продвижению советских войск. Но ничто не смогло сдержать нашего наступления. Уже к концу дня 14 сентября войска 43-й армии и часть сил 4-й ударной армии овладели первой, а на узком участке севернее Баски – и второй полосой вражеской обороны.

Упорно обороняясь от наступающих советских войск, гитлеровцы обрушили значительные силы на наши войска. 24 сентября наступающие здесь части соединения вынуждены были перейти к обороне. (П. Драгунов. «Мы шли на запад». Красноярское книжное издательство, 1981 г., с. 112-113). 4-я ударная армия, в составе которой находилась 90-я гвардейская дивизия и 517-й полк, в котором предстояло служить Ивану Гавриловичу Мухареву, командиру стрелкового взвода, получила приказ сосредоточиться в районе Шяуляя, отсюда нанести удар на Клайпеду (Мемель) и выйти к Балтийскому морю.

«Выполняя приказ командования, 4-я ударная армия повернула на юг и начала наступление в направлении Клайпеды. Воинам дивизии не привелось драться с фашистами непосредственно в самой Риге, но, наступая на Рижском направлении и ведя бои на дальних подступах к Риге, они внесли немалый вклад в дело освобождения города от фашистских захватчиков.

Всем бойцам и командирам частей и соединений, участвовавших в боях за Ригу, была объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего.

Чем дальше продвигались наши войска на запад, тем яростнее становились контратаки гитлеровцев.

В полосе наступления 4-й ударной армии противник вводил новые, главным образом, танковые и моторизованные части, стараясь смять боевые порядки наших соединений. Только за один день боя 7 октября войскам 1-го Прибалтийского фронта пришлось отбить 20 сильных контратак противника.

К концу октября наши войска подошли к сильно укрепленному рубежу противника Тукумс – Лиепая, блокировав на Курляндском полуострове до 30 вражеских дивизий. Начиная с этого времени и вплоть до 8 мая 1945 года на полуострове, на фронте протяженностью 220 км, велись напряженные бои. Временами они затихали, затем разгорались с новой силой. Фашисты цеплялись за каждую траншею, высоту, за каждый хутор, селение,. Многие объекты неоднократно переходили из рук в руки».(Незабываемые дороги. М. Воениздат, 1974 г., с. 226.)

Вот в такой практически каждодневной боевой обстановке при обстреле фашистскими самолетами отец прибыл в свой полк, свой батальон и в свою роту и воевал в 4-й ударной и 6-й прорывной армиях на первом и втором Прибалтийских фронтах. В 3-м батальоне, в который попал отец, командир батальона встретил его доброжелательно, как сына родного. Узнав, что он из Сибири и закончил Виленское пехотное училище, обрадовался,

– Сибиряк, да еще с военным образованием, такие, как ты, нам сейчас очень нужны, каждый день в боях. Спасибо командиру полка, что обученного офицера прислал. Будешь служить в 7-й роте, командир стрелкового взвода. Солдаты там совсем неопытные, необученные, присланные прямо с мобилизационных пунктов. Скоро наступление, постарайся как можно лучше научить их военному делу. Да во время боев не геройствуй, зря голову не подставляй, хотелось бы, чтобы ты не сразу погиб, а повоевал.

После войны провели статистические исследования и установили, что из офицерских должностей в пехоте самой опасной была должность командира стрелкового взвода. На этой должности офицер воевал всего три дня, на четвертый его убивали или он был ранен и покидал строй.

Командир седьмой роты, в которую был назначен взводным Иван Мухарев, сам был новым человеком в этом батальоне и в полку, несколько

дней назад он прибыл в полк из госпиталя после ранения. Он так же, как и командир батальона, обрадовался прибытию в его роту нового офицера, но узнав, что младший лейтенант еще не воевал, и ему всего 18 лет, расстроился: совсем молодого мальчика назначили ему в роту взводным, сможет ли он руководить взрослыми мужиками, подумал он, но виду, что расстроился, не подал.

– Пошли, покажу хозяйство и познакомлю со взводом, – и сразу же отвел Ивана во взвод и представил взводу нового командира, показал стыки взвода с другими взводами, а также сектор обстрела взвода. Соседом слева у взвода Иван был второй взвод, а соседом справа – четвертый взвод, ни в одном из взводов не было окопов, солдаты находились в простых ячейках. Иван очень удивился, почему рота не закопалась в землю, а вдруг немцы пойдут в атаку, как же отбиваться от них – рота не подготовлена к обороне.

– Товарищ капитан, а почему рота не подготовлена к обороне, почему солдаты находятся не в окопах, а в ячейках?

– Незачем солдат мучить, мы же наступаем.

– Товарищ капитан, я молодой и чувствую себя еще не очень уверенно, поэтому разрешите моему взводу вырыть окопы и находиться в окопах?

– Разрешаю, запретить не могу, но на твоём месте я бы не стал мучить солдат. Советую также тебе постоянно находиться со взводом и по мелочам не отлучаться, для этого назначь себе связного и через него решай все вопросы. Если же уходишь из взвода, то вместо себя оставляй исполняющего обязанности командира взвода, обычно это делает командир первого отделения. Ты, товарищ младший лейтенант, меня понял?

– Так точно, понял, товарищ капитан, назначу связного и исполняющего обязанности командира взвода.

Отвечая капитану, Иван стоял перед ним, вытянувшись в струнку, как на плацу военного училища. Увидев это, капитан сказал:

– Не тянись передо мной, как на плацу, ты на фронте, в обращении со мной будь проще. Понял, что я сказал?

– Понял, товарищ капитан.

– Приступай к командованию взводом, о солдатах заботься, как отец, я пошел.

– Есть приступать к исполнению обязанностей командира взвода, товарищ капитан.

– Успеха тебе, – капитан пожал Ивану руку и отечески подтолкнул его в сторону 3-го взвода, в который он был назначен командиром, и ушел из расположения взвода Ивана.

После ухода командира роты Иван выполнил распоряжение командира роты – назначил связного и исполняющего обязанности командира взвода на периоды его отсутствия.

Во взводе, которым поручили командовать Ивану, было 42 бойца. Состав взвода был разношерстным. Большинство солдат были молдаванами, но были также и русские, белорусы, украинцы и татары. Но разношерстный состав взвода не был бедой. Бедой было то, что с оружием из 42 человек умели обращаться только шесть человек, то есть те, кто прошел школу войны, кто уже повоевал, был ранен, выздоровел и возвратился снова в строй, а также бывшие партизаны Белоруссии. Иван представился взводу и обошел строй, познакомился с каждым бойцом. Затем разделил взвод на шесть групп и поручил солдатам, умеющим обращаться с оружием, обучать неопытных бойцов разбирать и собирать: карабины, автоматы, пулеметы, стрелять из этого оружия, уметь владеть штыком и обращаться с боевыми гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Кроме этого, он приказал всем взводам сначала вырыть окопы в полный профиль, а затем приступить к занятиям по изучению оружия и обращению с ним. Поставив задачу перед взводом и спросив у командиров отделений, ясно ли задание, и получив ответ, что ясно, ушел в блиндаж к командиру роты познакомиться поближе и получить боевое задание для своего взвода. Еще не успев присесть в блиндаже командира роты и начать с ним разговор, как в блиндаж зашел сержант из взвода Ивана и обратился к командиру роты:

– Товарищ капитан, разрешите обратиться к младшему лейтенанту Мухареву?

– Разрешаю, – ответил командир роты.

– Товарищ младший лейтенант, разрешите обратиться?

– Разрешаю, – ответил Иван.

– Товарищ младший лейтенант, чем рыть окопы? У нас нет лопат.

– Саперные лопатки имеются у каждого бойца?

– Так точно, у каждого.

– Копайте саперными лопатками, можете обратиться к старшине роты, спросите у него, может в роте имеется какой-нибудь шанцевый инструмент. Вам, товарищ сержант, все понятно?

– Так точно, понятно, товарищ младший лейтенант. Разрешите идти?

– Идите.

Сержант оказался проворным. Он добыл у старшины несколько лопат, и через полчаса все отделения взвода, которым командовал Иван, уже рыли окопы. Мысли Ивана стали приходить в порядок, он уже стал чувствовать

себя более уверенно – настоящим командиром. Все, что происходило сегодня, – сначала передвижение в группе с другими офицерами к линии фронта в распоряжение своих подразделений, затем бомбежка, знакомство со взводом и первые боевые распоряжения, отданные им подчиненным, все это было похоже на полевые тактико-инженерные занятия, которыми он занимался в училище.

Молдаване были привычны к работе с землей, литовский грунт был не очень твердым, пах болотом, но был перемешан с камнями. Несмотря на это, к вечеру весь взвод младшего лейтенанта Мухарева закопался в землю. Командиры отделений доложили, что окопы готовы, открыты в полный профиль, как было приказано. В этих окопах можно было воевать по-настоящему и даже отбиваться от возможного нападения танками. Быстрое и правильное выполнение первого задания, отданного им солдатам своего взвода, вдохновило Ивана, он был доволен и собой, и своими солдатами. На следующий день бойцы взвода прокопали траншею к блиндажу командира роты, и для него вырыли подобие небольшой землянки, только без наката, в которой было легко передвигаться и вести наблюдение за окружающей местностью. Для солдат взвода были созданы подходящие условия для борьбы с нападающим противником. Иван похвалил командиров отделений и всех солдат и дал распоряжение всем изучать материальную часть оружия в шести группах, как он определил ранее. Сам также помогал солдатам разобраться с конструкцией и устройством оружия. Взвод младшего лейтенанта Ивана Мухарева находился в боевом состоянии в открытых в полный профиль окопах, соединенных траншеей с блиндажом командира роты и далее полутраншеей с блиндажом командира батальона. Сверху на брустверах окопов лежали мешки, наполненные песком. Из мешков с песком были сделаны три амбразуры для пулеметов взвода. Из одной амбразуры выглядывал пулемет «максим», а из двух других – два ручных пулемета Дегтярева. В один из вечеров перед наступлением младший лейтенант И. Мухарев уничтожил в пулеметной дуэли немецкого пулеметчика. Тот еще до прибытия Ивана в роту докучал бойцам этой роты, убив пятерых, в том числе и командира взвода, которого заменил Иван, и ранив десятерых бойцов.

Немец был опытным и искусным пулеметчиком. Дав несколько очередей по русским позициям, он обязательно менял свою, с которой вел огонь. В Виленском пехотном училище Иван хорошо научился стрелять из всех видов пулеметов, которые были на вооружении Советской Армии. Три дня Иван присматривался к немецкому пулеметчику и заметил, что тот стреляет с разных позиций, но ни на одной из них не задерживается. Однако

эти три позиции для него были основными, видимо, наиболее удобными. Пристреляв из карабина эти позиции, Иван стал ждать появления немецкого снайпера-пулеметчика. Чтобы выманить его на пристрелянные позиции, он попросил старшину во время ужина, чтобы в надвигающейся на землю темноте, было хорошо видно, откуда будет стрелять немецкий пулеметчик, не прятать термос для еды, а наоборот, выставить его на бруствер, будто солдаты обедают. А нескольких солдат из своего взвода попросил пробежать в направлении стоящего термоса, показывая противнику, что торопятся на ужин. После пробежки один из солдат выставил рядом с термосом манекен, сделанный заранее из солдатской фуражки и шинели. Немецкий пулеметчик не растерялся и срезал очередь фуражку с шеста, а Иван из своего «дегтярева» сделал короткую очередь в сторону немца. Тот, ободренный первым успехом, сгоряча засадил в Ивана длинную очередь, хорошо обозначив свое местонахождение, – часть пуль оказалась трассирующими. Иван из другого пулемета из соседней амбразуры длинной ответной очередью поразил его. Прибежавший командир роты обрадовался, увидев его живым.

– А мы думали, что немец убил тебя, пули летели прямо в твою амбразуру, откуда ты стрелял.

Так перед самым наступлением на фашистские позиции командир взвода младший лейтенант И. Мухарев поднял дух бойцов своего взвода. Через несколько дней командир роты вызвал Ивана и других командиров взводов роты к себе и сказал:

– Поступил приказ о наступлении. Наступление назначено на шесть утра завтрашнего дня. Запомните, сначала споют «катюши», затем «бог войны» артиллерия, потом – авиация, и после зеленых ракет все – вперед. Соседи тоже поднимутся в атаку, фронт наступления будет широким. Задача захватить первую линию немецкой обороны, а если получится, то и вторую. Всем все понятно?

– Так точно, товарищ капитан, все понятно, – ответили командиры взводов.

– Раз понятно, тогда всем взводам надо получить каски, патроны и гранаты у старшины.

– Вам ясно, младший лейтенант Мухарев?

– Так точно, ясно, сейчас пошлю получать, все сделаю без задержки.

Придя в расположение взвода, Иван вызвал к себе командиров отделений и распорядился, чтобы они получили на взвод у старшины роты каски, три ящика патронов и гранаты и доставили их в окопы взвода.

– Есть получить каски, патроны, гранаты у старшины роты, – повторили дружно командиры отделений и незамедлительно выполнили приказ взводного.

Здесь, в окопах, Иван впервые увидел, как быстро вскрываются ящики с патронами. Опытные солдаты били углом ящика, в котором находились патроны, о землю, ящик рассыпался, и пачки с патронами освобождались от деревянной тары. Патроны были поровну разделены по взводам.

За два часа до атаки, в четыре часа утра, Иван проснулся от сквозняка, который залез к нему под шинель и заморозил бок. В окопах, несмотря на лето, спать на земле было холодно. Он взял автомат и вышел, чтобы проверить боевое охранение взвода. На немецкой стороне методично, с равными интервалами по времени, взлетали осветительные ракеты, блекло освещая местность перед немецкими траншеями. На нашей стороне было еще темно, но скоро глаза Ивана привыкли и присмотрелись в темноте, луна уже почти спряталась, но сквозь туман проглядывались мерцающие звезды. На первом же посту, а их было три, обнаружил, что часовой не стоит, как положено, а сидит. Иван понял, что молодой солдат-молдаванин, который и стрелять-то еще толком не научился, спит. Слегка толкнул его в плечо, солдат вскочил:

– Рядовой Ефремов, в карауле сидеть нельзя, нужно стоять, а спать вообще запрещено. Заснешь, немец подползет и зарежет тебя, а затем и всех нас. Ты служишь в армии, и ты на войне, ты что, не понимаешь этого?

– Виноват товарищ командир.

Иван прошел дальше, на двух других постах все было нормально, солдаты исправно несли службу. Увидев его, докладывали, что на их постах без происшествий.

В пять часов утра командир роты приказал привести взводы в боевую готовность. Иван приказал солдатам, стоящим в карауле, будить солдат взвода. Через час идти в атаку. Он прошел по всем окопам, оглядел всех солдат, приободрил их и расположил бойцов взвода на расстоянии одного метра друг от друга. Приготовив взвод к атаке, возвратился на свое место. Солдаты немного повозились в окопах, направили оружие в сторону немецких позиций и затихли в ожидании команды об атаке немцев. Иван остро ощутил чувство близости и даже родства со своими солдатами, фактически чужими ему людьми. Он передал по солдатской цепи команду взводу рассредоточиться во время атаки и близко друг к другу не бежать на противника. Его команда была выполнена немедленно. Звезды на небе гасли и постепенно светлели, несмотря на то, что был небольшой туман. С немецкой стороны периодически стрекотали пулеметы, и трассирующие

пули тянулись в сторону расположения наших войск. Некоторые пули долетали до окопов, в которых находился Иван со своим взводом, и ударялись в брустверы. Иван ждал появления в небе зеленой ракеты, означающей начало атаки, и думал, что все же командир роты был неправ, говоря, что не надо закапываться его взводу целиком в землю. Отдельные очереди немецких пулеметов, хотя и неприцельные, но все равно чиркают об окопы, и если бы не было бы окопов, то могли бы убить кого-либо из его взвода. Он правильно поступил, заставив подчиненных ему бойцов зарыться в землю, хотя сейчас он со своим взводом поднимется в атаку, и эти хорошо подготовленные его взводом позиции они оставят навсегда.

Перед атакой к нему заглянул ротный:

– Как у тебя дела, младшой? – спросил он.

– Все в порядке, товарищ капитан.

– Не боишься?

– Нет, товарищ капитан.

– Не подведи, кто в атаку поднимется с теми и иди. Отстающих я соберу, и мы вас догоним. Нас не жди, иди вперед как можно дальше, связь будем держать через связного. Ты понял меня?

– Все понял, товарищ капитан. Все сделаю, как вы сказали.

В пять часов утра к нашему переднему краю неожиданно для всех подъехали легендарные «катюши», они остановились в трехстах метрах от окопов, в которых находился его взвод. Иван и его солдаты видели эти минометы впервые. На вид обыкновенные машины, но вместо кузова стальные рельсы, на которых находились похожие на сигареты снаряды. В 5 часов 20 минут «катюши» дали залп и сразу, развернувшись, уехали. Их залп сопровождался громом, ревом и хвостатым пламенем, тянувшимся за сорвавшимися с рельсов снарядами. Необстрелянные солдаты из взвода младшего лейтенанта И. Мухарева упали от неожиданности и страха на дно окопов, в которых находились. Иван же и бойцы, уже побывавшие в боевых передрягах, с восхищением глядели вслед уезжающим «катюшам». Этот впервые увиденный вблизи младшим лейтенантом И. Мухаревым залп «катюш» не только восхитил его. Он вселил в него на все время войны уверенность в непобедимости Советской Армии. Даже фашистские танки с этого момента ему стали ему не страшны.

– Видите, видите, как наши «катюши» фашистам прикурить дали, побольше бы нам такого оружия! – восторженно, не скрывая восхищенных эмоций, говорил своим бойцам командир взвода младший лейтенант Иван Мухарев. – Командиры отделений, поднимите своих бойцов, объясните им,

что это наши «катюши» нанесли немцам этот несокрушимый удар, объясните, что с таким оружием мы непобедимы.

К сожалению, перед предстоящей атакой не все бойцы взвода младшего лейтенанта И. Мухарева пришли в себя и отошли от шока, который на них произвел залп «катюш».

В 5 часов тридцать минут заговорила советская артиллерия. Она обрушила вал огня на немецкие позиции, сметая все подряд на своем пути: немецкие проволочные заграждения, доты, дзоты, хорошо укрепленные блиндажи и траншеи вместе с не успевшими убежать с передней линии обороны фашистами, доделывая то, что не доделали «катюши». После этого по немецким траншеям прошлись штурмовики, добавив жару уцелевшим немцам. Земля дрожала от взрывов. Младший лейтенант И. Мухарев вместе со своими солдатами стояли наготове, ожидая сигнала к атаке. Ровно в 6.00 над переднем краем русских позиций взвилась зеленая ракета.

Увидев в небе зеленую ракету, когда еще артиллерийская подготовка еще не умолкла, Иван выскочил на бруствер окопа с автоматом в руке, скомандовал:

– Взвод, в атаку! Вперед! За мной! – И, выпрыгнув из окопа, побежал вперед, не оборачиваясь, за стеной еще не утихшей артиллерийской канонады и навстречу запоздалой ответной немецкой артиллерийской контратаке, накрывающей наши позиции. Большинство солдат взвода выскочили из окопов и ринулись за молодым командиром в атаку на немецкие позиции. Однако, попав под разрывы немецких снарядов, они попятились назад, в свои окопы. Другие так и не поднялись из окопов и не пошли в атаку, оставшись сидеть, прижавшись к стене окопа спиной и зажав между ног карабины и автоматы. Третьи бросились в противоположную сторону, пытаясь там спастись от обстрела. Пробежав сгоряча сотню метров, Иван оглянулся и увидел рядом с собой только шесть бойцов из своего взвода, тех самых, которые уже прошли проверку огнем в боях с фашистами. Времени возвращаться назад, собирать струсивших бойцов и заставлять их уговорами и угрозами идти с ним в атаку не было, по плану это должен был делать командир роты, который со своими взводами находился сзади, на расстоянии 150 метров от окопов и наблюдал за действиями других взводов.

– Вперед! – скомандовал Иван своим бойцам и побежал вместе с ними в атаку на немецкие позиции. Вскоре Иван с группой солдат из своего взвода добежали до первой линии обороны фашистов. Из траншей никто не стрелял. Страшная картина предстала перед ним: траншеи были перепаханы нашими «катюшами», артиллерией и авиацией, везде валялись трупы

немецких солдат. Пулеметы немцев и легкие пушки были искорежены и перевернуты, кустарник и деревья, находившиеся рядом с траншеями, были выворочены с корнями, живых фашистов практически не осталось. Земля в траншеях и вокруг них, а также убитые фашисты от попавших в них снарядов «катюш». Даже нашим солдатам на все это было жутко смотреть. Иван впервые так близко от себя увидел мертвых фашистов, но ни страха перед ними, ни жалости не испытал.

«С мечом пришли, от меча и погибли, – вспомнил он знаменитое высказывание князя Александра Невского. – Получили, что заслужили».

Наступления немцы не ждали, советские артналет и авианалет фактически застали их врасплох. Многие убитые фашисты были одеты только наполовину, большинство из них так и не успело проснуться, застигнутое советскими снарядами и бомбами. Некоторые немцы были ранены: стонали, выли, кричали, молили и просили о помощи, но оказывать им помощь времени не было, надо было продолжать наступление, чтобы соратники этих убитых и раненых фашистов не убили и не ранили наших солдат, освобождающих советскую Прибалтику. И лишь немногие уцелевшие счастливчики, мелькая белым нижним бельем, убегали к заранее подготовленной второй линии обороны.

Над землей вставало яркое летнее солнце. Просыпался августовский знойный день. Ясное небо, ни облачка, идеальные условия для действия авиации, но для пехоты жара при наступлении не очень желательна. От жары солдаты сильно потели, гимнастерки промокали и пачкались от дорожной пыли. Неправильно намотанные портянки сбивались в комки в сапогах новобранцев и натирали на ногах кровавые мозоли, вызывающие боль при каждом шаге. Бежать мешали саперные лопатки, бьющие по ногам, и противогазы, трущиеся о спины.

Пробежав первую линию немецких траншей. Иван с группой бойцов бросился вдогонку за убегающими немцами, но наткнулся на минное поле, перед которым стоял подбитый немецкий танк. Из люка машины, наполовину согнутый, торчал труп танкиста. Ветер шевелил его мышинового цвета френч, из-под которого выглядывали серая рубашка и блестящие пряжки подтяжек. Иван с группой бойцов остановились возле подбитого танка. Сержант, командир первого отделения, не отстающий от командира взвода ни на шаг, запрыгнул на танк, достал из кобуры убитого фашиста «парабеллум», спрыгнул на землю и протянул его командиру.

– Ваш первый трофей, командир.

Иван взял пистолет и засунул его за пояс.

– Ваше мнение, сержант, что делать, как будем переходить минное поле? – спросил Иван.

Сержант ответил:

– Не волнуйтесь, товарищ младший лейтенант. Видите подбитый танк? Пойдем по следам от траков этого танка, гарантия, что там мин нет.

– Молодец сержант, – подумал Иван и дал команду:

– Взвод, направляющий пулеметчик Городилов – прямо, остальные справа, слева по одному, по тракам танка через минное поле – вперед!

Преодолев минное поле, пулеметчик упал на землю и приготовился подавлять из пулемета огонь фашистов, могущих помешать группе бойцов с командиром взвода преодолевать минное поле. Но опасения его не подтвердились – никто из немецких солдат не обстреливал Ивана с бойцами. Успешно преодолев минное поле, взвод бросился вперед по направлению к реке и недалеко, метрах в 300 от себя, увидел спешащих так же, как и они, к реке немцев, человек 18–20, один из них был со станковым пулеметом.

Увидев немцев, Иван перестал дышать. Вот они, фашисты! В рогатых касках, как будто нарисованные, словно с «груднушек» со стрельбища или с афиш и экранов клубов, в которых показывали военную хронику о зверствах фашистов на оккупированной ими территории. Но это были не нарисованные, а настоящие живые фашисты. «Наконец-то я дождался своего часа, сейчас я поквитаюсь с ними за зверства на советской земле, за смерть отца и брата. Я знаю, что я должен делать сейчас, чему меня учили в училище целый год», – думал Иван.

– Взвод, слушай мою команду! Прицел три, залпом – пли!

Первый залп прозвучал вразнобой, но несколько фашистов, будто споткнувшись, упали на землю, а остальные продолжали так же бежать в направлении реки, ко второй линии обороны. Ободренный первым успехом, Иван вновь скомандовал:

– Взвод, прицел три, залпом – пли!

Второй залп прозвучал уже более слаженно, и снова несколько фашистов повалились на землю.

– Взвод, прицел три, залпом – пли!

Совсем дружно прозвучал третий залп остатков взвода, которым командовал Иван. После залпа снова из группы отступающих фашистов упали еще несколько. Уцелевшие немцы, человек 9–10, стали разбегаться в разные стороны. Группа же Ивана по его команде сделала еще несколько залпов и уничтожила и рассеяла отступающую группу немцев до конца. Большинство фашистов были убиты, а некоторым вместе с пулеметчиком

удалось убежать и спрятаться в лесу рядом с рекой. Не останавливая движение взвода к реке, Иван про себя подумал: если немецкий пулеметчик выберет сейчас хорошую позицию и начнет стрелять, то он положит остатки взвода, с которым он преследовал отступающих немцев. Слава богу, худшие опасения Ивана не оправдались, немецкий пулеметчик, по-видимому, решил закончить войну, стрелять в русских солдат не стал, убежал и где-то спрятался.

Минут через двадцать Иван с остатками своего взвода добежал до берега реки. Хотя солнце уже поднялось высоко, и река, и ее берега еще были в тумане. Берег, на котором находился Иван со своим взводом, был пологим, заросшим камышом и кустарником, противоположный же берег – высоким и обрывистым, хорошо укрепленным – подготовленным для обороны. Он был выше берега, на который прибежал после боя с группой немцев Иван с бойцами. На этой стороне реки у берега стояли три немецкие лодки, прикрепленные к шнурам, натянутым между двумя противоположными берегами. По-видимому, к этим лодкам и бежала отступающая от взвода Ивана группа немцев. Лодки были приготовлены для них.

–В лодки! – скомандовал Иван.

Быстро приближался противоположный песчано-глинистый берег/ Носы лодок вышли из воды на прибрежную полосу. Иван вместе со взводом быстро выскочили из лодок на противоположный берег, заняв пустующие немецкие траншеи. Рассредоточив бойцов вдоль немецкой траншеи, Иван вырвал листок из блокнота, положил его на планшет и написал рапорт командиру роты.

Командиру 7-й роты
капитану Баранову П.Г.

Рапорт

Докладываю, что в 8.50 с шестью бойцами взвода захватил немецкие траншеи на противоположном берегу реки, прошу подкрепление, иначе траншеи не удержу.

Командир 3-го взвода
младший лейтенант
И. Мухарев

Вручая рапорт связному Мухарев сказал:

– Не найдешь командира роты, найди командира батальона и передай рапорт ему. Объясни, что у меня от взвода осталось только шесть человек. Траншеи длинные, поэтому оборону траншей по всей линии обеспечить не смогу.

– Есть, товарищ командир, все сделаю, как Вы приказали.

Связной на одной из захваченных лодок возвратился на берег, где находился третий батальон полка, в котором воевал взвод младшего лейтенанта И. Мухарева, и доставил рапорт командиру батальона. Иван приготовил взвод к обороне захваченных немецких траншей, не позволив немцам вернуть захваченные его взводом траншеи. Отразив несколько атак разрозненных групп фашистов, пытающихся переправиться через реку и вернуть свои траншеи, бойцы Ивана обеспечили поддержку остальных подразделений своего полка, переправляющихся через реку к ним на помощь.

После боя Иван узнал, что участь солдат, проявивших малодушие, а проще говоря, трусость во время боя, была страшной. Этих сбежавших с поля боя бойцов, которых собирал шедший сзади роты командир роты капитан Баранов П.Г., вместе с ним расстреляли и подавили гусеницами выскочившие откуда-то с флангов немецкие танки. После этого боя командир третьего взвода младший лейтенант Мухарев, показавший себя умелым и смелым командиром, временно был назначен командиром седьмой роты.

За первые три месяца нахождения на фронте – с конца июля по конец октября 1944 года, в составе 4-й Гвардейской ударной армии – Иван успел «понюхать пороха» сполна – сколько некоторым и за всю войну не удалось. «Царица полей – матушка-пехота» не наблюдала за боем издалека, а глядела немцам в глаза почти ежедневно. Одни названия армий – ударная и прорывная – говорят сами за себя. На этих армиях лежала особая задача: наносить удары по наиболее важным участкам фронта, прорывать оборону фашистов и развивать наступление, в то же время обороняя свои фланги. Все это время младший лейтенант Иван Мухарев попеременно командовал то взводом, то ротой. Когда ротный выбывал из строя в связи со смертью или ранением, командир взвода младший лейтенант принимал на себя командование ротой, когда из госпиталя приходил старший по званию офицер, он снова командовал взводом. И так было постоянно, до конца войны.

За эти три месяца Иван не только командовал взводом и ротой, но и попробовал себя в роли снайпера. А было это так: русские траншеи находились напротив немецких, в 600 метрах друг от друга. Было затишье.

Советская армия готовилась к наступлению. На нашей территории находился разбитый молочный завод. От этого завода целой осталась только одна труба от котельной. Иван заметил в трубе какое-то свечение, а когда пригляделся, понял, что в сторону немецких траншей кто-то из наших сделал в трубе амбразуру, по-видимому, для того, чтобы наблюдать за немцами. Он сам залез в эту трубу и увидел, что через амбразуру хорошо просматриваются немецкие окопы и находящиеся в них солдаты. Азарт снайпера проснулся в нем, и он подготовил эту амбразуру под выстрелы из карабина. На следующий день, рано утром, пока не рассвело, взял карабин и пачку патронов к нему. Залез в трубу, удобно устроился и стал дожидаться рассвета. Дождавшись рассвета, огляделся. Видимость была хорошей, немцы, ничего не подозревая, ходили по окопам. Иван, удобно пристроив в амбразуре карабин, снял выстрелами шестерых немцев. Стал перезаряжать карабин, полез за пачкой патронов, но неожиданно уронил ее. Он нагнулся за пачкой, и в это время по его амбразуре ударил немецкий пулемет. Если бы Иван не нагнулся, то его перерезало бы пулеметной очередью. Так случай, а вернее, Господь бог, спас Ивана от гибели.

За первые три месяца на фронте с Иваном произошел и анекдотичный случай: в один из сентябрьских дней он с двумя солдатами из своего взвода возвращался из разведки из тыла немцев. Возвращались недовольные: взять «языка» не удалось. Когда передвигались по нейтральной полосе, услышали шум во дворе одного из домов литовского хутора, подползли, заглянули за забор и увидели, как немецкий фельдфебель и два солдата поймали свинью и грузят ее на телегу, в которую была запряжена лошадь. «Повезло, задание выполнили», – подумал Иван.

Заскочил с солдатами во двор и скомандовал:

– Хенде хох!

Немцы подняли руки. Немцев посадили в телегу рядом с хрюкающей свиньей. На телеге с пленными немцами и свиньей младший лейтенант И. Мухарев возвратился из разведки в расположение своей роты. Старшина роты был мужиком хозяйственным и ловким: когда солдаты повалили огромную свинью на землю, он вонзил ей острый штык-нож под левую лопатку, затем содрал с нее шкуру и быстро, с помощью солдат, разделал на ее на части. Переднюю часть обменял на спирт, а остальное мясо пошло в общий котел. Три дня рота, в которой служил младший лейтенант Мухарев, делала после этого жаркое из свинины.

12 октября 1944 года в районе деревни Гудзь в момент наступления наших войск противник дважды предпринимал яростные контратаки на

наши позиции. Младший лейтенант И. Мухарев организовал своим взводом несокрушимый отпор, прочно удерживая свой рубеж, с успехом отразил все попытки врага. Лично уничтожил в этом бою до пяти гитлеровцев.

В бою 27 октября 1944 года младший лейтенант И. Мухарев был ранен. Это произошло во время одной из атак советских войск на немецкие позиции, когда стрелково-пулеметный взвод под командованием младшего лейтенанта И. Мухарева ворвался в немецкие траншеи первой линии обороны, выбил оттуда немцев и стал приближаться ко второй линии немецкой обороны. Раненый немецкий офицер, поняв, что Иван – командир, нацелился ему в голову из пистолета и выстрелил. Иван, видя, что фашист прицелился ему в голову и стреляет, – сверкнул яркий язычок огня, вылетевшего из тонкого ствола парабеллума, – стал падать и почувствовал, как что-то толкнуло и обожгло ему руку. Он упал на землю, завалившись на бок, – в плечо попала немецкая пуля. Бегущий сзади за своим командиром сержант, увидев упавшего командира, крикнул и со всего размаха заколол немца штыком, навечно пригвоздив фашиста к прибалтийской земле. Пуля перебила большую артерию, и кровь стала быстро покидать тело Ивана. От этого голова стала пустой и легкой, а в ушах сильно звенело. Он сидел на земле и не мог подняться на ноги, перед глазамиплыли круги, рядом лежал труп заколотого сержантом немецкого офицера. Подбежавшая медсестра штык-ножом вспорола ему гимнастерку на плече, с помощью индивидуального пакета умело остановила кровь, помогла ему подняться и дойти до блиндажа командира роты, где уже находилось несколько раненых. Иван сидел в блиндаже, а его взвод в составе роты, батальона и его родного полка уже достигал врага на второй линии обороны, и доносилось далекое «Ура-а-а!» Слышались короткие автоматные и пулеметные очереди, резкие хлопки винтовок и карабинов, что означало, что наши ворвались «на немецких плечах» в их второй эшелон траншей и схватились с немцами в рукопашной, где обязательно один из двоих оставался мертвым, а другой живым.

После фронта, где жизнь кипела и была опасна, в госпитале было буднично и спокойно, по крайней мере, для лечащихся солдат и офицеров. В госпитале все спали на кроватях, для Ивана сон на кровати был верхом блаженства. В окопах приходилось спать на дне окопов, накрывшись шинелью и подоткнув ее под себя. Шинель была и матрацем, и одеялом. Если рядом с нашими позициями росли хвойные деревья, тогда ломали лапник и накидывали его на землю. Хорошо когда успевали перед наступлением построить блиндаж, тогда несколько дней пехотинцы спали на нарах, согреваясь от небольших жестяных печурок.

Здесь, от безделья, офицеры вовсю играли в карты в «очко». У Ивана не было денег, и к тому же он никогда не играл в карты, но у него были кавалерийские штаны – с кожаным задом и кожаными коленями – таких ни у кого не было. В годы войны вещи из хромовой кожи были недоступны для простых смертных, Ивану их подарил командир батальона, узнав, что из разведки он привел не только «языков», но и привез свинью. Отведав свинины, комбат вызвал Ивана к себе, сказал: «Благодарю за службу и за отменное жаркое» и отблагодарил его этими штанами. Летом и в теплую погоду в них было жарко, Иван потел в них, но терпел, поскольку они были модные и многие завидовали ему. Одному из раненых картежников понравились штаны Ивана, и он предложил сыграть на эти штаны. Иван отказывался, но офицеры настаивали, и он сыграл. Бог послал ему удачу: в этот день он обыграл весь госпиталь. После игры банковавший со злостью бросил колоду карт на стол, и она, несчастливая для большинства и счастливая для Ивана, осталась валяться, рассыпанная на крашенном обеденном столе госпиталя. Иван был бледен от крупного выигрыша, фортуна в этот день повернулась к нему лицом, большинство раненых с видимым неудовольствием, а некоторые с завистью, смотрели на него.

– Не обижайтесь на меня, – извинялся Иван перед картежниками, – я не хотел, но так получилось.

– Возьми колоду на память, – сказали Ивану, но он ответил: – Зачем она мне? Она мне не нужна, играть в карты я больше не собираюсь.

– Ну и чужак же ты, – говорили ему картежники.

Соседи по палате хлопали его по здоровому плечу, поздравляли с выигрышем и намекали: «С тебя угощение». Иван жадным не был, выделив деньги на литр спирта и закуски, угостил всех, кто пожелал выпить за его удачу, но сам пить не стал. Он никогда не пробовал спиртного, ему даже был незнаком его вкус. Вместе со всеми сидел он за столом и пил чай, когда все пили спирт, и смеялся, довольный, говоря: «Мама обрадуется, помогу ей, у нее денег нет». Мальчишкой был Иван, еще и 19 лет не исполнилось ему. Иван угостил чаем и медсестру, которая с удовольствием приняла участие в вечеринке, а после вечеринки сходил с медсестрой на почту и отправил все деньги матери в Киселевск. Ни на следующий день и никогда больше в жизни Иван карт в руки не брал.

Мать в Киселевске, придя на почту, наложила целый передник денег, который еле донесла до дома.

С этого дня весь госпиталь знал Ивана, а чернявая украинка, дежурная медсестра, влюбилась в него. Чувство было взаимным. Медсестру звали Екатерина. Когда она разговаривала с ним, то ласково щебетала, растягивая

слова, и от ее говора, а еще больше от ее женской привлекательности, у Ивана кружилась голова. Тело Екатерины было плотное и налитое, как свежее яблоко, груди были высоки и всегда выпирали из-под обтягивающего ее тело белого халата. Густая и длинная коса украшала красивую голову с точеным лицом и аккуратными прижатыми ушками. Катя была похожа на молодую необъезженную кобылицу, все ее существо просило любви. Чувствуя влюбленность понравившегося ей сибиряка, Екатерина делала все, чтобы сблизиться с ним. Заступив на одно из вечерних дежурств и обходя палаты, Катя сказала:

– Вань, приходи сегодня ночью ко мне помогать топить «буржуйку».

– Приду, – задрожал от радости Иван.

Было двенадцать часов ночи, когда он подошел к ее столу. Ему не спалось, он ждал встречи с Екатериной. От желания дотронуться до нее у Ивана шла мелкая дрожь по телу.

– Ты не замерз? – спросила Екатерина.

– Нет, – дрожащим голосом ответил Иван.

– А у меня ноги холодные и что-то зябко мне, я сегодня под дождь попала, когда шла на дежурство, и еще не высохла.

«Буржуйка» почти потухла, Иван подбросил несколько поленьев в топку, закрыл дверцу на защелку и поставил на печку большой алюминиевый чайник. Огонь весело загудел и уютно замелькал в щелях печной дверцы. Еловые поленья трещали и щелкали.

Екатерине было уже двадцать три года, и первая встреча с мужчиной у нее была несколько лет назад.

– Вань, а ты когда-нибудь с женщиной был?

Иван заморгал глазами, не зная, что ответить. Они помолчали.

– Вань, накрой мне плечи одеялом...

Он взял байковое одеяло и укутал ей плечи. Она погладила его по голове:

– Хороший ты, Ваня...

Катя села поближе к печке и вытянула свои красивые стройные ноги. Иван сидел на чурке рядом с «буржуйкой», от которой шло тепло, а Катя потихонечку, вполголоса запела песню:

Вьется в тесной печурке огонь,

На поленьях смола, как слеза,

И поет мне в землянке гармонь

Про улыбку твою и глаза...

Прервав песню, она спросила:

– Ваня, можно я положу свои ноги тебе на колени, может быть, они так быстрее согреются?

И, не дожидаясь ответа, положила свои аппетитные ножки ему на колени. У Ивана от волнения подступил комок к горлу, а сердце замерло. Он не мог ни слова сказать, только глядел на Катю, до этого никто не пел ему песен. Сейчас, когда они были вдвоем, она полюбила его еще сильнее, но он робел, потому что не о девках в Сибири ему думалось, а о том, как бы просто выжить и выстоять в этой жизни. Даже во сне ему никогда не снилась девушка, тем более такая красивая.

Огонь в «буржуйке» шумел. Иван осторожно придерживал ножки Кати на своих коленях. Оба молчали, но их выручил чайник, поставленный на «буржуйку», – закипел со свистом, Катя мгновенно спустила ножки на пол.

– Давай, Вань, будем пить чай, – достала заварку, заварила крепкий чай и поставила на стол кулек с комковым сахаром. Оба сидели и, обжигаясь, пили крепко заваренный сладкий чай. Потом Катя завела Ивана в небольшую комнату и показала кровать, на которой спали медсестры, дежурившие в ночь. Присев на кровать, они уже не могли встать с нее, не сблизившись, но боевой лейтенант, не зная еще, что такое женщина, сидел и едва касался ее нежной руки. От прикосновения к невиданному до этого для него женскому телу его бросало в дрожь. Видя, что Катя не отталкивает его, Иван робко и нежно стал обнимать ее за талию и по-телячьи тянулся губами к ее лицу, а когда нечаянно положил руку на ее грудь, то закрыл глаза, думая, что она влепит ему пощечину. Но ничего не произошло, Катя сидела и ждала. Видя, что кавалер неопытен и робок, она не выдержала, пылко и страстно стала обнимать и целовать его, шепча ему на ухо: «Ты самый красивый и стройный лейтенант, которого я когда либо встречала».

Ивана никогда в жизни женские руки не обнимали, а женские волосы не опускались на его лицо, и от этих ласк, а также от запаха ее тела Иван почувствовал, как все его молодое мужское тело наливалось силой. Им обоим было очень хорошо в этой маленькой, слабо освещенной комнате с твердым матрасом на кровати. Когда Иван после первой ночи вышел на улицу, все еще шел дождь и дул ветер, на улице было неуютно, но ему было радостно, и он был счастлив от пережитой им первой ночи любви. Прохладный ветер и дождь помогли ему прийти в себя, немного остудив разгоряченное тело. Душа его летала в небесах – никогда раньше ему не было так хорошо.

После этой ночи они стали встречаться каждый день. Брали с собой обеды и уходили в беседку, находящуюся в укромном уголке старого,

сильно запущенного сада. Здесь, не боясь посторонних глаз, на принесенном Катей байковом одеяле, разостланном на широкой скамье беседки, они бросались в жаркие объятия друг друга. Зелень сада глушила счастливый стон Кати, а запахи деревьев и травы приятно щекотали ноздри. После близости укрывались этим же одеялом, сидели, тесно прижавшись друг к другу, болтали о пустяках и ели что-нибудь вкусненькое, принесенное Екатериной. Молодые тела и сердца давали друг другу то, что требовала человеческая природа. Не скрываясь, они возвращались из сада. Так продолжалось две недели. Скоро весь госпиталь узнал об их связи, офицеры смеясь, говорили: «Ну, сибиряк, объездил хохлушку».

Для того чтобы окрепнуть, Иван гулял каждое утро. Он расстегивал на груди одежду, подставляя грудь небольшому ветру и свежему воздуху. После каждой прогулки Иван чувствовал, что в него вливаются силы вместе с вдыхаемым им весенним, наполненным солнечным теплом и запахом расцветающих деревьев и трав, воздухом. Ему хотелось быстрее выздороветь. Несмотря на то, что он был влюблен в Екатерину, его тянуло на фронт, поближе к боевым друзьям. Он мечтал, как, выписавшись из госпиталя, возвратится в родную часть, в свою роту, в свой взвод, к солдатам, к которому он привык, как к родным. Он понимал, что у него почти нет шансов попасть в родной полк: примерно за три недели боев немцы разбивали наши пехотные, гвардейские, ударные и прорывные дивизии, поэтому каждый месяц формировались новые и направлялись в ненасытную утробу войны. Иван любил уединяться и думать о жизни и о войне, о немцах, о русских, о смелости и о трусости, и обо всем том, с чем ему пришлось столкнуться на фронте. И он приходил к выводу, что счастлив оттого, что война идет уже не на русской земле, а здесь, в Пруссии, в старом логове фашистов, что свистят пули и рвутся снаряды не над мирными русскими людьми, а над теми, кто все эти четыре года кормил и поил фашистов. И за то, чтобы было именно так, а не как в начале войны, он, как и многие, не жалел жизни и был ранен. Иван думал об этом, но до конца не осознавал, что благодаря таким непобедимым мальчишкам, как он, Россия столетиями стоит на своей родной земле непобежденной. Перед отъездом Иван долго и упорно думал о своих отношениях с Катей и, решившись, сказал ей:

– Катя, давай распишемся.

Катя с благодарностью посмотрела на него:

– А ты, оказывается, отважный.

Она чувствовала, что Ваня полюбил ее, но была озабочена его судьбой. Катя боялась за его жизнь, так как в пехоте погибали почти все,

мало пехотинцев – младших офицеров и солдат – оставалось в живых после боев. Пехота была всегда в огне. В пехоту стреляли не только немецкие пехотинцы, но и артиллеристы. Окопы пехоты утюжили немецкие танки, и бомбила немецкая авиация. Катя полюбила Ивана, но не стала уверять его в своей любви: солдату лучше воевать, когда у него нет забот ни о ком, когда ему не надо оглядываться и думать: как там живет без него жена. А если солдата замучает ревность, то он станет не солдатом, а мишенью для неприятельских пуль. Надо сделать так, чтобы Иван ушел на фронт веселым, ведь он очень добрый и заботливый, а в последние дни – грустный и хмурый. Надо внушить ему, что их любовь была просто игрой, что таких, как она, у него будет еще много, и тогда на фронте Иван будет спокоен. Конечно, она хотела бы с ним жить, вдвоем они свернули бы горы, и у них была бы хорошая семья, но он уезжал на фронт, и она отказывалась от своей любви к нему во имя его жизни.

– Не надо, – ответила она, – ты уедешь, а здесь практически одни мужики. Я не хочу, чтобы ты меня ревновал, помни: я тебя люблю, но я слабая, вдруг не выдержу. Я хочу, чтобы ты остался жив, на фронте воевать надо, а не о поведении своих баб в тылу думать. Зря голову не подставляй, а обо мне забудь.

Когда машина приехала за выздоровевшими, Кати в госпитале не было: она ушла на рынок купить для Ивана продукты в дорогу. Но капитану, который руководил отправкой выписанных бойцов и увозил их, было не до Ивана. Он торопился и не стал слушать просьбы Ивана подождать хотя бы десять минут. Дал команду садиться в машину, и все поехали. Не прошло и трех минут, как Иван услышал доносившийся в открытое окно голос: «Ваня! Ваня!» и увидел, что через убранное ржаное поле, через попадающиеся навстречу кустарники, ямы и канавы у дороги наперерез машине бежит Катя. Она бежала, спотыкалась, чуть не падая, и звала его. Она переживала, что опоздала его проводить, что он уедет и не скажет ей ни одного слова на прощанье. Катя бежала и кричала изо всех сил. Ей удалось выскочить на дорогу и встать перед машиной, широко расставив руки. Машина резко затормозила и остановилась.

– Это что еще такое? – сказал капитан и вышел из машины. – Освободите дорогу, не мешайте нам, мы на фронт едем.

Иван, видя все это и понимая, что Катя остановила машину только для того, чтобы с ним проститься, обошел капитана и попросил:

– Товарищ капитан, будьте человеком, мы же на фронт, а не в тыл уезжаем.

Он обхватил Катю и стал ее целовать. Целую минуту они обнимались, целовались и смотрели друг на друга влюбленными глазами, понимая: сегодня, сейчас они видят друг друга, а завтра, и через неделю, и через месяц, и через год, и, наверное, никогда больше не встретятся и, может быть, прощаются навсегда. У обоих при этой мысли даже останавливалось дыхание, но они не могли ничего изменить.

– Прощай милый, – сказала Катя и сунула ему в руки сверток с продуктами.

– Прощай, любимая, – ответил Иван.

Когда автомашина поехала, Катя прижалась к телеграфному столбу, стоящему у дороги, чтобы не упасть. Долго смотрела она вслед уходящей машине, увозящей Ивана на запад, где продолжались тяжелые бои с немцами и откуда пехотинцы редко возвращались живыми. После того как Иван уехал на фронт, комнату, в которой отдыхали медсестры, дежурившие по ночам, Катя больше никогда и никому из раненых не показывала.

Выздоровевших бойцов капитан привез на сборный пункт 6-й прорывной армии. На сборном пункте ему поручили доставить роту новобранцев в полк, в котором ему предстояло нести службу. Рота, возглавляемая Иваном, шла на боевые позиции полка два часа. С приближением к фронту гул канонады нарастал.

– Товарищ лейтенант, смотрите, самолеты! – сказал старшина, сопровождающий вместе с Иваном роту новобранцев, и показал рукой на запад. Иван посмотрел в небо и увидел три тройки немецких самолетов, летящих с запада на восток в их сторону.

– Заходят на нас! – крикнул старшина.

Иван увидел его побелевшее лицо и ощутил, что у самого похолодело в груди и сильнее застучало сердце.

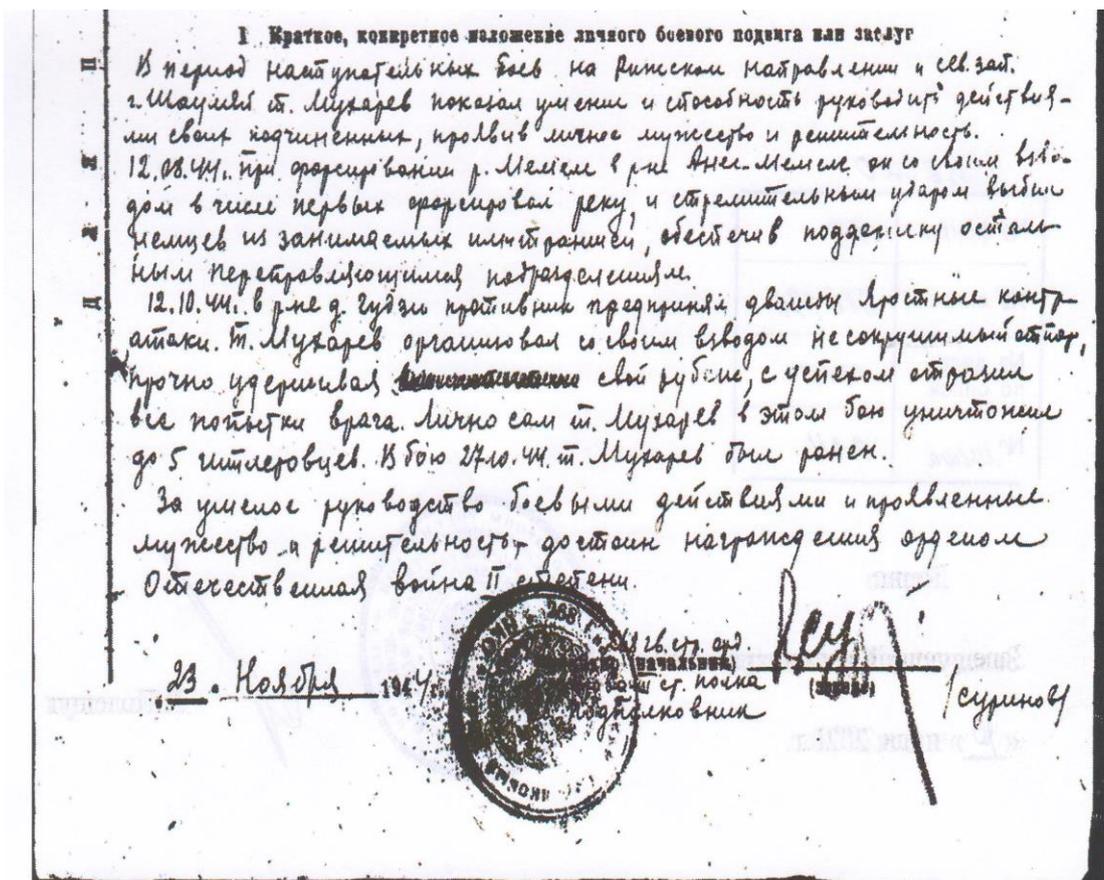
– Рота, «воздух»! – подал он команду и увидел, как бойцы стали разбегаться вправо и влево и падать под кусты и деревья рядом с дорогой. Он сам отбежал от дороги влево, упал под старую ветвистую сосну и стал отсчитывать положенные секунды, когда должны были начать взрываться бомбы. Но взрывов не последовало. Подняв голову, Иван успел только заметить, как над местом, где они упали, промелькнули тени удаляющихся самолетов. Он поднялся, дал команду:

– Рота, отбой «воздух»! Становись!

Бойцы, обрадованные, что их не бомбили, быстро поднялись и построились.

– На определенный объект немцы полетели, – пояснил старшина и встал в строй.

– Рота, равняйся, смирно! Направо, на запад – шагом марш! – подал команду Иван и вместе с ротой зашагал в сторону нарастающего сплошного гула артиллерийской канонады, в направлении горизонта, окутанного дымом. Туда, где русские воевали с немцами и их приспешниками со всей Европы не на жизнь, а на смерть. На всем пути к фронту были видны следы жестоких боев: попадались разбитые, сожженные, искореженные танки и автомашины, сбитые самолеты и раздавленные и подорванные артиллерийские орудия. Местами в поле зрения солдат попадались еще не захороненные остатки человеческих тел. Через два часа Иван привел роту в расположение полка, где ему предстояло нести службу. В полку его ждали два радостных известия. Командир полка зачитал ему приказ о награждении его орденом Отечественной войны 2-й степени и вручил ему орден. После этого командир зачитал приказ по 6-й гвардейской прорывной армии от 25 ноября 1944 года о присвоении Ивану Мухареву очередного воинского звания лейтенанта. В наградном листе было написано:

С приятных моментов началась боевая служба вновь испеченного лейтенанта в 6-й прорывной армии. В батальоне, в котором начал служить лейтенант И. Мухарев, он получил под свое командование стрелково-пулеметный взвод. Когда старший лейтенант, командир роты, привел его во

взвод, солдаты обедали. Старшина, заместитель командира взвода, подал команду:

– Взвод, встать, смирно!

Солдаты, прекратив есть, вскочили. Командир роты скомандовал:

– Вольно, продолжайте завтрак!

Старший лейтенант отозвал старшину и сказал:

– После завтрака постройте солдат, я вам привел командира взвода.

Иван обменялся со старшиной крепким рукопожатием. Старшина был опытным бойцом. В взвод, которым предстояло Ивану командовать, он прибыл из штрафного батальона, куда попал за то, что избил командира батальона за насмешки над медсестрой медсанбата. Старшина накормил взводного и после завтрака представил его взводу. В этом взводе, как и в первом, которым пришлось командовать Ивану, было много молодежи. К ее обучению лейтенант И. Мухарев приступил незамедлительно.

В новом полку вновь прибывшему лейтенанту понравилось, что, несмотря на то, что полк находился в наступлении, все передовые подразделения полка, начиная со взвода и кончая батальоном, просто вгрызлись в землю: находились в окопах в полный профиль, а командиры подразделений – в хорошо укрепленных блиндажах, соединенных с окопами траншеями. Командир полка все предусмотрел, укрепил позиции, чтобы не дать возможность немцам своими контратаками прорваться на позиции полка, вглубь наступающих войск советской армии. Ходы сообщений показались Ивану бесконечными. В таких окопах можно было безопасно ждать приказа о наступлении. Знания, полученные в училище, и боевой опыт, приобретенный практически в ежедневных боях в первые три месяца на фронте в 4-й гвардейской ударной армии, помогли ему успешно воевать после госпиталя в 6-й прорывной армии и обучать солдат вверенного ему подразделения. Он в теории и на практике знал и понимал тактику ведения боя, в совершенстве знал и пользовался всеми видами советского и немецкого стрелкового оружия, умел пользоваться саперной лопаткой по ее прямому назначению при рытье окопов и блиндажей, а также в бою, как оружием, наравне со штыком. После госпиталя Иван чувствовал себя опытным боевым офицером. Нервозность, которую он испытывал в первые дни на фронте, исчезла. Он спокойно вел себя при артиллерийских и минометных обстрелах наших позиций. В его присутствии солдаты старались вести себя так же спокойно, как и их командир.

Вскоре Иван на практике убедился в прозорливости командира полка. Несмотря на то, что советские войска наступали, немцы не давали спокойно

жить нашим бойцам, то и дело обстреливая наши позиции из артиллерии и минометов. Причем немцы это делали пунктуально: утром, в обед и вечером. Сначала они делали пристрелочный выстрел, от которого над окопами зависало небольшое черное облачко. Это был ориентир для немецких артиллеристов и минометчиков. И сразу же над окопами начинали выть мины. Их вой сверлил черепа солдат, но ничего сделать было нельзя, приходилось его терпеть. Бойцы сидели на корточках в окопах, прижавшись спиной к их стенкам, и, зажав коленями свое табельное оружие, ждали, когда обстрел закончится. Большинство мин в окопы не попадало, а рвалось рядом – то перед окопами, то за ними. Сначала мина при ударе о землю крутилась на земле и фырчала, как бы прилаживаясь поудобнее, где ей взорваться, а затем взрывалась, и осколки то спереди, то сзади пролетали над окопами. Услышав вой летящей мины, каждый солдат в душе молился, чтобы она пролетела мимо. Расстреляв запас мин, немцы прекращали обстрел. После таких обстрелов иногда приходилось выкапывать братские могилы и прощаться с боевыми товарищами.

День истекал благополучно, плановый немецкий обстрел наших позиций закончился, ничто не предвещало атаки немцев. Иван находился в своем окопе на переднем крае наших позиций и решил написать письмо матери. Открыл планшет и вдруг услышал шум. Поднял голову, выглянул из окопа и увидел, что прямо на него бежит немец. Иван схватил автомат, крикнул немцу: «Хальт!»

Немец от неожиданности бросил свой карабин, повернул вправо и побежал вдоль окопов взвода. Затем повернул в сторону своих траншей. Иван успел сделать короткую очередь в сторону немца, но тот скрылся. Комвзвода Мухарев был очень недоволен как собой, так и действиями солдат своего взвода, потому что немецкий солдат практически пробежал по их головам и возвратился на свои позиции. Немедленно вызвал к себе командиров отделений и отругал их за то, что солдаты в окопах ведут себя беспечно, не наблюдают за противником, а немецкие солдаты в светлое время суток топчутся по ним. После того как взбодренные командиры разошлись по своим отделениям, Иван стал заряжать диск своего автомата до полна патронами. Слышит – снова шум, выглядывает из окопа, а на него опять бежит немецкий солдат. Иван вскинул автомат, взял немца на прицел и кричит: «Хальт! Стой!»

Немец остановился и хотел убежать, но Иван выстрелил ему в ногу и взял его в плен. Стали допрашивать. Немец оказался упертым и на вопросы, кто такой, из какой части, куда бежал и т.д., отвечать отказался. Подошел командир роты:

– Командир взвода, доложите, что произошло, почему стреляли?

– Докладываю, товарищ старший лейтенант. На окопы неожиданно выскочили два немца, один убежал, а второго взяли в плен, допрашиваем, но он ничего не говорит.

– Понятно. Пленного отправьте в батальон, выставите посты наблюдения и внимательно наблюдайте за немецкими позициями. Непонятно, что этим немцам здесь понадобилось, что они бегают возле наших позиций?

– Есть выставить дополнительные посты наблюдения! – ответил лейтенант И. Мухарев.

Вдруг со стороны немцев снова раздался шум, раздались одиночные выстрелы. Иван скомандовал:

– Взвод, приготовиться к бою!

– Отставить команду приготовиться к бою! – скомандовал командир роты. – Не стреляйте, мне кажется, это наши солдаты, какое-то наше подразделение прорывается к нам.

Иван, видя, что командир роты неопытен и не разбирается, из какого оружия идет стрельба, – а он хорошо слышал, что стреляют из немецкого пулемета и автоматов, – выглянул из окопа и увидел, что прямо на позиции его взвода бегут в боевом порядке две колонны немцев с пулеметчиками впереди, численностью до роты. Он отстранил командира роты, который еще не воевал, а прибыл незадолго до него с Дальнего Востока, и скомандовал:

– Взвод, приготовиться к бою! Прицел 1, без команды не стрелять, подпускаем вплотную. А вы, товарищ старший лейтенант, бегите соседние взводы к бою поднимайте!

Командир роты, поняв, что оплошал, бросился выполнять приказ Ивана. Подпустив немецкую роту почти вплотную, Иван скомандовал:

– Взвод, по немецким гадам, стрелки – залпом, а пулеметчики – непрерывно, огонь!

От первого залпа и пулеметного огня треть немецкой роты была сразу уничтожена, другие бросились на землю, но прятаться было негде: местность была ровная, а пулеметы строчили. Бойцы по команде Ивана стреляли залпами вновь и вновь, а к ним присоединились уже и другие взводы, поднятые ротным по тревоге. В этом бою Иван со своим взводом уничтожил практически полностью немецкую роту, которую фашисты отправили провести разведку боем. Большинство немцев было убито, а небольшая часть сдалась в плен.

Перед крупномасштабным наступлением 1-го Прибалтийского фронта в начале января 1944 года лейтенанта И. Мухарева, исполняющего обязанности командира роты, вызвали в штаб дивизии к начальнику политотдела дивизии. Начальник политотдела, пожилой полковник, спросил Ивана:

– Ты, коммунист?

– Нет, – ответил Иван.

– Тогда пиши заявление о вступлении в ВКП(б).

– Да я еще молодой. Мне только 15 ноября 19 лет исполнилось, – возразил Иван.

– Что, в плен сдаться хочешь? – спросил полковник и протянул ему листок.

Иван понял, что возражать бесполезно и опасно, сел и написал заявление с просьбой принять его в ряды ВКП(б). Здесь же, в штабе дивизии, он был принят кандидатом в ряды коммунистической партии. В роту Иван возвратился из штаба дивизии уже вечером, сразу же прошел по окопам, поговорил с солдатами, командирами взводов и отделений. Все спрашивали, скоро ли будет наступление. В обороне солдатам находиться надоело. Настроение у всех было бодрое, рота была готова к наступлению.

Иван отвечал:

– Наступать на немцев будем, но когда, неизвестно.

Из окопов он сразу пошел на свой командный пункт и стал наблюдать за передним краем немцев в бинокль. С его КП – командного пункта – командира роты были хорошо видны немецкие окопы, расположенные перед большим литовским селом. Все село перерезали траншеи, словно змеи, расползающиеся от окопов в разные концы села. Между нашими и немецкими позициями было неглубокое болото. Там поблескивала вода, отражающая падающие на нее солнечные лучи. По всему болоту были разбросаны кочки, похожие на каски солдат. За селом, на лугу, как будто в мирное время, паслась одинокая корова, привязанная веревкой к перебитой наполовину осколком снаряда березе. По водной глади болота плавала стайка диких уток. Они взлетали и садились на воду. Зимой болото не замерзало, поэтому утки не улетали на юг. Несмотря на войну, уток и гусей в прибалтийских болотах было много. Направив бинокль на немецкие окопы, Иван обратил внимание, что немецкие пулеметчики сидели в своих гнездах в касках, как будто шел бой. Он вызвал ординарца и дал команду:

– Наблюдателям и всей роте быть готовыми к атаке противника!

– Товарищ лейтенант, – позвали его. Он обернулся и увидел старшину. Старшина был мужчиной в годах, крепкий и выносливый, и в службу втянулся давно. Выправка у него была отличная, как у молодого, приятно посмотреть. «Все бы были такими, и тогда роте цены бы не было», – подумал Иван, хотя рота, которой он командовал, была хорошей, боевой, практически все солдаты были обстреляны, и многих Иван знал по именам. Увидев старшину, Иван протянул ему бинокль и сказал:

– Внимательно посмотри на немцев в окопах, пулеметчики в гнездах сидят так, как будто приготовились к атаке или обороне.

Старшина взял протянутый ему бинокль и, осмотрев передний край немцев, сказал:

– Действительно, пулеметчики стоят и сидят за пулеметами в касках.

– Ты, Василий Иванович, понимаешь, что немцы к чему-то приготовились, поэтому имей в виду: когда будешь кормить солдат в окопах, не созывай их вместе, а накорми каждого в отдельности, наблюдателей и пулеметчиков – в их ячейках и гнездах. Не вздумай собирать их вместе, нужно чтобы во время ужина часть артиллеристов оставалась у своей гаубицы, и она была готова к бою на случай атаки немцев.

– Есть! – ответил старшина, – накормлю всех отдельно. А теперь, товарищ лейтенант, разрешите поздравить, слышал, что Вас сегодня приняли в партию.

– Спасибо, – сказал Иван, – давайте ужин, а то я что-то сегодня проголодался.

Старшина приволок с собой огромный немецкий трофейный термос. Из него он налил командиру роты горячих щей с большим куском мяса. Достал кружку и, хлопнув ладонью по литровой фляжке, висевшей у него на поясе на брючном ремне, снял ее и налил в кружку сто пятьдесят граммов неразведенного спирта. Иван, несмотря на то, что уже длительное время командовал ротой, был ранен и отлежал в госпитале, до этого дня никогда не пил спиртного. Хотя жизнь на гражданке у него была тяжелой и не очень сытной, про выпивку он не думал. Иван видел, как пьют офицеры в госпитале, и, конечно, знал, что в кружке спирт. Выдохнув из себя воздух, Иван залпом выпил. Огонь охватил его язык и нёбо, слезы навернулись на глаза, но Иван выдержал, быстро закусил горячими щами. Чувствуя, что быстро пьянеет, еще раз попросил старшину накормить артиллеристов возле их гаубицы, а наблюдателей и пулеметчиков – каждого в отдельности. Старшина, ответив: «Есть!», ушел. Иван, не помня как, вышел из блиндажа и в последний момент почувствовал, что сознание его растворилось в серой

мгле надвигающейся ночи. Ему казалось, что земля уходит из-под ног, проваливается под ним, и он падает в пропасть, откуда нет никакой возможности выбраться наверх. Перед глазами небо сначала поплыло, затем опрокинулось, а потом остановилось и замерло – это он заснул, свалившись прямо в траншею.

Очнулся Иван от стрельбы, открыл глаза: вокруг была темнота, на небе сияли звезды и светила луна. Иван вскочил на ноги, спросил командира первого взвода, младшего лейтенанта Скачкова, оказавшегося рядом:

– Скачков, что произошло?

– А Вы, что, не знаете? Мы уже два раза отступали из наших окопов и два раза ходили в контратаки, отбивая наши позиции назад. Старшина гад, – ругался младший лейтенант, – вместо того чтобы накормить артиллеристов каждого в отдельности возле своей гаубицы, не захотел терять времени, отозвал артиллеристов от гаубицы и давай их кормить всех вместе. А немцы до этого подползли через болото через кочки в своих защитных костюмах вплотную к нашим окопам, и как только артиллеристы отошли от орудия и стали ужинать, немецкие пулеметчики ударили плотным огнем по нашим окопам. Они не давали нашим солдатам поднять головы, а их пехотинцы выскочили из болота и, бросившись на наши позиции, выбили из окопов нашу роту.

Иван ничего этого не видел, так как мертвецки пьяный спал, не шевелясь, как убитый, ему повезло, что никто из немцев не стал его обыскивать и не обнаружил, что он жив.

– Товарищ лейтенант, вас к телефону комбат!

– Слушаю, товарищ майор! – прокричал в трубку Иван.

– Докладывай, что произошло? – прорычал в трубку комбат.

– Все нормально. Немцы подползли незаметно к нашим окопам и два раза нас выбили из них, но мы окопы возвратили обратно. Потери: пять человек убитых, несколько раненых, и два станковых пулемета немцы утащили.

– Вернуть пулеметы! – приказал комбат. – Есть! – ответил Иван.

– Товарищ майор, – обратился он в трубку к комбату, – мы выберем удобный момент, пойдем в атаку на немецкие позиции и вернем пулеметы. Прикажите командирам соседних рот поддержать нас хотя бы огнем, когда мы будем атаковать немецкие позиции.

– Хорошо, ответил комбат, – я дам команду, чтобы соседи поддержали тебя во время атаки. Имей также в виду, что после захвата немецких траншей и возврата пулеметов тебе надо сразу отходить на свои

позиции: дивизия еще не готова к наступлению, нам нельзя бессмысленно терять солдат.

Ближе к утру, когда начало рассветать, по тому же болоту, а может, и по тем же незаметным тропинкам и кочкам, что и немцы, два взвода роты лейтенанта И. Мухарева подкрались к немецким позициям. Соседи поддержали атакующих плотным огнем с флангов и тем самым помогли взводам Ивана ворваться в немецкие траншеи. Наши бойцы выбили немцев из их траншей, взяли в плен троих, вернули свои пулеметы и захватили в качестве трофея один немецкий. Не ожидая, когда немцы накроют его взводы минами или пойдут в контратаку, лейтенант И. Мухарев возвратился на свои позиции.

Приказом по 90-й гвардейской стрелковой дивизии № 111/н от 17 января 1945 года лейтенант Иван Гаврилович Мухарев был награжден орденом Красной звезды! Из наградного листа:

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество Мухарев Иван Георгиевич

2. Звание Варшавский младший лейтенант 3. Должность, часть Ком-р стрелков. взвода
2 стр. д-на, 268 вб. стр. отд. Суворова 3-ей полка Фр 12. стр. Вост. фр. 31. дивиз.

Представляется к ордену Красная Звезда

4. Год рождения 1925 5. Национальность Русский 6. Партийность чл. ВКП(б) с 4. 42 г.
с 22. 12. 1936

7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и Отечественной войне
(где, когда) Отечественная война с 9. 1942 года

8. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне Ранен: 27. 10. 44 года (оскол)

9. С какого времени в Красной Армии с мая 1943 года 10. Каким РВК призван
Владимирский РВК, Кеморовацкий аб-д-н

11. Чем ранее награжден (за какие отличия) Ор. Отечествен. война 11 ст. При 22 вбк и 1122
от 4. 12. 44 года

12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи
Кеморовацкий обл. ст. Акцима, школа 4-б, ул. Коммуналь м 5-0.
Мать - Мухарева Мария Александровна (урожд. Палас)

13. Где находится представляемый к награждению в настоящее время
Во 268 вб. стр. отд. Суворова 3-ей стрелковой дивизии.

I Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Исполнив обязанности командира роты ст. Мухарев в наступательных боях в р-не нас. пук. Маслаушки 25.12.44. действовал умело и решительно. Несмотря на значительные потери в личном арте, он искусно маневрировал, смело и стремительно атаковал вражеские траншеи, выйдя при этом вперед и не давая ему закрепиться преследовал до последующих рубежей с успехом захватил их, прорывом закрепившись. Предпринятыми операциями с успехом захватил командирские враг и отбил вернувшись укрепившись позиции. Ст. Мухарев организовал дружный и несокрушимый отпор, каждый раз с успехом отбрасывая отверженного нападавшего врага, со значительными для него потерями.

Воспитан награжденный орденом Красная Звезда,

17. января 1945

268 вб. стр. отд.
Командир (начальник)
стрелк. отд. полка
Фр 12. стр. Вост. фр. 31. дивиз.

(подпись) (подпись)

23 января 1945 года в одном из ежедневных непрекращающихся боев с немецко-фашистскими захватчиками лейтенант И.Г. Мухарев был повторно ранен в руку осколком от снаряда и опять попал в госпиталь. Свободного времени было много. В этом госпитале вместе с рядовым, сержантским и офицерским составом проходил лечение и один из действующих генералов, который увидел у Ивана трофейные швейцарские часы со светящимся циферблатом. Эти часы Ивану подарил один из его командиров отделения. Часы Ивану очень нравились: они были очень удобны для использования во время ночных боевых действий, так как циферблат светился и не давал наружу никакого света. Также не надо было зажигать спички или зажигалку для того, чтобы посмотреть ночью время. Таких часов в то время было очень мало, и Иван очень их ценил. Генералу эти часы очень понравились, и он предложил Ивану обменять их на его золотые. Иван отказался, сказал, что пока не закончится война, они ему пригодятся в боевой обстановке, а после войны он подумает. Генерал обиделся, но объяснение Ивана принял и не стал злоупотреблять своим положением, поскольку был боевым генералом. После окончания войны Иван привез с войны два трофея: эти часы и пепельницу из толстого темно красного стекла.

В этом госпитале, так же, как и в первом, где Иван лечил ранение плеча, все играли в карты, но Иван в карты с того дня, как он удачно сыграл и крупно выиграл, больше не играл. В свободное от лечения время делал все, чтобы побыстрее выздороветь: ежедневно гулял, делал специальные упражнения, рекомендуемые врачами, соблюдал все рекомендации медперсонала. Все это вместе дало положительный результат. Рана на молодом здоровом теле сибиряка заживала быстро. Медсестры Екатерины в этом госпитале не было, поэтому у Ивана все чаще появлялось желание вернуться поскорее в строй, в действующую армию, к своим боевым друзьям. В госпитале служили военные медики, специалисты высокого класса. Работы было очень много, бои шли практически каждый день, раненые и больные в госпиталь поступали ежедневно. Военные врачи делали операции, лечили, ставили больных на ноги и возвращали их в строй. Раненые в госпитале были окружены заботой и вниманием. Через две недели рана у Ивана почти затянулась, кисть работала, терпение, чтобы продолжать лечение в госпитале, у него кончилось. Он пришел к начальнику госпиталя и сказал:

- Товарищ подполковник, разрешите обратиться?
- Обращайтесь, – разрешил подполковник.

– Я почти выздоровел, прикажите меня выписать из госпиталя и направить в действующую армию, на фронт.

– Покажи рану, – сказал начальник госпиталя.

Иван показал. Осмотрев рану, подполковник сказал:

– Выписать не могу, рана только начала затягиваться, полечишь еще недельку.

Спорить с начальником госпиталя было бесполезно, поэтому Иван возвратился в палату.

Не дождавшись окончания недели, назначенной ему начальником госпиталя для продолжения лечения, Иван снова явился к начальнику госпиталя с просьбой выписать его из госпиталя. Начальник госпиталя сказал:

– Ваша рана, товарищ лейтенант, еще не зажила, вам надо ее до конца долечить. Зачем вы мне надоедаете? Вы же пехотинец, чем будете в окопах ее лечить? Грязь попадет, и снова в госпиталь вернетесь.

– Не вернусь, я ее долечу самостоятельно. Рана меня, товарищ подполковник, не беспокоит. перевязки мне медсестра из медсанбата сделает в роте.

Во время разговора Ивана с начальником госпиталя в кабинет ворвался капитан медицинской службы и, не дожидаясь, пока Иван и начальник госпиталя договорят, прервал их и завопил:

– Товарищ подполковник, что прикажете мне делать? Раненых привезли, в том числе и тяжелых, где мне их размещать – ни одной кровати свободной нет!

– Успокойтесь, Александр Иванович, кладите, где можете, даже на пол, а сами посмотрите вместе с другими врачами, кого можно выписать. Если состояние здоровья позволяет, значит выписывайте, да, вот этого лейтенанта Мухарева можете сегодня выписать. Он говорит, что выздоровел и рана его не беспокоит, только в медсанбат напишите рекомендации, как его на месте долечить.

Обрадованный Иван поблагодарил подполковника и пошел вслед за капитаном на выписку. На следующее утро гвардии лейтенант И. Мухарев, получив форму и сухой паек, отправился на попутном транспорте в расположение своей части. Советские войска наступали. Фронт быстро двигался вперед, и гвардии лейтенанту И. Мухареву пришлось его догонять.

Добравшись до пункта формирования, гвардии лейтенант получил направление в свою часть. Когда пешком добирался до своей части, был остановлен пограничниками из заградительного отряда, те проверили документы и спросили:

– Есть ли у вас какое либо оружие?

– Табельного оружия не имею, сдал при отбытии в госпиталь. А трофейный парабеллум имею. На фронт иду, без оружия нельзя. Вдруг столкнусь с немцами.

Пограничникам парабеллум понравился, и они решили забрать его.

– Отдайте парабеллум, документов на пистолет у вас нет, поэтому вы его обязаны сдать, – потребовал старший пограннаряда.

– Я не могу отдать парабеллум, потому что иду в свою часть, здесь же прифронтовая полоса – немцы могут встретиться. Вы же читали мое предписание из пункта формирования.

– Возражения ваши недопустимы, вы обязаны сдать нам трофейный пистолет.

– Хорошо, сдаю, – Иван достал парабеллум, вынул из него затвор. Затвор выкинул, а парабеллум отдал пограничникам.

– Что ты сделал, зачем нам парабеллум без затвора? – сказал пограничник, принявший пистолет от Ивана.

– Если вам нужен парабеллум с затвором, пойдете со мной на фронт, немцев там многое, пару раз в атаку сходите – добудете у них по парабеллumu.

– Идите и не дерзите, а то задержим, и в штрафбат пойдете.

– Задерживайте, мне не привыкать, я и без вас вместе со штрафбатом каждый день с немцами воюю, а вот вы идите, попробуйте.

– Иди-иди, не задирайся.

Иван ушел, настроение у него было подпорчено. Через три дня после выписки из госпиталя гвардии лейтенант И. Мухарев догнал свою часть и прибыл в свою роту. Здесь, в Курляндии, 6-я прорывная армия почти ежедневно вела напряженные бои с фашистами вплоть до 8 мая 1945 года. Немцы любой ценой пытались остановить продвижение советских войск, часто контратаковали, но под натиском наших войск все равно оставляли свои позиции. Опасность подстерегала пехотинцев на каждом шагу. Каждый день был боевым. Рядом с окопами рвались мины и снаряды, авиационные бомбы. Попадало нашим солдатам и от немецкого подобия «Катюш» – шестиствольных немецких минометов «Ванюш», как их в шутку прозвали наши солдаты. Огонь немецких «ванюш» был не такой мощный, но все равно смертоносный, массированный. Как только немецкие шестиствольные минометы начинали урчать, наши солдаты шутили, что «ванюша» опять идет сватать «катюшу». В один из таких обстрелов снаряд «ванюши» разорвался рядом с окопом, в котором находился гвардии лейтенант И. Мухарев. Взрывной волной его забросило в глубину окопа и

завалило землей. Его контузило, он кратковременно потерял сознание и оглох, но вскоре пришел в себя, откопался с помощью солдат своей роты, но в медсанчасть сгоряча не пошел и, как оказалось впоследствии, зря. С того момента он стал плохо слышать на правое ухо. Двенадцать солдат, находившихся рядом с ним, были убиты. Последствия этой контузии Иван Гаврилович Мухарев ощущал до последнего своего часа.

В марте 1945 года дивизия готовилась к наступлению. Для этого по всему фронту наступления надо было выявить огневые точки противника и захватить «языка». С этой целью решили провести разведку боем. Для этого в батальон, расположенный на фланге с батальоном, в котором служил отец, прибыла корпусная разведка в количестве 21 человека. Хорошо не изучив обстановку, они сходу провели разведку боем и напоролась на засаду. Задачу не выполнили: огневые точки не выявили, языка не взяли, 19 человек погибли. Остались в живых только командир группы разведки и старшина.

Командование дивизии приказало вновь провести разведку боем, но уже силами двух рот батальона. Одной из этих рот командовал отец. Во время проведения разведки обе роты слишком далеко прорвались в тыл к немцам, и те взяли их в кольцо, прижав к болоту и к лесу, росшему рядом с болотом, недалеко от большого села. Болото было покрыто низенькими кочками, обросшими мхом, заросло корявыми соснами, березами и кустарником. Вечерело. Вокруг них сгустился туман, из болота парило. Проводником у наших солдат был местный парень, понимающий русский язык и хорошо знающий местные окрестности. Он знал все тропинки между болотами, а место было опасным, один неверный шаг – и тебя засосет вековая трясина болота. Двухметровый камыш и оцетинившая зеленая осока скрывали бойцов от немцев, но подводило множество птиц, обитавших в болотах. Везде на чистой воде плавали утки, прилетевшие с юга гнездиться на родину, было много гусей и лебедей. Птицы были очень чувствительны к перемещению людей: при приближении солдат, как бы тихо те ни двигались, они шумно срывались с места, громко хлопая крыльями, взлетали в воздух, показывая противнику, что в этом месте кто-то есть. наших солдат спасало только то, что и немцы бродили по болоту в разных местах, ища пропавшие роты, и такие же птицы взлетали при передвижении немцев. Роты быстро двигаться не могли не только потому, что шли по узким тропинкам среди болотных топей, но и из-за того, что при разведке боем, которую провели солдаты роты под командованием Ивана, были взяты в плен семеро немцев. Двое из пленных были тяжело ранены, а пятеро здоровых немцев не хотели их нести. Иван и командир второй роты Баранов стали решать, что делать: оставлять раненых немцев и самим

уходить было нельзя, они, безусловно, рассказали бы, куда движутся окруженные роты. И тогда гибель почти четырехсот человек личного состава двух рот неизбежна. Баранов предложил Ивану:

– Давай в последний раз предложим пленным немцам нести своих раненых товарищей. Если они откажутся, придется раненых расстрелять.

Другого выхода не было: оставлять раненых немцев в живых было нельзя, из-за них могли погибнуть две роты. Иван дал согласие. Построив здоровых немцев, Баранов сам, как мог, и с помощью проводника объяснил немцам, что надо тяжелораненых нести на носилках, им будут помогать наши солдаты. Однако старший из немцев – фельдфебель ответил Баранову:

– Мы измучены и не можем нести наших раненых солдат, пускай их несут ваши солдаты – русские.

– Ах... ты не видел! – взорвался старший лейтенант Баранов. – Последний раз объясняю, – заорал он, – или берете раненых, или мы их расстреляем. Оставить здесь, чтобы они нас выдали, мы не можем.

– Стреляйте, – спокойно ответил фельдфебель. – У нас нет сил их нести.

– Швачко! – крикнул Баранов.

– Я! – поднялся солдат средних лет.

– Ко мне! – скомандовал старший лейтенант.

– Есть! – ответил Швачко и, подойдя к Баранову доложил:

– Товарищ старший лейтенант, сержант Швачко по вашему приказанию явился.

– Приказываю тебе, сержант, – сказал Баранов, – расстрелять одного из раненых немцев.

Швачко, поняв задание, ужаснулся: роль палача ему была не по душе, но он, как и другие солдаты, слышал разговор своего командира с фельдфебелем и понимал, что иного выхода нет, иначе роты погибнут. Глубоко вдохнул и взяв себя в руки, подошел к раненым немцам. Оба немца были молодые, один блондин с голубыми глазами, другой – брюнет. Ранения у обоих были тяжелые, в живот, даже если бы их доставили в госпиталь, то они все равно не выжили бы. Швачко взял немецкий автомат, чтобы не выдать местонахождения наших рот и прицелился в голову брюнета. Раненый немец, поняв, что сейчас его расстреляют, закричал:

– Муттер! Муттер!

Швачко опустил автомат и не стал стрелять. Баранов закричал на Швачко:

– Сержант Швачко, я тебе приказываю застрелить тяжело раненого немца, ты же видишь, что он не жилец на этом свете, он все равно умрет.

Застрелить его необходимо, если не хочешь погибнуть сам и чтобы погибли твои товарищи!

Швачко снова прицелился в голову немца, немец опять закричал,
– Муттер!

У Швачко бежали слезы, он прицелился, закрыл глаза и выстрелил. Баранов, видя тяжелое состояние солдата, сказал Ивану:

– Теперь ты вызывай солдата из своей роты, мой солдат расстрелял одного, второго пускай расстреливает кто-нибудь из твоих.

– погоди, – сказал Иван, – спроси у немцев, может быть, после этого они все-таки понесут своего товарища?

Баранов вновь обратился к немецким солдатам:

– Видите, мы расстреляли вашего товарища, мы и со вторым шутить не будем, поднимите раненого и несите.

Немецкие солдаты молчали, и никто из них не подходил к раненому, чтобы поднять его и нести к нашим позициям. Баранов с Иваном посмотрели на фельдфебеля. Тот отвел глаза в сторону и сказал:

– Мы не можем его нести, я вам уже все сказал.

Иван скомандовал:

– Абрамович, ко мне!

– Есть! – ответил Абрамович и подошел к Ивану:

– Товарищ лейтенант, по вашему приказанию ефрейтор Абрамович явился.

– Моисей, ты все видел и слышал, – сказал Иван – Надо застрелить второго тяжелораненого немца, он все равно умрет. А нести его некому, оставить в живых его мы не можем. Если оставим, то нам всем здесь крышка, этот немец расскажет своим, куда мы пошли. Выполни приказ, за это я представлю тебя к награждению медалью «За отвагу».

– Есть! – ответил Моисей. Взял немецкий автомат и подошел ко второму раненому немцу. Когда Моисей прицелился, белокурый голубоглазый молодой немец закричал так же, как и первый: «Муттер!» Но Абрамович не слушал его и выстрелил в голову. Моисей мстил за родственников и знакомых, казненных в фашистских застенках. Немец затих.

Как только все было кончено, роты двинулись вперед. На горизонте показалась быстро приближающаяся маленькая черная тучка. Ветер усилился, он был злым и резким, поднимал в воздух сухие крошки от листьев камыша и осоки, бросая их прямо в глаза солдатам. Если бы не начавшийся дождь, то глаза многих солдат были бы иссечены эти мелким мусором. Тучка по мере приближения к ним быстро разрасталась, небо

засверкало от молний, ударил гром, на солдат сверху со стуком стали падать крупные капли. Начался ливень. Вода в болоте бурлила и кипела от падающих струй дождя, сырой воздух еще более напитался водой, дышать было трудно, но роты шли вперед, им нельзя было останавливаться. Солдат мочило сверху и снизу, а сзади и сбоку раздавались автоматные и пулеметные очереди – это немцы шли по пятам и били наугад вслед уходящим ротам. Ливень закончился так же быстро, как и налетел, солдаты были измученные, мокрые и грязные, словно природа наказала их за расстрел пленных.

Освобожденные от вынужденного груза, солдаты пошли за проводником прямо через болото. Проводник вел их тропами, которые считались недоступными для незнающих людей. Немецкая часть, окружившая и прижавшая две роты к болоту, была боевая. Она не боролась против партизан, а воевала на фронте, поэтому в ней не было собак, и поэтому немцы точно не могли определить, в каком направлении двигались окруженные бойцы советской армии.

Выйдя на рассвете на твердое место, бойцы умылись водой из того же болота, где они испачкались. После ночного похода Иван повеселел, несмотря на то, что одежда вся вымокла и прилипла к телу. По правде сказать, выбраться из этих топких мест он и не надеялся. Ответственность за людей давила на него тяжелым камнем. Однако они все вместе все-таки одолели это проклятое болото, и ему стало легче.

Видя, что солдаты устали и усталость валит всех с ног, Иван залез на высокую березу, осмотрелся. Не обнаружив ничего подозрительного, посмотрел в бинокль на село. С тыла, где вышли роты, никаких укреплений у немцев не было, по-видимому, они надеялись на непроходимое болото и все силы сосредоточили перед селом с другой стороны, где проходила передняя линия фронта русских. Он видел, как немецкие солдаты, не ожидая нападения, спокойно ходили по селу. Несколько немецких танков и две артиллерийские батареи также были развернуты к переднему краю русских. После тридцатиминутного отдыха перед боем Иван, посоветовавшись со старшим лейтенантом Барановым, сказал солдатам:

– Ребята, я знаю, что вы очень устали, вам трудно, но надо собрать силы и преодолеть эти трудности. Надо атаковать немцев с тыла и прорваться через их окопы к нашему переднему краю. Это единственный шанс большинству из нас остаться в живых.

Некоторые из солдат попытались возразить:

– Как же мы пойдём на село двумя ротами против полка, у которого есть танки и артиллерия? Это верная смерть, нас прихлопнут, как бабочек, это невозможно.

Но Иван, несмотря на молодость, был волевым, у него был уже достаточный боевой опыт. За шесть месяцев, проведенных на фронте, командуя взводом и ротой, он научился заставлять солдат слушать его. Он хорошо разобрался в сложившейся боевой обстановке, правильно оценил ее и понял: есть шанс прорваться через немецкие позиции и вывести обе роты практически без потерь. Чувствуя ответственность за жизнь каждого солдата и понимая, что во время атаки кто-то погибнет, кто-то будет ранен, но большинство вырвутся из капкана, сразу подавил ропот:

– Отставить разговоры, дисциплину не позволю никому нарушать. Слушайте меня внимательно. У нас есть большой шанс вырваться из капкана, в который мы попали. На нашей стороне неожиданность. Немцы не ожидают нападения со стороны болота, из которого мы только вышли, они считают его непроходимым. Нам надо действовать неожиданно и быстро. В этом у нас преимущество перед фашистами. Мы не будем захватывать село, сил для этого у нас недостаточно, мы пойдём на прорыв. Немцы и опомниться не успеют, как мы будем у наших окопов. Делайте, что я вам говорю, план согласован со старшим лейтенантом Барановым.

Видя тревогу в глазах солдат, он добавил:

– Нам надо атаковать село и прорваться к своим, оставаться здесь и ждать, когда нас обнаружат, – это верная смерть.

Боевой опыт, приобретенный на фронте, и полноценная учеба в Виленском пехотном училище подсказывали ему, что успех возможен. Большинство солдат уважительно смотрели на него. Своему командиру – молодому лейтенанту они доверяли, зная, что он заботится о них, не раз ходил с ними в атаки и зря в пекло кидать не будет. К тому же он не будет прятаться в кустах, а пойдет впереди них. Пожилой солдат, бывший с Иваном в боевых передрягах и ходивший не раз с ним в атаки на немецкие позиции, сказал, обращаясь в основном к бойцам роты, которой командовал старший лейтенант Баранов:

– Не дрейфь, ребята, раз коротко сказал: «Раздолбаем и прорвемся», так и будет. Не смотрите, что он молодой, он уже бывалый и к тому же сибиряк, сам лучше погибнет, чем солдат под пули подставит.

Молодежь, воодушевленная ветераном, приободрилась. Лейтенант действительно был еще мальчишкой, но в своей роте имел непререкаемый авторитет, ветераны его беспрекословно слушались и подчинялись ему с полуслова. Внешне Иван был собран, распоряжения перед атакой давал

спокойно и рассудительно, его поведение вселяло в солдат уверенность в успехе атаки.

– Прямо Суворов, – подумал Моисей, расстрелявший немца во время перехода через болото, бывший преподаватель истории в университете – Не позволил возразить себе ни солдатам, ни командиру второй роты Баранову. Вроде на верную гибель посылает людей, хотя идет вместе с ними в лобовую атаку на село, где стоит целый полк с артиллерийскими батареями и танками. Господи, помоги этому лейтенанту удачно провести атаку на немцев, прорваться через них и выйти на наши передовые позиции.

Солдаты, готовясь к атаке, пили из фляжек непонятно что: то ли спирт, то ли воду, а может, то и другое, у кого что было. Посоветовавшись с командиром второй роты Барановым, решили прорываться двумя колоннами, по три человека в ряд. Впереди, в середине и сзади колонн должны были двигаться пулеметчики. Используя складки местности, овраги и разбросанные рядом с селом лески, осколки роты подобралась ползком к селу сзади. Неожиданно поднялись и пошли прямо через село двумя колоннами в атаку. Им не надо было захватывать этот населенный пункт, им надо было прорваться к нашим, чтобы выйти из окружения. Пленные немцы быстро бежали в середине колонны, перед атакой их предупредили: отставание или шаг в сторону – расстрел. Две колонны по роте в каждой ворвались в село в тыл немцам по двум соседним улицам на расстоянии примерно 40–50 метров друг от друга. Солдаты, несмотря на усталость, гонимые инстинктом самосохранения, не просто бежали, а мчались через село и через позиции немцев. Иван с немецким автоматом в руках, советский автомат висел за спиной, так как патронов не было, командуя своей ротой, бежал сразу за пулеметчиками, непрерывно стреляющими в обе стороны и впереди себя. Он бежал, кричал и стрелял, как и вся масса солдат,двигающихся за ним. Немцы, от неожиданности не поняв, что произошло, в панике кинулись в разные стороны. Этим они создали для наступающих два коридора и пропустили роты через свои передовые позиции, а очнулись только тогда, когда солдаты, прорвавшихся рот добежали до наших позиций и стали спрыгивать в окопы. Все произошло по плану Ивана, успех боя определила неожиданность атаки и ее быстрота.

После боя Моисей Абрамович подошел к Ивану и сказал:

– Товарищ лейтенант, меня ранило в руку, я пошел в медсанбат. Не забудьте написать представление о награждении меня медалью «За отвагу».

– Сделаю, – сказал Иван, – как только приведу роту в порядок.

Свое обещание Иван выполнил, представив Моисея к награждению медалью «За отвагу» за участие в проведении разведки боем в тылу врага.

Придя в себя после прорыва с тыла своих позиций двумя ротами под командованием лейтенанта И. Мухарева и старшего лейтенанта Баранова, вырвавшимся из окружения, немцы обрушили на наши позиции шквал минометного огня. Сотни мин визжали, сливаясь в один сплошной, разрывающий на части душу гул. Земля содрогалась и тряслась. Над окопами и траншеями, в землю которых вжались своими телами солдаты, свистели осколки, никакой возможности подняться и хотя бы выстрелить в сторону немцев не было. Окопы вместе с солдатами забрасывало и заваливало землей. Скоро стали слышны крики:

– Братцы, санитаря сюда пришлите!

После этого страшного обстрела часть солдат была ранена и убита. Утром Ивану и другим командирам подразделений, попавших под обстрел, было тяжело писать строевые записки, вычеркивая многие фамилии, но большая часть личного состава была благополучно выведена из окружения и сохранена.

Бывший историк Моисей Абрамович из медсанбата написал матери письмо:

– Здравствуй, дорогая мама! Я жив, здоров, только легко ранен в руку, через пару недель вернусь в свою роту. До фронта я не верил в бога, но сейчас я понимаю, что все в руках божьих. Мама, прошу тебя, сходи в церковь, купи самую большую свечку и поставь ее за здоровье нашего молодого командира роты. Ему только девятнадцать лет, но он прирожденный командир и вывел твоего сына из такого пекла, из которого невозможно было выйти живым. За последние сутки я должен был несколько раз утонуть в непроходимом прибалтийском болоте и несколько раз погибнуть от пуль, снарядов и мин, которые летели в твоего сына. Но лейтенант, этот мальчишка, провел нас через страшное болото, заставил пули, снаряды и мины отвернуть в сторону от твоего сына, разогнал стоящих перед нами немцев и вывел к своим почти без потерь. Мама, если бы я не был участником этой атаки, я бы никогда не поверил рассказу о таком бое. После этого боя я, учитель истории, понимаю, почему побеждал Суворов, и говорю тебе, что если в нашей армии в низовых подразделениях, во взводах и ротах, есть еще такие командиры, как Иван Гаврилович, так к мальчишке обращается вся рота, то наша армия непобедима. Проси, мама, Господа Бога, чтобы я до конца войны прослужил в подчинении у Ивана Гавриловича, тогда я останусь жив и вернусь к тебе.

Любящий тебя Моисей.

Вплоть до 8 мая 6-я прорывная вела бои с немецко-фашистскими оккупантами в Прибалтике, наши решительно наступали, немцы яростно сопротивлялись и переходили в контратаки. Редкие дни передышки использовались для пополнения личного состава прямо на боевых позициях, приведения в порядок материальной части вооружения роты, батальона, полка. В этих суровых условиях гвардейцы 6-й армии отвоевывали метр за метром территорию, захваченную фашистами.

Все побережье Балтийского моря было занято до зубов вооруженными отборными подразделениями Восточно-померанской группировки фашистов, очень опасной для Красной Армии, наступающей на Берлин. Эта группировка в любой момент могла ударить в тыл нашим войскам. Необходимо было ее ликвидировать. Весенняя распутица сделала дороги непроходимыми. Танки, «катюши», артиллерия, автомашины вязли в грязи и очень медленно продвигались вперед. Свернуть с дорог было невозможно: вокруг были болота, речки, ручьи, озера, «фаустники» поджидали на каждом углу. Но 6-я армия, входящая в состав Первого Прибалтийского фронта, несмотря на эти трудности, рассекла немецкую группировку и стала ее громить и уничтожать по частям. Бои были такими трудными и тяжелыми, что порой казалось, что не немцы находятся в окружении, а наши войска находятся в окружении немцев. Когда батальон, в котором воевал отец, с боями вышел на побережье Балтийского моря, он вместе с солдатами своей роты прямо в одежде, несмотря на то, что был холодный месяц март, забежал в воды Балтийского моря. Бойцы обрызгали друг друга морской водой и попробовали ее на вкус.

8 мая 1945 года фашистская Германия сдалась, и верховное командование германских вооруженных сил подписало Акт о военной капитуляции.

Служба после войны

Отец на фронте пробыл 10 месяцев. Он воевал в самом пекле войны. За это время ему пришлось 8–10 раз идти в наступление и раз 12–15 поднимать взвод и роту в атаку, попадать в окружение и выходить из него, ходить в разведку и брать «языков», ходить в разведку боем, но это было очень опасно, учитывая хорошую вооруженность и огромную мощь немецко-фашистских войск. За это время он был два раза ранен и один раз контужен. Гвардии лейтенант Иван Гаврилович Мухарев воевал самоотверженно и отважно, об этом свидетельствует его боевая

характеристика от 9 июня 1945 года, в которой отмечено: «В бою действует смело и решительно».

Когда закончилась Великая Отечественная война, отцу было всего 19 с половиной лет. В этом возрасте, будучи на фронте, отец побывал командиром взвода, роты и даже командиром батальона – в течение небольшого промежутка времени, когда командир батальона был выведен из строя, и в батальоне не было более опытного офицера, чем гвардии лейтенант И. Мухарев. За боевые отличия во время участия в боях против немецко-фашистских оккупантов гвардии лейтенант Иван Гаврилович Мухарев награжден двумя орденами – Отечественной войны II степени и Красной звезды, а также медалью «За победу над Германией».

Боевая характеристика отца.

На командира стрелкового взвода 7 стрелковой роты 517 стрелкового ордена Александра Невского полка 166 стрелковой краснознаменной дивизии лейтенанта **МУХАРЕВА** Ивана Гавриловича.

1925 года рождения. Уроженец Кемеровской обл., Киселевского района село Игонино. Русский, рабочий, канд. ВКПб с 1.1.1945 года. Канд. карточка № 7867467. Образование: Общез. 7 классов в 1942 году. Военное-Виленское пехотное училище I год. 2 мес. 6.1944 года. В Красной Армии с 5.1943 года. На фронтах Отечественной войны с 9.1944 года. В плену и окружении не был. Ранен легко-27.10.1944 года и 23.1.1945 года. Награжден орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА" приказ 90 ГСД № III/н от 17.1.1945 года, и орденом "ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 2 ст" приказ 22 ГСК № 0122 от 4.12.1944 года. Звание присвоено приказом 6 гв. Армии № 0305 от 25.11.1944 года. Удостоверение личности серия АГ-000001 № 76049 выдано 7.9.1944 года. Утвержден в должности приказом 517 стр. орд. Ал. Невского полка № 039 от 30.3.1945 года.

Лейтенант **МУХАРЕВ** на данной должности показал себя исполнительным и дисциплинированным командиром. Тактически в должности командира стрелкового взвода подготовлен достаточно. Стрелковое дело знает, умеет передать подчиненным свои знания и боевой опыт. В бою действует смело и решительно. Морально устойчив. Идеологически выдержан. Политически грамотный и развитый офицер. В работе энергичен, инициативный и находчивый. К подчиненным требователен. Среди личного состава и командования батальона пользуется авторитетом. Постоянно работает над повышением своих знаний и умело их применяет в своей работе. Общее развитие зоршее. Уставы и наставления Красной Армии знает. Делу партии Ленина - Сталина и Социалистической Родине предан.

ВЫВОД: 1. Должности командира стрелкового взвода соответствует.
В звании достоин.
2. Оставить в данном звании и должности.

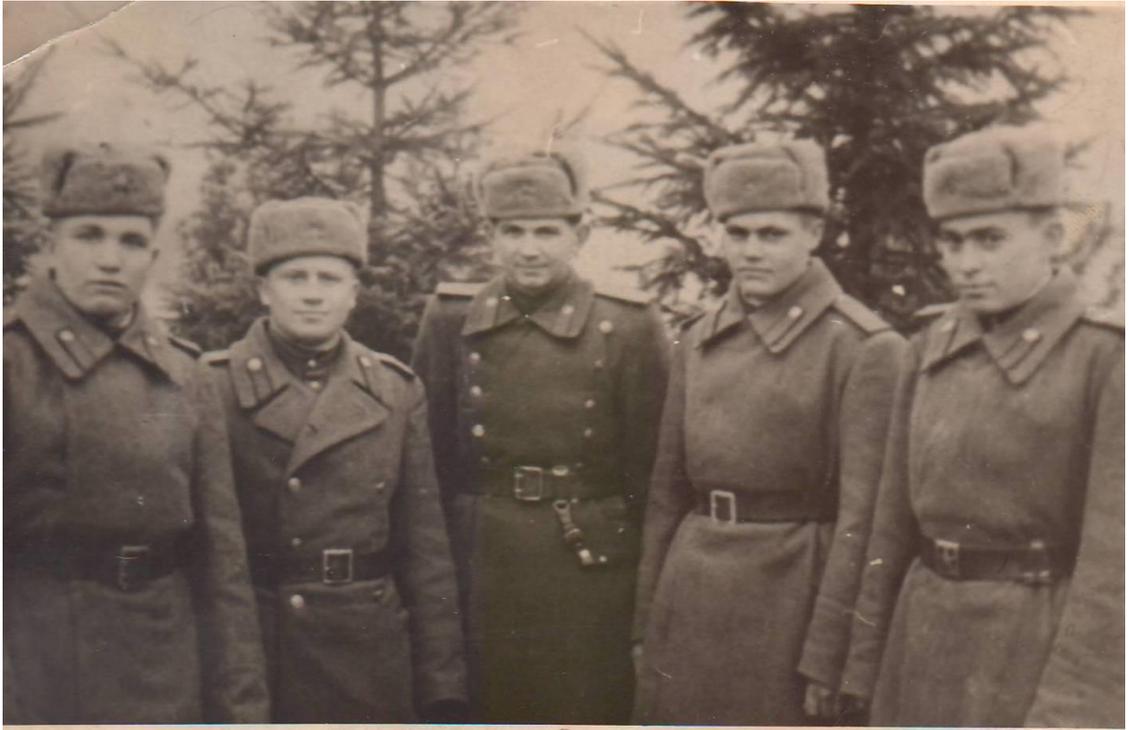
КОМАНДИР 3 СТРЕЛКОВОГО БАТАЛЬОНА
517 стр. орд. Ал. Невского полка
КАПИТАН: - / А К И Ш И Н /

Согласен.

И. АКИШИН
КОМАНДИР 3 СТРЕЛКОВОГО БАТАЛЬОНА
АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО ПОЛКА
166 СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ
КАПИТАН

"9" июня 1945 года.

После окончания войны в течение полугода гвардии лейтенант И. Мухарев охранял лагерь немецких военнопленных. Он был старшим в этом лагере и отвечал за содержание и охрану военнопленных.

Как называлась эта должность, комендант лагеря или как-то по-другому, я не знаю. Скорее всего, эта его новая временная должность называлась по-старому – командир стрелкового взвода с вменением временных обязанностей по охране и обеспечению содержания военнопленных в лагере.

Во время исполнения этих обязанностей произошло ЧП-чрезвычайное происшествие. Военнопленные содержались в лагере за колючей проволокой, в специально построенном и оборудованном немцами, для содержания русских военнопленных. Военнопленные питались в столовой, построенной для питания русских военнопленных. Днем немцы работали. Вечером их под конвоем приводили в лагерь, где они ужинали, затем ночевали, утром после подъема их кормили и уводили на работу. С работы все возвращались живыми и здоровыми. Командир взвода гвардии лейтенант И. Мухарев был ответственным человеком, а поэтому обратил внимание на то, что иногда по утрам, после ночного сна, часть пленных почему-то умирает. Это его встревожило, и он вызвал комиссию.

Во время проверки комиссия установила, что виновато во всем бывшее фашистское руководство этого учреждения: немцы строили этот лагерь для содержания в нем русских военнопленных и для того, чтобы русские, содержащиеся в этом лагере, ежедневно умирали, установили в столовой для приготовления пищи медные котлы. Питались военнопленные вечером не все вместе, а партиями, по мере возвращения в лагерь после работы. Когда вечером приводили в столовую группу военнопленных,

вернувшуюся с работы раньше, и кормили их горячей пищей, то ничего не происходило. Эта группа ночевала благополучно и оставалась жива. Военнопленные же, которые приходили с работы поздно и принимали остывшую пищу, утром умирали из-за того, что пища, приготовленная в медных котлах, окислялась медью и становилась ядовитой. Так фашисты, собирающиеся травить наших военнопленных, отравили своих солдат, попавших в плен к советской армии.

Во время охраны немецких военнопленных отец общался с ними через двух переводчиков. Один из переводчиков был танкистом. Отец спрашивал у него:

– Сколько русских танков ты подбил?

– Пять, – отвечал тот.

– А сколько своих танков потерял ты?

– Три, – сказал немецкий танкист.

В тот период в кинотеатрах Риги показывали кинофильм «Радуга», рассказывающий о зверствах фашистов во время войны.

Клубы и места, где показывали различные кинофильмы для военнослужащих и гражданского населения, военнопленным посещать запрещалось, но отец договорился с билетершей клуба, которая запускала зрителей в зал для просмотра кинофильма и разрешила пленным немцам посмотреть этот кинофильм, сидя у входа в кинозал. В этом кинофильме показывали, как немецкие солдаты насиловали русскую беременную женщину и как издевались над ней – вырезали ножами плод из живота. После просмотра фильма отец спросил у немцев,

– Правду ли показывали в кино?

– Правду, – ответили они.

– Ну, мы же, наши солдаты, не издевались так над вашим населением, а почему ваши солдаты совершали такие преступления?

– Война, – отвечали они.

Все немцы считали, что во время войны с поработощенными народами можно делать все, что угодно.

Гвардии лейтенант И.Г. Мухарев был молодым перспективным боевым офицером, поэтому командование полка во время проведения аттестации решило его послать на курсы усовершенствования офицерского состава Прибалтийского военного округа, находящиеся в Калининграде.

На указанных курсах отец обучался с декабря 1945-го по март 1946 года. Во время обучения был одним из лучших офицеров. Оказывал помощь отстающим слушателям. По окончании курсов руководство курсов сделало вывод: достоин присвоения ему очередного воинского звания «старший лейтенант».

-13- 3

АТТЕСТАЦИОННЫЙ ЛИСТ

на присвоение старшего (первичного или очередного) **ВОИНСКОГО ЗВАНИЯ**

Служитель Б. Куров Куров Александр Иванович Центрального Командования
 полка Третьей ВД лейтенанту Мухомареву Ивану Тавриловичу.

Место для фотокарточки

1. В занимаемой должности с 4.12.45
2. Год рождения 1905 года
3. Партийность и стаж К-п ВКП(б) с 1945 г.
4. Национальность русский
5. Общее образование 7 классов
6. Военное образование Высшее в артиллерийской школе в 1944 году.
7. С какого времени в РККА с 1943 года
8. С какого времени на фронте в действующей армии с 6.9.41 года по 9.5.45 года
9. Ранения во время отечественной войны с немецкими захватчиками два легких ранения.
10. Награды: а) до отечественной войны не имеет
 б) за время отечественной войны орден "Красная звезда", орден "Отличившаяся в боях", медаль "За победу над Германией"
11. Дата и номер приказа о присвоении предыдущего звания Третьей ВД армии № 0305 от 25.11.44

АТТЕСТАЦИЯ

Во время пребывания на курсе с 15 декабря 1945 года по настоящее время лейтенант Мухомарев показал себя инициативно с положительной стороны. Политически развит, морально устойчив. Полагается авторитетом среди слушателей, как один из лучших офицеров в учебе, дисциплине и поведении. Проявляет большую помощь слушателям политического уровня, занимается над повышением своего военно-политического уровня. Инициативен. Требования к себе, строгая выправка. Активно работает сарано грамотен. Следует отметить большую исполнительность л-та Мухомарева при наличии всех его положительных качеств. Культурный, тактичный, выдержанный. Стрелковая выправка хорошая. Владеет командными приемами и исполнительности к командно-стрелковой работе.

Вышеуказанный до прибытия на курсы занимал должность командира стр. взвода.

2. Может быть использован на должности зам. командира стр. роты.

3. Достойно присвоения очередного воинского звания "Старший лейтенант".

Командир (начальник) Б. Куров
 зв. подполковник В. Мухомарев

« март 1946 г.

Война окончилась полным разгромом фашистской Германии и милитаристской Японии, наступило время расплаты за военные преступления. Наиболее активные соратники Гитлера предстали перед судом.

«19 апреля 1943 года Президиум Верховного Совета СССР установил меры наказания для «немецко-фашистских злодеев, виновных в истязаниях и убийствах советского гражданского населения и пленных красноармейцев», а также для их пособников из числа предателей Родины.

Осуждённых за военные преступления, как правило, вешали публично, при большом стечении народа.

Следственные действия велись по горячим следам... Согласно «Декларации об ответственности гитлеровцев за совершаемые преступления», изданной правительствами СССР, США и Великобритании 1 ноября 1943 года, немецкие военные преступники, исключая самых высокопоставленных, подлежали суду и наказанию в тех странах, на территории которых они совершили свои злодеяния. Такие преступники выявлялись из числа военнопленных.

Показательные процессы

В конце 1945 года начались первые восемь таких процессов. Они проходили в городах, против населения которых обвиняемые совершали свои преступления. Это были Ленинград, Смоленск, Брянск, Великие Луки (РСФСР), Киев, Николаев (Украинская ССР), Минск (Белорусская ССР) и Рига (Латвийская ССР). Процессы были открытыми, в залы, где проходили судебные заседания, стремилась публика, требовавшая беспощадной расправы. Киноленты запечатлевали леденящие кровь выступления свидетелей, предъявление доказательств чудовищных преступлений, запоздалые признания и раскаяние злодеев. Смертные приговоры о повешении в 1946 году были вынесены более чем восьми десяткам нацистов, казни совершались публично.» («Беззаконью вопреки», статья из Интернета)

Семь бывших немецких генералов и офицеров, виновных в массовых убийствах мирного населения СССР, были приговорены к смертной казни и в Риге. В начале 1946 года в Риге (26 января – 2 февраля 1946 года) состоялся судебный процесс над немецкими военными и полицейскими начальниками. Они были приговорены к смертной казни и публично повешены в Риге 3 февраля 1946 года.

Обергруппенфюрер «СС» Ф. Еккельн руководил СС и полицией в Прибалтике и частично в Белоруссии. По сути, именно он возглавлял и направлял действия всех карательных органов в «Остланде». Его подписи стояли под многими преступными приказами. Точное число жертв неизвестно, поскольку Еккельн приказал заключенным вырыть и сжечь все трупы, после чего там же сожгли самих заключенных. Также расстреливались цыгане, литовские поляки. Для «чистоты крови» Еккельн приказал стерилизовать сотни мужчин и женщин из смешанных браков, расстрелять всех психически больных. Он проводил карательные акции

против партизан, коммунистов и их семей. На вопрос прокурора «Зачем вы это делали?», Эккельн ответил: «Я хотел показать пример своим подчиненным»... Вместе с тем на суде в 1946 г. Ф. Эккельн признался, что только «по политическим мотивам» в Латвии за три года были арестованы 20 000 человек.

[^]

25.04.2019 - 21:52

Генерал-лейтенант З. Руфф был комендантом Риги в 1944 году. Сгонял жителей на строительство оборонных укреплений, отказников приказал расстреливать, отправлял тысячи рижан в немецкое рабство, перед отступлением из города приказал разрушить множество зданий.

[^]

25.04.2019 - 21:57

Генерал-лейтенант Д. фон Монтетон в качестве командира 391-й охранной дивизии проводил карательные операции: жег деревни вместе с жителями, приказал взорвать здания в Каунасе, из Лиепайи угнал в немецкое рабство не менее 22000 человек и вывез всю промышленность. Схожие преступления совершали три генерал-майора: Ф. Вертер, Г. Кюппер, Б. Павель.

Штандартерфюрер «СА» А. Беккинг был гебитскомисаром в Эстонии, карал за неуплату налогов, отправлял в тюрьмы «неблагонадежных лиц», угнал в немецкое рабство 3000 человек и разграбил их имущество. Проводил карательные операции в Изборском районе, разграбил Псковско-Печорский монастырь.

Как пишет Ю.З. Кантор (лично изучавшая документы дела), «процесс был хорошо подготовлен в юридическом и фактологическом смысле — явление, достаточно нетривиальное для сталинской юстиции... Следователи

тщательно изучили материалы рейхскомиссариата «Остланд» (полная коллекция которых осталась в Риге). Об этой тщательности свидетельствуют, в частности, подробнейшие обзорные справки (подшитые к каждому тому) и массивы иных коллекций документов, касающихся территории «Остланд».

Выслушав экспертов, свидетелей, адвокатов и подсудимых (они признали свою вину), трибунал приговорил Еккельна, Руффа, фон Монтетона, Вертера, Кюппера, Павеля, Беккинга к смертной казни через повешение. Казнь состоялась на площади Победы в Риге, заполненной десятками тысяч людей.

Во время обучения на курсах усовершенствования офицерского состава гвардии лейтенант И. Мухарев присутствовал на исполнении этого приговора, он среди других курсантов указанных курсов во время казни стоял в пятом ряду оцепления от виселиц и вместе с другими обеспечивал порядок на площади Победы в городе Риге, где приговор приводился в исполнение, и охрану места казни.

Место исполнения охраняли пять рядов военнослужащих различных родов войск. В первом ряду находились НКВД-шники, во втором – летчики, в третьем – моряки, в четвертом – артиллеристы, в пятом – пехотинцы. Этот ряд сдерживал основной напор толпы людей – более 10 тысяч человек, прибывших на место казни. На площади были установлены 4 виселицы, на трех было по две петли, а на одной, стоящей отдельно, была одна петля. Командовал исполнением приговора бывший военный комендант города Москвы полковник Суворов. Сначала на площадь въехал эскорт мотоциклистов, а затем на четырех грузовиках ввезли приговоренных к смертной казни фашистов. На первой автомашине привезли бывшего коменданта Риги – генерал-лейтенанта Руффа, а на других автомашинах – по два приговоренных к смертной казни через повешение высших офицера и генерала германской армии. Когда фашистов привезли на площадь, автомашины остановились под виселицами. Все фашисты, как по команде подняли головы и посмотрели на петли. Полковник Суворов зачитал приговор и НКВД-шники надели всем приговоренным петли на шею. Суворов махнул рукой сверху вниз, автомашины тронулись, из-под ног приговоренных вылетели табуреты... После исполнения приговора казненных фашистов не снимали с виселиц еще три дня.

Таким образом, большинство наиболее активных соучастников Гитлера получили справедливое возмездие за совершенные злодеяния на территории СССР в годы Великой Отечественной войны.

Служба у гвардии лейтенанта И. Мухарева шла хорошо, война закончилась, открывались хорошие перспективы службы в армии, но и Иван всей душой рвался возвратиться на гражданку, мечтал воплотить в жизнь свою мечту – работать машинистом электровоза.

Сразу после окончания войны лейтенант И. Мухарев нес службу на территории столицы Латвии Риги и в ее предместьях. В предместьях Риги взвод лейтенанта Мухарева был расквартирован в домах на латышском хуторе. Лейтенант квартировал в доме богатого хуторянина, а его бойцы – в домах бедных хуторян. Они жили скудно, в домах не было даже деревянной мебели. Вместо столов и постелей использовали солому. Когда надо было накрывать на стол, чтобы завтракать, обедать и ужинать, стелили свежую солому, после еды эту солому убирали. Когда же наступал вечер и нужно было ложиться спать, на пол стелили другую солому. В доме же, где квартировал отец, было все нормально – была мебель и обстановка. Когда командир взвода лейтенант И. Мухарев пришел в дом, где ему предстояло квартировать, хозяйева, еще не старые мужчина и женщина, встретили его радушно, приветливо и выделили ему большую и светлую комнату для проживания. Вокруг хутора было много болот и озер. Солдаты подстрелили несколько диких гусей и одного гуся отдали командиру. Этого гуся командир передал хозяйевам дома и попросил их приготовить его. Хозяйева с готовностью исполнили его просьбу – запекли гуся в яблоках. Вечером накрыли стол, поставив на стол кроме гуся и другие кушанья, а также самогон и вино домашнего приготовления. Когда лейтенант сел с хозяйевами за стол, то хозяйева посадили рядом с гостем свою дочь – красивую высокую голубоглазую блондинку. За столом отец семейства рассказал, что родился и вырос в Сибири, что предки его были крестьянами, что деда с бабушкой сначала раскулачили и сослали, но через год разобрались и вернули с места ссылки назад домой. Его отец и брат погибли на войне, а ему повезло, он остался жив. Иван сказал хозяйевам, что их дом и усадьба при доме ему очень понравились и что дом, который был у его деда и отца, был больше и лучше, чем этот дом. Хозяйева дома послушали его и сказали:

– Зачем Вам, господин офицер, домой в Сибирь ехать. У нас легче жить, чем в Сибири. Зима не суровая и короткая, и люди мирные. Женись на нашей, оставайся у нас и живи. Сына у нас нет, сыном будешь. Ты нам понравился.

Дочка хозяев после выпивки раскраснелась и прижалась к нему. Иван спьяну возьми да ляпни:

– Действительно, дочка у вас красавица. Возьму и женюсь на ней

Хозяева, услышав его, обрадовались и заулыбались. После ужина хозяйская дочь разобрала кровать и осталась на ночлег с Иваном. Утром, когда Иван проснулся, хозяева дома с порога спальни встретили его как мужа дочери. Мать девушки приговаривала:

– Руки в тесте, жених и невеста на месте.

После месяца службы на хуторе гвардии лейтенанта И. Мухарева перевели на другое место службы, но девушка, с которой он познакомился на хуторе, приезжала к нему и в Калининград, вплоть до самой женитьбы отца на моей маме. Вот такая романтическая история была в жизни моего отца в Прибалтике.

В 1947 году гвардии лейтенант И. Мухарев нес службу в качестве командира пулеметного взвода в городе Калининграде (бывшем Кенигсберге). После службы он с коллегами по работе иногда заходил перекусить в столовую № 2 Калининградского треста столовых и ресторанов, где познакомился с кассиром этой столовой Федоровой Александрой Ивановной – моей будущей мамой. Она приехала в Калининград по приглашению своего двоюродного брата по матери Новожилова Константина Никифоровича – офицера Советской армии, друга и сослуживца моего отца. Собственно говоря, именно он привел в эту столовую и познакомил Ивана Гавриловича со своей сестрой Александрой. О жизни мамы до встречи с отцом и о ее семье (со слов мамы и по ее документам) я знаю следующее.

Мама моя Александра Ивановна Мухарева (в девичестве Федорова) родилась 19 марта 1922 года в деревне Багримово Александровского района Владимирской области в многодетной семье. В семье было восемь детей: шестеро братьев и две сестры, включая ее. Мама была старшим ребенком. В начале жизни семья матери: отец Федоров Иван Федорович, мать Наталья Никифоровна Федорова (в девичестве Новожилова), она и братья Виктор и Алексей жила совместно с семьей дедушки и бабушки в одном доме. Кроме них в этом доме жили также два брата отца и его сестра. У деда, кроме них, было еще три сына. Старший сын погиб во время гражданской войны, второй сын был революционером, работал в Москве начальником железной дороги, умер от туберкулеза, третий сын Павел жил в Ярославле.

Дед и бабушка мамы по отцовской линии были обеспеченными людьми, они работали в поместье у местного барина. Дедушку звали Федор,

а бабушку Александра. Дед был управляющим, а бабушка – экономкой. О службе у помещика, о самом помещике и его жене дедушка с бабушкой отзывались очень хорошо, говорили, что барин с барыней были очень положительными людьми, ко всем, кто у них работал, относились по-человечески, всячески поощряя за хорошую работу. Работа их в поместье оплачивалась хорошо, на жизнь хватало. В праздники работники поощрялись подарками: дедушке барин обычно давал по золотому царскому червонцу, а бабушке барыня дарила красивые новые платья, шали, полушалки, платки, детскую одежду. Детское бабушка берегла для своей дочери, для ее детей. Дочь вышла замуж, но ее муж погиб в первую мировую войну. После него она замуж не выходила, и детская одежда ей так и не понадобилась. Когда дед мамы женил сыновей, то он отдавал золотые червонцы ювелиру и тот из этих золотых червонцев делал молодым золотые обручальные кольца. На эти золотые деньги мамин дедушка справлял молодым свадьбу и обеспечивал их всем необходимым. У дедушки было много больших красивых книг, но он в тридцатые годы почему то эти книги сжег, боялся, что его посадят. У маминих дедушки с бабушкой в хозяйстве было три коровы, две лошади, много овец и птицы. Одна лошадь была белая с черными пятнами, ее звали Пегашка. Семья жила сытно. Червонцы, подаренные ему барином, дед спрятал где-то на чердаке дома, но когда дедушку парализовало и у него отнялся язык, он так не смог рассказать о том, где спрятал червонцы. Объяснил жестами только приблизительно. Когда дедушка умер, деньги искали, но так и не нашли. Хотя у дедушки и бабушки была фамилия Федоровы, но все в деревне их называла Барские, поскольку они служили у помещика – барина. Поскольку семья дедушки Федора была большая, то дедушка семью отца мамы отделил, купил им домишко, выделил корову, овец, птицу и они стали жить в этой же деревне Багримово отдельно. Училась мама до третьего класса включительно в школе, размещенной в помещичьем доме, где раньше жили и работали ее дедушка Федор и бабушка, затем эту школу разобрали и перенесли в другую деревню, за километр от деревни Багримово. Там мама проучилась еще один год, потому что школу, сделанную из помещичьего дома, снова разобрали и сделали из нее конюшню и скотный двор.

Интересен тот факт, что местные власти примерно до 1936–37 годов, то есть спустя 20 лет после Великой Октябрьской социалистической революции ничего не строили ни в деревне Багримово, ни в соседних деревнях, а только приспособливали, разбирали, перевозили, собирали, снова разбирали и снова собирали помещичий дом: под школу, школу – под другую школу в другой деревне, из школы в другой деревне построили

конюшню и скотный двор. В начале шестидесятых годов в этих деревнях не было даже электричества. Лично для меня, в то время семи-восьмилетнего мальчика из Сибири, это было странным. Контраст был налицо: в это же самое время в Сибири, на Урале бурным ростом развивалась промышленность: строились металлургические и машиностроительные заводы, новые угольные шахты и фабрики, электрифицировались железные дороги. В 1937 году в городах Прокопьевске и Новокузнецке уже ходили трамваи, и был электрифицирован участок железной дороги Прокопьевск–Белово, по которому железнодорожные составы перевозили электровозы, а не как по всей стране – паровозы.

В пятый класс мама пошла в школу в деревне Александровка, расположенную в 25 километрах от деревни Багримово. На каждый выходной мама пешком добиралась домой в Багримово, но там не отдыхала, а работала – помогала матери.

у которой к тому времени родились еще четверо детей: Владимир, Александр, Василий и Антонина. На следующий день мама возвращалась в школу не отдохнувшая, а наоборот, измученная. В то время, когда мама училась в школе, в центральной части России были перебои с хлебом. Брат мамы Виктор, 1923 года рождения, тогда в школу ходил редко, стоял в огромных очередях для того, чтобы купить хлеб для семьи. Успешно окончив семилетку, мама поступила учиться в техникум в городе Ростове-Ярославском, находящемся в 60 километрах от Баgrimово. Отец мамы Иван Федорович был грамотным человеком и очень хотел, чтобы его дочь Александра получила достойное образование. Однако мать Наталья Никифоровна была против: детей в семье много, ей нужна работница, и она постоянно говорила своей дочери: «Вот не будешь учиться, я тебе куплю новые платья, туфли, пальто, а если будешь, то новенькое покупай себе сама». Мама успешно окончила первый курс техникума. Чтобы накопить ей денег на учебу на втором курсе, вся семья собирала в лесу белые грибы и сдавала их в потребкооперацию по 18 рублей за килограмм. Это была в то время хорошая цена. Таким образом Федоровы заработали деньги для покупки новой одежды для мамы, и она с отцом поехала в Москву, где ей купили новое платье, чемодан и все необходимое для жизни и учебы в техникуме. Мама уехала учиться, но случилась беда: соседская корова боднула Наталью Никифоровну рогами в живот, и она заболела. Маме пришлось оставить учебу и вернуться назад в деревню, где она стала помогать матери по хозяйству. Вернувшись домой в Баgrimово, мама сразу устроилась на работу в Берендеевское сельпо директором магазина. Работа в магазине ей не понравилась, она уволилась и стала работать на почте.

В 1941 году началась Великая Отечественная война. Брата Виктора и всю молодежь, которая по возрасту не могла еще быть призвана в армию, забрали на трудовой фронт для строительства оборонительных сооружений. Маму не взяли потому, что она работала на двух работах и семья была многодетная, с маленькими детьми. Осенью вся молодежь вернулась в деревню. Пришли измученные, многие с окровавленными мозолями на руках и ногах, завшивевшие. Виктор, возвратившись с трудового фронта, помылся в бане, наелся и спал, как говорят, «без памяти», «без рук и ног», очень долго. В октябре 1941 года в армию призвали и отца, но отправили его служить в трудовой батальон, так как по возрасту в действующую армию он уже не подходил. Сначала он попал в город Ярославль, а в 1942 году – в Сталинград, в действующую армию. В Сталинграде отец мамы, мой дед Федоров Иван Федорович, был ранен, лечился в госпитале, заболел тифом и умер. Из госпиталя Иван Федорович присылал письма, в которых

рассказывал о страшных и кровопролитных боях в Сталинграде, где в живых солдаты оставались только чудом. В этих же письмах он мечтал о счастливой жизни своих детей. После его смерти к ним в деревню пришла похоронка, в которой было написано, что отец мамы умер в госпитале. Вместе с похоронкой прислали несколько рублей, которые остались после его смерти. С этого момента в семье мамы началась «черная жизнь»: жить и так было тяжело, а известие о смерти отца подавило семью морально.

Вскоре после того, как в армию призвали отца, призвали и брата Виктора. На фронте Виктор воевал сначала в пехоте, был вскоре ранен, лечение проходил в Ярославле. Мама навещала его в госпитале. Виктор лечился не долго, после выписки заехал домой на три дня. За небольшой промежуток времени Виктор повзрослел и сильно возмужал. По внешнему его виду было понятно, что он уже «понюхал пороха» в окопах. Рассказывал, как опасно воевать в пехоте. Когда Виктор после госпиталя прибыл на фронт, то снова попал в пехоту на передовую. Но вскоре его вызвали из окопов, с передовых позиций, в СМЕРШ, в штаб дивизии. Офицер СМЕРШа рассказал ему, что старший дядя – брат отца воевал в гражданскую и погиб в борьбе за советскую власть, а другой дядя, также брат отца, был революционером, после революции руководил Московской железной дорогой, но умер от туберкулеза. Учитывая преданность рода Федоровых делу революции, его взяли на службу в СМЕРШ. Сначала Виктор проходил службу в звании ефрейтора в приемной у начальника НКВД Белоруссии. Приемная этого начальника была общей с приемной маршала Советского Союза С.К. Тимошенко. У маршала Тимошенко в этой же приемной, на такой же должности, как и дядя Витя, служил подполковник. Во время войны связь с Виктором была потеряна, от него долго не было писем. Вся семья переживала, но долгожданное письмо все же к ним пришло. Оказывается, Виктор участвовал в какой-то военной операции и получил тяжелое ранение в легкие. В госпитале лежал без сознания 14 дней, потом пришел в себя. С фронта дядя Витя вернулся еще до окончания войны и уехал в Ярославль, где жил брат отца Павел. Там создал семью и прожил всю жизнь, своих родных детей не имел.

За время войны дядя Витя был награжден правительственными наградами. Вот один из наградных листов дяди Вити.

НАГРАДНОЕ ЛИСТ

190

1. Фамилия, имя и отчество - ФЕДОРОВ Виктор Иванович.
2. Звание - ст. сержант . 3. Должность, часть - рядовой взвода СКР "Смерш" 70 стрелкового корпуса .
Представляется к награде орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА".
4. Год рождения - 1928 . 5. Национальность - русский . 6. Партийность - член ВКП/б/ с 1948 года.
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне /где, когда/-на фронте Отечественной войны с 1941 года.
8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне - имеет 2 ранен.
9. С какого времени в Красной Армии - с ноября 1941 года. 10. Каким РВК призван - Переславский РВК, Ярославской области.
11. Чем ранее награжден /за какие отличия/-нагр. медалью "ЗА СТРАЖУ".
12. Постоянный домашний адрес (в том числе семьи) -

1. КРАТКОЕ, КОНКРЕТНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОГО ВОЕННОГО ПОДВИГА ИЛИ ЗАСЛУГ

Кр-ец ФЕДОРОВ Виктор Иванович находится на фронте с начала Отечественной войны. В борьбе с немецкими захватчиками ФЕДОРОВ показал себя храбрым, беспредельно преданным Родине, исключительно дисциплинированным и добросовестно выполняющим свой служебный долг красноармейцем.

Во время наступательных операций 70 стрелкового корпуса ФЕДОРОВ выполнял боевые задания по конвоированию преступного элемента в большом количестве власовцев, полицейских и др. в сложных боевых условиях при наличии немецких группировок в тылу.

Удостоверяю о награждении кр-ца ФЕДОРОВА В.И. орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА".

НАЧАЛЬНИК 70 СК
ГЗ. ПОДПОЛКОВНИК

Иванов
/ВОТОВ/

НАГРАДОВАЯ КРАСНОАРМЕЙЦА ФЕДОРОВА медалью "За боевые заслуги"

За боевые заслуги

КОМАНДИР 70 СТРЕЛКОВОГО КОРПУСА
ГЗ. МАЙОР

[Handwritten signature]

/ТЕРПИТЬ В/.

В 1944 году в армию призвали следующего брата мамы – Алексея. Дядя Леша воевал на флоте – был мотористом на военном корабле, прослужил 7 лет. После демобилизации жил в Ярославле, был женат, но детей в семье не было.

В 1943 году мама стала работать на двух работах – на почте и заведующей магазином. Её мать – моя бабушка Наталья в это время работала в колхозе в телятнике. Мама и все дети помогали ей, косили и убирали сено. В году было 365 дней, а бабушку с помощью малолетних детей наработывала 500 трудодней. В народе эти трудодни называли колышками, потому что трудодень очень скудно оплачивался. В основном жили за счет своего хозяйства. В хозяйстве было две коровы, бычок и телочка, много овец, а также птица. В обязанности заведующей магазином входил и сбор налогов. Налогом облагались все жители деревни.

«Натуральный оброк». В 1932–1933 годах советские колхозники получили «обязательства» по государственным поставкам. Как правило, это был перечень видов сельскохозяйственной продукции, которые производили колхоз и личные подворья крестьян. С 1934 года размер поставок с дворов крестьян-единоличников и колхозников был уравнен, а с 1940 года в стране был введен погектарный принцип исчисления

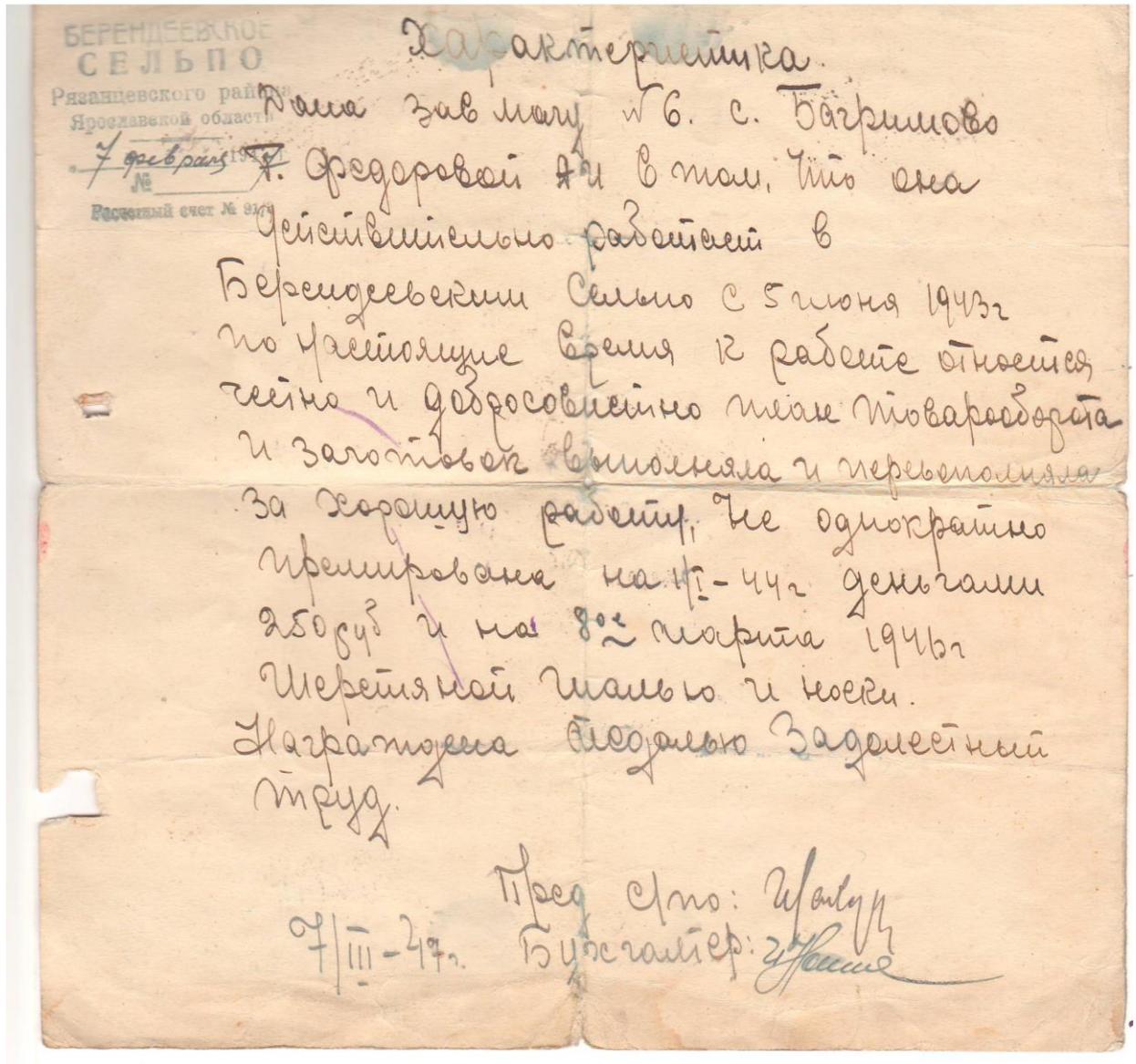
обязательных поставок с колхозов, который затем распространился и на приусадебные участки крестьян.

Уровень оброка в сталинском СССР в ходе его истории неуклонно повышался. Если в 1940 году колхозный двор был обязан сдать в год 32–45 килограммов мяса (единоличники – от 62 до 90 килограммов), то в 1948 году – уже 40–60 килограммов мяса. По молоку обязательные поставки выросли в среднем со 180–200 литров до 280–300 литров в год. В 1948 году колхозный двор также был обязан сдавать ежегодно от 30 до 150 куриных яиц. Госпоставки также регламентировали количество шерсти, картофеля, овощей и т.п. продуктов с каждого колхозного приусадебного участка. При этом, что немаловажно, от уплаты обязательных поставок, например, по мясу и яйцам, не освобождались дворы, которые не имели мясных животных (это произошло лишь в 1954 году) или кур (их можно было заменить денежными выплатами или иными продуктами). Лишь после смерти Сталина в 1953 году государство снизило объемы таких поставок, в связи с чем советские колхозники на радостях даже сочинили поговорку: «Пришел Маленков, поели блинков». Окончательно оброк у советских крестьян был отменен в 1958 году». («Повинности советских крестьян при Джугашвили». Страницы истории России. Интернет).

Во время работы мамы в магазине жители деревни сдавали по 20 кг мяса, 400 граммов шерсти, 5 десятков яиц и много молока. Если у кого-то не было молока, то они могли сдать вместо молока масло. Некоторые так и делали: покупали масло и сдавали его вместо молока. Никого не интересовало, живешь ты хорошо или бедно, сдать налог крестьянин был обязан. Если кто-то не сдавал налог, то приезжали чиновники из района, описывали и забирали все имущество. На двор было положено по 25 соток земли, крестьянин на этом участке что хотел, то и делал. Дом родителей мамы был расположен близко к речке, сена накашивали вдоволь, поэтому и скотины держали много. Однажды мамина семья раскопала заброшенный участок земли и посадила на нем картофель. Перед уборкой картофеля собрали собрание колхозников, на котором постановили: выкопать этот картофель и сдать в колхоз. Семья, узнав про это решение, быстро собралась и сама убрала картофель.

Закончилась война, в семьи стали возвращаться солдаты, но тем, у кого погибли мужчины: мужья, братья, сыновья радости не прибавилось – демобилизованные старались для своих семей, а чужие – прижимали. В 1947 году в деревню в отпуск приехал двоюродный брат моего отца Константин Новожилов, они служили в одной части в Калининграде. Он-то и пригласил свою сестру Александру Федорову поехать с ним в

Калининград и попробовать устроить свою жизнь. Получив блестящую характеристику с места работы за труд в годы Великой Отечественной войны, мама была награждена медалью «За победу над Германией на трудовом фронте».

Мама рассчиталась из магазина и уехала вместе с Константином в Калининград. Там она устроилась на работу в столовую – сначала кассиром, а потом буфетчицей, где и познакомилась с гвардии лейтенантом И. Мухаревым. Свадьбы не было, но свадебный вечер вместе с друзьями и сослуживцами отца они отметили в новогоднюю ночь с 1947 на 1948 год.

В марте 1948 года гвардии лейтенант И. Мухарев был уволен в запас. Сразу после увольнения отец один, без жены, вернулся домой, в Сибирь. Шел домой, пробираясь через сугробы. В одном месте встретился с двумя десятилетними девчонками, идущими в школу. Придя домой, обнялся с матерью Марией Алексеевной и бабушкой Марией Капитоновной, которые были без ума от радости, что сын и внук возвратился живым домой. У обеих подкачивались ноги, они плакали в голос, не веря своему счастью.

– А Аннушка где? – спросил Иван.

– Только что с Зоей ушли в школу, – ответила мать, еще не пришедшая в себя от свалившегося на нее счастья.

– Да я же их встретил недалеко от дома, когда шел домой! – воскликнул Иван, быстро оделся и побежал в школу за сестренками.

Зашел к директору школы, которым была его бывшая одноклассница Зинаида. Зинаида очень обрадовалась, так как она была со школьной скамьи

влюблена в Ивана и ждала его возвращения из армии. Но Ивану некогда было с ней долго разговаривать, он спешил встретиться с сестренками. Отпросив с уроков девочек, Иван пошел вместе с ними из школы домой. Сестрам было радостно и приятно идти из школы с красивым, высоким, стройным, в военной форме братом, живым вернувшимся со страшной войны.

Мать Ивана Мария Алексеевна была рада, что дождалась сыночка с фронта. Трудно придумать радость больше, чем эта. Теперь они заживут совсем хорошо, война-то закончилась. Она заколола корову и собрала всю родню – Скударновых, Нарышевых, Пушкаревых и шумно, весело отметили возвращение Ивана с войны и из армии.

Война и голод всегда между собой связаны, но мать отца Мария Алексеевна в годы войны жила с бабушкой отца Марией Капитоновной и дочкой Анной. Все годы она держала куриц и корову, заготавливать сено помогали Пушкаревы. Каждый год весной корова телилась, поэтому молоко и мясо были. Картошку садили рядом с домом, на Афонинской горе. Остатки молока, огородную зелень и бумагу – старые газеты и письма с фронта со стихотворениями старшего сына Михаила (из-за чего ни одного стихотворения дяди Миши не сохранилось) мать продавала солдатам с поездов на станции и на вырученные деньги покупала другие продукты. Хорошую помощь в конце 1944 года оказал ей ее сын – гвардии лейтенант И. Мухарев, прислав ей выигранные им в карты деньги, когда он лечился после ранения в госпитале. Бабушка Мария получив на почте деньги, сложила их в подол платья – сумку с собой она не взяла, и с целым подолом денег пришла домой. Осенью собирали урожай картофеля и других овощей.

Но наконец пришла победа, закончилась страшная кровопролитная война. Эшелоны с солдатами, которые тянули украшенные, как на свадьбу, локомотивы, стали прибывать на станцию Акчурла (Красный Камень). Крики и восторженные вопли под яростный перебор русских гармоний, немецких трофейных аккордеонов, музыка духового оркестра, встречающего поезда с победителями, – все смешивалось в единый радостный, восторженный гул и шум. Так встречали победителей в Киселевске. Из эшелонов выходили сильные, улыбающиеся, уверенные в себе победители фашистов – советские солдаты.

И наконец-то, спустя почти три года после войны, гвардии лейтенант И. Мухарев возвратился с войны к себе домой.

Рядом с гвардии лейтенантом И. Мухаревым за столом сидели бывшие фронтовики: старшина роты Иван Нарышев – муж Морьки и Елена Скударнова (дочь Петра, внучка Арсения), санитарка в медсанбате. Во время войны она забеременела, в связи с чем была отправлена в тыл, родила сына – Виктора Скударнова. После войны вышла замуж за Алексея Ракотю, имеет сына Константина, который в настоящее время проживает в городе Киселевске.

Иван Нарышев во время Великой Отечественной войны воевал против финнов, был на фронте с первых месяцев войны. Он рассказывал, что когда полк новобранцев, в который он был призван, привезли на фронт, их построили и приказали идти занимать боевые позиции в траншеях напротив финских позиций. Оружие при этом никому не выдали. Новобранцы оторопели и стали спрашивать, чем им воевать, почему не выдают оружие? Командир полка и нижестоящие офицеры ответили: оружие соберем на поле боя, мы идем в окопы вместе с вами. Полк строем прибыл на передовую и залег в траншеях напротив финских позиций. Повсюду лежали убитые солдаты. Вновь прибывшие солдаты собирали оружие ранее убитых бойцов. «Что было бы, если бы финны пошли в этот момент в атаку?» – подумал Иван.

В конце войны наши войска заняли норвежский город Киркенес. Офицерам нужны были местные деньги. Командир батальона вызвал старшину Ивана Нарышева:

– Старшина Нарышев, приказываю проявить смекалку и добыть норвежские деньги.

– Есть проявить смекалку и добыть норвежские деньги! – ответил старшина Иван Нарышев и, развернувшись кругом, вышел из квартиры командира батальона.

Для выполнения приказа он вызвал одного из бойцов, загрузил в вещмешок пачки русской махорки и хозяйственного мыла. Вместе они пошли по городу – по мелким лавочкам и магазинам, где стали предлагать купить у них табак и мыло. Норвежцам русский товар понравился. Иван с солдатом успешно продали табак и мыло. На обратном пути старшина Иван Нарышев с солдатом зашли в ресторанчик, заказали бутылку водки, два пива и закусить и стали ожидать выполнения заказа. Смотрят, в зал, где они сидели, выходят несколько официантов, сдвигают несколько столов вместе, застилают скатертями и начинают заставлять столы различными закусками.

Иван спросил у хозяина:

– Это для кого накрывают?

– Для вас, – отвечает хозяин ресторана.

– Но нас же всего двое, зачем столько столов и закусок?

– Как – двое, вы же заказали бутылку водки и два пива, правильно я вас понял?

– Правильно поняли, но зачем ваши официанты накрывают несколько столов и ставят много кушаний?

– Для вас.

– Для нас? – удивленно спросил Иван. – Мы столько не съедим.

– А что, вы вдвоем выпьете бутылку водки и два пива? У нас бутылку водки и два пива заказывают на целую компанию из 10 человек, и на весь вечер.

– Да выпьем, у нас, русских, это норма на двух человек. Вы не обманываете, говоря, что всего одну бутылку водки и два пива выпивает за целый вечер компания норвежцев из 10 человек?

– Не обманываю, надеюсь, что и вы не шутите.

– Не шучу, – ответил Иван.

Хозяин покачал головой и дал распоряжение убрать лишние столы и закуску. Был оставлен один стол. На него поставили бутылку водки, два пива и закуску на двоих человек. Иван с солдатом сели за стол и стали обедать. Хозяин и ресторанный прислуга вышли в зал и стали смотреть, как два русских мужика расправляются с бутылкой водки, пивом и закуской... После обеда Иван рассчитался с хозяином ресторана, и они с солдатом пошли в часть. Хозяин ресторана с прислужкой вышли вслед за ними и стали

наблюдать, не упадут ли русские на землю после такого количества спиртного. Не упали. Так старшина Иван Нарышев выполнил задание командира батальона.

С войны отец привез два трофея – стеклянную пепельницу из желтого толстого стекла и карманные швейцарские часы на цепочке со светящимся циферблатом. Отец, показывая часы, рассказывал родне, что один генерал предлагал обменять их на золотые ручные часы, но он не согласился.

Во время застолья Иван сообщил, что женился. Возвратившись в Калининград, отец забрал маму и повез молодую жену в невиданную для нее ранее Сибирь. По дороге заехали в Багримово, к матери моей мамы – Наталье Никифоровне Федоровой (Новожиловой), где отец познакомился с тещей и родней матери. Моя бабушка – мать мамы, узнав, что дочь уезжает жить в Сибирь, плакала и пыталась отговорить ее от поездки:

– Шура, куда ты собралась ехать, туда же на каторгу ссылают.

– Не плачь, мама, Сибирь не такая, как ты себе представляешь. Это ты в глуши живешь, а в современной Сибири все электрифицировано, там электровозы поезда возят, а у нас, по старинке, паровозы. Как устроимся с Ваней, так позовем тебя в гости, приедешь – все своими глазами увидишь.

Мама любила отца и не побоялась с ним ехать в далекую Сибирь. По дороге заехали в Ярославль и погостили у дяди Паши – брата отца. От Москвы до Новосибирска поездом добирались неделю, от Новосибирска до Киселевска – еще около полутора суток. Прибыли в Киселевск в святой праздник – Благовещение. Родня отца встретила маму очень доброжелательно, дядька Петруха Нарышев – отец Ивана Нарышева, тесть Мотьки, во время праздничного застолья в честь приезда молодых в родной дом на правах старшего предупредил отца:

– Смотри, Ваня, ты привез ее из центра России в Сибирь, родни у нее здесь нет кроме нас, заботься о ней, не обижай.

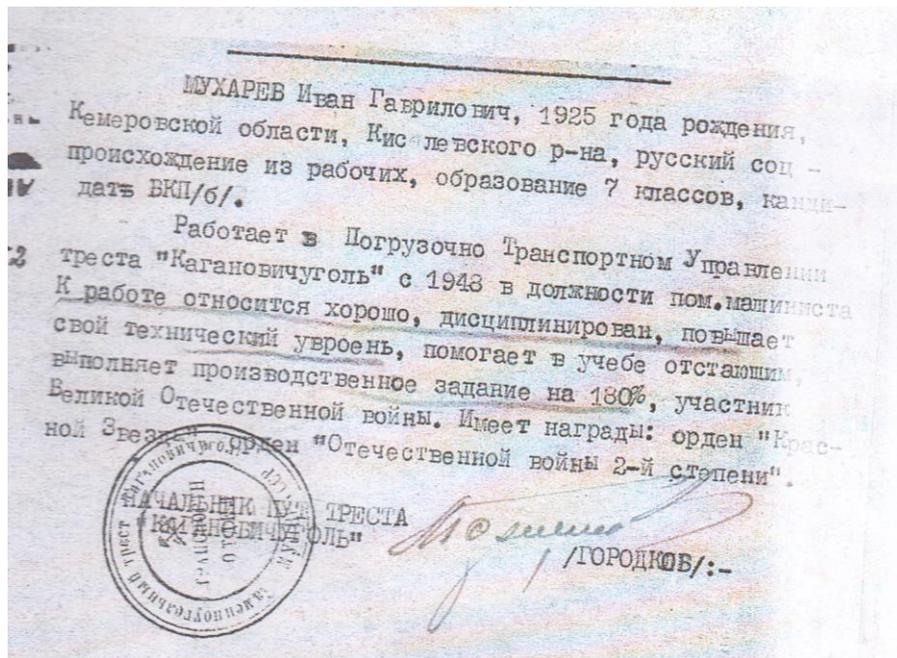
– Не волнуйся батька Петя, я ее люблю, будем жить хорошо, – заверил его отец.

Отец, стараясь воплотить свою мечту в жизнь, попытался устроиться на работу помощником машиниста электровоза в оборотное локомотивное депо на станции Прокопьевск, но его не приняли, сказав, что в таких кадрах не нуждаются. Отец написал письмо в управление железной дороге МПС СССР в городе Новосибирске, откуда также пришел ответ, что такие кадры Западно-Сибирскому управлению железной дороги МПС СССР не требуются. Поэтому отец решил обойти врага и взять его с тыла – устроился работать кочегаром паровоза в ПТУ «Каганович-уголь».

Работа была тяжелая, работали в три смены, то есть 12 часов работали, а 24 часа отдыхали, но за эти 12 часов надо было лопатой перекидать от 12 до 15 тонн угля. На каждой станции, которую проезжали, надо было делать по четыре вылазки за углем. С работы Иван приходил очень усталый. Спецовка была настолько грязной, что мама счищала с нее грязь, смешанную с мазутом, ножом.

В семье появились деньги, хотя и небольшие, поэтому в это же лето купили корову. Затем отец стал работать помощником машиниста паровоза и машинистом паровоза. На паровозе отец проработал пять лет.

Мечту отца – стать машинистом электровоза помог осуществить Дмитрий Андреевич Скударнов, двоюродный брат отца, работавший машинистом электровоза на станции Инская Новосибирской области, почетный железнодорожник МПС СССР. Он каждый год приезжал к родной своей тетушке Марии Капитоновне Мухаревой, и она делала ему кровопускание. Дмитрий Андреевич, как и все Скударновы, был смелым и решительным человеком, способным на поступок. Эти качества он подтвердил и во время выбора спутницы жизни.

Дмитрий был сыном Андрея Капитоновича Скударнова. Сначала он жил в семье отца в селе Черепаново, поэтому когда учился на машиниста электровоза в Новокузнецке, на выходные приезжал домой. Дмитрий любил ездить верхом на лошади в окрестностях Черепанова. Во время одной из таких конных прогулок Дмитрий увидел цыганский табор, а недалеко от табора, возле речки – двух сидящих и плачущих цыганок. Дмитрий спросил:

– Что случилось, почему вы плачете?

– Житья нам в таборе нет, муж постоянно избивает меня и дочь, – ответила старшая цыганка.

Обе оголили спины и показали побои. Дмитрий увидел на их телах большие кровоточащие полосы и кровоподтеки от бича. Дмитрий слез с коня и познакомился с ними. Старшую цыганку звали Ольга, а ее дочь – Екатерина. Катя очень понравилась Дмитрию, он влюбился в нее с первого взгляда и сразу решил, что женится на ней.

– Давай я украду тебя и женюсь на тебе, – сказал Дмитрий Кате.

– Сначала укради, а потом женись, – ответила Катя.

На том и порешили. На следующей неделе Дмитрий приехал в Черепаново и из табора похитил двух цыганок – старую и молодую. Сначала привез их в Киселевск на улицу Шахтовую, где жили несколько семей – Скударновы, Мухаревы, Нарышевы и Пушкарёвы, но, посоветовавшись с многочисленной родней, понял, что цыганок здесь быстро обнаружат, а поэтому перевез их подальше от греха на станцию Трудармейская Прокопьевского района, где его приняли на работу и выделили квартиру.

Через некоторое время в поселок Трудармейский на постоянное место жительства перебрались его родители – Андрей и Мария и брат Василий. Сестры же Наталья и Агафья еще до этого переехали в Киселевск на улицу Шахтовую, поближе к родне. Вот этот дядя отца, Василий, специально приехал со станции Инской Новосибирской области в город Прокопьевск и договорился о приеме отца в обратное локомотивное депо помощником машиниста электровоза. Это было в 1953 году, в котором я родился, а за год до этого в 1954 году умерла моя прабабушка, никогда не виданная, но любимая мной. В связи с устройством отца на работу в локомотивное депо станции Прокопьевск вся семья переехала в Прокопьевск, продав только, что построенный добротный большой дом в Киселевске и купив на эти деньги небольшой домишко в г. Прокопьевске, так как дома в Прокопьевске были намного дороже.

В 1955 году отец поехал учиться на 10 месяцев в школу машинистов электровоза в город Тайгу. Мама не работала, трое малолетних детей было на руках. Оставлять малышей одних, чтобы сходить за водой или хлебом, было страшно, но выручали молодые соседские девчонки – Алла Лобова и Алла Тарсукова, они ходили за хлебом, приносили воду, поливали огород. Денег на проживание у мамы было очень мало, но и эти деньги у нее выманили мошенники. Двое незнакомых мужчин предложили маме купить у них якобы выигрышную облигацию – они подделали номер ценной бумаги в газете и показали эту газету вместе с облигацией маме. Она поверила мошенникам и купила эту облигацию. Но когда пошла на почту за выигрышем, там проверили номер и сказали, что эта облигация ничего не выиграла. Отец, узнав про обман, очень рассердился и ругал маму за то, что она поверила мошенникам и отдала им последние деньги. По окончании курсов машинистов электровоза отец возвратился в Прокопьевск. Проработав всего три месяца помощником машиниста, стал работать машинистом электровоза. Жить стало легче, у машинистов электровоза заработная плата была хорошая. Когда Тоня и Люда пошли учиться в школу № 8, то мама подружилась с их учительницами Валерией Генриховной и Антониной Васильевной Веселковой. Валерия Генриховна была завучем начальных классов, и она помогла маме устроиться на работу в школу – сначала секретарем (это был 1960 год), а затем, когда в школе ввели уроки домоводства, – учителем домоводства. Мама была готовым учителем

домоводства, она все умела делать: готовить разнообразные первые и вторые блюда, печь и жарить пирожки, расстегаи и булочки, а также печь настоящие торты. К тому же мама была хорошей швеей. Большого достатка в семье не было, поэтому мама покупала различные ткани и шила сестрам красивые платья, которые ничем не отличались от магазинных. Мне с папой шила также различные рубашки, шаровары и нижнее белье. Умела чинить утюги и швейные машины. Но для работы преподавателем домоводства в школе одного умения было мало, поэтому маме пришлось поступить в училище, которое она закончила с отличием

Хотя мама проработала в школе недолго, чуть более 10 лет, в школе она пользовалась заслуженным авторитетом и была награждена медалью «К столетию со дня рождения В. И. Ленина».

Господь, видя, что материально семья живет небогато, сделал семье подарок: На ту облигацию, которую в 1955 году продали маме мошенники, выпал крупный выигрыш – пять тысяч рублей. В то время на пять тысяч рублей можно было купить автомобиль «Москвич», но родители решили потратить эти деньги на домашнее хозяйство и хорошую верхнюю одежду – шубы и пальто для всех членов семьи, включая и сестру отца, нашу любимую тетуску Анну.

Отец очень любил свою работу, ценил ее и дорожил ею. О ней он мечтал с детства, добился исполнения своей мечты, пройдя путь от очень тяжелой работы кочегара паровоза до машиниста электровоза.

Отец был очень авторитетным человеком в своем коллективе. К нему и рабочие, и руководство депо обращались не иначе, как только по имени-отчеству – Иван Гаврилович. Помощники машинистов электровозов любили с ним работать, потому что он передавал им свои знания и опыт по управлению локомотивами и проведению тяжелых составов на тяжелом профиле участков железной дороге от станции Прокопьевск до станции Белово. С некоторыми же машинистами помощники даже наотрез отказывались работать, так как они предъявляли к своим младшим товарищам излишние требования, а проще говоря, изгалялись над помощниками. Отцу доверяли водить эстафетные поезда в честь различных знаменательных дат или событий в СССР и в нашей области. Это доверие было проявлением особого почета к локомотивным бригадам. Электровозы украшали соответственно случаю, локомотивная бригада также была в парадной форме.

Самым святым праздником для отца был День Победы. Этот праздник отмечали ежегодно все фронтовики, работающие на станции Прокопьевск. Папа ходил на этот праздник всегда с мамой.

В настоящее время много говорят о воспитании детей родителями и особенно учителями в школе. Я лично не помню, чтобы родители специально садились и разговаривали со мной или с сестрами о том, что делать можно, а что нельзя, и как вести себя в той или иной обстановке. Такие беседы, конечно, были, но по горячим следам, после совершения мной или моим друзьями какого-нибудь неблагоприятного поступка. Я уже писал, что никогда не обижал слабых и малых и старался их защитить. Но как-то раз я со своим другом Сергеем Губановым и еще с кем-то шли по коридору школы. Перед нами шли младшие школьники, среди которых выделялся своим крупным телосложением Вася, будущий мастер международного класса по борьбе и помощник президента В.В. Путина – сын учительницы русского языка Галины Петровны Несветайловой. У Губана, так звали Серегу Губанова в школе и на Нижней Голубевке, была дурная привычка: когда впереди него шел кто-нибудь из пацанов, не только младше его, но и его ровесник, Серега мог пнуть его по копчику. И в этом случае Губан не удержался и больно пнул Васю. Вася оглянулся и увидел меня рядом с Губаном.

Об этом случае Вася рассказал своей матери, а та рассказала моей. Мать поделилась с отцом, и у меня с ними состоялся неловкий разговор. Я был вроде бы и ни при чем, но до настоящего времени чувствую себя виноватым.

Всю свою жизнь отец посвятил нам, детям. Он много работал, чтобы мы были сыты, обуты и одеты. Время было сложное, но благодаря отцу в нашей семье всегда был материальный достаток. Работа у него была настоящая, мужская и сложная и требовала полной самоотдачи. Поэтому

всегда все мысли его были о работе. К каждой смене он готовился – перед сменой обязательно спал, чтобы на работу идти отдохнувшим, полным сил, чтобы обеспечить безопасность движения на железнодорожном транспорте.

Отец был веселым: любил и умел пошутить и старался, чтобы мы чаще улыбались и были веселы, и делал для этого все, когда предоставлялась малейшая возможность. Не знаю, сколько мне было лет, может быть, четыре или пять, а может, и шесть лет, но не более. Я ранним летним утром вышел на улицу и просто стоял. Отец в это время возвращался с работы, по дороге домой он купил арбуз. Увидев, что я стою на улице спиной к нему, он спрятался за угол – у нас дом стоял на углу двух улиц – и катнул из-за угла арбуз ко мне, тихонечко свистнув, чтобы я обернулся. Я оглянулся и вижу: к моим ногам катится арбуз. Я заулыбался и присел. Поднять арбуз я, естественно, не мог, так он был большим и тяжелым. Немного погодя папа вышел из-за угла, поднял меня и арбуз и занес в ограду дома. Каждого из нас отец научил ездить на велосипеде, играть в шахматы и плавать. Мы в Прокопьевске жили далеко от Дворца спорта с плавательным бассейном, но отец записал и меня, и моих сестер в секцию плавания, когда мы учились в младших классах. Мы по очереди, не все сразу, так как время тренировок было у всех разным, шли пешком до трамвайной остановки километра три или четыре, а потом до Дворца спорта доезжали на трамвае. Родители приучали нас и работать в огороде. Во всех работах – перекопке земли, прополке грядок и картофельного поля от сорняков, окучивании картофеля, поливке огорода и набирании воды в бочки (воду надо было наносить в бочки, стоящие в огороде, из колонки, находящейся в 300 метрах от дома), сборе урожая мы, дети, принимали участие. Я с папой летом и осенью ходил в лес по грибы и ягоды. Обычно мы уезжали на электропоезде или в кабине электровоза с коллегами отца по локомотивному депо в лес возле станции Артышта-2. Один из таких походов запомнился мне на всю жизнь. Мы собирали грибы и в одном месте проходили по каменистой почве. Папа близко подошел, а может быть, наступил на пузатую гадюку, которая стала вставать в стойку на хвост и кидаться отцу на ноги, но он не испугался, а затоптал ее своими кирзовыми сапогами. Голову гадюки папа забил в землю осиновым колом, сделанным на месте схватки с ней, и сказал: «Кто гадюку убьет, то с того Господь Бог 40 грехов спишет». Воспитывали он нас своим примером и поведением в обществе и дома. Конечно, разговоры о поведении и об отношении к сверстникам, старшим товарищам, к взрослым людям, учителям, руководителям были, но не целенаправленно, а в ходе общения за столом, просмотра и обсуждения поведения героев фильмов и книг, в ходе

совместного выполнения какой либо работы по дому, в огороде или в поле, во время отдыха или празднования семейных или советских праздников. С детства я знаю, что с уважением надо относиться к старшим, учителям, врачам, сотрудникам правоохранительных органов и руководителям тех структур и подразделений, где я работаю. С детства уверен, что любой человек должен держать данное им слово и быть дисциплинированным. С детства я усвоил, что если в доме гость, то я должен быть гостеприимным и угостить его самым лучшим, что есть в доме. Солдатскую заповедь «Сам погибай, а товарища выручай» я знаю по рассказам отца о войне, которые я любил очень слушать. Я был любознательным и часто просил отца рассказать о боевых эпизодах, в которых он участвовал. Все 12 заповедей божьих я знаю и выполняю, не потому, что я прочитал их в Библии, а на практике видел, как их соблюдают мои родители. Родители мои не были набожными, церковь посещали редко, но в Господа Бога Иисуса Христа верили. Все дети в семье были крещеными и светлый праздник Воскресения Христова отмечали, как и вся страна, дома. В период безбожия население страны другие святые праздники, даже такой, как Рождество, практически не отмечали. Однако мама готовила праздничный обед: варила холодец, красила яйца, стряпала булочки, расстегаи, куличи. Я любил смотреть, как мама готовит кушанья на Пасху: первая булочка и пирожок, испеченные на Пасху, доставались мне с пылу с жару, сразу из духовки. Нравилось мне участвовать и в приготовлении холодца. Когда мама в деревянном корытце рубила мясо, то какая-то часть мяса, которое должно было быть положено в холодец, доставалась также мне. Когда я просыпался в праздничный день светлой Пасхи, возле кровати на табуретке стояла тарелка, а в ней – крашеные яйца и пышные булочки.

Отец был принят в ряды ВКП(б) в годы Великой Отечественной войны в январе 1945 года, открытая религиозность имела бы для него плачевные последствия – его могли за это исключить из партии и уволить с работы. Отец мог выйти на пенсию в 55 лет, но после этого проработал еще десять лет. Несмотря на то, что его прадед, дед и отец были незаконно репрессированы, на прожитую жизнь он не жаловался, считал, что живет хорошо: имеет хорошую квартиру, хорошую обстановку в квартире и очень хорошую пенсию, самоотверженно любил Родину – и в виде великой Российской империи, и в виде великого Советского Союза. Когда к власти пришел М. С. Горбачев, то отец в самом начале его деятельности, послушав его речи, сказал, что к власти пришел враг Советского Союза, и слова его оказались пророческими. Генеральный секретарь КПСС СССР уничтожил КПСС и великую нашу державу – СССР. Иван Гаврилович Мухарев прожил

на этом свете, на нашей прекрасной земле недолго – ушел в мир иной в 67 лет, 17 ноября 1992 года. Мама покинула этот мир в возрасте 81 года 20 июня 2003 года. Образ мамы у меня в сознании непременно связывается с любовью и заботой. Мама каждый день была рядом с нами и всегда уделяла нам много внимания.

За добросовестный и достойный труд мама награждена пятью медалями. Но у мамы есть медаль, которая ценна для любой женщины - "За достойное воспитание детей"

Власовы

Родители моей жены Ларисы Сергеевны Мухаревой – Сергей Сергеевич Власов, 7 марта 1922 года рождения, и Татьяна Михайловна Власова (в девичестве Осипова), 29 июля 1922 года рождения по документам, а фактически – 25 января 1921 года рождения (Татьянин день) – были участниками Великой Отечественной войны. Отец Сергея Сергеевича был военным, а мать Сергея Сергеевича Александра Ионовна была отпрыском купцов Капрановых из села Большое Село Ярославской области», имевших два продуктовых магазина в Санкт - Петербурге и построивших в Большом селе церковь и церковноприходскую школу.

Сергей Сергеевич был артиллеристом в составе танковой армии маршала Павла Семеновича Рыбалко в звании старшины, а Татьяна Михайловна была зенитчицей в звании ефрейтора.

Сергей Сергеевич еще до войны был призван в армию и прошел всю Великую Отечественную начиная с первых дней, был дважды ранен: в первый раз – при обороне Киева осколком авиационной бомбы или артиллерийского снаряда, а во второй – 20 июля 1944 года – получил сквозное пулевое ранение мягких тканей правой височной области.

Ф. № 14

Выдается один раз, пользоваться копиями

СПРАВКА

ВОЕННО-МЕДИЦИНСКИЙ МУЗЕЙ
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РФ

А Р Х И В

ВОЕННО-МЕДИЦИНСКИХ
ДОКУМЕНТОВ

30 6 отдел
МАЯ 1994 г.
№ 6751/2185

191180, С.-Петербург, Д-180
Лазаретный пер., 2

старшина роты 69 мбр./так в док./
(должность) (войсковая часть)

старшина
(звание)

ВЛАСОВ Сергей Сергеевич, 1922 г.р.
(фамилия, имя, отчество, год рождения)

На фронте Великой Отечественной войны получил
20 июля 1944 г. сквозное пулевое
ранение мягких тканей правой височной
(указать подробный диагноз ранения)

по поводу чего находился на излечении в 56 МСБ с 20.УП.44 г.
(указать предыдущие этапы с момента ранения)

а с 23 июля 1944 г. в ГЛР 3424
(перечислить №№ лечебных учреждений)

из которого выбыл 1 августа 1944 г. в часть
(указать куда)

Воевал храбро, о чем свидетельствуют его наградные листы.

[◀ К предыдущему результату поиска \(\)](#)

[▶ К следующему результату поиска \(\)](#)

Власов Сергей Сергеевич 03.1922г.р.

Звание: старшина

в РККА с 05.1941 года Место призыва: Большесельский РВК, Ярославская обл., Большесельский р-н

№ записи: 42304213

Архивные документы о данном награждении:

I. Приказ(указ) о награждении и сопроводительные документы к нему

- первая страница приказ или указа ()
- строка в наградном списке ()
- наградной лист ()

II. Учетная картотека

- данные в учетной картотеке ()

Орден Красной Звезды

Подвиг:

Старшина ВЛАСОВ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ находится в дивизионе со дня его формирования. Является активным участником борьбы по форсированию р. ДНЕПР и удержанию Букринского плацдарма. Участник боев по освобождению Киева, Литомира и Проскурова. В бою за г. Львов был ранен, но из дивизиона не ушел. За время пребывания в дивизионе Власов вытос от наводчика до старшины батареи. В бою Власов смел, мужествен и инициативен. Так в бою за с. Дзюб-Лики 19.7.44 года, когда был ранен и вышел из строя наводчик орудия 2-й батареи, Власов сменил его и продолжал отражать контратаки танков и пехоты противника. В этом бою им было уничтожено один бронетранспортер и до 20 немецких солдат и офицеров.

Старшина Власов принимает немало участия в период формирования и скалывания батареи. Батарея где старшиной Власов является одной из лучших в дивизионе по боевой подготовке и по дисциплине.

За мужество и отвагу проявленное в бою, за инициативу, отличные и добросовестные работы в период формирования подразделения, старшина ВЛАСОВ

25.03.2015

Поиск людей и награждения

К следующему результату поиска [▶ \(\)](#)

Власов Сергей Сергеевич 1922г.р.

Звание: ст. сержант

в РККА с 05.1941 года Место призыва: Большесельский РВК, Ярославская обл.,
Большесельский р-н

№ записи: 32464115

Архивные документы о данном награждении:

I. Приказ(указ) о награждении и сопроводительные документы к нему

- первая страница приказ или указа ()
- строка в наградном списке ()
- наградной лист ()

II. Учетная картотека

- данные в учетной картотеке ()

Орден Красной Звезды

Подвиг:

За период боевых действий старший сержант Власов показал себя как смелый энергичный командир. В бою в с. Бураки 7.1.44 старшина доставил сапёр на огневую позицию в это время батареи вели огонь по контр-атакующим вражеским танкам, с одной из них был ранен наводчик 1-го орудия, старшина батареи Власов заменил его и лично уничтожил 1 бронетранспортер, и 2 вражеских пулемета.

За боевые подвиги награжден во время войны двумя орденами Красной звезды, медалями «За отвагу», «За освобождение Праги», «За взятие Берлина», «За победу над Германией», а после войны – многими юбилейными медалями и орденом Отечественной войны II степени.

Демобилизовался из армии в 1947 году.

После войны Сергей Сергеевич успешно окончил строительный техникум и работал по специальности.

Татьяна Михайловна также воевала храбро и за участие в Великой Отечественной войне награждена медалью «За победу над Германией», многими юбилейными медалями и орденом Отечественной войны I степени.

Демобилизовалась из армии в 1945 году инвалидом первой группы.

Татьяна Михайловна окончила двухгодичную Горьковскую юридическую школу и работала судьей в Ярославской области. Законы после войны были суровыми, уголовная ответственность регулировалась не только УК РСФСР, но и тремя Указами Президиума Верховного Совета СССР: «Об усилении ответственности за хищение государственного и общественного имущества», «Об ответственности за хищение личной собственности», «Об уголовной ответственности за изнасилование». Ответственность по Указу за хищение государственного и общественного имущества была особо строгой. Так, например, за кражу ящиков из-под продуктов в магазине, которые считалась госимуществом, можно было получить наказание до двадцати пяти лет лишения свободы. Поэтому долго работать судьей Татьяна Михайловна не смогла и впоследствии стала нотариусом. Татьяна Михайловна была очень терпеливой женщиной и могла мужественно перенести любую боль. Пример она брала с наших героев-молодогвардейцев, которых зверски убили в Краснодаре фашисты, и с Зои Космодемьянской – партизанки и комсомолки, замученной и повешенной фашистами. Когда она лежала в роддоме перед рождением ребенка, то слышала вокруг себя разговоры: в роддоме вместе со всеми будет рожать судья. Ей было неудобно проявить себя обычной слабой женщиной, поэтому она собрала всю волю в кулак и ни разу не вскрикнула при мучениях во время родов. Врачи были удивлены ее самообладанием и терпением.

– Вы героическая женщина! – говорил врач-гинеколог, принимавший у мамы роды.

Этот врач ни разу в жизни, несмотря на большой практический опыт работы, ни до этих родов, ни после не встречал такой терпеливой роженицы.

Татьяна Михайловна была активным членом КПСС.

Ужас Ленинградской блокады перенесли: родная тетья Сергея Сергеевича Капранова Анна Ионовна и его родная сестра Власова Елена Сергеевна.

Вот такими героическими были наши предки, несмотря на преступления со стороны власти в период становления советского государства. Они любили свою страну, защищали, проливая кровь и сознательно отдавая жизнь за нее, а в тылу так же самоотверженно, как и на фронте, не жалея сил и здоровья, помогали ковать победу над злейшим врагом человечества – фашистской Германией. В мирное время восстанавливали разрушенный Советский Союз, поднимали народное хозяйство, старались сделать наше детство безоблачным и счастливым!

Семья наша чтит память всех солдат воевавших и погибших в годы Великой Отечественной Войны и каждый год я с женой, детьми и внуками участвуем в параде Бессмертного полка, проводимом в городе Кемерово.

Фото из прошлого

Человеческая память непрочна, все может забыться, выветриться или напрочь стереться в ней, и тогда у человека нет прошлого. А ведь жизнь предков важна для людей, она должна являться образцом для потомков, чтобы они правильно ориентировались в любой ситуации, которая встретится на их жизненном пути. Если человек жил правильно, то он оставляет след на земле. На память о прадеде Михаиле Ануфриевиче и прабабушке Марии Капитоновне Мухаревых у нас в семейном архиве осталась одна фотография, про которую я говорил выше. Я бы назвал ее корнем генеалогического древа нашей семьи. Других фотографий у нас не имеется, может, потому, что в то далекое время редко фотографировались, а может, из-за того, что другие снимки были утеряны в связи с трагическими потрясениями, произошедшими с нашей семьей в 1929–1930 годах.

На фотографии изображен свежий, крепкий, уверенный в себе человек с волевым лицом и выправкой военного, одетый в опрятную и красивую одежду: в модные по тем временам среди крестьян кожаные штаны, в которые аккуратно заправлена шелковая рубаша с длинным рукавом, на ногах – начищенные до блеска хромовые сапоги. Прабабушка, очаровательная молодая женщина, – в принятом по тем временам у состоятельных крестьянок и купчих платье. На фотографии видно, что одежда у обоих праздничная, новая, но привычная, потому что чувствуют они себя в ней свободно. Фотография сделана в конце 19 века, в манере, характерной для того времени.

Однако снимок, к сожалению, полностью не передает состояния души и огромной человеческой энергии, исходящей от Михаила Ануфриевича и Марии Капитоновны. Но даже если бы и не было этой фотографии и тех материальных следов – дома, колодца, вещей, сделанных его руками, Михаил Ануфриевич не потерялся бы. Ведь он оставил свой след и в нашем внешнем облике, и в наших душах. Мы, его потомки, и есть его след. Мы помним наших предков. Мы – это они, только в наше время. Наша основа – общая. В каждом из нас есть что-то от отца, деда, прадеда и от предыдущих наших предков. Каждый из нас – это продолжение предков наших. От Мухарева Михаила Ануфриевича, от этого корня, произошел мой дед Гаврила Михайлович, мой отец Иван Гаврилович, я – Алексей Иванович, мой сын Иван Алексеевич, моя дочь Татьяна Алексеевна и наши внуки. Самое главное – даже не внешнее сходство, а сходство внутреннее – в душевном устройстве, в отношении к жизни и окружающим людям.

В жизни я прадедушку и прабабушку не знал, открыл их для себя только сейчас, когда писал эту повесть. А открыв, полюбил. В жизни они были честными, чистыми, добрыми, жили по совести и по справедливости. Когда я описывал их жизнь, иногда у меня на глаза даже наворачивались слезы – душа была возмущена беззаконием и несправедливостью властей по отношению к ним. Мне до настоящего времени непонятно, зачем власть уничтожала честных тружеников и, практически не разбираясь, навешивала на них клеймо «кулака». Последние годы своей жизни прадед прожил как на канате над пропастью, по которому возвращался к семье из застенков Нарыма. Он мог сорваться и упасть в любое мгновение, но не сорвался и перешел эту пропасть, как бы сказав: «Врете, подлецы, я выжил и вернулся». Но узнав о страшном зле, совершенном в отношении его отца и сына, не выдержал и ушел к ним – в мир иной.

Для меня и моих детей мои предки, о которых я знаю по рассказам отца и теток, – Кирилл, Петр, Афанасий, Ануфрий, Михаил, Гаврила, являются легендами и гордостью нашей семьи. И мы обязаны следовать их примеру: жить честно и справедливо вопреки подлости и ловкости подлецов всех мастей. В обычной жизни в тяжелой ситуации потомки живут и поступают так же, как и их предки. В моем понимании продолжение рода наших предков – это наша жизнь, то, как мы живем, как работаем, как ведем себя в повседневности. Все это происходит благодаря тем, от кого мы произошли, тем, кто нас породил и ушел от нас. Закон нашей семьи – быть вместе и в радости, и в горести, делить радость и горе пополам! В память о наших предках мы должны создавать семьи, рожать детей, ставить их на ноги, помогать воспитывать наших внуков и правнуков, чтобы они продолжали нести в себе нашу жизнь и жизнь наших предков. При этом мы должны совершенствоваться, завтра должны быть лучше, чем вчера, соответствовать времени, в котором мы живем сегодня. Для этого Господь создал мужчину и женщину и только семья из мужчины и женщины называется человеческой семьей, поскольку создали ее люди. Мужчина грубеет без женской ласки, поэтому он не должен жить один. В семье нельзя обижать друг друга, а если обидели, то умеете просить прощения, пытайтесь загладить свою вину, не сидите и не ждите, что обида сама забудется, – немедленно поднимайтесь и бегите за человеком, которому сделали больно. Почему я в этой книге большую часть времени уделил внимание жизни прадеда? Да потому, что большего внимания заслуживают те, кому особенно плохо. Не знаю, удалось ли мне описать сложную, полную драматизма, настоящих тревог, несбывшихся надежд и ожиданий, глубоких разочарований судьбу наших предков, но я старался.

Жизнь прадеда была трудна и сложна и фактически состояла из работы, что было его естественным, ежедневным состоянием. Без работы я его себе не представляю. Прадед был святой и праведный, молча терпел все тяжкие беды, обрушившиеся на него, жил по совести и справедливости, обман и лукавство считал презренным делом и грехом. Людей мерил по себе и считал, что, если все будут жить по совести, то жизнь будет справедливой. Его можно охарактеризовать коротко – нравственный человек труда. В работе его выразался его духовный образ, потому что работал он не покладая рук весь световой день с весны до осени. В последние годы своей жизни прадеду пришлось многое пережить. Когда я вспоминаю о прадедушке и прабабушке – о Михаиле Ануфриевиче и о Марии Капитоновне, я думаю о жизни вообще и о том, как красиво они прожили отмеренную им Господом Богом жизнь, какими они были стойкими и красивыми в жизни, как все перенесли и пережили вместе – рука об руку – в печали и радости, в горе и трудностях. Мысленно я себе их представляю и улыбаюсь им, а они улыбаются всем нам, их потомкам, и через поколения говорят: «Живите дружно и счастливо. Помогайте друг другу, будьте, как и мы, неразлучно вместе и в радости, и в трудностях, которые встретятся вам в жизни!» И я от имени всех потомков, которые следуют за мной, отвечаю: «Любимые Михаил Ануфриевич и Мария Капитоновна, будем стараться жить, как вы!»

Я желаю, чтобы потомки, читая эту книгу, набирались жизненной энергии и сил от наших предков, чтобы преодолевали все трудности, как наши предки, которые восставали из пепла подобно Фениксу и дали нам жизнь для продолжения нашего рода.

Я не старался написать разоблачительную книгу о преступном поведении советской власти в отношении трудового крестьянства. Многие в настоящее время воображают слишком идеалистическую картину жизни в СССР, хотя это было настоящее, уважаемое во всем мире государство, которым советские люди, в том числе я и мой отец, гордились. Многие было декларировано в Конституции страны, но эти декларированные права в реальной жизни осуществлялись в отношении лишь части населения – больших начальников и руководителей КПСС и ВЛКСМ. Прошло много времени после тех событий, которые произошли с нашими предками, я, как мог, рассказал вам о них. Надеюсь, они будут для вас интересны и даже поучительны. Предки своей жизнью дали нам урок: какой бы произвол ни творили власть имущие, мы должны быть верными своей Родине – РОССИИ!

Все истории и факты, изложенные в этой главе, написаны со слов моих родителей, записанных на аудиокассеты, Марии Капитоновны, ее дочери Морьки – Марии Михайловны Нарышевой, жившей вместе с родителями Михаилом Ануфриевичем и Марией Капитоновной Мухаревыми в Нарыме, и переданы мне ее внучками – Анной Гавриловной Власовой и Зоей Ивановной Жабских – дочерью Морьки.